

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

Демографическое обозрение

электронный
научный журнал

Том 2, № 3, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Аналитика

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

ДЕНЕЖНЫХ ПЕРЕВОДОВ МИГРАНТОВ В РОССИИ И В МИРЕ

МИХАИЛ ДЕНИСЕНКО, ВЛАДИМИР КОЗЛОВ, АСИЯ ФАТТАХОВА

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ПОЛИТИКИ МАТЕРИНСКОГО КАПИТАЛА В РОССИИ
(ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО)

ФАБИАН СЛОНИМЧИК, АННА ЮРКО

РОЛЬ МЕЖСЕМЕЙНОГО ОБМЕНА В СИСТЕМЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ
И УХОДА ЗА ПОЖИЛЫМИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ЛИДИЯ ПРОКОФЬЕВА, АННА МИРОНОВА

Историческая демография

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В 1920-Е ГОДЫ
(ИЗ ИСТОРИИ МИГРАЦИИ В РОССИИ)

ВАЛЕНТИНА МОИСЕЕНКО

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ПОТЕРЬ НАСЕЛЕНИЯ
В ГОДЫ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

СЕРГЕЙ МАКСУДОВ

Дискуссии

КАК ПРЕОДОЛЕТЬ ОТСТАВАНИЕ РОССИИ ПО ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ?

КРУГЛЫЙ СТОЛ ИНСТИТУТА ДЕМОГРАФИИ И РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

«ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Новое в зарубежных журналах

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДАЙДЖЕСТ

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ • DEMOGRAPHIC REVIEW

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Е.М. АНДРЕЕВ
А. БЛЮМ (Франция)
А.Г. ВИШНЕВСКИЙ
М.Б. ДЕНИСЕНКО
В.В. ЕЛИЗАРОВ
С.В. ЗАХАРОВ
С.Ф. ИВАНОВ
А.Е. ИВАНОВА

М.А. КЛУПТ
Н.В. МКРТЧЯН
Л.Н. ОВЧАРОВА
А.И. ПЬЯНКОВА
С.Ю. РОЩИН
С.А. ТИМОНИН
А.И. ТРЕЙВИШ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Б. АНДЕРСОН (США)
И.И. ЕЛИСЕЕВА
Н.В. ЗУБАРЕВИЧ
Э.М. ЛИБАНОВА (Украина)
Т.М. МАКСИМОВА
Ф. МЕЛЕ (Франция)
С.Ю. НИКИТИНА
В. СТАНКУНЕНЕ (Литва)
В.М. ШКОЛЬНИКОВ (Германия)

О.Е. ГАГАУЗ (Молдавия)
Ж.А. ЗАЙОНЧКОВСКАЯ
В.А. ИОНЦЕВ
М. ЛИВИ БАЧЧИ (Италия)
Т.М. МАЛЕВА
Б.Н. МИРОНОВ
З. ПАВЛИК (Чешская Республика)
М. ТОЛЬЦ (Израиль)
С.Я. ЩЕРБОВ (Австрия)

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор – Анатолий Григорьевич ВИШНЕВСКИЙ
Заместитель главного редактора – Сергей Андреевич ТИМОНИН
Ответственный секретарь редакции – Анастасия Ивановна ПЬЯНКОВА
Корректор - Наталия Станиславовна ЖУЛЕВА
Компьютерная вёрстка и графика – Кирилл Владимирович РЕШЕТНИКОВ

*Журнал зарегистрирован 28 июля 2014 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-58868.*

ISSN 2409-2274

Адрес редакции:

109028 Россия, г. Москва, Большой Трёхсвятительский пер., дом 3, офис 303
Телефон: 8-495-772-95-90*11864 / *11824
www.demreview.hse.ru
E-mail: demreview@hse.ru

Выпускается ежеквартально. Издается с 2014 года.

**Все рукописи проходят обязательное предварительное рецензирование.
Позиция Редакции не обязательно совпадает с мнением авторов.
Перепечатка материалов возможна только по согласованию с Редакцией.**

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ • DEMOGRAPHIC REVIEW

EDITORIAL BOARD:

E. ANDREEV
A. BLUM (France)
A. VISHNEVSKY
M. DENISSENKO
V. ELIZAROV
S. ZAKHAROV
S. IVANOV
A. IVANOVA

M. KLUPT
N. MKRTCHYAN
L. OVCHAROVA
A. PYANKOVA
S. ROSCHIN
S. TIMONIN
A. TREIVISCH

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

B. ANDERSON (USA)
I. ELISEEVA
N. ZUBAREVICH
E. LIBANOVA (Ukraine)
T. MAKSIMOVA
F. MESLE (France)
S. NIKITINA
V. STANKUNIENE (Lithuania)
V. SHKOLNIKOV (Germany)

O. GAGAUZ (Moldova)
Z. ZAYONCHKOVSKAYA
V. IONTSEV
M. LIVI BACCI (Italy)
T. MALEVA
B. MIRONOV
Z. PAVLIK (Czech Republic)
M. TOLTS (Israel)
S. SCHERBOV (Austria)

EDITORIAL OFFICE:

Editor-in-Chief - Anatoly G. VISHNEVSKY
Deputy Editor-in-Chief - Sergey A. TIMONIN
Managing Editor – Anastasia I. PYANKOVA
Proofreader - Natalia S. ZHULEVA
Design and Making-up - Kirill V. RESHETNIKOV

*The journal is registered on July 27, 2014 in the federal service for supervision of communications, information technology, and mass media.
Certificate of mass media registration № FS 77-58868.*

ISSN 2409-2274

Editorial address:

Bolshoy Trekhsvyatitelskiy lane 3, office 303, Moscow, 109028, Russia
Phone: 8-495-772-95-90 * 11864 / *11824
www.demreview.hse.ru
E-mail: demreview@hse.ru

Released quarterly. Published since 2014.

All manuscripts are obligatory peer-reviewed.
Editorial office position does not necessarily coincide with the views of the authors.
Reproduction of any materials is possible only by agreement with the editorial office.

СОДЕРЖАНИЕ
Сентябрь 2015, Т.2, №3

Аналитика

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ДЕНЕЖНЫХ ПЕРЕВОДОВ МИГРАНТОВ В РОССИИ И В МИРЕ	5-29
<i>МИХАИЛ ДЕНИСЕНКО, ВЛАДИМИР КОЗЛОВ, АСИЯ ФАТТАХОВА</i>	

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ПОЛИТИКИ МАТЕРИНСКОГО КАПИТАЛА В РОССИИ	30-68
<i>ФАБИАН СЛОНИМЧИК, АННА ЮРКО</i>	

РОЛЬ МЕЖСЕМЕЙНОГО ОБМЕНА В СИСТЕМЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ И УХОДА ЗА ПОЖИЛЫМИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	69-86
<i>ЛИДИЯ ПРОКОФЬЕВА, АННА МИРОНОВА</i>	

Историческая демография

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В 1920-Е ГОДЫ (ИЗ ИСТОРИИ МИГРАЦИИ В РОССИИ)	87-141
<i>ВАЛЕНТИНА МОИСЕЕНКО</i>	

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ПОТЕРЬ НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ	142-153
<i>СЕРГЕЙ МАКСУДОВ</i>	

Дискуссии

КАК ПРЕОДОЛЕТЬ ОТСТАВАНИЕ РОССИИ ПО ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ?	154-201
<i>Круглый стол Института демографии и редакции журнала «Демографическое обозрение»</i>	

Новое в зарубежных журналах

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДАЙДЖЕСТ	202-224
---------------------------------------	----------------

CONTENTS
September 2015, 2(3)

Analytics

RECENT TRENDS IN REMITTANCES: RUSSIA AND THE WORLD	5-29
<i>MIKHAIL DENISENKO, VLADIMIR A. KOZLOV, ASIA FATTAKHOVA</i>	

ASSESSING THE IMPACT OF THE MATERNITY CAPITAL POLICY IN RUSSIA	30-68
<i>FABIÁN SLONIMCZYK, ANNA YURKO</i>	

THE ROLE OF INTERFAMILY EXCHANGE IN THE SYSTEM OF MATERIAL SUPPORT AND CARE FOR THE ELDERLY IN MODERN RUSSIA	69-86
<i>LIDIA PROKOFIEVA, ANNA MIRONOVA</i>	

Historical demography

PEASANT RESETTLEMENT IN THE 1920s (FROM THE HISTORY OF MIGRATION IN RUSSIA)	87-141
<i>VALENTINA MOISSEENKO</i>	

SOME PROBLEMS OF ASSESSING POPULATION LOSSES DURING COLLECTIVIZATION	142-153
<i>SERGEI MAKSUDOV</i>	

Discussion

HOW TO OVERCOME RUSSIA'S LAG IN LIFE EXPECTANCY?	154-201
<i>ROUND TABLE OF THE EDITORIAL BOARD OF "DEMOGRAPHIC REVIEW" AND THE HSE INSTITUTE OF DEMOGRAPHY</i>	

NEW IN FOREIGN JOURNALS

DEMOGRAPHIC DIGEST	202-224
---------------------------------	----------------

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ДЕНЕЖНЫХ ПЕРЕВОДОВ МИГРАНТОВ В РОССИИ И В МИРЕ *

МИХАИЛ ДЕНИСЕНКО, ВЛАДИМИР КОЗЛОВ, АСИЯ ФАТТАХОВА

В статье описаны глобальные тенденции денежных переводов, факторы, влияющие на них. Авторы рассматривают происходившие за последнее время изменения среди стран-лидеров в области передачи и получения денежных переводов и анализируют причины данных изменений. Кроме того, отдельно освещаются вопросы значимости потоков денежных переводов для социально-экономического положения бедных стран. Статья открывается анализом источников данных о денежных переводах, поскольку в этой области статистики за последнее время произошли существенные концептуальные изменения. Особое внимание авторов посвящено денежным переводам в Россию, а также причинам расхождений между объемами денежных переводов в нашей стране, рассчитанных по методологии ЦБ и источников Мирового Банка.

Ключевые слова: денежные переводы, миграция, переводы мигрантов и развитие.

Рубеж XX-XXI веков ознаменовался утверждением для глобальной экономики в целом, и экономик отдельных стран развивающегося мира, в частности нового мощного фактора развития - переводов (трансфертов) международных мигрантов. По оценкам Всемирного банка, в 1990 г. объем полученных переводов в денежной форме равнялся 64 млрд долл., в 2000 г. - 127 млрд, а в 2014 г. – 593 млрд. Примерно в 30 странах мира в 2014 г. денежные переводы составляли более 10% от валового внутреннего продукта (ВВП) или приближалась к этому порогу [World Bank Group 2015]. Среди этих стран - Таджикистан, Киргизия, Молдавия, Армения, Грузия, Узбекистан, Филиппины, Босния и Герцеговина, Черногория, Шри-Ланка, Бангладеш. Такому бурному росту способствовали, во-первых, заметное увеличение потоков трудовой, а также других форм миграции, во-вторых, развитие международных финансовых институтов, сопровождающееся распространением формальных каналов и удешевлением денежных переводов, в-третьих, становление и улучшение качества учета международных денежных переводов.

Михаил Борисович Денисенко. Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия. E-mail: mdenissenko@hse.ru

Владимир Александрович Козлов. Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия.

Асия Асфановна Фаттахова. Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия.

Статья поступила в редакцию в марте 2015 г.

* Статья подготовлена по результатам проекта программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ «Совершенствование механизмов привлечения и использования иностранных работников в Российской Федерации» (2015 г., т3-114)

Тема трансфертов международных мигрантов новая для России и других бывших союзных республик. Информации об этом явлении не было до середины 1990-х годов. Но ситуация кардинально изменилась в 2000-х годах [Глущенко 2005]. Россия быстро вошла в тройку лидеров стран-источников переводов (вместе с США и Саудовской Аравией), а половина бывших союзных республик - в число лидеров по объемам полученных денежных переводов или их отношению к ВВП этих стран. Денежные переводы мигрантов в России и мире за последние годы – главная тема этой статьи. Авторы специально остановились на вопросах значимости этих потоков для социально-экономического положения бедных стран. Статья открывается анализом источников данных о денежных переводах, поскольку в этой области статистики за последнее время произошли существенные концептуальные изменения.

СЛОЖНОСТИ УЧЕТА ПЕРЕВОДОВ МИГРАНТОВ

В научных работах при всем различии в подходах переводы мигрантов определяются как передача части средств, обычно в денежной, но возможно и в натуральной форме, заработанных мигрантами за рубежом, их родственникам и друзьям на родине [IMF, Eurostat, OECD, World Bank 2009]. Однако использовать на практике это определение для организации качественного статистического наблюдения за переводами мигрантов нелегко. Во-первых, как известно, нет единства в понятии «мигрант». В различных странах для его определения используются разные пространственно-временные и социальные критерии. Во-вторых, существуют объективные трудности выделения связанных с международной миграцией потоков между домохозяйствами в денежной и неденежной форме. Как учитывать расходы мигрантов в стране пребывания? Как быть с получением подарков от друзей или родственников, всегда проживавших за рубежом, с покупкой товаров через них или с погашением задолженности перед ними? Как учитывать потоки, идущие по неформальным каналам? Как оценить потоки в неденежной форме?

Существует несколько источников информации о денежных переводах, и каждый из них имеет свои достоинства и недостатки, а также выполняет свою эвристическую функцию [Денисенко, Хараева 2008]. Среди них выделяют международные системы учета денежных переводов, отчетность операторов денежных переводов, обследования домашних хозяйств и косвенные оценки, выполняемые на основе привлечения разнообразных данных с применением математических моделей.

Международные системы учета денежных переводов основаны на отчетности банков и иных финансовых институтов об индивидуальных международных переводах (транзакциях), а также о финансовых операциях нерезидентов. К этому источнику примыкает прямая отчетность операторов денежных переводов. Большим преимуществом этих источников является низкая стоимость получения данных практически за любой промежуток времени. Они используются для построения платежного баланса страны. Вместе с тем остаются неохваченными другие каналы денежных переводов и переводов в материальной форме. Кроме того, получаемые оценки зависят от пороговой суммы для переводов, которая устанавливается для банковской отчетности.

Таким образом, оценки, получаемые на основе отчетности банков и операторов денежных переводов, – это оценки обусловленных международной миграцией финансовых потоков в стране или между странами. Но эти источники информации не являются идеальными. Они не позволяют определить объемы переводов в неденежной форме, выявить особенности «трансфертного» поведения отдельных категорий мигрантов (например, индивидуальных предпринимателей), установить цели, на которые расходуются полученные их родственниками средства, оценить роль разных формальных и неформальных каналов в осуществлении переводов и др. Ответы на эти вопросы получают с помощью обследований домохозяйств. Во многих странах соответствующие блоки вопросов включаются в регулярные обследования, например, в обследования бюджетов домашних хозяйств или обследования рабочей силы. В тех странах, где миграция и денежные переводы имеют большое экономическое значение, проводятся специальные обследования мигрантов. Среди этих стран можно назвать и страны СНГ: Киргизию, Таджикистан, Молдавию, Армению. Несомненно, обследования как источник данных обладают большой информативностью, позволяют контролировать сбор и качество данных. Но высокие издержки препятствуют их частому проведению, а на качестве результатов может сказаться искажение информации респондентами, прежде всего из-за давности изучаемых событий. Тем не менее в странах, где развита система выборочных обследований (например, в США), они служат основным источником информации о переводах мигрантов.

Данные о переводах мигрантов получают также непрямыми (косвенными) методами на основе дополнительной информации (например, демографической) с помощью демографических или эконометрических моделей [Shelburne, Palacin 2007] или методом закрытия баланса всех международных финансовых обменов. Предполагается, что полученные остатки относятся к денежным переводам мигрантов. С помощью этих подходов можно рассчитать и отдельные компоненты переводов мигрантов. Но применение косвенных методов должно основываться на надежных данных, прежде всего о численности мигрантов. Здесь сразу возникает вопрос, как быть с незаконными мигрантами? Включать или не включать их в расчеты? Кроме того, константы, полученные в уравнениях модели за предыдущие годы, могут не подойти для оценок текущего года.

Остановимся подробнее на природе показателей переводов мигрантов, которые используются в мировой практике. С целью сопоставимости данных и повышения их качества эти показатели разрабатываются специальной рабочей группой, в которую входят представители международных организаций и ряда национальных финансовых институтов,¹ в рамках концепции платежного баланса страны.

До 2008 г. в большинстве стран мира официальным источником информации о трансграничных денежных переводах физических лиц служили данные, собираемые

¹ В числе этих организаций: Международный валютный фонд, Всемирный банк, Организация по экономическому сотрудничеству и развитию (OECD), Евростат. В 2009 г. по инициативе G8 была создана Global Remittances Working Group (GRWG) для координации международных инициатив и оказания технической помощи национальным финансовым институтам и международным организациям в области переводов мигрантов. В эту группу входят представители Банка России.

Центральными банками разных стран по пятой методологии BOP² построения платежного баланса, разработанной в 1993 г. Международным валютным фондом [IMF 1993]. Согласно этой методологии, денежные переводы мигрантов складываются из трех компонентов платежного баланса страны (таблица 1).

Таблица 1. Денежные переводы мигрантов и их компоненты по методологии BOP5

Компонента	Определение
Оплата труда работников (compensation of employees)	Начисленная заработная плата и другие платежи (в том числе в натуральной форме), получаемые сезонными, приграничными и временными работниками-нерезидентами, прибывшими в принимающую страну на срок менее одного года (учитывается в счете «Доходы от инвестиций и оплата труда»)
Денежные переводы работников (workers' remittances)	Денежные переводы иностранных граждан, проживающих в другой стране более года (учитываются в счете «Текущие трансферты»)
Трансферты, связанные с миграцией населения (migrants' transfers)	Стоимость имущества и финансовых активов, сопровождающих мигрантов при переезде в другую страну (учитываются в статье «Капитальные трансферты»)

Источник: [IMF 1993].

Методология BOP5 по мере роста объемов денежных переводов и интереса к связанным с ними проблемам стала конструктивно пересматриваться в 2000-х годов. По мнению многих экспертов, фактически переводы мигрантов, определяемые по этой методологии, не соответствовали их определению [Денисенко, Хараева 2008]. В частности, показатель денежных переводов работников, полученный из платежного баланса, не отражал объема фактически выполненных трансфертов, поскольку в нем учитывалась вся заработная плата, начисленная иностранным гражданам, без исключения из нее налогов и потребленных на месте товаров и услуг.

В 2008 г. Международный валютный фонд предпринял шестое издание «Руководства по платежному балансу и международной инвестиционной позиции» (BOP6) [IMF 2009]. В России платежный баланс по новой методологии начали составлять с 2012 г. Изменения в BOP6 включают: 1) переход к четырем новым категориям, относящимся к денежным переводам; 2) отказ от использования понятия «мигрант» в пользу понятий «место проживания», «резидент», «нерезидент»; 3) устранение из определения денежных переводов «трансфертов, связанных с миграцией»; 4) указание для денежных переводов стран их назначения и происхождения. Решение о выделении в статистике платежных балансов потоков денежных переводов между парами стран направлено на улучшение полноты и качества их статистики, разрешение противоречий между учетными системами денежных переводов взаимодействующих в миграционном отношении стран.

Основным измерителем денежных переводов мигрантов стал показатель «Личные переводы» («Personal Remittances»). Он определяется как текущие и капитальные трансграничные трансферты в денежной и неденежной форме между домохозяйствами резидентов и нерезидентов плюс «чистая оплата труда» иностранных работников [IMF, Eurostat, OECD, World Bank 2009].

² BOP – Balance of Payment.

Категория «Оплата труда работников» в ВОР6 соответствует той, которая использовалась в ВОР5. Но в оценку «Личных переводов» включается только та ее часть, которая может передаваться нерезидентом на родину, т.е. чистая оплата труда, представляющая собой заработок иностранного работника без учета налогов, расходов на проживание и питание, транспортных расходов, социальных платежей (взносов).

От концепции «денежных переводов работников» («workers' remittances») было решено перейти к концепции «личных трансфертов» («personal transfers»). К «личным трансфертам» относятся все текущие трансграничные трансферты в денежной и неденежной форме между резидентами и нерезидентами. В отличие от «переводов работников» концепция «личных трансфертов» не связана непосредственно с определениями миграции или занятости, что позволяет избежать целого ряда внутренних концептуальных противоречий ВОР5.

Также выделяется третья составляющая «Капитальные трансферты между домохозяйствами». К ним относятся случаи передачи имущества, собственности, прощения долга. Но количественную оценку этой компоненты трудно получить, и в большинстве стран мира она не оценивается. В России эта составляющая включается в состав «личных трансфертов».

Величина другой новой категории «Общие переводы» (“Total Remittances”) равна объему «Личных переводов» с учетом социальных пособий, включающих пенсии, пособия по безработице, на детей и др. Кроме того, отдельно выделяют переводы некоммерческих организаций (НКО), обслуживающих домашние хозяйства мигрантов (социальные службы, грантодатели, музеи, медицинские учреждения, образовательные учреждения, профсоюзы и др.).

Таблица 2. Денежные переводы мигрантов и их компоненты по методологии ВОР6

Общие переводы и переводы в НКО					
Общие переводы				Текущие трансферты в НКО	Капитальные трансферты в НКО
Личные переводы			Социальные пособия		
Личные трансферты	Оплата труда без налогов, социальных платежей, расходов на проживание и пр.	Капитальные трансферты между домохозяйствами			

Источник: [IMF, Eurostat, OECD, World Bank 2009].

В России информационной базой для исчисления «личных переводов» служат отчеты о трансграничных операциях физических лиц, выполняемых банками и операторами денежных переводов (Отчетность по форме 0409407 «Сведения о трансграничных переводах физических лиц») в Центральный банк Российской Федерации [ЦБ РФ 2014a]. В состав личных переводов не включаются: переводы, связанные с инвестициями в иностранные активы (в том числе покупка недвижимости); переводы средств в части доходов от оказания услуг; переводы в пользу граждан, находящихся за рубежом с целью туризма, лечения или обучения; переводы для оплаты товаров и услуг. При этом в состав «личных переводов» включаются «некрупные переводы» между

резидентами и нерезидентами или между резидентами одной экономики (часть чистой оплаты труда).

Следует заметить, что переход на новую методологию (БОР6) исчисления платежного баланса и определения переводов мигрантов происходит в странах мира неравномерно. При сопоставлении национальных оценок денежных переводов необходимо обращать внимание на то, как исчислялся показатель «оплаты труда»: с учетом или без учета разного рода выплат. Из-за разных методик исчисления этого показателя национальные данные могут не совпадать с оценками ведущих международных экспертов, представленных в изданиях Всемирного банка, МВФ или ОЭСР. Так, по оценкам в недавно опубликованном авторитетном справочнике «Migration and Remittances. Factbook 2016» [World Bank Group 2015], в 2013 г. объем отправленных из России переводов мигрантов составил 3,72 млрд долл., а поступивших в Россию – 6,8 млрд. По данным ЦБ РФ, в указанном году в Россию поступило 6,4 млрд долл., а было отправлено 30,4 млрд. Причина разницы в оценках кроется в том, что международные эксперты использовали показатель «оплата труда работников» без социальных вычетов и расходов на проживание, т.е. по методологии БОР5. Вероятно, это сделано в целях унификации подхода к оценке компонент переводов мигрантов, поскольку не для всех стран можно определить «чистую оплату труда». ЦБ РФ рассчитывает именно «чистую оплату труда», т.е. из оплаты труда иностранных работников вычитаются подоходные налоги, взносы в пенсионный фонд, транспортные (обратный билет) и другие расходы. Вместе с тем важно знать, что расчеты ЦБ РФ опираются на информацию: 1) о численности иностранных работников на территории Российской Федерации, а также о численности и составе российских граждан, выехавших на работу за границу; 2) о средней заработной плате по видам экономической деятельности за вычетом расходов на пребывание. От точности этой информации, собираемой ФМС России и Росстатом, зависит точность оценок компоненты «чистая оплата труда», а следовательно и всего объема переводов мигрантов.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ДЕНЕЖНЫХ ПЕРЕВОДОВ

Объем переводов мигрантов увеличивается по экспоненте (рисунок 1). За десять предшествующих лет объемы переводов возросли к 1990 г. в 1,6 раза, к 2000 г. в 2 раза, к 2010 г. в 3,6 раза. По уточненной оценке Всемирного банка [World Bank Group 2015], в 2014 г. совокупный объем учтенных полученных денежных переводов составил 592 млрд долларов США против 572 млрд в 2013 г. и 463 млрд в 2010 г. В 2015 г., по предварительной оценке, сумма денежных переводов международных мигрантов превысила 600 млрд долларов США³. Как видно из рисунка 1, мировой финансовый кризис 2008-2009 гг. повлиял на объемы денежных переводов очень незначительно.

Основной объем денежных переводов мигрантов направляется из развитых в развивающиеся страны, к которым Всемирный банк относит страны со средним и низким

³ Здесь приведены официально учтенные суммы денежных переводов. Истинный размер учтенных и неучтенных денежных переводов, совершаемых через официальные и неофициальные каналы, за счет стран, в которых стоимость переводов высока, возможно, превосходит официальные в 1,5 раза или даже больше.

уровнем валового национального дохода на душу населения. В совокупном объеме денежных переводов мигрантов доля развивающихся стран быстро возрастает: в 1990 г. она составляла около 45%, в начале 2000-х годов – уже 65%, а в 2012-2014 гг. – около 75%. Совокупный объем учтенных денежных переводов в развивающиеся страны составил в 2012 г. 400 млрд долларов США, в 2013 г. 416 млрд, а в 2014 г. 431 млрд. По оценкам экспертов Мирового банка, эта величина в 2015 г. составит порядка 435 млрд [World Bank 2015]. Ожидалось, что в 2015 г. прирост переводов мигрантов снизится за счет стран региона Европы и Центральной Азии. Однако предварительные данные показывают, что явного снижения не произошло.

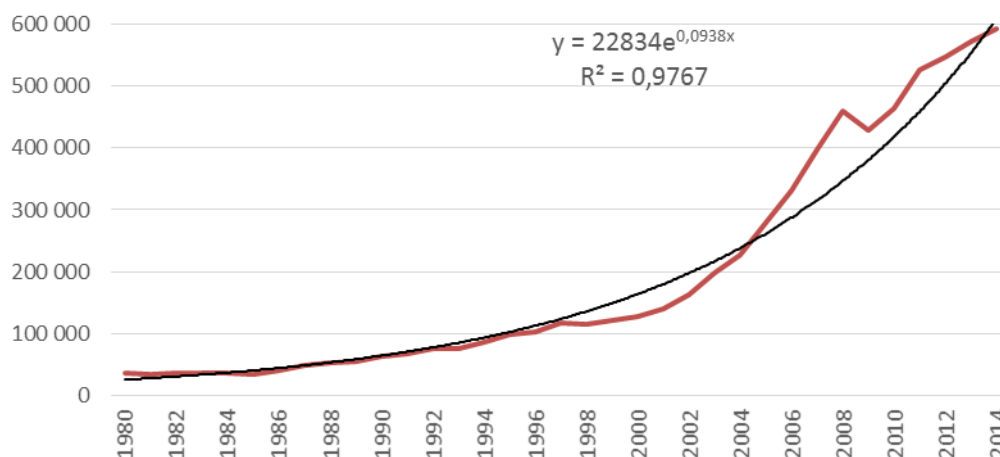

Рисунок 1. Совокупный объем полученных денежных переводов в мире, 1980-2014, млн долларов США

Источник: [World Bank Data 2016; World Bank Group 2015].

Существенное влияние на величину и распределение денежных переводов (данные причины справедливы в основном и для потоков международной миграции, особенно трудовой) в 2014-2015 гг. оказывали следующие четыре фактора:

1. неравномерное восстановление экономического роста в развитых странах (например, быстрое восстановление в США и Великобритании и более медленное – по сути начавшееся только в 2015 г. – в континентальной Европе);
2. падение цен на нефть и укрепление доллара по отношению к некоторым национальным валютам, ведущее к снижению доходов в нефтедобывающих странах и, как следствие, уменьшению притока трудовых мигрантов;
3. усиление иммиграционного контроля в странах, из которых отправляются значительные объемы денежных переводов мигрантов;
4. конфликты, приводящие к формированию потоков вынужденной миграции.

Остановимся на этих факторах подробнее. Значительное укрепление экономики США явилось стимулом для увеличения объема денежных переводов, отправляемых из страны. С ростом строительства и занятости в сфере услуг, включая гостиничный и ресторанный сектор, возросли объемы денежных переводов в Мексику, Сальвадор, Гватемалу, Гондурас и Никарагуа. Потоки в страны Латинской Америки могли быть и больше, если бы некоторые из них не испытали влияние экономического спада и высокой

безработицы в Испании (объем денежных переводов из Испании в 2014 г. был ниже даже уровня 2006 г.⁴). Слабый и неоднородный экономический подъем в странах Еврoзoны препятствовал сильному росту денежных потоков из этого региона (в лидерах - Франции, Люксембурге и Нидерландах - наблюдался спад или стагнация потоков, в Германии рост был довольно незначительным). В результате замедлился рост денежных переводов в страны Магриба, для которых Европа - основной источник денежных переводов.

Снижение цен на нефть и введение экономических санкций, как будет показано дальше, оказали существенное негативное влияние на экономику России в 2014 г., а в результате и на экономику таких стран, как Армения, Молдавия, Киргизия, Узбекистан и Таджикистан, в значительной степени зависящих от денежных переводов из России. Кроме того, ослабление курса рубля по отношению к доллару США и валютам большинства стран СНГ привело к снижению покупательной способности денежных переводов из России, что заметно снизило уровень жизни бедных слоев населения в странах Средней Азии.

Но снижение цен на нефть пока не привело к уменьшению переводов мигрантов из государств Совета сотрудничества стран Персидского залива в Индию, Бангладеш, Непал, Пакистан, некоторые страны Ближнего Востока и Северной Африки. Значительные финансовые ресурсы и долгосрочные планы развития инфраструктуры будут способствовать сохранению спроса на рабочие руки мигрантов, однако при сохранении низких цен на нефть в течение нескольких лет объемы денежных переводов из региона могут сократиться.

Укрепление доллара США оказывает заметное влияние на стоимостную оценку денежных переводов. Так, объем денежных переводов из стран Европейского союза в Марокко в январе 2015 г. по сравнению с ноябрем 2014 г, рассчитанный в евро, увеличился на 9,6%, а пересчитанный в доллары США, снизился на 2,3%. Денежные переводы из России в Таджикистан в IV квартале 2014 г. по сравнению с тем же периодом 2013 г., рассчитанные в рублях, увеличились на 7,6%, а в долларах США снизились на 26,7%.

Введение в 2014 г. норм, ужесточающих ответственность за нарушение миграционного законодательства (запрет на въезд от 3 до 5 лет, а с 2015 г. – до 10 лет), а также введение новых правил на въезд из стран с безвизовым пересечением границы (ограничение срока пребывания без разрешительных документов в 90 дней одним разом за 180 дней) привели к значительному сокращению числа мигрантов в России. Усиление мер контроля на юго-западной границе США (увеличение числа патрулей, систем воздушного и наземного слежения) сдерживает число мигрантов, пересекающих границу со стороны Мексики, в том числе детей без сопровождения взрослых из стран Центральной Америки.

Правила иммиграции становятся строже и избирательней и в других частях света. В частности, сравнительно открытая иммиграционная политика Сингапура, вызывавшая протесты общественности, привела к увеличению численности международных мигрантов более чем на 31% за 2004-2014 гг. В соответствии с новыми правилами работодатели при

⁴ Пиковыми годами для потоков денежных переводов из Испании (порядка 12,5 млрд долл.) были 2007 и 2008 г.

наиме работников должны в первую очередь рассматривать кандидатуры из числа граждан Сингапура и лишь затем из числа иностранных граждан.

Европа также находится в поисках новой иммиграционной политики, способной сдерживать нарастающие потоки мигрантов, прибывающих через Средиземное море. В 2014 г. в Европейский союз нелегально прибыло 283 тыс. человек, что более чем в 2 раза превышает поток в 2013 г. (107 тыс. человек). Почти 230 тыс. нелегальных мигрантов пересекли Средиземное море [European Parliament 2015].

Конфликты нарушают привычную мирную жизнь населения, порождая масштабные потоки беженцев и лиц, ищущих убежища. Регион Ближнего Востока и Северной Африки стал основным регионом исхода беженцев. Число беженцев из Сирии возросло до 3,9 млн человек к началу 2015 г., а к его концу превысило 4,5 млн (без учета внутренних мигрантов). Из них более 1 млн направились в 2015 г. в Европу. Еще ранее война в Ираке и последствия войны в Ливии вызвали усиление миграционного давления на Европу.

В результате конфликта на Украине, по данным УВКБ ООН на середину 2015 г., число внутренне перемещенных лиц составило около 1,4 млн человек, около 320 тыс. граждан страны обратились за убежищем, правом на проживание или другими формами легального пребывания в соседних странах (из них порядка 310 тыс. - в России) [UNHCR 2015].

Лидером по объему полученных денежных переводов являются в основном страны с большим оттоком мигрантов. Среди них выделяются Индия, Китай, Филиппины, Мексика. По предварительным оценкам, в 2015 г. список стран, в которые поступили наибольшие объемы денежных переводов мигрантов, возглавили Индия (72 млрд долларов США) и Китай (64 млрд), во многом благодаря большому числу трудовых мигрантов и многочисленным диаспорам. За ними следуют со значительным отрывом Филиппины (30 млрд), Мексика (26 млрд), Франция (25 млрд), Нигерия (21 млрд), Египет и Пакистан (по 20 млрд; рисунок 2). На них приходится 47% всех мировых денежных переводов и более половины всех денежных переводов, направленных в развивающиеся страны.

Наряду с этим в группу стран – крупнейших получателей денежных переводов мигрантов входят и некоторые развитые страны. Кроме Франции, это Германия, Бельгия, Испания. Во многом такие объемы финансовых потоков являются результатом интенсивного миграционного обмена между развитыми странами, прежде всего, в ЕС. Однако будучи весомыми по своей абсолютной величине в глобальной сети денежных переводов, эти средства незначительны для данных стран по отношению к объему произведенного в них ВВП, составляя от 0,2 до 0,8% от ВВП и только в Бельгии более значимую величину – 2,2% от ВВП.

Развитые страны обществу более известны не как получатели денежных переводов мигрантов, а как их доноры. То, что они все же выступают и в роли получателей, указывает на то, что, как и в случае с миграцией, каждому потоку соответствует контрпоток. Эти потоки неравны друг другу, и различия между ними тем больше, чем больше различия в уровне социально-экономического развития между взаимодействующими странами. Россия не является в этом смысле исключением. В 2014 г. по оценкам Всемирного банка

Россия занимала третье место в мире по объему отправленных из страны денежных переводов (33 млрд) и в то же время находилась на 16-м месте в мире по объему полученных переводов (7,9 млрд). Большая часть этих переводов поступала с Украины (31%), из Казахстана (20%), других стран СНГ и Грузии (21%), из Германии (10%) и США (4%). Но эти оценки заставляют задуматься о том, насколько корректна интерпретация денежных переводов как исключительно переводов мигрантов.

В списке главных получателей денежных переводов в 2013 г. находилась Украина (10-е место). Однако по сравнению с 2013 г. в 2015 г. приток переводов мигрантов сократился более чем 1,5 раза из-за падения курса рубля и ухудшения российско-украинских отношений. В 2014 г. более половины (52%) всех переводов поступило из России, около 14% – из других республик бывшего СССР (не считая страны Балтии), 7,8% – из США, порядка 2% – из Канады и Австралии, остальные – преимущественно из европейских стран.

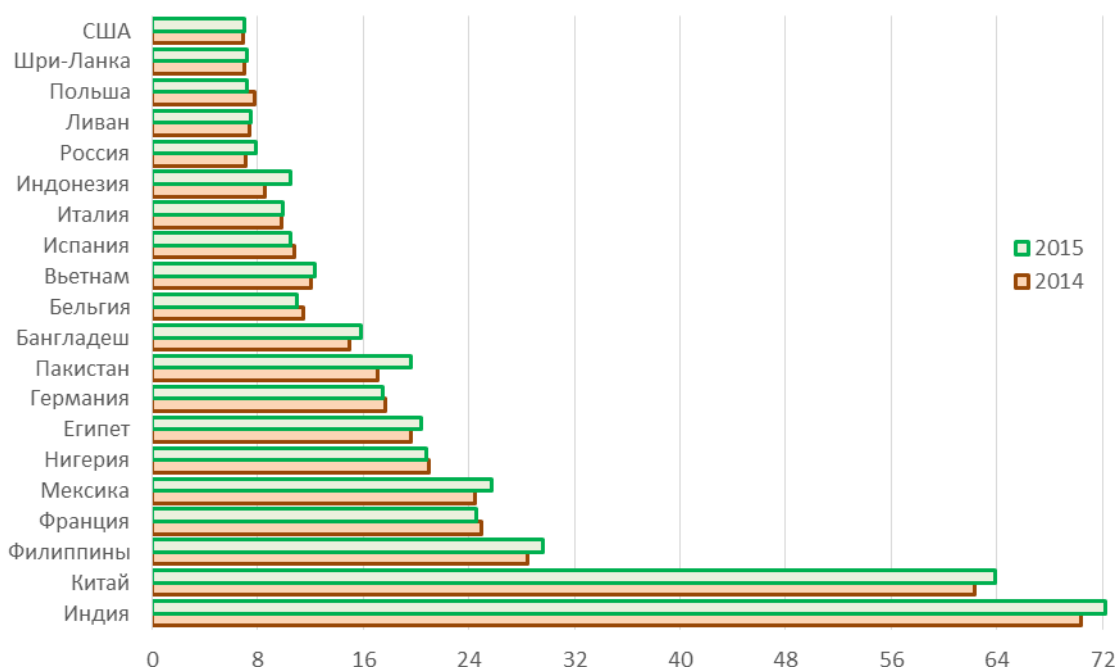

Рисунок 2. 20 стран – ведущих реципиентов денежных переводов мигрантов (объем получаемых трансфертов), 2014-2015, млн долларов США

Источник: [World Bank Group 2015].

Обращает на себя внимание тот факт, что в последние 10 лет список стран-лидеров не изменился существенным образом, однако темпы роста притока денежных переводов среди них были различными. Так, в Мексике наблюдалась стагнация, в Нигерии, Франции и Филиппинах умеренный, а в Индии и Китае быстрый рост (рисунок 3).

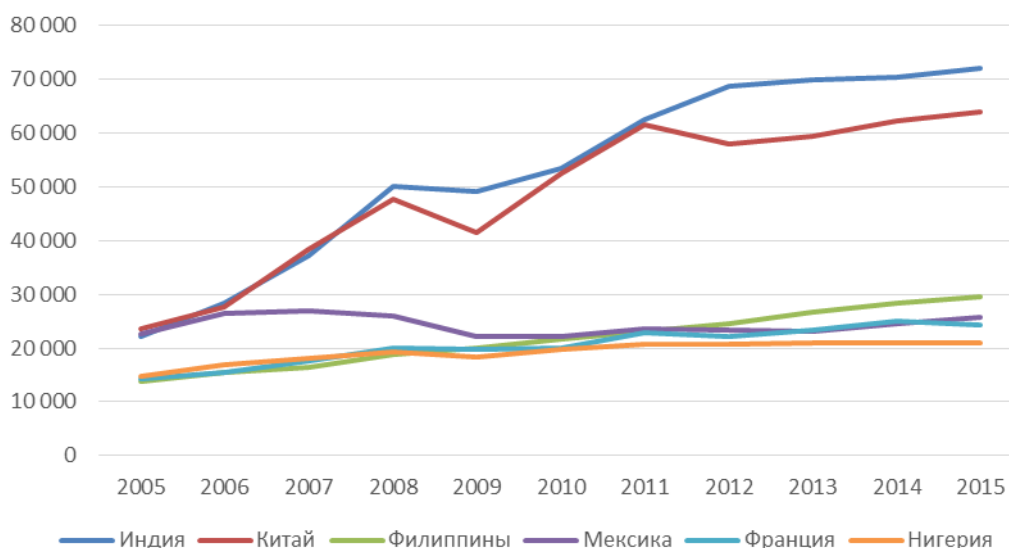

Рисунок 3. Денежные переводы мигрантов в ведущие страны-реципиенты, 2005-2015 гг., млн долларов США

Источник: [World Bank Data 2016; World Bank Group 2015].

В странах с низким уровнем экономического развития и небольшой экономикой объемы поступающих денежных переводов от мигрантов, напротив, составляют весьма существенную величину по сравнению с общим объемом ВВП (рисунок 4). Денежные переводы, направляемые мигрантами в Таджикистан, были эквивалентны почти половине производимого ВВП, в 2014 г. снизившись до уровня чуть выше 40%, в Киргизии и Непале – около 30%, в Тонго, Либерии и Молдавии – более четверти.

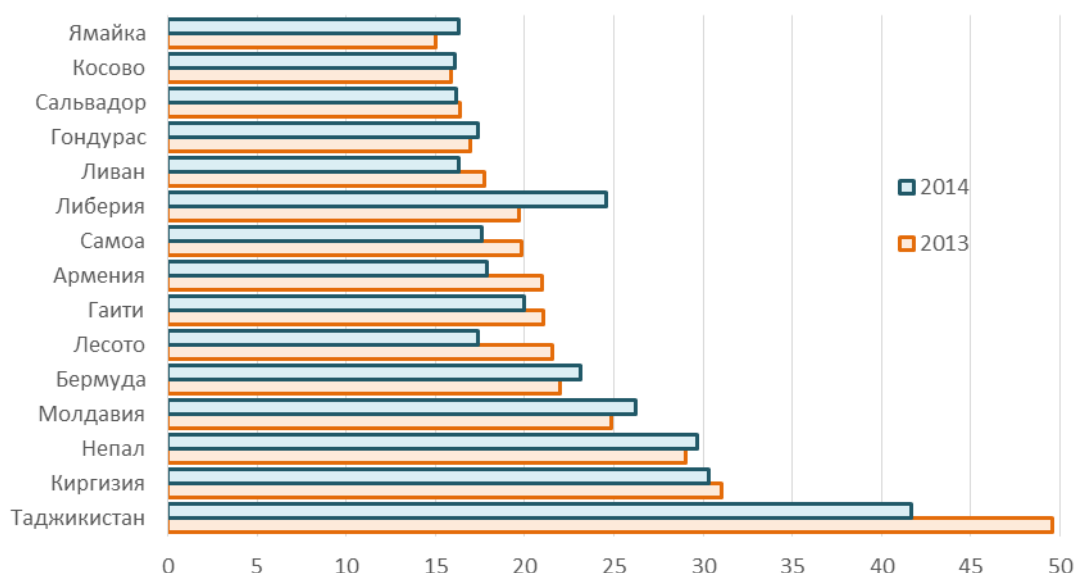

Рисунок 4. 15 стран с наибольшим относительным объемом полученных денежных переводов мигрантов, % от ВВП соответствующих стран

Источник: [World Bank Group 2015].

Больше всего денежных переводов отправляется из США – в 2014 г. их общий объем превысил 56 млрд долл. (рисунок 5). На 2-е место после США в 2013 г. вышла Россия (почти 37 млрд долл.), за которой следовали Саудовская Аравия (35 млрд) и Швейцария (23 млрд). Однако в 2014 г. из Саудовской Аравии было отправлено 37 млрд долларов в виде переводов, а из России – 33 млрд. К числу крупнейших поставщиков денежных трансфертов мигрантов относятся также ОАЭ, Кувейт и Германия, за ними следуют Франция, Люксембург, Катар, Нидерланды и Южная Корея (рисунок 5).

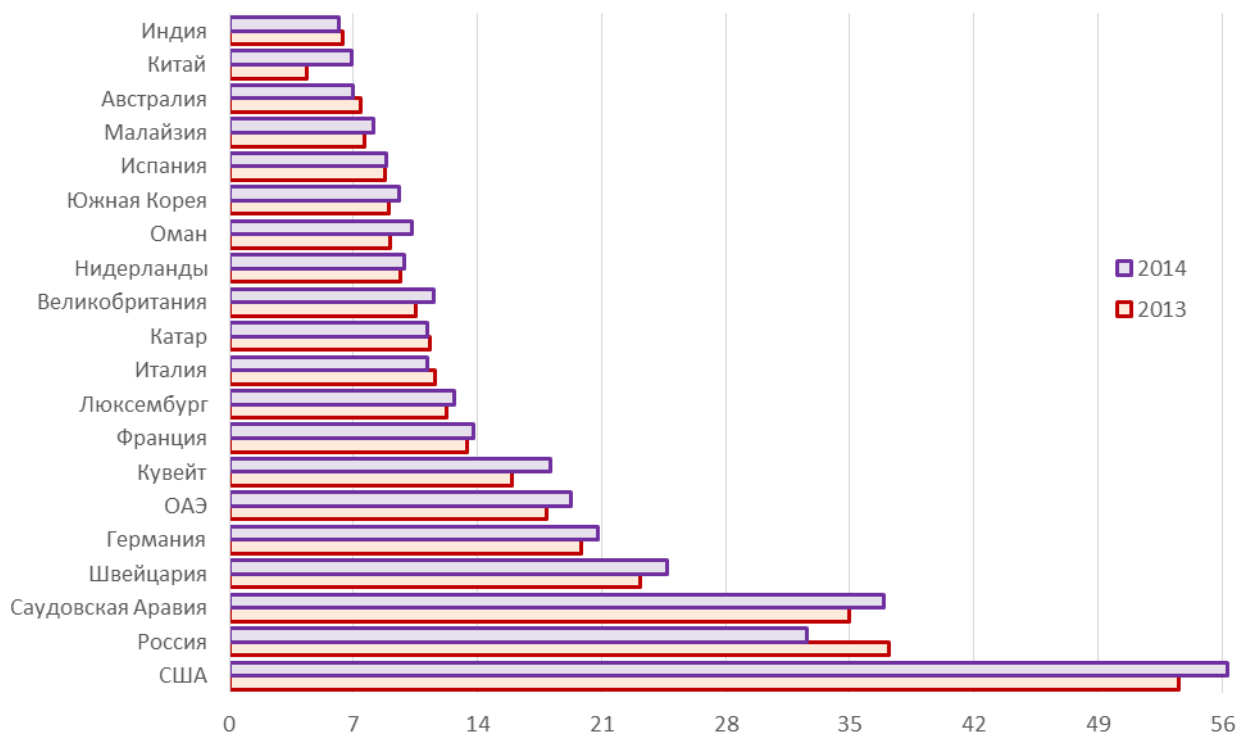

Рисунок 5. 20 стран – ведущих доноров денежных переводов мигрантов (объем исходящих трансфертов), млн долларов США

Источник: [World Bank Group 2015].

Позиция США как основной страны-донора выглядит устойчивой. Определенные колебания в потоках были обусловлены кризисом 2008 г. (рисунок 6). Во всех странах, входящих в шестерку лидеров, в последние годы исходящие денежные переводы в целом росли.

Наиболее динамично ситуация с переводами мигрантов меняется в России (колебания, вызванные изменением курса рубля и экономической ситуации) и Саудовской Аравии (быстрый устойчивый рост). Довольно быстрый для мира рост (более чем в 3 раза за последние пять лет) демонстрируют другие страны Персидского залива (Катар, Кувейт, Оман).

Основным реципиентом средств из США является Мексика, а остальные страны Латинской Америки отстают от стран-лидеров по получению трансфертов – Китая, Индии, Филиппин, Вьетнама и Нигерии (рисунок 7).

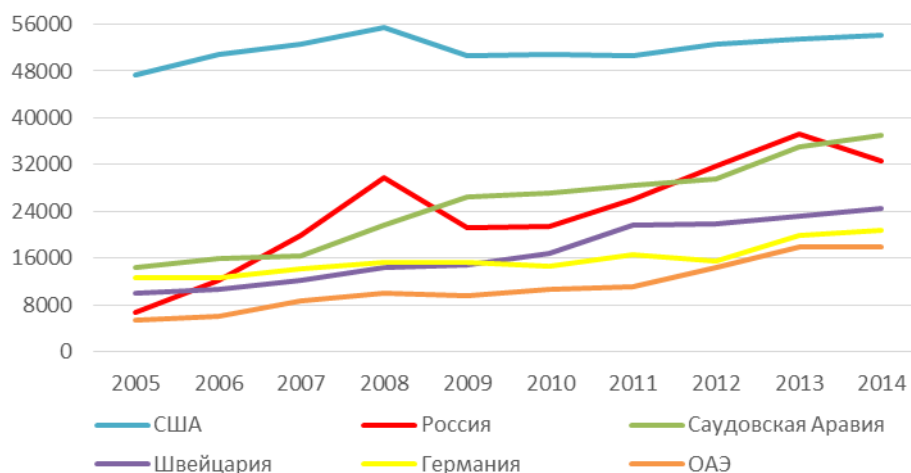

Рисунок 6. Денежные переводы мигрантов из ведущих стран-доноров, 2005-2014 гг. млн долларов США

Источник: [World Bank Data 2016; World Bank Group 2015].

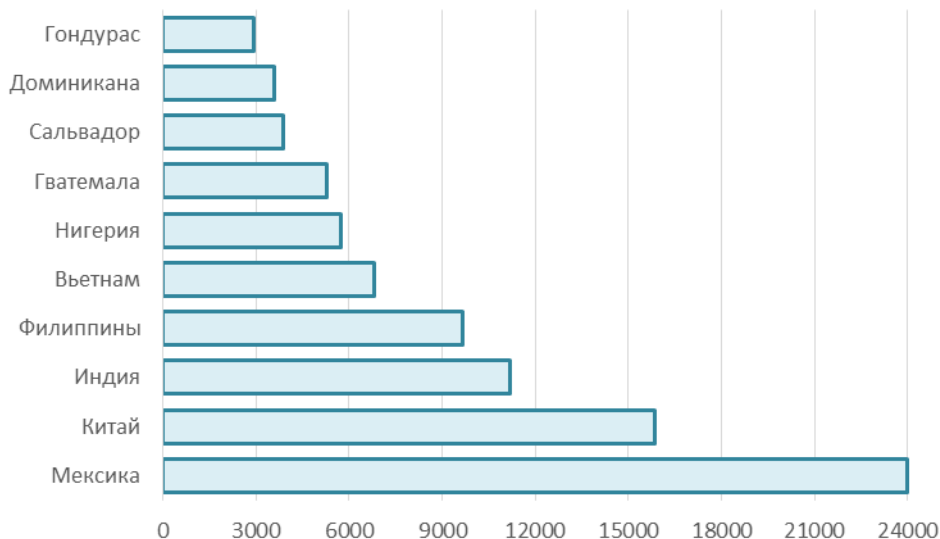

Рисунок 7. Основные страны-получатели переводов мигрантов из США, 2014, млн долларов США

Источник: [World Bank Group 2015].

Основной получатель средств из Саудовской Аравии - Индия, затем следуют Египет и крупнейшие мусульманские страны Азии: Пакистан, Бангладеш, Индонезия (рисунок 8).

Основные получатели переводов из России - страны СНГ. По оценкам Всемирного банка, в 2014 г. в эти страны было переведено более 19,3 млрд долл., в том числе: 5,6 млрд - в Узбекистан, около 4 млрд – в Украину, около 3 млрд – в Таджикистан, 1,7 млрд - Киргизию, 1,4 млрд – в Армению, 1,2 млрд – в Грузию, 1,1 млрд – в Азербайджан, 0,7 млрд – в Молдавию.

Детально денежные переводы мигрантов в России рассмотрены ниже.

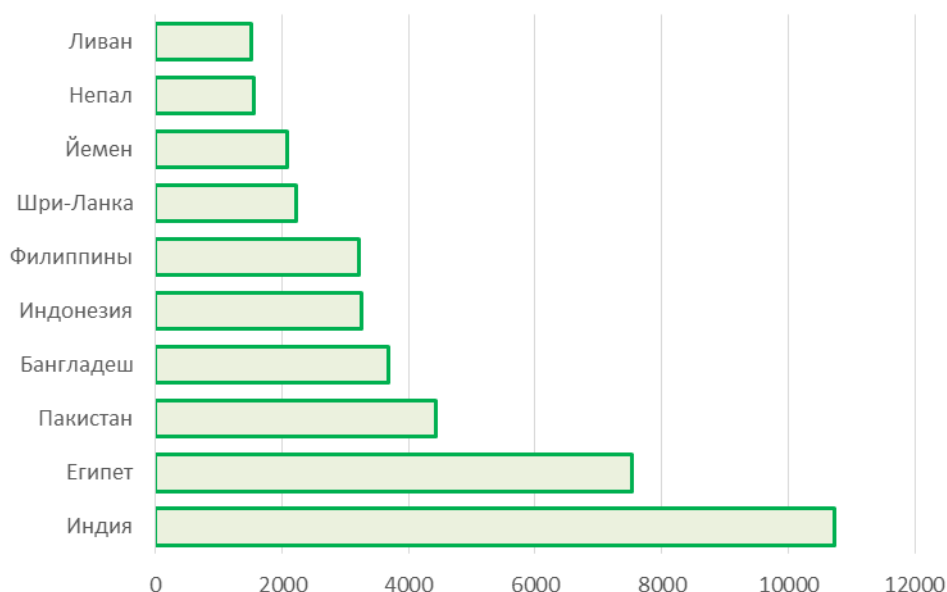

Рисунок 8. Основные страны-получатели переводов мигрантов из Саудовской Аравии, 2014, млн долларов США

Источник: [World Bank Group 2015].

Одним из факторов, определяющих объемы переводимых мигрантам средств по формальным и неформальным каналам в денежной и неденежной форме, является стоимость переводов. В 2009 г. на встрече руководителей государств «Группы восьми» в Аквиле (Италия) была поставлена задача снижения среднемировой стоимости денежных переводов с 10 до 5% в 2014 г.⁵ По расчетам экспертов, это позволило бы оставить мигрантам и их семьям как минимум 16 млрд долл. в год. В 2010 г. цель по снижению стоимости переводов была поставлена на встрече руководителей стран двадцатки. В Целях тысячелетия была поставлена задача уменьшить стоимость переводов мигрантов до 3% и устранить коридоры переводов со стоимостью переводов более 5% [UN 2014].

Однако, несмотря на усилия международного сообщества, в 2014-2015 г. среднемировая стоимость денежных переводов стабилизировалась на уровне 8%. При этом наблюдаются значительные региональные различия в их стоимости. Так, самая низкая стоимость зафиксирована для переводов мигрантов из Саудовской Аравии в Непал (0,6%), из России в страны СНГ (от 1,1 до 1,7%), из ОАЭ в Пакистан (1,7%). Высокой стоимостью отличаются денежные переводы в беднейшие страны Африки (до 20%), из Японии в Китай, Индию и Бразилию (от 14 до 16%), переводы в Китай и некоторые страны Азии из ряда развитых стран (от 12 до 14%).

В связи с появлением возможности совершения финансовых операций с помощью Интернета и мобильной связи сфера услуг денежных переводов переживает некоторые позитивные структурные изменения. Однако распространение этих новшеств не сказывается на цене переводов из-за недостаточной ясности правового регулирования их

⁵ Стоимость перевода определяется как отношение суммы всех сборов, включая потери из-за обменных курсов перевода, от перевода 200 долларов США к общей сумме перевода, выраженное в процентах.

использования и в связи с мерами, направленными банками против «отмывания» денег, полученных незаконным путем, финансирования террористической деятельности и других финансовых преступлений [World Bank 2013]. Учитывая большое значение денежных переводов для экономики многих развивающихся стран, снижение их стоимости по-прежнему остается в повестке дня мирового сообщества.

ДЕНЕЖНЫЕ ПЕРЕВОДЫ И ЭКОНОМИКА СТРАН-ПОЛУЧАТЕЛЕЙ

В теории и на практике денежные переводы рассматриваются в качестве важнейшего элемента, связывающего международную миграцию и экономику [Глуценко 2004; World Bank 2006; Chami et al. 2008; Catrinescu et al. 2009]. Масштабы переводов мигрантов, как мы видели, во многих развивающихся странах настолько велики, что их влияние на развитие этих стран не подвергается сомнению. По словам одного из ведущих экономистов Всемирного банка Дилипа Рата, «денежные переводы – это крупный, устойчивый и антициклический источник внешнего финансирования для многих бедных стран» [Рата 2007: 15]. Так, в период кризиса 2008-2009 гг. объем учтенных переводов мигрантов в отличие от прямых иностранных инвестиций резко не сократился. По своему объему они превосходят официально полученную внешнюю помощь, сопоставимы с частной задолженностью и в настоящее время составляют примерно 2/3 от прямых иностранных инвестиций (таблица 3).

Таблица 3. Переводы мигрантов и другие источники внешнего финансирования развивающихся стран в 2006-2014 гг., млрд долларов США

Год	Полученные денежные переводы	Прямые инвестиции	Негосударственная задолженность и портфельные инвестиции	Официально полученная иностранная помощь
2006	228,6	361,3	227,9	105,4
2007	279,5	480,2	333,8	104,9
2008	324,8	540,9	121,7	122,8
2009	302,9	385,2	196,8	120,6
2010	335,7	528,8	309,4	129,1
2011	377,9	630,5	249,8	134,7
2012	400,7	582,7	375,9	126,9
2013	416,2	671,3	421,7	135,1
2014	431,1	661,8	442,6	135,2

Источник: [World Bank Group 2015].

Для многих развивающихся стран денежные переводы являются важным источником иностранной валюты. Их объемы превосходят доходы от основных статей экспорта и покрывают значительную часть импорта. Так, в 2013 г. в Таджикистане объем денежных переводов превышал более чем в 11 раз объем валютных резервов страны, в Эквадоре – в 2,3 раза, в Египте – в 1,7 раза, в Пакистане – в 1,4 раза, в Армении и в Бангладеш – в 1,2 раза [World Bank 2013]. Даже в такой крупной развивающейся экономике, как экономика Индии, объем поступающих денежных переводов эквивалентен, по крайней мере, четверти всех валютных резервов. Во Вьетнаме объем переводов мигрантов приближается к выручке от экспорта нефтепродуктов, в Филиппинах переводы превышают

выручку от экспорта электроники, в Пакистане экспорт хлопка приносит почти в 3 раза меньшую сумму, чем денежные переводы⁶.

Многочисленные исследования показывают, что денежные переводы мигрантов увеличивают уровень потребления, сбережений и инвестиций и снижают уровень бедности домохозяйств родственников и друзей мигрантов [Richard, Adams, Page 2005; UNCTAD 2011; Majeed 2015]. Так, результаты обследований домохозяйств (Армения, Молдавия, Таджикистан, Киргизия) показывают, что благодаря денежным переводам расширились потребление товаров длительного пользования, жилищное строительство, вложения в собственные земельные наделы. Быстро развивались розничная торговля и мелкий бизнес, использование современных средств коммуникации (мобильная связь, Интернет). При этом денежные переводы являются источником высоких расходов на выплату долга и проведение социально значимых мероприятий (свадьбы, похороны, юбилеи и др.) [National Statistic Service of Armenia 2007; Khakimov, Mahmadbekov 2009].

Домохозяйства, получающие денежную помощь из-за рубежа, больше вкладывают в получение их детьми образования и в охрану здоровья. Тем самым в стране происхождения трудовых мигрантов увеличивается накопленный человеческий капитал, что дает долговременный макроэкономический эффект. По мере роста доходов со временем расширяется круг потребностей получателей переводов и меняются стимулы к миграции. Многие мигранты из развивающихся стран сегодня не «бегут» от бедности, а стремятся обеспечить дальнейший рост благосостояния своих семей.

Ряд исследований говорит о том, что денежные переводы мигрантов даже на макроуровне повышают кредитоспособность и финансовую устойчивость страны, к тому же они могут способствовать включению финансовых институтов стран-получателей в мировую систему [Ratha, Mohapatra 2007]. Кроме того, на сегодняшний момент накоплен положительный опыт конвертации денежных переводов мигрантов в долгосрочные инвестиции (в том числе и связанные с производством общественных благ) в развивающихся странах, например, в Мексике и Индии. Однако в Африке из-за неразвитой институциональной среды и непрозрачности государственного финансирования подобные схемы пока работают плохо [Gupta, Pattillo, Wagh 2009].

Согласно результатам ежегодного опроса, проводимого Центральным банком Российской Федерации в 2012-2014 гг. среди лиц, осуществляющих денежные переводы за границу, почти 70% денежных переводов направляется на удовлетворение текущих потребностей семьи, 12% - на оплату услуг, 14-15 % - на погашение кредитов [ЦБ РФ 2015].

Вместе с тем высказываются опасения, что денежные переводы могут замедлять экономический рост, в частности, вследствие уменьшения желания работать у родственников и друзей мигрантов, которые их получают. Но чаще этот тезис оспаривается, поскольку в исследованиях, на которые он опирается, не учитывался эффект накопления человеческого капитала. Возможно, замедление роста вызывает цепной процесс: более сильную миграцию и увеличение объема переводов из-за рубежа. Ряд исследователей

⁶ Trade statistics for international business and Development. URL: <http://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 18.01.16).

утверждают, что денежные переводы увеличивают экономическое неравенство. Но эта точка зрения нуждается в более глубоком обосновании. Многие эксперты указывают на то, что при значительном объеме финансовых потоков местная валюта становится крепче, что снижает экспортный потенциал экономики страны, зависящей от переводов, влияет на занятость и вызывает рост инфляции. В определенной мере такие признаки обнаруживаются в некоторых странах СНГ, где местные товары, включая продукты питания, порой не могут конкурировать с дешевыми товарами из Китая и других стран Азии. Многие развивающиеся страны избирают «эмиграционную модель развития», ориентированную на экспорт рабочей силы как важную составляющую стратегии развития [Münz 2007].

ПЕРЕВОДЫ МИГРАНТОВ В РОССИИ

Первая оценка денежных переводов мигрантов из России и в Россию относится к 1994 г. Вплоть до начала 2000-х годов отток и приток денежных переводов различались незначительно и находились в интервале от 1 до 4 млрд долл. В 1994 и 2000 г. приток денежных переводов из-за рубежа даже превышал их отправление из России. Увеличение объемов переводов мигрантов началось с 2000-х годов. Согласно оценкам, для которых использовались статьи платежного баланса России, разработанного в ЦБ РФ по методологии ВОР6, за период с 2001 по 2014 г. объем денежных переводов за пределы России увеличился в почти в 36 раз, а в Россию - в 8 раз (рисунок 9)⁷. Особенно значительно вырос объем переводов мигрантов из России в страны СНГ – более чем в 60 раз против роста примерно в 20 раз в страны дальнего зарубежья. Благодаря столь бурной динамике Россия неожиданно быстро вышла на 2-е место в мире по объему отправленных денежных переводов после США, опередив Саудовскую Аравию и ведущие экономики развитого мира.

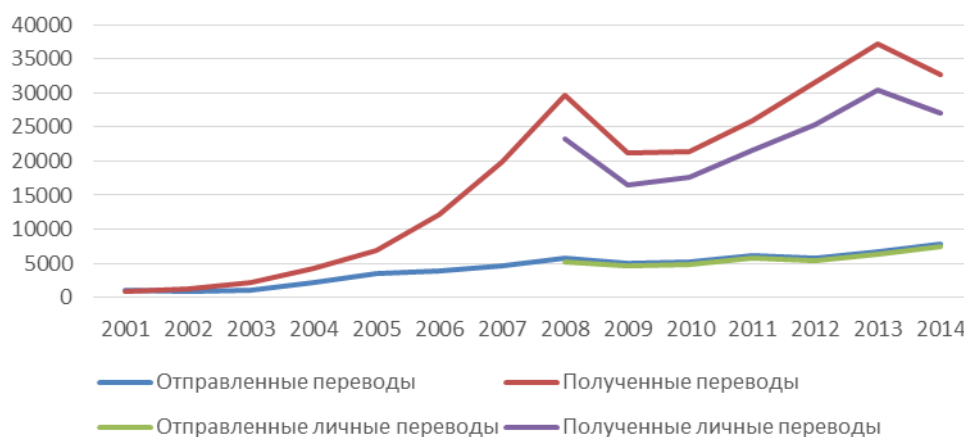

Рисунок 9. Денежные переводы мигрантов в России, 2001-2014, млрд долларов США

Источник: [ЦБ РФ 2014b].

⁷ В оценке использовался показатель «Оплата труда работников», а не «Чистая оплата труда».

Среди причин столь бурного увеличения объемов переводов отметим следующие:

1. увеличение числа работающих на законных основаниях временных мигрантов, прежде всего из стран СНГ. Если в 2000 г. официально было учтено чуть более 200 тыс. трудовых мигрантов, то в 2014 г. было выдано более 3,7 млн разрешительных документов на работу;
2. рост заработков мигрантов, как, впрочем, и всего занятого работающего населения России. Реальная заработная плата за период 2001-2013 гг. выросла более чем в 3,5 раза;
3. активная переориентация мигрантов с неформальных на формальные каналы переводов денежных средств на родину как результат развития финансовых институтов и низкой стоимости денежных переводов из России в страны СНГ. Для денежных переводов в России нехарактерна проблема высокой стоимости операции, поскольку еще в 2000-х годах на рынке срочных денежных переводов без открытия счета заметно выросло число обслуживающих их операторов, включая услугу по электронным переводам денежных средств «Киберденьги» Почты России. В России также обеспечивалось действие Закона «О защите конкуренции на рынке банковских услуг». Уже в 2007 г. комиссия по переводам в страны СНГ находилась в интервале от 1,5 до 3%, и была одной из самых низких в мире. В 2014 г., по оценке Банка России, средневзвешенный размер комиссии за трансграничные переводы физических лиц составлял 1,4% от суммы операции [ЦБ РФ 2014b] и, по нашим оценкам, был самым низким среди стран мира;
4. улучшение полноты и качества сбора соответствующей информации, в первую очередь о трудовых мигрантах и финансовых операциях. На это направлена деятельность Центрального банка и ФМС России.

В результате кризиса 2008 г. денежные переводы в 2009 г. сократились практически на треть. Но уже в 2012 г. докризисный уровень был превзойден, а в 2013 г. достигнут абсолютный максимум отправленных денежных переводов из России. Из-за начавшихся кризисных явлений в 2014 г. объем денежных переводов из России сократился примерно на 12% по отношению к предыдущему году, страна отодвинулась на 3-е место в мире, пропустив вперед Саудовскую Аравию. В 2015 г. из-за спада в экономике, продолжающегося обесценивания рубля и вступивших в силу ограничений на использование труда мигрантов, как будет показано ниже, наблюдается дальнейшее сокращение величины переводов. При этом каких-то резких колебаний и снижения объемов переводов, поступающих в Россию, не наблюдается.

Как отмечалось ранее, в конце 2000-х годов Центральный банк России перешел к показателю «личные переводы» как индикатору переводов мигрантов. Приведенные на рисунке 9 и в таблице 4 оценки ниже тех, которые дает Всемирный банк, поскольку, как уже отмечалось, при расчете «Личных переводов» используется показатель оплаты труда за вычетом налогов, социальных вычетов и расходов, связанных с пребыванием, т.е. «чистая оплата труда». По данным ЦБ РФ за период с 2010 по 2014 г. из России было отправлено почти 122 млрд долл., в том числе в страны СНГ – 96 млрд, в страны дальнего зарубежья – 26 млрд. Уменьшение объемов отправленных денежных переводов связано именно со странами СНГ. Обратный поток составил почти 30 млрд долл., его большая часть (22 млрд) получена из дальнего зарубежья.

Таблица 4. Личные переводы из России и в Россию, млн долларов США

	2010	2011	2012	2013	2014
Полученные: всего	4810	5672	5377	6397	7450
из СНГ	908	1353	1344	2051	2215
из дальнего зарубежья	3902	4319	4033	4346	5234
Выплаченные: всего	17648	21495	25356	30406	27016
в СНГ	13525	16526	20110	24786	21400
в дальнее зарубежье	4123	4969	5246	5619	5616

Источник: [ЦБ РФ 2014a].

Главный получатель личных переводов мигрантов из России, по данным ЦБ РФ, - Узбекистан (рисунок 10). На эту страну приходится почти треть всех полученных странами СНГ переводов с 2011 по 2014 г. Украина с Таджикистаном по этому показателю занимают 2-е и 3-е места. В 2014 г. объем отправленных в Узбекистан денежных переводов сократился более чем на 25%. Это больше, чем для других стран СНГ. Общее уменьшение объемов отправленных денежных переводов из России в 2014 г. объясняется на 61% их сокращением в Узбекистане, на 27% - в Украине и только на 12% - в остальных странах.

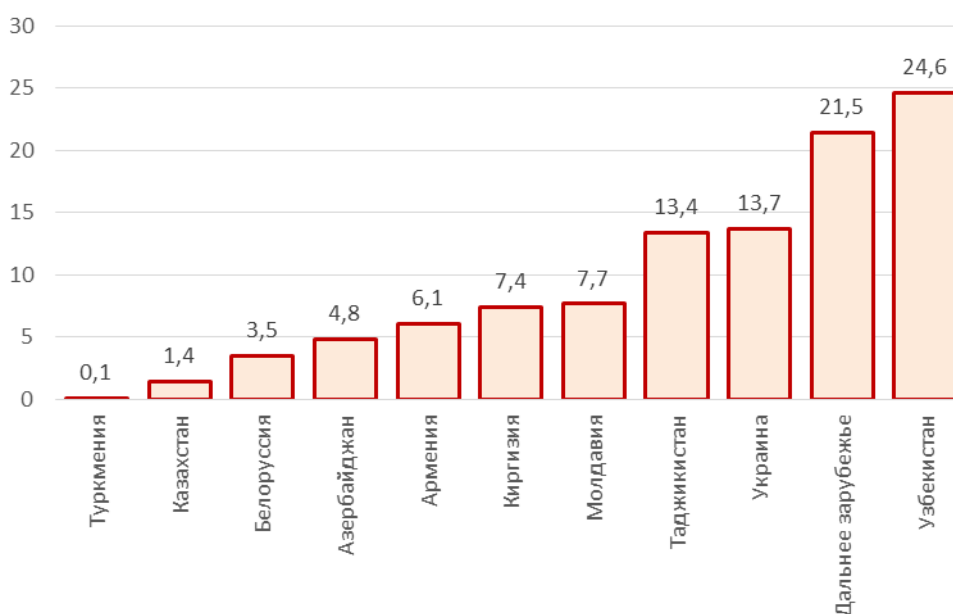

Рисунок 10. Личные переводы из России по странам-получателям, 2011-2014, млрд долларов США

Источник: [ЦБ РФ 2014b].

Оценки объемов личных переводов из России в страны СНГ, выполненные для первых двух кварталов 2015 г., свидетельствуют об их заметном уменьшении (таблица 5). В первом квартале 2015 г. объем трансфертов был на 45,5% меньше, чем в первом квартале 2014 г. Во втором квартале масштабы сокращения уменьшились на 3 п.п. до 42,5%. Подобная негативная динамика определялась, в первую очередь, сокращением личных переводов из России в Узбекистан и Таджикистан, на которые в 2014 г. приходилось более 44% от всего денежного потока в страны СНГ.

Таблица 5. Личные переводы из России в страны СНГ в I и II кварталах 2014-2015, млн долларов США

	I квартал 2014 г.	II квартал 2014 г.	I квартал 2015 г.	II квартал 2015 г.	Прирост за 2014-2015 гг., %	
					I квартал	II квартал
Страны СНГ	4 542	5 749	2 475	3 303	-45,5	-42,5
Азербайджан	310	360	155	231	-50,0	-35,8
Армения	347	434	207	320	-40,3	-26,3
Белоруссия	221	257	134	137	-39,4	-46,7
Казахстан	104	116	56	94	-46,2	-19,0
Киргизия	459	622	284	436	-38,1	-29,9
Молдавия	388	503	190	238	-51,0	-52,7
Таджикистан	743	986	434	528	-41,6	-46,5
Туркменистан	8	9	3	5	-62,5	-44,4
Узбекистан	1 201	1 645	634	850	-47,2	-48,3
Украина	761	817	377	466	-50,5	-43,0

Источник: [ЦБ РФ 2014b].

Подобные изменения связаны, во-первых, с падением курса рубля. Обменный курс рубля в I квартале 2014 г. составлял 35,69 руб. за доллар США, во II квартале - 33,63 руб. В 2015 г. к концу соответствующих периодов он вырос более чем в 1,6 раза и стал равен 58,46 и 55,52 руб. за доллар. Во-вторых, на уменьшение объемов денежных переводов повлияло и сокращение потока трудовых мигрантов в Россию. Число незаконных трудовых мигрантов сократилось более чем на 900 тыс. человек и составило по оценкам ФМС в 2015 г. 2,7 млн человек вместо 3,6 млн в 2014 г. Также сократилось и число иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность в России на законных основаниях. По нашим оценкам, основанным на статистике ФМС РФ, общее количество разрешительных документов для осуществления трудовой деятельности, выданных иностранным гражданам из стран с безвизовым пересечением границы (с учетом разрешений на работу высококвалифицированным специалистам), сократилось за первые два квартала 2015 г. по сравнению с аналогичным периодом 2014 г. более чем на 35%. Эта оценка не учитывает трудовых мигрантов из Армении, которые после присоединения этой страны к Таможенному союзу могут осуществлять трудовую деятельность в России без получения разрешительных документов.

Уменьшение числа трудовых мигрантов обусловлено экономической рецессией. Сократился спрос на иностранную рабочую силу. Кроме того, уменьшение числа мигрантов в определенной мере является и результатом действия мер, введенных в 2012-2014 гг. и направленных на усиление ответственности за нарушение миграционного законодательства. Согласно оценкам ФМС РФ, к концу мая 2015 г. почти 1,4 млн иностранных граждан был запрещен въезд на территорию России за нарушение в прошлом миграционного законодательства РФ. К концу сентября их число увеличилось еще примерно на 300 тыс. человек. Большинство из тех, кому въезд на территорию России закрыт на срок от 3 до 10 лет, составляют граждане Узбекистана и Таджикистана. Необходимо отметить, что в течение первых двух кварталов 2015 г. среди стран с безвизовым режимом пересечения границы наибольшее сокращение выданных разрешительных документов для осуществления трудовой деятельности отмечается у граждан Киргизии (почти на 80%), что связано с новыми «миграционными ожиданиями» от присоединения этой страны к ЕАЭС. Далее идет Украина, гражданам которой было

выдано почти на 65% разрешительных документов меньше, чем за тот же период 2014 г. Очевидно, что часть бывших трудовых мигрантов могла сменить свой миграционный статус (получить временное убежище, разрешение на временное проживание и др.) из-за трагических событий на их родине.

* * *

Роль денежных переводов в экономическом развитии многих бедных стран Азии (включая страны СНГ), Африки и Латинской Америки, значительна. В период с 2008 по 2014 г., несмотря на мировой финансовый кризис и исчерпание эффекта низкой базы, поток трансфертов продолжал увеличиваться. Трансферты мигрантов вносят заметный вклад в экономику слаборазвитых стран, существенно влияя на объем ВВП, в некоторых из них они существенно превышают по величине иностранные инвестиции и помощь. Денежные переводы способствуют поддержанию стабильности экономического развития, они более устойчивы, чем другие финансовые потоки из-за рубежа, поскольку не зависят от мировой внешнеполитической конъюнктуры. Денежные переводы мигрантов увеличивают уровень потребления, сбережений и инвестиций и снижают уровень бедности домохозяйств родственников и друзей мигрантов.

Россия с середины 2000-х годов является одним из главных источников происхождения трансфертов мигрантов. В последние годы страна делит по их объему 2-3-е место с Саудовской Аравией (на 1-м месте - США). География денежных переводов из России в точности отражает систему трудовой миграции, главным источником которой являются страны СНГ. В 2013 г. трансферты мигрантов из России достигли своего пика (более 37 млрд долл.). В последующий период началось уменьшение их объемов. Особенно значительным это уменьшение было в первой половине 2015 г. По сравнению с соответствующим периодом предыдущего года эта убыль составила почти 45% или 4,5 млрд долларов США. Главными причинами уменьшения потоков стали экономическая рецессия, сопровождающаяся значительным падением обменного курса рубля, сокращение спроса на иностранную рабочую силу и последствия ужесточения наказаний за нарушение миграционного законодательства в форме запрета въезда на территорию России.

Уменьшение объема денежных переводов окажет влияние не только на экономическую обстановку, но и на общественно-политические настроения населения в тех странах, где денежные переводы имеют большое значение для поддержания достигнутого уровня благосостояния. Речь идет в первую очередь об Узбекистане, Таджикистане, Молдавии, в меньшей степени – об Украине.

Несмотря на все проблемы глобальной политической ситуации и неявные перспективы мирового экономического роста, денежные переводы мигрантов продолжают расти в силу разных причин: интенсификации мирохозяйственных связей, увеличения миграционных потоков в условиях не уменьшающихся демографических и экономических различий между странами, облегчения и удешевления процедуры денежных транзакций и др. На современном этапе важно рассматривать денежные переводы мигрантов не только как самостоятельное явление, но и как инструмент развития стран-получателей.

ЛИТЕРАТУРА

- Глущенко Г.И. (2004). Денежные переводы – фактор инновационного развития мировой финансовой инфраструктуры // Вопросы статистики. №8: 36-48.
- Глущенко Г.И. (2005). Денежные переводы международных трудовых мигрантов: характеристики и детерминанты // Вопросы статистики. №3: 38-50.
- Денисенко М.Б., О.А. Хараева (2008). Переводы гастарбайтеров: на перекрестке между миграцией и экономикой // Демоскоп–Weekly. №339-340. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0339/tema01.php> (дата обращения: 18.01.2016).
- Рата Д. (2007). Денежные переводы мигрантов: роль для экономического развития // Beyond Transition. №16: 15-17.
- ЦБ РФ (2014a). Методологический комментарий и информационная база. URL: http://www.cbr.ru/statistics/CrossBorder/method-komm_pr.pdf (дата обращения: 18.01.2016).
- ЦБ РФ (2014b). Трансграничные переводы физических лиц в 2014 году. URL: http://www.cbr.ru/statistics/CrossBorder/CrossBorder_2014.pdf (дата обращения: 18.01.2016).
- ЦБ РФ (2015). Департамент статистики. Результаты анкетирования физических лиц, осуществляющих трансграничные денежные переводы. URL: http://www.cbr.ru/statistics/CrossBorder/results_trans.pdf (дата обращения: 18.01.2016).
- Catrinecsu N., L. Miguel, P. Matloob, B. Quillin (2009). Remittances, Institutions and Economic growth // World Development. 37(1):81-92.
- Chami R., A. Barajas, T. Cosimano, C. Fullenkamp, M. Gapen, P. Montiel (2008). Macroeconomic Consequences of Remittances. Washington D.C.: IMF.
- European Parliament (2015). Irregular migration in EU: Fact and Figures Briefing.
- Gupta S., C.A. Pattillo, S. Wagh (2009). Effect of remittances on poverty and financial development in Sub-Saharan Africa // World Development. 37(1):104-115.
- IMF (1993). Balance of Payments. Manual, Fifth Edition (BOP5).
- IMF (2009). Balance of Payments and International Investment Position Manual (BPM6). URL: <https://www.imf.org/external/.../bopman6.htm> (дата обращения: 18.01.2016).
- IMF, Eurostat, OECD, World Bank (2009). International transactions in Remittances. Guide for Compilers and Users. Washington D.C.: IMF.
- Khakimov P., Mahmadbekov M. (2009). Economic dynamics of labor migrant remittances in Tajikistan. Dushanbe: IOM.
- Majeed M.T. (2015). Poverty Effects of Remittances: a Comparative Analysis // Journal of International Development. 27(1):1-14.
- Münz R. (2007). Remittances: Is there a Coherent View on the Development Impact? // G8 Outreach Meeting on Remittances. Berlin.
- National Statistic Service of Armenia (2007). Report Labour migration of Armenia. Yerevan.
- Ratha D., S. Mohapatra (2007). Increasing the macroeconomic impact of remittances on development. World Bank.
- Richard H., J. Adams, J. Page (2005). Do International Migration and Remittances Reduce Poverty in Developing Countries? // World Development. 33(10):1645-1669

- Shelburne R.C., J. Palacin (2007). Remittances in the CIS: Their Economic Implications and a New Estimation Procedure // UNECE DISCUSSION PAPERS SERIES. № 5.
- UN (2014). Open Working Group proposal for Sustainable Development Goals. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/1579SDGs%20Proposal.pdf> (дата обращения: 18.01.2016).
- UNCTAD (2011). Impact of remittances on poverty in developing countries. United Nations.
- UNHCR (2015). Mid-year trends, June 2015. URL: <http://www.unhcr.org/pages/49c3646c4d6.html> (дата обращения: 18.01.2016).
- World Bank (2006). Migration and Remittances / Edited by A. Mansoor and B. Quillin. Washington D.C.
- World Bank (2013). Migration and Remittance: Recent Trends and Outlook, 2013-2016 // Migration and Development Brief 21.
- World Bank (2015). Migration and Remittances: Recent Developments and Outlook // Migration and Development Brief 25.
- World Bank Data (2016). URL: <http://data.worldbank.org> (дата обращения: 18.01.16).
- World Bank Group (2015). Migration and Remittances. Factbook 2016. Third Edition.

RECENT TRENDS IN REMITTANCES: RUSSIA AND THE WORLD*

MIKHAIL DENISENKO, VLADIMIR A. KOZLOV, ASIA FATTAKHOVA

Mikhail Denisenko. INSTITUTE OF DEMOGRAPHY, NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, Russia. E-MAIL: mdenissenko@hse.ru

Vladimir Kozlov. INSTITUTE OF DEMOGRAPHY, NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, Russia.

Asia Fattakhova. INSTITUTE OF DEMOGRAPHY, NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, Russia.

DATE RECEIVED: March 2014.

The article presents a detailed description of global remittance trends and the factors influencing them. The authors focus on recent changes among leading countries in the sending and receiving of remittances and analyze the reasons for these changes. Moreover, the article sheds light on the role of remittances in the socio-economic development of poor countries. The article begins with an analysis of the sources of remittances, as there have been recent conceptual changes in the methods of calculating these flows. The authors pay special attention to money remittances in Russia and the factors of discrepancies between remittances as calculated by Central Bank and World Bank methodologies.

Key words: remittances, migration, remittances of migrants and development.

* THIS ARTICLE IS AN OUTPUT OF A RESEARCH PROJECT "MECHANISMS FOR ATTRACTION AND INVOLVEMENT THE INTERNATIONAL WORKERS ON THE RUSSIAN LABOUR MARKET (2015 T3-114)" IMPLEMENTED AS PART OF THE BASIC RESEARCH PROGRAM AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (HSE).

REFERENCES

- Catrinecsu N., L. Miguel, P. Matloob, B. Quillin (2009). Remittances, Institutions and Economic growth // World Development. 37(1):81-92.
- CB RF (2014a). Metodologicheskij kommentarij i informatsionnaya baza. [Methodology and information base] URL: http://www.cbr.ru/statistics/CrossBorder/method-komm_pr.pdf (accessed: 18.01.2016).
- CB RF (2014b). Metodologicheskij kommentarij i informatsionnaya baza. [Cross-border transfers of individuals in 2014]. URL: http://www.cbr.ru/statistics/CrossBorder/CrossBorder_2014.pdf (accessed: 18.01.2016).
- CB RF (2015). Departament statistiki. Rezul'taty anketirovaniya fizicheskikh lits, osushhestvlyayushhikh transgranichnye denezhnye perevody. [Department of Statistics. The results of the survey of individuals engaged in cross-border remittances]. URL: http://www.cbr.ru/statistics/CrossBorder/results_trans.pdf (accessed: 18.01.2016).
- Chami R., A. Barajas, T. Cosimano, C. Fullenkamp, M. Gapen, P. Montiel (2008). Macroeconomic Consequences of Remittances. Washington D.C.: IMF.
- Denisenko M.B., O.A. Kharaeva (2008). Perevody gastarbajterov: na perekrestke mezhdu migratsiej i ehkonomikoj [Migrant Remittances: at the intersection between migration and the economy] // Demoskop-Weekly №339-340. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0339/tema01.php> (accessed: 18.01.2016).
- European Parliament (2015). Irregular migration in EU: Fact and Figures Briefing.

- Glushhenko G.I. (2004). Denezhnye perevody – faktor innovatsionnogo razvitiya mirovoj finansovoj infrastruktury [Remittances - the factor of innovative development of the world's financial infrastructure] // Voprosy statistiki. [Statistical issues] № 8: 36-48.
- Glushhenko G.I. (2005). Denezhnye perevody mezhdunarodnykh trudovykh migrantov: kharakteristiki i determinant [Migrant Remittances: characteristics and determinants] // Voprosy statistiki. [Statistical issues] №3:38-50.
- Gupta S., C. A. Pattillo, S. Wagh (2009). Effect of remittances on poverty and financial development in Sub-Saharan Africa // World Development. 37(1):104-115.
- IMF (1993). Balance of Payments. Manual, Fifth Edition (BOP5).
- IMF (2009). Balance of Payments and International Investment Position Manual (BPM6). URL: <https://www.imf.org/external/.../bopman6.htm> (accessed: 18.01.2016).
- IMF, Eurostat, OECD, World Bank (2009). International transactions in Remittances. Guide for Compilers and Users. Washington D.C.: IMF.
- Khakimov P., M. Mahmadbekov (2009). Economic dynamics of labor migrant remittances in Tajikistan. Dushanbe: IOM.
- Majeed M.T. (2015). Poverty Effects of Remittances: a Comparative Analysis // Journal of International Development. 27(1):1-14.
- Münz R. (2007). Remittances: Is there a Coherent View on the Development Impact? // G8 Outreach Meeting on Remittances. Berlin.
- National Statistic Service of Armenia (2007). Report Labour migration of Armenia. Yerevan.
- Rata D. (2007). Denezhnye perevody migrantov: rol' dlya ehkonomicheskogo razvitiya [Remittances: role in economic development] // Beyond Transition. №16: 15-17.
- Ratha, D., S. Mohapatra (2007). Increasing the macroeconomic impact of remittances on development. World Bank.
- Richard H., J. Adams, J. Page (2005). Do International Migration and Remittances Reduce Poverty in Developing Countries? // World Development. 33(10).
- Shelburne R.C., J. Palacin (2007). Remittances in the CIS: Their Economic Implications and a New Estimation Procedure // UNECE DISCUSSION PAPERS SERIES. №5.
- UN (2014). Open Working Group proposal for Sustainable Development Goals. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/1579SDGs%20Proposal.pdf> (accessed: 18.01.2016).
- UNCTAD (2011). Impact of remittances on poverty in developing countries. United Nations.
- UNHCR (2015). Mid-year trends, June 2015. URL: <http://www.unhcr.org/pages/49c3646c4d6.html> (accessed: 18.01.2016).
- World Bank (2006). Migration and Remittances // Edited by A. Mansoor and B. Quillin.
- World Bank (2013). Migration and Remittance: Recent Trends and Outlook, 2013-2016 // Migration and Development Brief 21.
- World Bank (2015). Migration and Remittances: Recent Developments and Outlook // Migration and Development Brief 25.
- World Bank Data (2016). URL: <http://data.worldbank.org/> (accessed: 18.01.2016).
- World Bank Group (2015). Migration and Remittances. Factbook 2016. Third Edition.

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ПОЛИТИКИ МАТЕРИНСКОГО КАПИТАЛА В РОССИИ *

ФАБИАН СЛОНИМЧИК, АННА ЮРКО

На протяжении длительного времени рождаемость в России находится ниже уровня замещения населения. С 2007 года Правительство Российской Федерации проводит активную политику поощрения рождаемости. Женщины, родившие второго или последующего ребенка, получают пособие, именуемое «материнским капиталом», размер которого, в среднем, составляет 360 тыс. рублей¹. В статье оценивается влияние политики поощрения рождаемости (пронаталистской политики) на долгосрочные тенденции рождаемости. Для оценки эффективности политики материнского капитала применена динамическая структурная модель рождаемости и трудоустройства на основе панельных данных. Программа материнского капитала (МК) включена в модель в явной форме через бюджетное ограничение. Полученный результат показывает, что программа поощрения рождаемости увеличила долгосрочную рождаемость в среднем на 0,15 ребенка на женщину.

Ключевые слова: рождаемость, пронаталистская политика, материнский капитал, занятость женщин, структурные оценки, Россия

1. ВВЕДЕНИЕ

В течение последних десятилетий экономисты придерживаются теории, что решение о рождении детей является частным случаем задачи максимизации полезности потребителя². Дети приносят определенное удовлетворение, но их рождение и воспитание сопряжено с издержками, и семьи стоят перед выбором, касающимся рождения оптимального количества детей. Правительства некоторых стран используют методы прямых финансовых поощрений в попытке преодолеть снижение рождаемости. Австралия, Франция, Германия, Канада (провинция Квебек) и Испания предоставляют семьям «бонус за ребенка».

ФАБИАН СЛОНИМЧИК. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ», РОССИЯ. ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ ТРУДА, ГЕРМАНИЯ. E-mail: fslonimczyk@hse.ru

АННА ВЯЧЕСЛАВОВНА ЮРКО. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ», РОССИЯ.

* ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО СТАТЬИ [SLONIMCZYK, YURKO 2014].

¹ Средняя величина с 2007 по 2012 гг. в рублях 2011 г. Для конвертации этой и других номинальных величин использовался Российский индекс потребительских цен.

² Теория исходно сформулирована Бэкером [Becker 1960]; обзор литературы также представлен в [Hotz, Klerman, Willis 1997] и [Arroyo, Zhang 1997].

Россия относится к странам с очень низкой рождаемостью: коэффициент суммарной рождаемости (КСР) в 2001-2005 гг. составлял примерно 1,3³. Для стимулирования женщин к рождению большего числа детей Государственная Дума приняла Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей", известный как «программа материнского капитала» (МК). Согласно данному закону, с января 2007 г. женщине, родившей или усыновившей второго или последующего ребенка, полагается специальная материальная помощь. Программа рассчитана до конца 2016 года⁴.

Возмещения по программе МК осуществляется в виде выдачи сертификата, дающего право его владельцу использовать денежные средства в размере приблизительно 360 тыс. рублей (в рублях 2011г) в любой срок по достижению ребенком возраста трех лет.⁵ Деньги могут быть использованы на ограниченное число целей. В частности, родители могут использовать данные средства на: 1) приобретение жилья, 2) оплату образования детей или 3) вложение денег в пенсионную программу матери. Женщины могут претендовать на получение МК только один раз за всю жизнь.

На конец 2012 года было выдано чуть более четырех миллионов сертификатов на материнский капитал⁶. При среднем размере одного сертификата, равном приблизительно 360 тыс. руб., общие обязательства, связанные с Программой МК, растут ежегодно примерно на 240 млрд. рублей (2,1 % от общих расходов федерального бюджета в 2012г)⁷. Для сравнения, на образование в том же году приходилось 4,8% расходов федерального бюджета. Нагрузку на бюджет облегчает тот факт, что родители не сразу распоряжаются средствами материнского капитала: к концу 2012 года полностью или частично воспользовались средствами материнского капитала около 2,5 млн семей; большая часть средств (96,3%) была израсходована на улучшение жилищных условий.

Насколько эффективно данная программа работает на увеличение рождаемости? В 2006 году Гэри Беккер в своем блоге написал: «Я ожидаю, что рождаемость в России увеличится на 10-20% по сравнению с текущим уровнем или коэффициент суммарной рождаемости вырастет с 1,28 до возможно значения в 1,55». Через четыре года после запуска Программы материнского капитала КСР в России составил 1,58. Кажется, что предсказания Беккера были верны, и политика положительно повлияла на рождаемость (Becker, 2006).

Как и следовало ожидать, Правительство связывает увеличение рождаемости со своей политикой, в частности, с программой МК. Однако российские демографы не столь

³ КСР отображает общее количество детей, рожденных одной женщиной на протяжении всего жизненного цикла. Для условного поколения КСР равен сумме текущих возрастных коэффициентов рождаемости. Численность населения остается стабильной, если КСР приблизительно равен 2,1. Обзор последних демографических тенденций в России представлен в работах Denisova and Shapiro (2013) и Brainerd (2012). См. также ежегодные доклады Института демографии НИУ ВШЭ «Население России» (2013, 2014).

⁴ В настоящее время обсуждается вопрос о продлении действия программы до конца 2025 года.

⁵ Сумма в рублях ежегодно устанавливается с учетом инфляции (Таблица П-1).

⁶ Источник: Пенсионный Фонд Российской Федерации. Годовой отчет 2012 г. (http://www.pfrf.ru/files/id/about/2012_godotchet.pdf)

⁷ Это размер обязательств, а не израсходованных средств. Не все владельцы сертификатов сразу запрашивают средства МК, но это не отменяет финансовых обязательств перед ними.

оптимистичны. Они отмечают, что КСР увеличивался в России стабильно с 2000 года и что КСР и другие обобщенные показатели рождаемости не являются надежными индикаторами для определения истинного изменения рождаемости (Захаров, 2012).

Влияние финансовой помощи на рождаемость уже изучалось ранее. К примеру, González (2013) пришел к заключению, что всеобщее детское пособие размером в 2500 евро, введенное в Испании в 2007 году, увеличило рождаемость на 6%. Cohen et al. (2013) получил похожий результат для Израиля, сделав вывод, что в Израиле детские пособия положительно повлияли на рождаемость. На основе данных о трех существенных изменениях в налоговой политике во Франции, Chen (2011) получил смешанный результат относительно того, как рождаемость реагирует на положительные/отрицательные изменения в налоговых стимулах. Наконец, Milligan (2005) пришел к выводу, что введение политики поощрения рождаемости в Канадской провинции Квебек существенно повлияло на рождаемость.

Оценка эффективности политики МК усложняется по двум основным причинам. Во-первых, существует классическая проблема множественных влияний. В частности, приблизительно в то же время, когда была запущена Программа МК, российское правительство внесло изменения в правила предоставления отпусков по беременностям и родам и в порядок оплаты пособий. Кроме того, влияние Программы на изменение репродуктивных решений женщин может быть полностью оценено лишь по завершению их репродуктивного периода. Без дополнительных предположений и допущений невозможно отличить увеличение итоговой рождаемости от изменения календаря рождений (смещения во времени, перепланирования момента рождения).

Чтобы оценить эффективность Программы МК с учетом вышеупомянутых сложностей, в данной работе мы используем динамическую стохастическую модель дискретного выбора рождаемости и занятости. Далее мы используем оценки структурных параметров для анализа влияния Программы. Используемая нами модель основывается на предыдущих динамических моделях рождаемости, таких как, например, Wolpin (1984), Francesconi (2002) и Keane and Wolpin (2007), и в явной форме учитывает дифференцированные затраты и выгоды от рождения (усыновления) первого ребенка по отношению к последующим. Чтобы учесть в модели изменения в отпуске по беременности и родам и пособиях по уходу за ребенком, мы делаем предположение, что полезность, связанная с рождением ребенка, может различаться в период до и после реформы. Размер МК в явной форме включен в модель через бюджетное ограничение, что позволяет модели использовать вариативность в доходах для определения эффекта Программы. И наконец, так как женщины в модели ведут себя предусмотрительно, дальновидно и рационально, мы можем отличить рост итоговой рождаемости от изменения календаря рождений.

Основываясь на результатах имитационной модели, мы пришли к выводу, что политика МК оказывает скромное влияние на итоговую рождаемость (в среднем, добавляя приблизительно 0,15 ребенка на женщину). Как и ожидалось, основное влияние на рождаемость оказало увеличение доли женщин, решивших завести двух и более детей. Модель подтверждает, что значительная часть наблюдаемого роста коэффициентов рождаемости сразу после введения Программы была вызвана краткосрочным изменением

календаря рождений, а не увеличением итоговой рождаемости. Влияние политики МК было неоднородным, в частности, мы пришли к выводу, что прирост рождаемости был большим у женщин, состоящих в браке или в партнерских отношениях. Не выявлено значимых различий между женщинами с различным трудовым стажем и статусами занятости, между сельским и городским населением.

Структура статьи такова. В следующем разделе детально описываются методологические сложности, связанные с оценкой эффективности программы МК, а также наш подход к преодолению этих сложностей. В разделе 3 приведены разнообразные описательные характеристики и оценки эффективности политики, включая результаты опроса 2008 года, данные по агрегированным коэффициентам рождаемости, полученным из различных источников, и результаты оценки моделей до-после и разность-разностей. Результаты данного раздела обеспечивают нас сравнительной базой для анализа оценок структурной модели. Раздел 4 описывает модель и метод оценивания. Раздел 5 описывает оцениваемую выборку. В разделе 6 представлены полученные результаты и оценивается способность модели аппроксимировать данные. В разделе 7 мы представляем оценки краткосрочных и долгосрочных эффектов программы МК, полученные с помощью имитационной модели. В разделе 8 содержатся выводы и итоговые замечания.

2. ОЦЕНКА ПОЛИТИКИ МАТЕРИНСКОГО КАПИТАЛА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОЖНОСТИ

Данный раздел подробно описывает изменения в семейной политике в России. Далее в нем рассматриваются методологические сложности, связанные с оценкой влияния Программы МК на рождаемость, и предлагаемые нами способы преодоления этих сложностей.

2.1. Программа материнского капитала

Программа материнского капитала – это государственная программа, действующая с января 2007 года с запланированным сроком окончания в 2016 год⁸. Женщинам, которые рожают или усыновляют второго или последующего ребенка, полагается специальная финансовая помощь. Она предоставляется в виде сертификата, который гарантирует его владельцу получение определенной суммы денежных средств. Сумма, первоначально равная 250 тыс. руб., ежегодно индексируется для компенсации инфляции. В последнем столбце таблицы П-1 приведен размер МК, начиная с момента утверждения программы в текущих рублях и в рублях 2011г. Женщина имеет право подать заявление на получение сертификата в любое время после рождения второго или последующего ребенка, однако она может сделать это только один раз за всю жизнь. В случае смерти матери сертификат передается отцу ребенка, а в случае последующей смерти отца – самому ребенку.

Согласно изначальной формулировке, семья могла тратить средства только по достижении ребенком возраста трех лет и только на одну (или комбинацию) из трех

⁸ Федеральный закон от 29 декабря 2006 года № 256-ФЗ "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей".

следующих нужд: 1) приобретение жилья, 2) образование детей, 3) отчисления в пенсионный фонд матери.⁹ В зависимости от назначения, средства переводятся напрямую из Пенсионного Фонда, администратора данной программы, продавцу собственности, кредитору в случае ипотеки, образовательному учреждению или на счет пенсионного фонда матери.

2.2. Другие меры стимулирования рождаемости в России

Существуют и другие меры поддержки рождаемости, часть из них была пересмотрена в период, на который опирается данное исследование. Во-первых, работающая женщина имеет право на 140 дней отпуска по беременности и родам («декретного отпуска»), разделенного на две равные части до и после родов¹⁰. Декретный отпуск полностью оплачивается в пределах некоторой максимальной суммы, которая ежегодно индексируется. Как показано в таблице П-1, начиная с 2005 года максимальная сумма выплат непрерывно росла.

Вдобавок к отпуску по беременности и родам, работающая женщина имеет право взять дополнительный оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет.¹¹ До 2007 года выплаты в этот период представляли собой незначительную фиксированную сумму. С января 2007 года действуют важные поправки. Размер пособия стал рассчитываться как фиксированная доля (40%) от средней зарплаты матери. Однако был установлен минимальный и максимальный размеры выплат по уходу за ребенком до полутора лет (столбцы 3-5 Таблицы П-1). Минимальный размер выплат различается в зависимости от очередности родов. Эти различия относительно невелики, и лишь малая часть женщин с постоянной работой имеют диапазон зарплат, при которых порядковый номер родов имеет значение.

Реформа 2007 г. также впервые ввела пособие для неработающих женщин¹². Размер пособия равен минимальной сумме, выплачиваемой работающим женщинам в случае отпуска по уходу за ребенком до полутора лет. В целом реформа материнских пособий создала для женщин дополнительные стимулы для рождения детей. Для неработающих и небольшой части работающих женщин с очень низким заработком пособия увеличиваются с рождением второго и последующих детей.

⁹ После изначального принятия Закона в него были внесены поправки. Во-первых, начиная с января 2009 года, средства могут быть использованы на погашение ипотечного кредита сразу после рождения ребенка (т.е. без трехлетнего периода ожидания). Во-вторых, начиная с августа 2010, средства могут быть использованы на строительство жилья. В таком случае деньги либо переводятся напрямую строительной компании, либо владельцу сертификата, если он сам производит строительные работы и предоставил в Пенсионный Фонд соответствующие бумаги. Наконец, с 2009 по конец первого квартала 2011 года владельцы сертификата на МК имели право получить 12 000 рублей наличными.

¹⁰ Федеральный закон от 30.05.1995 № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» и его последующие поправки. В случае многоплодной беременности или осложнений при родах предоставляются дополнительные 30 дней отпуска.

¹¹ Отпуск по уходу за ребенком может быть продлен, пока ребенку не исполнится 3 года. Однако после 18-го месяца выплаты ничтожны (50 рублей) и не подлежат индексации.

¹² Все рождающие женщины имеют право на единовременное пособие (столбец 6 Таблицы П-1).

2.3. Методологическая стратегия

Оценка влияния политики МК сложна по двум основным причинам. Во-первых, существует классическая проблема множественных влияний. Изменения других экономических и неэкономических факторов могли объяснить наблюдаемое увеличение рождаемости, которое произошло одновременно с началом программы МК. В частности, приблизительно в то же время Правительство РФ внесло изменения в пособия по беременности и родам, и по уходу за ребенком до полутора лет. Так как, по своей сути, данные изменения носили всеобщий характер, очень сложно отделить истинные различия между группами активного воздействия и контрольными, позволяющие оценить влияние программы МК на рождаемость.

Одно из решений данной проблемы - использование того факта, что программа МК нацелена на второго и последующих детей, в то время как остальные меры стимулирования рождаемости - на рождение детей в независимости от их очередности, и соответственно применение метода «разности-разностей» (*difference-in-differences*, DID) для оценки эффекта программы. Однако в данном случае метод не дает точной оценки желаемого эффекта по нескольким причинам. Во-первых, некоторые незначительные изменения размера детских пособий на самом деле являются функцией от очередности рождений. В частности, после 2007 года сумма минимального пособия, выплачиваемого работающей женщине в период отпуска по уходу за ребенком до полутора лет и всем неработающим женщинам, выше при рождении второго и последующих детей, чем при рождении первого ребенка. Во-вторых, даже контролируя большое число наблюдаемых характеристик, невозможно исключить тот факт, что решение завести первого ребенка в корне отличается от решения завести второго и последующих детей. В частности, возможно, что решение родить первого ребенка менее чувствительно к денежным стимулам, нежели последующие рождения. Поэтому изменение экономических условий в тот момент, когда была введена программа МК и внесены изменения в другие меры поддержки рождаемости, может привести к смещению оценки DID.

Вторая сложность заключается в том, что решения женщин относительно рождения детей, связанные с программой МК, будут наблюдаемы в полной мере только после окончания их репродуктивного периода. Без дополнительных допущений невозможно отличить рост итоговой рождаемости от сдвига времени между рождениями детей (тайминга рождений). Подобное изменение календаря рождений может быть особенно значимым, если женщины сильно дисконтируют будущее и/или предполагают, что в дальнейшем пособия будут отменены.

Обратим внимание на то, что политика МК могла вызвать и «эффект ожидания», т.е. изменение в репродуктивном поведении до запуска программы МК, произошедшего в январе 2007 года. А именно, женщины могли принять решение забеременеть, отложить беременность или отказаться от аборта в 2006 году в ожидании программы МК. Есть несколько причин считать, что данный эффект маловероятен. Во-первых, программа была представлена в Государственную Думу в октябре 2006 года и принята в конце декабря того

же года.¹³ Во-вторых, по данным общественных опросов, через два года после принятия программы МК треть женщин и половина мужчин были абсолютно не осведомлены о существовании программы. Более того, треть респондентов не верили в то, что женщины, имеющие право на МК, в действительности смогут получить пособие¹⁴. С учетом данных результатов, маловероятно, что в 2006 году количество женщин, проинформированных о данной программе и верящих в её реализацию, было достаточным, чтобы вызвать экономически значимую поведенческую реакцию. Наконец, поскольку ежемесячные и ежеквартальные данные по рождениям и абортам недоступны, мы построили временной ряд с квартальными данными по рождаемости и исследовали ежегодные данные по абортам из РМЭЗ и официальной государственной статистики. Значительный «эффект ожидания» выразился бы в необычайно высоком уровне рождения вторых или последующих детей в начале 2007 года и в низком уровне аборт в 2006 году. Имеющиеся данные не указывают ни на один из этих эффектов¹⁵.

Из-за перечисленных потенциально искажающих факторов изменения календаря рождений в пост-реформенный период, оценки по методам «до-после» и «разность-разностей» могут быть смещены в сторону завышения. Чтобы исправить данное смещение, мы в явном виде моделируем решение о рождении ребенка динамическим стохастическим путем. Такой подход имеет несколько весомых преимуществ. Во-первых, благодаря учету динамических аспектов принятия решений, модель позволяет отделить краткосрочные изменения календаря рождений от долгосрочных изменений в рождаемости. Во-вторых, модель в явной форме учитывает различия в затратах и выгодах от рождения первого и последующих детей, и позволяет чистым выгодам от рождения ребенка изменяться в ответ на изменения в пособиях по беременности, родам и уходу за ребенком. В отличие от DID регрессий, модель использует вариативность интервалов между рождениями для определения полезности разного числа детей. В-третьих, благодаря учету рождаемости и занятости одновременно, модель позволяет включить выгоду от МК в явной форме через бюджетное ограничение. Введение в модель потенциальных заработков женщины дает шкалу, на основании которой женщина может оценивать выгоды МК. Доход женщины является дополнительным источником вариативности, определяющим влияние программы МК.

Мы также можем получить скорректированные по выбору (selection adjusted) оценки влияния политики на работающих и не работающих женщин. Это важно, так как изменения в детских пособиях в зависимости от очередности рождений более значительны для

¹³ Введению пронаталистской политики предшествовала общественная дискуссия. В частности, Владимир Путин предложил активизировать политику поощрения рождаемости в своем ежегодном Послании Федеральному Собранию в мае 2006 года. Тем не менее, маловероятно, что общественная дискуссия до принятия и утверждения Программы повлияла на поведение женщин. Политические заявления не всегда оказываются осуществленными на деле. К примеру, следующие политические заявления, высказанные Владимиром Путиным в том же Послании 2006 года, никогда не были реализованы: всеобщее покрытие расходов по посещению детских садов, гарантия доступности места в детском саду, установка современного оборудования во всех больницах и перинатальных центрах. Кроме того, законодательные инициативы нередко отклоняются Государственной Думой. За осеннюю сессию 2006 года всего лишь 131 из 434 законодательных инициатив были одобрены.

¹⁴ Смотрите Таблицу А.2 в [Slonimczyk, Yurko 2013].

¹⁵ Эти дополнительные данные доступны по запросу.

неработающих женщин. Поэтому модель также подразумевает проверку устойчивости по отношению к искажающему влиянию данных мер поддержки рождаемости.

Все эти преимущества имеют свою цену. В частности, как и в случае с любым видом моделирования, нам необходимо определить функциональную форму и сделать предположения о характере распределений, а также принять допущение, что основные структурные параметры модели неизменны во времени. Модель и обсуждение каждого из принятых допущений представлены ниже, в разделе 4. Кроме того, в заключительном разделе мы обсудим ограничения нашей стратегии моделирования.

3. ОПИСАТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ: КОЭФФИЦИЕНТЫ РОЖДАЕМОСТИ, ОЦЕНКИ МОДЕЛЕЙ «ДО-ПОСЛЕ» И «РАЗНОСТЬ РАЗНОСТЕЙ» (DID)

В этом разделе представлены разнообразные агрегированные показатели и эконометрические модели, используемые для оценки влияния программы МК на рождаемость. После описания источников данных, мы приводим анализ временных рядов, отображающих возрастные коэффициенты рождаемости и коэффициент суммарной рождаемости, рассчитанные по данным официальной статистики. Далее мы обратимся к индивидуальным данным из репрезентативной выборки для получения оценок «до-после» и «разность-разностей», с использованием методов регрессионного анализа. Как было упомянуто выше, мы ожидаем, что эти оценки будут смещены в сторону завышения. Тем не менее, они представляют базовые показатели, относительно которых можно оценить результат, полученный на основе структурной модели. В конце раздела представлены результаты опроса о программе МК.

3.1. Источники данных

Официальные агрегированные данные о возрастных коэффициентах рождаемости и коэффициенте суммарной рождаемости взяты с сайта Росстата за период 2000-2011 гг. Информация за более ранний период получена из базы данных по рождаемости - Human Fertility Database (HFD)¹⁶. Представленные там данные собраны из официальных источников, что делает эту базу данных одним из наилучших общедоступных источников информации по рождаемости в России. Однако доступны только обобщенные данные и нет никакой дополнительной информации, кроме возраста матери при рождении ребенка и очередности рождений.

Основной источник данных для этого исследования - Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) - панельные обследования домохозяйств на базе первой в России вероятностной стратифицированной многоступенчатой территориальной выборки¹⁷. В среднем, за раунд опрашивается 10 000 человек из 4 000 домохозяйств, проживающих в 32 субъектах и 7 федеральных округах

¹⁶ База данных по рождаемости (The Human Fertility Database). Институт демографических исследований Общества Макса Планка и Венский институт демографии. Доступно на <http://www.humanfertility.org>

¹⁷ РМЭЗ осуществляется НИУ Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» в России при участии Центра народонаселения университета Северной Каролины в Чапел Хилл, США.

Российской Федерации. На ряд вопросов о домохозяйстве («вопросник домохозяйств») отвечает один представитель из домохозяйства. В свою очередь каждый член домохозяйства старше 14 лет опрашивается индивидуально («взрослый вопросник»), включая вопросы о трудовой занятости, стаже, образовании и доходах.

Мы используем вопросник домохозяйства, чтобы создать историю рождений для каждой женщины в панельных данных. А именно, мы фиксируем рождение каждый раз, когда новый ребенок появляется в реестре домохозяйства. Для домохозяйств, опрошенных в первый раз, мы фиксируем рождение ребенка в случае, если ребенок не достиг возраста одного года. Так как опросы РМЭЗ проводятся с октября по декабрь, показатели рождаемости, рассчитанные по данным РМЭЗ, не точно совпадают с календарным годом. На рис. 1 и 2 мы сравниваем показатели рождаемости, рассчитанные по данным РМЭЗ и официальных статистических источников. Как и ожидалось, в данных РМЭЗ есть флуктуации из-за меньшего размера выборки, однако они хорошо согласуются с данными официальной статистики.

3.2. Основные тенденции

На рис. 1 показана динамика коэффициента рождаемости для женщин в возрасте от 15 до 49 лет (специальный коэффициент рождаемости). Этот показатель, рассчитанный по данным официальной статистики, снижался во второй половине 1990-х годов, после чего последовал его быстрый рост в начале 2000-х, стабилизировавшийся на уровне 3,7% незадолго до принятия Программы МК. Начиная с 2007 года специальный коэффициент рождаемости существенно вырос.

Специальный коэффициент рождаемости сильно зависит от возрастной структуры женского населения. Альтернативный показатель - это коэффициент суммарной рождаемости (КСР), равный сумме возрастных коэффициентов рождаемости в текущий период. КСР не зависит от относительного размера когорты и измеряет рождаемость в легко интерпретируемой метрике (количество детей на женщину). Основным недостатком КСР в том, что он экстраполирует рождаемость старших когорт на более молодые. Согласно официальной статистике, тренды КСР схожи с трендами специального коэффициента рождаемости (рис. 2), поэтому рост уровня рождаемости вряд ли проходил под влиянием изменения возрастной структуры.

На рис. 3 показаны коэффициенты рождаемости по очередности рождений, рассчитанные по данным РМЭЗ¹⁸. Вопрос о количестве детей в вопроснике для взрослых, который может быть использован для определения очередности рождений, доступен только с 2004 года. Вопросник домохозяйства содержит информацию о количестве сыновей и дочерей всех возрастов при условии, что они проживают в домохозяйстве. Несоответствие между двумя рядами возникает из-за присутствия в выборке женщин старших возрастов, дети которых могут проживать вне домохозяйства¹⁹.

¹⁸ Коэффициенты рождаемости по очередности рождений также доступны из HFD. Они очень похожи на данные РМЭЗ, и мы не отображаем их во избежание загромождения рисунка.

¹⁹ Рис. A2 в препринте (рабочем докладе) данной статьи показывает те же самые данные, ограниченные молодыми женщинами.

Расчеты по данным РМЭЗ и официальной статистики показывают, что уровень первых рождений был практически постоянным и рост специального коэффициента рождаемости в последние годы произошел благодаря росту вторых и последующих рождений. Так как Программа МК в явном виде направлена на стимулирование рождения второго и последующего детей, то прирост коэффициентов рождаемости при рождении второго и последующего детей может быть интерпретирован как положительный эффект Программы МК.

3.3. Оценки «до-после» и «разность-разностей»

Далее, используя индивидуальные данные РМЭЗ, мы формально тестируем гипотезу о том, что политика МК увеличила рождаемость, контролируя ряд других наблюдаемых характеристик. В частности, мы оцениваем следующие уравнения:

$$\text{birth}_{it} = \alpha_0 + \alpha_1 \text{post}_t + f_1(\text{age}_{it}) + X\gamma_1 + \varepsilon_1 \quad (1)$$

$$\begin{aligned} \text{birth}_{it} = \beta_0 + \beta_1 \text{post}_t + \beta_2 (\text{MCelig}_{it}) + \beta_3 (\text{MCelig}_{it} \times \text{post}_t) \\ + f_2(\text{age}_{it}) + X\gamma_2 + \varepsilon_2 \end{aligned} \quad (2)$$

где *birth* - это индикатор того, что женщина *i* родила в период между интервью в последнем квартале года *t* и 12 месяцами до него; *post* - индикатор, равный единице в период 2008-2011 и равный нулю в другом случае. Обратите внимание, что поскольку Программа МК была принята в январе 2007 года, более чем три четверти рождений в 2007 году соответствуют зачатиям 2006 года²⁰. Переменная *MCelig* равна единице для женщин, имеющих одного и более детей, но не рожавших второго и последующих детей после 2007 года. Соответственно, она равна нулю в двух случаях: 1) для женщин без детей; 2) для женщин с двумя и более детьми, родивших второго или последующих детей в период действия Программы.²¹

Мы оцениваем уравнение (1) для женщин в возрасте от 15 до 49 лет, удовлетворяющих критериям участия в Программе МК, используя данные за 1994-2011 гг. Результаты сравнения «до-после», описываемое параметром α_1 , отражает эффективность Программы при условии того, что не было никаких других значимых изменений, способных повлиять на рождаемость.

Альтернативный подход состоит в использовании метода «разность-разностей» (DID). Параметр β_3 в уравнении (2) отражает эффект от Программы при гипотезе «общего тренда», заключающейся в том, что все меняющиеся во времени ненаблюдаемые переменные имеют одинаковое влияние как на женщин, попадающих под действие Программы, так и на женщин, которые не могут ею воспользоваться²². Заметим, что данная

²⁰ Так как некоторые интервью РМЭЗ проводятся в октябре, раунд 2008 года включает некоторые случаи беременности, начавшиеся в конце 2007 года. Также смотрите замечание по поводу «эффекта ожидания» в разделе 2.3.

²¹ Так как у нас нет информации по использованию средств МК на индивидуальном уровне, наилучшее, что мы можем сделать, это посмотреть на эффект попадания под действие МК. Это эквивалентно методу анализа, используемому в клинических испытаниях.

²² Это лишь приблизительно равносильно предположению, что ненаблюдаемые параметры одинаково влияют на рождение первого и на рождения последующих детей, так как наш индикатор также зависит от того, рожали ли женщины после принятия программы.

оценка может быть смещена в сторону занижения, если Программа МК простимулировала первые рождения, увеличив ценность рождения второго и последующих рождений.

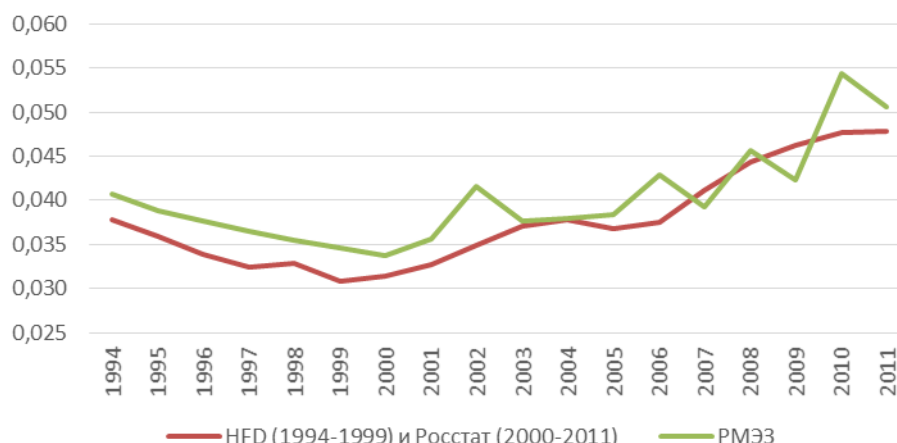

Рисунок 1. Специальный коэффициент рождаемости, на 1 женщину, 1994-2011

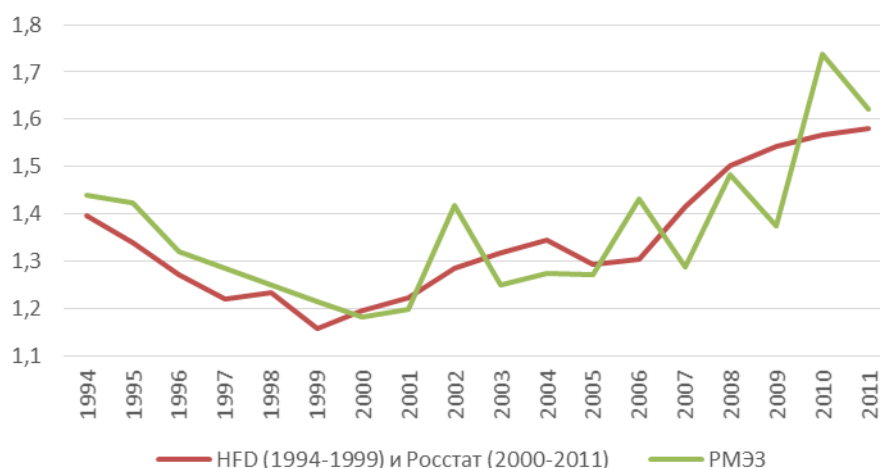

Рисунок 2. Коэффициент суммарной рождаемости, на 1 женщину, 1994-2011

Столбцы - 7 в таблице 1 отражают оценку эффектов по методу наименьших квадратов для различных спецификаций функции $f(\cdot)$ от возраста (age) и множества контрольных переменных (X).²³ Стандартные ошибки устойчивы и сгруппированы на индивидуальном уровне в соответствии с рекомендациями [Bertrand et al. 2004].

Оценки «до-после» и DID очень схожи и устойчивы к добавлению различных контрольных переменных. Мы уделили особое внимание возрасту матери, который, очевидно, является важным фактором, влияющим на рождаемость. Мы экспериментировали с квадратичной функциональной формой, а также с включением возрастных фиктивных переменных и с линейным и кубическим сплайнами. Также мы включили семейное положение и несколько демографических переменных и характеристик человеческого капитала, учли структуру домохозяйства, включили фиктивные переменные

²³ Полные результаты регрессий доступны у авторов по запросу.

для года и региона²⁴. Наконец, в некоторых спецификациях мы включили контрольные переменные возраста младшего ребенка, а также ряд индикаторов доступности и стоимости услуг по уходу за детьми в местности, где проживает женщина.

Оценка увеличения вероятности рождения во всех случаях находится в интервале 1,4-2,4%, что соответствует данным на рисунке 3²⁵. Мы можем получить не требующую сложных расчетов приблизительную оценку ожидаемого роста числа детей следующим образом.

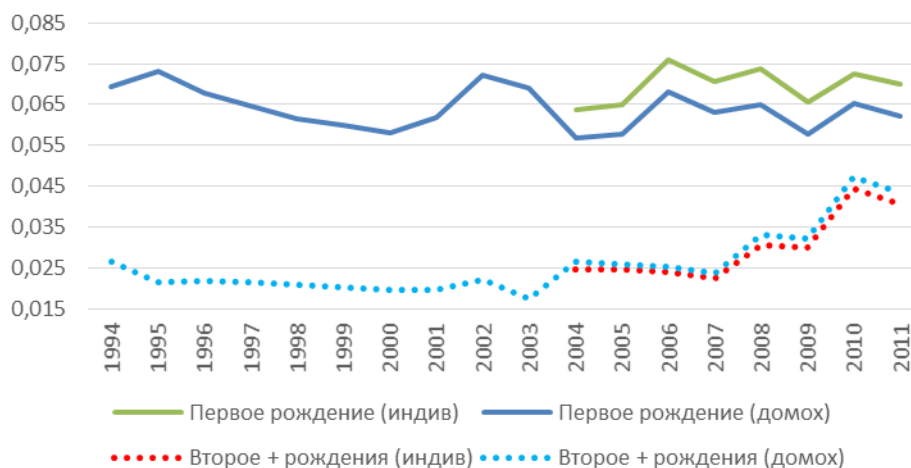

Рисунок 3. Специальные коэффициенты рождаемости по очередности рождений (детей на женщину в возрасте 15-49 лет)

Источник: РМЭЗ

Примечание: При расчете показателей «индив» мы использовали ответы на вопрос о количестве детей у респондентов из взрослых вопросников. При расчете показателя «домох» мы использовали информацию о количестве сыновей и дочерей, проживающих в домохозяйстве из данных вопросников домохозяйств.

Жизненный период, включенный в анализ, равен 34 годам (с 15 до 49 лет). Наши оценки показывают, что вероятность рождения у среднестатистической исследуемой женщины выросла на 2% в год, что дает ожидаемый прирост на $0,02 \times 34 \approx 0,68$ ребенка за весь период. Так как приблизительно 58% женщин попали под действие Программы МК, программа привела к общему приросту рождаемости приблизительно на 0,4 ребенка. Это согласуется с ростом КСР, представленным на рисунке 2.

В общем, эти оценки означают, что увеличение специального коэффициента рождаемости после 2007 года не является следствием изменения возрастной структуры или любого другого наблюдаемого фактора рождаемости в наборе контрольных переменных. Это также подтверждает, что прирост вторых и последующих рождений является статистически значимым.

²⁴ Таблица 1 содержит полный список контрольных переменных.

²⁵ Для полноты мы также оценили уравнение (1) для всех женщин вне зависимости от того, подходят ли они под критерии МК или нет. В среднем, специальный коэффициент рождаемости выше на 0,6% после принятия Программы МК.

Таблица 1. Оценки «до-после» и «разность-разностей» (DID), женщины от 15 до 49 лет

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)
До-после post	0,016*** (0,002)	0,015*** (0,002)	0,014*** (0,002)	0,014*** (0,002)	0,014*** (0,002)	0,015*** (0,002)	0,014*** (0,004)
Разность-разностей MCelig x post	0,018*** (0,004)	0,019*** (0,004)	0,021*** (0,004)	0,022*** (0,004)	0,022*** (0,004)	0,024*** (0,004)	0,023*** (0,005)
post	- 0,002 (0,003)	- 0,008 (0,007)	-0,010 (0,007)	-0,011 (0,007)	-0,010 (0,007)	-0,012* (0,007)	- 0,012 (0,008)
Контрольная переменная возраста (Age)	Нет	Квадрат	Группы ^e	Линейный сплайн ^e	← Кубический сплайн ^e →		
Основные контрольные переменные ^a	Нет	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Другие контрольные переменные	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Да ^b	Да ^{b,c}
Количество наблюдений ^d	36,659/60,051	33,801/55,535	33,798/55,531	33,801/55,535	33,801/55,535	33,801/55,535	32,746/53,463
R ^{2,d}	0,002/0,009	0,029/0,063	0,030/0,067	0,031/0,070	0,031/0,069	0,033/0,074	0,035/0,076

Примечание: Зависимая переменная - birth. Регрессия «до-после» оценена только для женщин, удовлетворяющих критериям получения МК. Устойчивые стандартные ошибки сгруппированы на индивидуальном уровне.

^aОсновные контрольные переменные (в скобках указаны номера категорий для дискретных контрольных переменных): Количество детей (5), Образование (5), Стаж, российское гражданство, место рождения - Россия, замужем, количество родителей в домохозяйстве (3), количество бабушек-дедушек в домохозяйстве (3), количество братьев-сестер в домохозяйстве (5), год (16), местоположение (регион) (39), городское местоположение.

^bДругие контрольные переменные: возрастная категория самого младшего ребенка (5). На местном уровне: государственные ясли, частные ясли, государственной детское дошкольное учреждение, частное детское дошкольное учреждение, средняя стоимость за час ухода за ребенком, доля получающих бесплатный уход за ребенком.

^dДанные соответствуют оценкам «до-после» и DID.

^eВозрастные группы 15-20, 20-25, ..., 45-50. Такие же интервалы использованы для выбора узлов сплайнов.

Таблица 2. Результаты опроса о политике МК

	Мужчины	Женщины
МК повлиял на количество детей, которых хотят завести	2,8% (3821)	4,2% (3755)
Среднее количество желаемых детей,		
если было сказано, что МК не повлиял на желание иметь детей	1,6 (3516)	1,6 (3472)
если было сказано, что МК повлиял на желание иметь детей	1,9 (102)	1,8 (147)
МК повлиял на решение ^a		
...родить/забеременеть/усыновить	-	5,6% (339)
...родить и завести желаемое количество детей	-	3,0% (303)
...родить, но не желаемое количество детей	-	3,3% (303)

Примечание: Вопросы задавались всем взрослым людям в раунде РМЭЗ 2008 года, кроме вопросов, отмеченных символом ^a, которые были заданы только женщинам, подходящим под критерии получения МК. Количество наблюдений указано в скобках.

Для заключительной проверки устойчивости мы получили оценки «до-после» и DID, основываясь на методе сопоставления данных с ближайшими соседними. Эти оценки статистически неотличимы от оценок, полученных из регрессии²⁶.

²⁶ Более детальное описание оценок, полученных методом сопоставлений, см. [Slonimczyk and Yurko 2013].

3.4. Обсуждение

В этом разделе представлены различные показатели и получены оценки регрессионных моделей, позволяющие судить об эффективности программы МК. Во-первых, официальные статистические данные о рождениях показывают значительный прирост специального коэффициента рождаемости и коэффициента суммарной рождаемости. Прирост в количестве рождений объясняется исключительно вторыми и последующими рождениями. Во-вторых, оценки «до-после» и DID показывают, что рост рождаемости происходит не из-за изменений в какой-то из множества контрольных переменных. Исследователь, использующий эти оценки для причинно-следственной интерпретации, заключил бы, что Программа МК увеличила коэффициент суммарной рождаемости приблизительно на 0,4 ребенка на женщину.

Тем не менее, как указано выше, предположения, сделанные для оценок «до-после» и DID, вряд ли выполняются в данном случае. Точнее, улучшения в пособиях по беременности, родам и уходу за ребенком также вероятно частично повлияли на рост рождаемости. Вдобавок, предыдущие исследования [например, Dickert-Conlin and Chandra, 1999; Gans and Leigh, 2009] показывают, что изменение календаря рождений - частая реакция на политику поощрения рождаемости²⁷. Оба этих фактора означают, что оценки «до-после» и DID смещены в сторону завышения.

Раунд РМЭЗ 2008 года включал в себя ряд вопросов о программе МК. Данные, представленные в таблице 2, указывают на то, что эффект от программы МК скорее всего был более скромным, чем можно предположить на основе оценок, полученных в данном разделе. Лишь приблизительно 3% мужчин и 4% женщин ответили, что они пересмотрели и изменили количество желаемых детей в связи с введением программы МК. Разница в количестве желаемых детей между людьми, на которых повлиял МК и людьми, на которых не повлиял МК, составляет 0,2 ребенка среди женщин и 0,3 среди мужчин. Анкета также включала несколько вопросов, задававшихся только женщинам, которые могли претендовать на получение МК (т.е. тем, кто родил или усыновил второго или последующих детей после января 2007 года). Среди этих женщин лишь 5,6% ответили, что МК повлиял на их решение завести еще одного ребенка.

Оставшиеся вопросы задавались с целью отделить изменение календаря рождений от реального увеличения итоговой рождаемости. Ответы показывают, что приблизительно в половине случаев программа МК повлияла лишь на перепланирование времени рождения, но не на итоговое количество желаемых детей.

4. МОДЕЛЬ

Данный раздел описывает динамическую стохастическую модель рождаемости и трудоустройства. Женщины в модели в каждый момент времени максимизируют

²⁷ Точнее, упомянутые исследования выявили значительный «эффект ожидания» в США и Австралии. Хотя мы не думаем, что такие эффекты имели место в России, существование таких эффектов говорит о возможных изменениях календаря рождений в пост-реформенный период.

ожидаемую полезность, выбирая одну из дискретных альтернатив. Во-первых, в каждом возрасте t женщина принимает решение о трудоустройстве: $l_t=1$, если женщина работает и $l_t=0$, если женщина не работает в возрасте t ²⁸. Во-вторых, женщина в репродуктивном возрасте может принять решение о рождении ребенка: $n_t=1$ - рождение ребенка, в противоположном случае $n_t=0$. Для простоты мы предполагаем, что женщина полностью контролирует рождаемость²⁹. Таким образом, в каждом возрасте t женщина выбирает один из четырех взаимоисключающих альтернативных вариантов, которые мы обозначим символом j :

$$j = \begin{cases} 1, & \text{если женщина не рождает ребенка и не работает} \\ 2, & \text{если женщина не рождает ребенка и работает} \\ 3, & \text{если женщина рождает ребенка и не работает} \\ 4, & \text{если женщина рождает ребенка и работает} \end{cases}$$

Хотя основная цель нашей работы - оценить влияние программы МК на рождаемость, есть три причины для включения в модель также решений о трудоустройстве. Во-первых, заработок женщины служит критерием, относительно которого женщина оценивает экономическую значимость МК. Во-вторых, так как женщинам трудно совмещать рождение детей и работу, программы поощрения рождаемости часто подвергаются критике на основании того, что они могут вести к снижению занятости женщин. Поэтому интересно оценить влияние программы МК на занятость в долгосрочной перспективе. Наконец, в-третьих, это позволяет оценить влияние программы МК на рождаемость работающих и неработающих женщин.

В нашей модели процесс принятия решений начинается в возрасте 22 года, репродуктивный период заканчивается в 45 лет и последний временной период совпадает с официальным возрастом выхода на пенсию - 55 лет³⁰. Начальный возраст для принятия решений позволяет не моделировать решение о получении образования, так как большинство российских женщин заканчивают образование к 22 годам³¹. Кроме того, несмотря на то, что некоторые женщины рожают в более молодых возрастах, рождение второго ребенка, на котором сфокусировано внимание политики МК, в 99% случаев происходит в возрасте старше 22 лет. Формально целевая функция женщины выглядит как:

$$E\left[\sum_{t=22}^{54} \rho^{t-22} U_t(c_t, l_t, l_{t-1}, n_t, n_{t-1}, n_{t-2}, X_{t-1}, N_t, B_t, S, m_t, \mathbb{I}_{post})\right],$$

где ρ - субъективная ставка дисконтирования, U_t - функция полезности и математическое

²⁸ Женщина считается работающей, если ее занятость составляет не менее 10 часов в неделю. Работа на неполную ставку достаточно редка в России. Лишь 3,3% занятых женщин в нашей выборке работают 20 и менее часов в неделю. По этой причине, мы не моделируем решение о неполной занятости в качестве альтернативного решения о трудоустройстве. Обращаем внимание, что начиная отсюда, t означает возраст женщины, а не календарное время.

²⁹ Другие исследования, такие как [Hotz and Miller 1988], используют более сложные стохастические функции, где вероятность рождения также зависит от интенсивности применения мер контроля рождаемости и возраста матери. В нашей модели полезность рождения носит стохастический случайный характер. Оба подхода способны генерировать одинаковое поведение и их невозможно идентифицировать отдельно.

³⁰ Процесс оценки игнорирует решения о рождении после крайнего возраста, принятого в модели. Последнее решение принимается при $t=54$.

³¹ По данным РМЭЗ, лишь 0,5% женщин в возрасте 22 года и старше продолжают образование (студентки).

ожидание $\mathbb{E}$ берется по стохастическим компонентам доходов и полезности.³²

Женщины получают полезность от потребления благ (c_t), рождения детей, и (отрицательную полезность) от работы. Полезности между периодами взаимосвязаны между собой, так как трудовой стаж (X_{t-1}), количество детей (N_t), возраст младшего ребенка (B_t) и лаги переменных трудовой занятости и рождений зависят от решений, принятых в предыдущие периоды и, как можно предположить, влияют на текущие предпочтения. Полезность также зависит от образования женщины (S) и семейного положения (m_t). Уровень образования остается неизменным, тогда как семейное положение изменяется согласно марковскому процессу первого порядка, основные параметры которого меняются с возрастом женщины.³³ Наконец, $\mathbb{I}_{post}$ - это переменная-индикатор, равная единице для периода после 2007 года и нулю в более ранних периодах³⁴. Функция полезности в периоде (в возрасте) t выглядит следующим образом:

$$\begin{aligned}
 U_t = & c_t + \alpha_1 l_t + (\alpha_2 + \epsilon_t^n) n_t + \alpha_3 \mathbb{I}_{N_t=1} + \alpha_4 \mathbb{I}_{N_t=2} + \alpha_5 \mathbb{I}_{N_t>2} \\
 & + \beta_1 c_t l_t + n_t [\beta_2 c_t + \beta_3 l_t + \beta_4 l_{t-1} + \beta_5 n_{t-1} + \beta_6 n_{t-2} \\
 & + \mathbb{I}_{N_t>1} (\beta_7 + \beta_8 \epsilon_t^n + \beta_9 l_{t-1} \\
 & + \beta_{10} \mathbb{I}_{t<\underline{A}} + \beta_{11} \mathbb{I}_{t>\bar{A}} + m_t (\beta_{12} \mathbb{I}_{t<\underline{A}} + \beta_{13} \mathbb{I}_{t>\bar{A}}) \\
 & + \mathbb{I}_{post} (v_0 + v_1 l_{t-1} + v_2 l_{t-1} \mathbb{I}_{N_t>1})] \\
 & + m_t [\delta_1 l_t + \delta_2 n_t + \delta_3 \mathbb{I}_{N_t=1} + \delta_4 \mathbb{I}_{N_t=2} + \delta_5 \mathbb{I}_{N_t>2}] \\
 & + l_t [\gamma_1 X_{t-1} + \gamma_2 S_1 + \gamma_3 S_2 + \gamma_4 S_3 + \gamma_5 S_4 \\
 & + \gamma_6 \mathbb{I}_{N_t=1} + \gamma_7 \mathbb{I}_{N_t=2} + \gamma_8 \mathbb{I}_{N_t>2} + \gamma_9 \mathbb{I}_{B_t \leq 3}]
 \end{aligned} \tag{3}$$

Функция полезности в конкретный период времени является линейной и аддитивной по потреблению. Полезность от рождения ребенка содержит детерминированный (α_2) и стохастический (ϵ_t^n) компоненты. Работа и рождение ребенка оказывают влияние на предельную полезность потребления. Рождение ребенка также может изменять предельную (отрицательную) полезность от работы. Чтобы улучшить способность модели воспроизводить данные по рождениям, мы позволяем рождением в предыдущих периодах, очередности рождений, трудоустройству в предыдущем периоде и возрасту женщины влиять на полезность от рождения ребенка в текущем периоде³⁵.

Как уже было сказано, после 2007 года изменились пособия по беременности и родам и по уходу за ребенком до полутора лет. Кроме того, могли произойти изменения в социальной среде, влияющие на решение о рождении ребенка, которые тоже необходимо

³² Технически, оператор математического ожидания должен быть также индексирован по возрасту, поскольку изначальное семейное положение влияет на конечные результаты. Мы опускаем эту индексацию для упрощения презентации модели.

³³ В частности, мы оцениваем матрицу перехода для разных возрастных интервалов (таблица П-2 приложения с данными о переходных вероятностях). Мы опробовали вариант модели, в котором совместное проживание с родителями служило дополнительным случайным фактором, а доходы супруга и других членов домохозяйства учитывались по отдельности в качестве дополнительных нетрудовых доходов женщины. Такое усложнение базовой модели не улучшило ее способности воспроизводить наблюдаемые в данных характеристики и не изменило основные результаты и выводы.

³⁴ $\mathbb{I}_x$ в статье обозначает переменную-индикатор, равную единице, когда утверждение x истинно.

³⁵ l_{t-1} (умноженное на n_t) описывает трудовой статус женщины во время беременности. Мы опробовали несколько вариантов учета зависимости решения о рождении ребенка от возраста женщины. Наилучшим образом подошла ступенчатая функция с пороговыми значениями $\underline{A} = 25$ и $\bar{A} = 35$.

учесть в модели. По этой причине переменные функции полезности, обозначенные v , оказывают дифференцированное влияние на полезность от рождения ребенка в период после начала реформ. Полезность, связанная с рождением ребенка, после реформ может быть выше или ниже, чем она была до 2007 года, а также различаться в зависимости от трудовой занятости во время беременности и при рождении второго или последующих детей.

Семейное положение не оказывает прямого влияния на значение полезности, но оно может изменять полезность от рождения ребенка, занятости на рынке труда и количества детей. Отрицательная полезность от работы зависит от предыдущего трудового стажа (формирование навыков и привычек), уровня образования³⁶ и количества детей. Наконец, полезность от трудоустройства может меняться при наличии у женщины маленького ребенка (до 3-х лет)³⁷.

Модель не позволяет делать сбережения или занимать средства. Потребление в каждый период равняется разности между совокупными доходами и затратами, связанными с работой, рождением и воспитанием детей. Формально бюджетное ограничение выглядит следующим образом:

$$c_t = y_t^f l_t + y_t^o + \phi \mathbb{I}_{post} MC n_t K - b_1 l_t - b_2 n_t - b_3 \mathbb{I}_{N_t=1} - b_4 \mathbb{I}_{N_t=2} - b_5 \mathbb{I}_{N_t>2} \quad (4)$$

Линейность потребления в функции полезности означает, что параметры, соответствующие денежным расходам (b), не могут быть оценены отдельно от нематериальных выгод и издержек. Следовательно, мы приравниваем параметры b к нулю и интерпретируем соответствующие параметры функции полезности как чистые выгоды (за минусом всех возможных издержек). Оценка параметров, описывающих полезность (т.е. чистую выгоду) от рождения детей, возможна благодаря возрастной вариативности коэффициента рождаемости. При уменьшении полезности рождения ребенка (коэффициент α_2) уменьшается вероятность рождения во всех возрастах. Однако изменения коэффициентов α_3 , α_4 , α_5 , описывающих выгоды от рождения детей разных очередностей, оказывают большее влияние на женщин молодых возрастов, так как наличие ребенка приносит полезность женщине в каждый период времени, но у молодых женщин этого времени больше³⁸.

Женщины получают трудовой доход y_t^f и доход от других членов домохозяйства y_t^o . Кроме того, женщины, удовлетворяющие критериям участия в Программе МК ($MC = 1$), получают материнский капитал в размере K , если они родили ребенка в период после принятия реформы³⁹. Вследствие того, что пособие может быть получено лишь спустя три

³⁶ S_1 , S_2 , S_3 , S_4 соответствуют среднему общему, начальному профессиональному, среднему профессиональному и высшему (и более) ступеням образования соответственно.

³⁷ Женщины в России могут взять дополнительный отпуск по уходу за ребенком до 3х лет. Как правило, в этом же возрасте дети начинают посещать детские сады.

³⁸ Строго говоря, изменения в полезности от рождений последующих детей влияет и на полезность рождения первых детей. Так, полезность от рождения второго ребенка влияет на решение о рождении первого, так как чтобы родить второго ребенка женщина должна сначала родить первого.

³⁹ Мы приравниваем K к среднему реальному значению (в рублях 2011 года) пособия по МК за период 2007-2011 гг. (таблица П-1 в приложении).

года после рождения ребенка и должно быть направлено на реализацию определенных законом целей, в модели оценивается параметр ϕ , который конвертирует пособие в денежный эквивалент потребления⁴⁰. Параметр ϕ отдельно идентифицируется от v_2 , так как участие в Программе МК не зависит от занятости женщины на рынке труда, МК можно получить лишь один раз в жизни, и эта сумма учитывается совместно с доходом женщины.

Доход женщины от других членов домохозяйства зависит от ее характеристик. Предполагается, что женщины строят свои ожидания в соответствии с:

$$\overline{\log y_t^o} = d_0 + d_1 m_t + d_2 t + d_3 t^2 + d_4 S_1 + d_5 S_2 + d_6 S_3 + d_7 S_4 + d_8 G, \quad (5)$$

где G обозначает тип населенного пункта, в котором проживает женщина (городская или сельская местность). Уравнение (5) не зависит от текущих или будущих решений и оценивается вне модели⁴¹. Заметим, что дополнительный доход зависит от случайной величины m_t , поэтому мы используем матрицу вероятностей перехода из Таблицы П-2 для оценки ожидаемого дохода женщин.

Женщины получают предложение о работе с вероятностью π_t , которая зависит от того, была ли женщина трудоустроена ранее и от того, проживает ли она в городе или в сельской местности:

$$\pi_t = \frac{\exp(\psi_t)}{1 + \exp(\psi_t)} \quad (6)$$

$$\psi_t = z_0 + z_1 l_{t-1} + z_2 G$$

Функция предложения заработной платы зависит от накопленного человеческого капитала, образования женщины и ее места проживания следующим образом:

$$\log y_t^f = a_0 + a_1 X_{t-1} + a_2 X_{t-1}^2 + a_3 S_1 + a_4 S_2 + a_5 S_3 + a_6 S_4 + a_7 G + \epsilon_t^y \quad (7)$$

Случайная величина ϵ_t^y отражает вариативность заработной платы, не зависящую от процесса принятия решений⁴². Две величины ($\epsilon_t^n, \epsilon_t^y$) совместно нормально распределены с нулевым средним, конечной дисперсией и ненулевой единовременной ковариацией. Предполагается, что случайные величины последовательно независимы, т.е. их предыдущие значения не дают информацию относительно их будущих значений.

Модель допускает наличие ненаблюдаемой индивидуальной гетерогенности в следующих параметрах: отрицательная полезность от работы (α_1), полезность от рождения ребенка (α_2), полезность, связанная с тем, что женщина имеет детей ($\alpha_3, \alpha_4, \alpha_5$), базовая вероятность предложения работы (z_0), базовое предложение заработной платы (a_0) и мультипликатор МК (ϕ). Гетерогенность представлена в виде множества ненаблюдаемых

⁴⁰ В работе [Keane, Wolpin 2010] используется аналогичный метод для оценки программы социальной поддержки в США.

⁴¹ Таблица П-3 в приложении с оценочными коэффициентами.

⁴² Таблица П-3 содержит оценки регрессии заработной платы (по методу наименьших квадратов) и оценки параметров логит-регрессии вероятности трудоустройства. Мы используем эти коэффициенты в качестве начальных значений искомых параметров при оценке методом МП.

типов, каждый из которых имеет своё множество связанных с ним параметров⁴³. Доля женщин, соответствующих каждому типу, оценена совместно с параметрами модели методом, описанным далее в статье.

Помимо случайных факторов и переменной, обозначающей семейное положение, множество переменных состояния, необходимых для принятия решения о трудоустройстве и рождении ребенка в возрасте t , включает в себя переменные, описывающие принятые решения до возраста t . Обозначим множество переменных состояния Ω_t ⁴⁴. Функция ценности $V(\Omega_t)$ - это максимальная ожидаемая дисконтированная суммарная полезность от жизни, оцениваемая в возрасте t ⁴⁵. Так как женщина выбирает из дискретного множества альтернативных вариантов, функция ценности может быть записана в виде максимума из функций ценности различных альтернатив:

$$V(\Omega_t) = \max_{j \in J_t} [V_j(\Omega_t)]$$

где $J_t = \{1, \dots, 4\}$ для $t = 22, \dots, 45$ и $J_t = \{1, 2\}$ для $t = 46, \dots, 54$.

Функции ценности каждой из альтернатив подчиняются уравнению Беллмана:

$$\begin{aligned} V_j(\Omega_t) &= U_{j,t} + \rho \mathbb{E}_t[V(\Omega_{t+1}) | \Omega_t, j \in J_t] & \text{для } t < 54 \\ &= U_{j,54} & \text{для } t = 54 \end{aligned}$$

Наконец, детерминированные переменные состояния изменяются следующим образом:

$$\begin{aligned} N_t &= N_{t-1} + n_t \\ X_{t-1} &= X_{t-2} + l_{t-1} \\ B_t &= \begin{cases} 1, & \text{if } n_{t-1} = 1 \\ B_{t-1} + 1, & \text{otherwise} \end{cases} \end{aligned}$$

4.1. Решение задачи и оценка параметров модели

Решение задачи динамического программирования с конечным количеством шагов может быть найдено обратной прогонкой, и используется при оценке структурных параметров модели⁴⁶.

Пусть $d_{i,t}$ обозначает комбинацию выбора и доходов (т.е. $d_{i,t} = j$ для $j = 1, 3$ и $d_{i,t} = (j, y_t^f)$ для $j=2, 4$), для женщины i в возрасте t . Тогда,

⁴³ Мы также экспериментировали с гетерогенностью в дополнительных параметрах ($\delta_2 - \delta_5, \sigma^n$), но полученные результаты оказались очень похожи на результаты базовой модели.

⁴⁴ $\Omega_t = (l_{t-1}, N_{t-1}, X_{t-1}, n_{t-1}, n_{t-2}, B_t, S_1, \dots, S_4, G, \bar{y}_t^0, m_t, \mathbb{I}_{post}, MC, \epsilon_t^n, \epsilon_t^y)$. Подмножество детерминированных переменных состояния обозначается Ω_t^d .

⁴⁵ Формально, в задаче с конечным количеством периодов функция ценности должна быть индексирована по возрасту. Для упрощения обозначения мы не индексируем функцию ценности по возрасту (этот индекс всегда равен индексу множества переменных состояния).

⁴⁶ Подробное описание решения и метода оценки параметров модели содержится в рабочей версии статьи (Slonimczyk and Yurko 2013). Также смотрите Keane et al. (2011).

$$\Pr(d_{i,t}|\Omega_t^d) = \Pr(j = \arg \max_k V_k(\Omega_t)) \quad \text{for } j = 1,3$$

$$\Pr(d_{i,t}|\Omega_t^d) = \Pr(j = \arg \max_k V_k(\Omega_t)) \times \Pr(y_t^f | j = \arg \max_k V_k(\Omega_t)) \quad \text{for } j = 2,4$$

Учитывая последовательную независимость случайных величин, совместная вероятность последовательности выборов выглядит следующим образом:

$$\Pr(d_{i,22}, \dots, d_{i,54}|\Omega_{22}^d) = \prod_{t=22}^{54} \Pr(d_{i,t}|\Omega_t^d) \quad (8)$$

В свою очередь, вероятность (правдоподобие) для выборки женщин равняется произведению правых частей из уравнения (8) по N женщинам в выборке⁴⁷.

Включение ненаблюдаемых типов в модель модифицирует целевую функцию правдоподобия следующим образом:

$$L_i(\Theta) = \sum_{h=1}^H k_h \prod_{t=22}^{54} \Pr(d_{i,t}|\Omega_t^d, \text{type} = h),$$

где Θ - это вектор параметров, включающий ковариационную матрицу случайных величин и пропорции типов (k_h)⁴⁸.

Как правило, в подобных задачах предполагается, что доход измеряется с ошибкой⁴⁹. Пусть наблюдаемые доходы $\tilde{y}_t^f$ заданы следующим образом:

$$\log \tilde{y}_t^f = \log y_t^f + u_t^f$$

$$u_t^f \sim N(0, \sigma_u^2),$$

где u_t^f - погрешность измерения, которая, не коррелируется с другими случайными величинами и не коррелируется по времени.

5. ОПИСАНИЕ ВЫБОРКИ

В данном разделе представлена информация о том, как обрабатывались данные РМЭЗ, используемые для оценки параметров структурной модели.

5.1. Определения переменных

Занятость

РМЭЗ содержит информацию об основной работе и работе по совместительству⁵⁰. Женщина считается работающей, если она обычно занята не менее 10 часов в неделю.

⁴⁷ Чтобы сгенерировать вероятности из правой части уравнения (8), мы решаем динамическую модель для 30 реализаций значений случайных величин и используем функцию сглаживания из работы McFadden (1989).

⁴⁸ Единственный неопределяемый параметр, ставка дисконтирования ρ , мы приравниваем к 0,95.

⁴⁹ На это есть две причины. Во-первых, разумно предположить, что доходы часто указываются недостоверно. Во-вторых, дополнительный случайный компонент необходим для предотвращения вырожденного правдоподобия из-за статистических выбросов.

⁵⁰ Кроме того, есть информация о нерегулярных и неформальных подработках. Мы не рассматриваем такие подработки при определении статуса занятости.

Стаж

Вопросник для взрослых включает вопрос о стаже работы. Мы создаем переменную стажа следующим образом. Для начала мы используем данные первой волны РМЭЗ, в которую была опрошена данная женщина, для определения ее предыдущего стажа работы⁵¹. В последующих волнах мы полагаем, что стаж изменяется в соответствии с наблюдаемой историей занятости.

Рождения и количество детей

Как уже было упомянуто, информация о рождениях в течение 12 месяцев, предшествующих интервью, берется из вопросника домохозяйства. Процедура создания переменной о количестве детей аналогична процедуре, использованной для создания переменной трудового стажа. Вначале мы используем данные из первой волны, в рамках которой была опрошена женщина, для определения начального количества детей. После этого переменная изменяется в соответствии с историей рождений.

Состояние в браке

Мы считаем женщину замужней, если она указана как совместно проживающая с партнером в вопроснике для домохозяйств. Хотя информация о брачном статусе доступна также из взрослого вопросника, информация о совместном проживании с партнером является ключевым для учета влияния семейного статуса на решения женщины.

Трудовой и другие доходы

РМЭЗ содержит информацию о доходах за предыдущий месяц после уплаты налогов для каждой работы, а также общий доход после уплаты налогов. Наша переменная для трудового дохода суммирует доходы от основной и дополнительной работы. Тем, кто работает менее 10 часов в неделю, приписывается нулевой трудовой доход. Женщины получают также другие доходы из трех источников: а) личный доход сверх трудового дохода, б) доход супруга или партнера и с) доля от доходов остальных членов домохозяйства. Первый вид дохода равен разности между общим доходом женщины после уплаты налогов и переменной трудового дохода. Второй источник дохода и его величина определяются на основе ответов супруга на вопросы из взрослого вопросника РМЭЗ. Для оценки третьего источника мы используем следующую процедуру. Из вопросника домохозяйства мы получаем общий доход семьи после уплаты налогов. От этой суммы мы вычитаем доход женщины и (при наличии) доход супруга. Наконец, мы предполагаем, что женщина получает долю этого дохода пропорционально размеру ее нуклеарной семьи (она, её супруг, дети) по отношению к общему числу членов домохозяйства. Все номинальные значения конвертированы в рубли 2011 г. с использованием Российского индекса потребительских цен.

⁵¹ В случае отсутствия ответа используются данные из других волн.

5.2. Определение выборки и описательная статистика

Наша выборка состоит из женщин в возрастах 22-54 года. Модель требует точной информации о количестве детей у женщины вне зависимости от её возраста. Эти данные доступны для периода с 2004 по 2011 год. После удаления наблюдений с отсутствующими значениями основных переменных, наш набор панельных данных включает 9 462 человека и 32 934 наблюдаемых человеко-лет. В таблице 3 приведена описательная статистика.

Таблица 3. Описательная статистика

	Среднее значение	Стандартное отклонение
<i>Количество человек (9462 наблюдений)</i>		
Лет (периодов) в выборке	3,5	2,5
Возраст в первом периоде	35,5	10,3
Стаж в первом периоде	13,0	10,3
Не имеют среднего образования	6,3%	
Среднее общее образование	17,0%	
Начальное профессиональное образование	17,9%	
Среднее профессиональное образование	27,1%	
Высшее (и более) образование	31,7%	
Проживают в городе	78,2%	
<i>Человеко-годы (32934 наблюдений)</i>		
Возраст	37,6	9,7
Замужем	67,7%	
Рождение	3,78%	
Нет детей	18,1%	
Один ребенок	40,8%	
Два ребенка	32,8%	
Три ребенка	6,6%	
Четверо и более детей	1,7%	
Работающие	74,2%	
Стаж	14,4	10,0
Трудовой доход	12668,4	10943,9
Другой доход	20983,4	34948,6
Удовлетворяющие критериям МК (2008–2011)	52,4%	

Примечание: Переменная дохода выражена в рублях 2011 года в месяц.

В модели репродуктивный период женщин завершается в возрасте 45 лет. Более 74% женщин в выборке моложе этого возраста. У женщин из выборки наблюдается большой разброс в изначальном опыте работы и уровне образования.

У наблюдаемых женщин итоговая рождаемость значительно ниже коэффициента замещения поколений. Так, женщины старше 40 лет, в среднем, имеют 1,72 ребенка. Коэффициент суммарной рождаемости является низким несмотря на то, что коэффициент брачности в России один из самых высоких в мире.

В таблице 4 показаны взаимоотношения между семейным положением, размером семьи и переменными решений (трудова занятость и рождение детей). Российские женщины традиционно активно заняты на рынке труда. Высокая занятость на рынке труда наблюдается как у замужних, так и у незамужних женщин. Более того, женщины с одним или двумя детьми с большей вероятностью имеют работу по сравнению с женщинами, не имеющими детей. Только с рождением третьего ребенка вероятность занятости женщины на рынке труда существенно уменьшается. Как и следовало ожидать, вероятность рождения ребенка в каждом периоде выше для замужних. Таблица показывает, что число рождений

изменяется нелинейно. Вероятность рождения ребенка выше всего у женщин без детей. Далее эта вероятность монотонно уменьшается для женщин с одним ребенком и женщин с двумя детьми, но снова возрастает у женщин с тремя и более детьми.

Таблица 4. Занятость и рождения в зависимости от семейного положения и количества детей

Количество детей	Вне брачно-партнерских отношений			В брачно-партнерских отношениях		
	% занят.	% рожд.	Наблюд.	% занят.	% рожд.	Наблюд.
0	70,0	2,40	3704	72,7	17,57	2857
1	80,5	1,16	4209	76,1	4,95	9147
2	80,1	0,36	2204	75,7	1,20	8196
3	66,6	0,99	404	58,4	1,31	1675
4+	48,6	1,83	109	36,7	3,97	428
Итого	75,9	1,43	10630	73,4	4,90	22304

Примечание: Количество детей не включает только что родившего ребенка.

6. РЕЗУЛЬТАТЫ ОЦЕНИВАНИЯ ПАРАМЕТРОВ МОДЕЛИ

В данной главе представлены результаты оценки параметров модели и сделаны выводы относительно того, насколько хорошо предсказания модели совпадают с реальными данными из выборки.

6.1. Оценки параметров

Оценки параметров отображены в таблице 5. Так как функция полезности линейна по потреблению, коэффициенты имеют денежную метрику, выраженную в годовых суммах в рублях 2011 года.

Полезность от работы (α_1), как и ожидалось, отрицательная и не меняется в зависимости от ненаблюдаемого типа женщин. Помимо этого, работа ведет к потере приблизительно 1,2% потребления (это означает, что потребление и отдых комплементарны). Заметим, что для работающих замужних женщин эта полезность незначительно меньше (δ_1 имеет малое значение).

Отрицательная полезность от рождения детей (α_2) значительна в абсолютном выражении, в то время как наличие детей положительно влияет на чистую полезность в дальнейшей жизни ($\alpha_3 - \alpha_5$). Иными словами, рождение влечет за собой значительные краткосрочные потери в полезности, которые должны быть компенсированы долгосрочной выгодой. Параметры предполагают нелинейную чистую выгоду от количества детей (например, при наличии двух детей полезность увеличивается менее чем в два раза). Также существуют важные различия между типами. В частности, представители типа 3 испытывают меньшие потери в полезности от рождения детей, но, в то же время, получают более высокую полезность от наличия 1-2 детей (но не трех и более). Замужние женщины сталкиваются с меньшими потерями от рождения ребенка и в то же время получают сравнительно более высокую полезность от наличия детей ($\delta_2 - \delta_5$).

Таблица 5. Оценки максимального правдоподобия

Коэффициенты	Значение	Стандартная ошибка	Коэф- фициент	Значение	Стандартная ошибка	Коэф- фициент	Значение	Стандартная ошибка
Полезность								
α_1 (тип = 1)	-5088,25	13,75	β_1	-0,0123	3,58E-5	ν_2	387,44	1,29
α_1 (тип = 2)	-5308,70	15,16	β_2	-0,0523	1,39E-3	γ_1	-179,79	3,22
α_1 (тип = 3)	-5145,52	87,26	β_3	-5538,97	26,63	γ_2	-350,78	2,62
α_2 (тип = 1)	-111,417.27	1004,75	β_4	-812,12	5,76	γ_3	-74,67	0,21
α_2 (тип = 2)	-112,366.83	1590,14	β_5	-369,95	1,62	γ_4	-1042,54	2,96
α_2 (тип = 3)	-100,588.22	1098,44	β_6	-2835,03	20,33	γ_5	-7199,09	27,43
α_3 (тип = 1)	2261,55	15,9	β_7	-1423,59	24,64	γ_6	1456,12	43,19
α_3 (тип = 2)	2388,87	18,91	β_8	1,7091	0,03	γ_7	778,31	5,34
α_3 (тип = 3)	2554,85	13,63	β_9	2260,15	9,93	γ_8	-434,12	2,45
α_4 (тип = 1)	3962,68	71,33	β_{10}	-11,741.56	205,68	γ_9	-955	17,49
α_4 (тип = 2)	4224,11	76,83	β_{11}	-31,515.22	802,48	δ_1	-366,7	0,98
α_4 (тип = 3)	4613,64	45,22	β_{12}	3562,93	19,53	δ_2	35,361.12	288,49
α_5 (тип = 1)	5182,21	44,49	β_{13}	1215,18	3,8	δ_3	1573,64	19,55
α_5 (тип = 2)	5903,71	139,13	ν_0	270,56	1,55	δ_4	1356,88	11,28
α_5 (тип = 3)	4276,8	27,26	ν_1	4370,31	26,72	δ_5	524,83	2,61
Трудовой доход								
α_0 (тип = 1)	11,5197	6,98E-03	a_1	0,0269	1,83E-04	a_4	0,0275	7,93E-04
α_0 (тип = 2)	10,881	3,76E-03	a_2	-0,0004	3,72E-06	a_5	0,0984	1,86E-03
α_0 (тип = 3)	10,2741	4,75E-03	a_3	0,0654	3,14E-04	a_6	0,4898	5,99E-03
						a_7	0,4177	4,58E-03
Предложение работы								
z_0 (тип = 1)	-0,4365	1,74E-03	z_1	3,6636	1,72E-02	Структурная ошибка		0,4398
z_0 (тип = 2)	-2,5583	1,25E-02	z_2	0,3941	2,82E-03			18,601.04
z_0 (тип = 3)	-0,7775	5,03E-03						-0,7361
			Доля типа					
ϕ (тип = 1)	0,0262	1,05E-04	k_1	0,2527	4,30E-03	σ_v	0,0879	4,79E-04
ϕ (тип = 2)	0,0283	1,56E-04	k_2	0,4923	4,45E-03			
ϕ (тип = 3)	0,0333	1,65E-04	k_3	0,255	3,94E-0.3	log L	-31,574	

Примечание: стандартные ошибки получены методом бутстреп.

В соответствии с долей работающих в выборке, первые два ребенка уменьшают отрицательную полезность от работы по абсолютной величине, в то время как рождение третьего и последующих детей слегка увеличивает её. Наличие маленьких детей уменьшает мотивацию к работе (γ_6 – γ_9). По сравнению с женщинами с неполным средним образованием, полезность от работы у женщин с законченным образованием отрицательна и возрастает (по модулю) с ростом уровня образования⁵². Это можно объяснить тем, что ценность времени на отдых выше для более образованных женщин, работающих в среднем больше, чем остальные. По тем же причинам накопленный трудовой стаж также увеличивает (по модулю) отрицательную полезность от работы.

В начале своей карьеры женщины получают прирост заработной платы в 2,6% за каждый год стажа. Наивысшее значение отдача от стажа работы достигается к 33,6 годам, находясь на уровне 57,2% (эти коэффициенты соответствуют оценкам МНК из Таблицы П-3). В свою очередь, университетское образование повышает ожидаемый заработок на 52,9% по сравнению со средним общим образованием. Модель также принимает во внимание разницу в доходах в зависимости от типа женщины (при прочих равных, основные доходы женщин типа 1 приблизительно в 3,5 раз выше, чем доходы женщин типа 3). Существуют также значительные различия в вероятности предложения работы (7,2% для типа 2, 39,3% для типа 1).

⁵² Оценки параметров функций полезности и предложения заработной платы говорят о том, что относительное качество начального профессионального образования ниже, чем среднего общего.

Параметры v показывают, что изменения стимулов к рождению после 2007 года незначительны для неработающих женщин (v_0). Напротив, издержки от рождения для одинокой (замужней) работающей женщины (v_1) уменьшились приблизительно на 4% (6%).

Как обсуждалось в разделе 2.3, изменения в пособиях при рождении детей зависели от очередности рождений, но этот аспект реформы был экономически значимым лишь для нетрудоустроенных женщин. Если бы он влиял на поведение, то должен был повлечь за собой большую отрицательную оценку параметра v_2 . Однако, у нас этот параметр оказался положительным и экономически незначимым (менее чем половина процента от издержек рождения). По этой причине мы считаем, что специфические аспекты в новой политике детских пособий, связанные с очередностью рождений, принесли незначительный эффект.

Мультипликаторы (ϕ), связанные с политикой МК, варьируют от 2,6% до 3,3% в зависимости от типа женщины (средневзвешенное значение 2,9%). Это означает, что женщины сильно дисконтируют размер пособия K . В частности, поощрение родить или усыновить второго или последующего детей приблизительно равно 10600 рублям, или, примерно, 10% от отрицательной полезности, связанной с рождением одинокой женщиной. Вдобавок к трехлетнему периоду ожидания и ограничениям на использование МК, параметр ϕ может включать в себя опасения того, что Программа может быть отменена по финансовым причинам. В опросе, проведенном в 2008 году, более 30% респондентов не верили в то, что даже если женщина подходит под критерии МК, она сможет получить пособие⁵³.

В разделе 7 мы используем оцененные параметры ϕ и v для оценки долгосрочного эффекта влияния политики МК и других пронаталистских программ на рождаемость и занятость на рынке труда.

6.2. Точность приближений модели

Рисунок 4 показывает, насколько точно модель воспроизводит возрастной профиль для каждого из четырех решений; рисунок 5 отражает отдельно вероятности трудовой занятости и рождения ребенка в каждом возрасте. В целом результаты модели хорошо соответствуют данным.

⁵³ В похожем исследовании, выполненного на данных США, [Keane, Wolpin 2010] получили оценку мультипликатора равную 74,75% от получаемых пособий. Хотя существуют ограничения на использование пособий (к примеру, талоны на еду не могут быть использованы на приобретение табачной продукции), эти субсидии более близки к наличным деньгам, чем пособие МК.

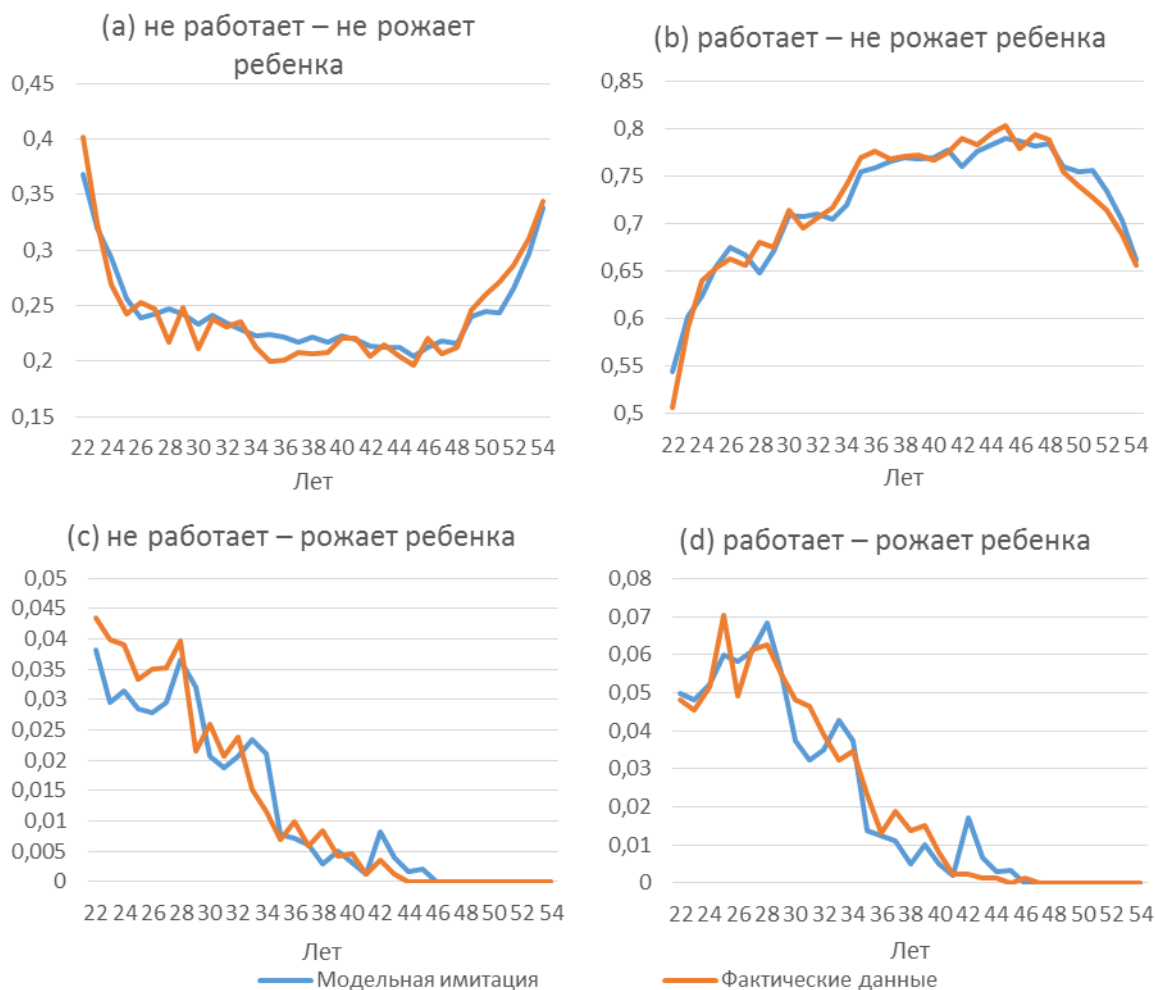

Рисунок 4. Точность приближений модели для взаимоисключающих выборов

Таблица 6 резюмирует способность модели предсказывать поведение⁵⁴. Она показывает, что точность приближений в вопросе принятия решения о работе очень высокая, при этом модель совсем незначительно занижает число рождений. Модель также достаточно точно предсказывает доходы. Используя функцию правдоподобия для присвоения ненаблюдаемого типа каждой женщине из выборки, мы можем также оценить точность приближения модели по типам. Видно, что женщины типа 1 специализируются на работе. У них самая высокая доля работающих и доходы, и самый низкий процент рождений. Женщины типа 2 находятся на втором месте по уровню дохода, но, из-за недостаточного предложения работы, имеют самый низкий процент работающих. Женщины типа 3 имеют самый низкий доход, самый высокий процент рождений, и они работают примерно 90% времени, охваченного моделью. По нашим оценкам, наиболее распространенный тип женщин в России - тип 2 (49%), в то время как остальное население

⁵⁴ Мы также сравнили вероятности перехода между взаимоисключающими выборами на основании прогнозной модели, полученной после 100 имитаций (см. рабочую версию данной статьи). В целом точность приближений достаточно высокая, хотя модель завышает участие женщин в трудовой деятельности после окончания репродуктивного возраста.

примерно в равных пропорциях разделено между двумя другими типами. Значительных различий в точности предсказания моделью поведения трех разных типов нет.

Важный пункт в структурном оценивании - предположение о том, что параметры модели не меняются во времени или от когорты к когорте. Мы допускаем изменения в издержках, связанных с рождением ребенка, до и после реформы, но остальные параметры предполагаются постоянными. Однако модель допускает гетерогенность в базовом предложении заработной платы и предпочтениях, влияющих на рождение детей, в зависимости от типа. Ненаблюдаемый тип может быть использован для проверки устойчивости по сравнению с противоположной гипотезой о том, что разные когорты имеют различные предпочтения в отношении рождаемости. Это можно сделать следующим образом. Для начала, используя функцию правдоподобия, мы можем каждую женщину из выборки отнести к определенному типу. Далее, мы смотрим, коррелирует ли этот тип с наблюдаемыми характеристиками, не включенными в модель. По нашей оценке, значительная корреляция между материнскими когортами и присвоенным типом отсутствует.

Таблица 6. Фактические данные и оценки на основе модели

	Все	Тип 1	Тип 2	Тип 3
Доля работающих	0,7423	0,9312	0,5732	0,8858
	0,7417	0,9309	0,5716	0,8865
Среднее значение логарифма годового дохода	11,93	12,48	11,81	11,27
	11,84	12,38	11,74	11,16
Вероятность рождения	0,0519	0,0390	0,0525	0,0635
	0,0499	0,0364	0,0513	0,0608
Распределение по типам (%)	100,0	25,3	49,2	25,5

Примечание: Модельные значения, полученные на основе 100 имитаций, выделены серым.

Невыделенные ячейки – фактические значения.

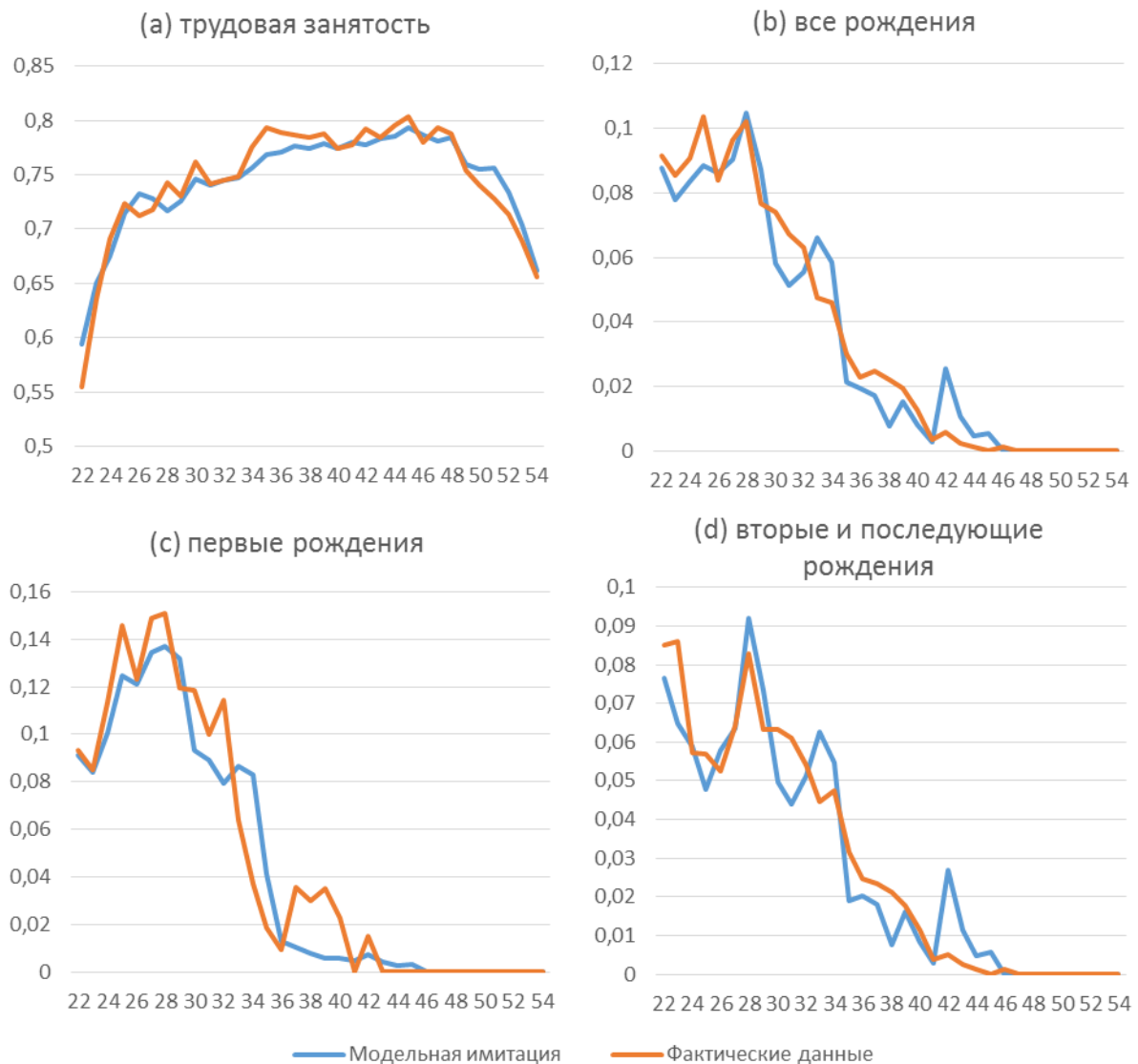

Рисунок 5. Точность приближений модели для трудовой занятости (доля занятых) и вероятности рождения

7. ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ПРОГРАММЫ МК

После оценивания параметров модели есть возможность сравнить характеристики рождаемости при разных сценариях. В частности, нас интересует сравнение характеристик рождаемости с гипотетическим случаем отсутствия программы МК. Для этой цели мы решаем модель и имитируем жизненные решения для 22-летних женщин с такими же первоначальными характеристиками, как в нашей выборке. Результаты имитаций - это среднее значение полученных решений при 100 различных реализациях случайных величин из совместного распределения. Мы также представляем 95%-ные доверительные интервалы, полученные с использованием метода бутстрепа по выборочным наблюдениям и реализациям случайных величин.

В столбце с названием «при отсутствии мер поддержки» в таблице 7 показаны результаты имитации, когда параметры v и ϕ равны нулю⁵⁵. Для женщин с характеристиками нынешних 22-летних модель прогнозирует итоговое среднее число рождений на одну женщину равное 1,18⁵⁶. После приравнивания всех параметров к оцененным значениям мы получили общий прирост рождаемости на 0,25 ребенка на женщину.

Таблица 7. Долгосрочное прогнозирование

	При отсутствии мер поддержки	Разности	
		Итого	Только МК
Среднее количество детей	1,18 (1,16; 1,20)	0,25 (0,22; 0,27)	0,15 (0,13; 0,17)
Средний стаж работы	21,79 (21,30; 22,38)	-0,02 (-0,17; 0,13)	0,00 (-0,15; 0,14)
<i>Распределение семей по размеру (%)</i>			
Без детей	22,4 (21,4; 23,4)	-4,90 (-6,2; -3,7)	-2,20 (-3,0; -1,5)
Один ребенок	44,2 (43,8; 44,8)	-8,90 (-11,3; -6,4)	-7,30 (-8,9; -5,6)
Двое и более детей	33,4 (32,3; 34,3)	13,80 (11,2; 16,0)	9,50 (7,9; 11,1)

Примечание: Средние значения долгосрочного прогнозирования с использованием модели (100 бутстрепов) для выборки из 22-летних женщин с характеристиками как в оцениваемой выборке. В скобках указаны 95%-ные доверительные интервалы.

Заметим, что эффект от трудового стажа статистически равен нулю. Это означает, что, увеличив рождаемость, меры поддержки рождаемости не оказали отрицательного влияния на занятость.

Мы также выполнили имитации для гипотетического случая, когда программа МК принята, но отсутствуют какие-либо другие изменения в период после реформы (столбец «только МК» в таблице). Прирост коэффициента суммарной рождаемости на 0,15 является наиболее предпочтительной оценкой эффекта программы МК в долгосрочной перспективе. Интересно, что это число близко по значению к разности между желаемым количеством детей у женщин, которые в опросе ответили, что на них повлияла программа МК, и у женщин, которые ответили, что эта программа на них не повлияла (таблица 2). Как и предполагалось, оценки, полученные с помощью модели, значительно ниже оценок, полученных анализом «до-после» и DID.

В то время как пятнадцать дополнительных детей на сто женщин – очень скромный эффект, этого достаточно для того, чтобы вызвать ощутимые изменения в составе среднестатистической семьи. Согласно модельным имитациям, благодаря программе МК приблизительно на 10 процентных пунктов выросла доля семей с двумя и более детьми (см. нижнюю часть таблицы 7).

⁵⁵ Строго говоря, параметры учитывают любые изменения в предпочтениях, связанных с рождением ребенка, в период после 2007 года, и это не только изменения в пособиях.

⁵⁶ Среди прочих факторов, сравнительно низкая прогнозируемая рождаемость ассоциирована с высшим образованием более молодых групп женщин в выборке в сравнении со всей выборкой. Хотя это не является целью нашего исследования, мы считаем, что это может быть тревожным знаком для будущего демографического развития в России.

7.1. Краткосрочное прогнозирование

Краткосрочная реакция на политику МК зависит от возраста женщины в момент введения программы. Иными словами, в отличие от допущений, принятых при долгосрочных имитациях, в краткосрочных имитациях предполагается, что под действие программы при ее введении и в ходе реализации попадают женщины различных возрастов.

Для того, чтобы получить результаты краткосрочных имитаций, мы поступаем следующим образом. Во-первых, как и в случае с долгосрочными имитациями, мы берем группу 22-летних женщин с тем же распределением характеристик, как и в нашей выборке. Моделируемый специальный коэффициент рождаемости для периода до реформы представляет собой средневзвешенное значение установившихся к этому времени возрастных коэффициентов, основанное на распределении возрастов в выборке, при условии, что все параметры, связанные с реформой, приравнены к нулю.

Далее мы изучаем поведение возрастных коэффициентов рождаемости для женщин, столкнувшихся с мерами политики в разном возрасте. Затем мы используем возрастные коэффициенты, зафиксированные после введения реформы, для расчета средневзвешенных значений в пост-реформенный период. То есть смоделированный специальный коэффициент рождаемости для первого года после принятия программы рассчитывается с использованием изменений в решениях о рождении в первый период, для второго года – изменений в решениях о рождении во второй период и так далее.

На рисунке 6 представлены результаты краткосрочного прогнозирования. Специальный коэффициент рождаемости подскакивает приблизительно на 2 процентных пункта сразу после введения мер политики. Этот эффект исчезает со временем, и вероятность рождения стремится к новому равновесному значению на уровне 5,3% (в соответствии с результатами долгосрочного прогнозирования). В основном этот эффект достигается благодаря МК.

Моделирование подтверждает, что большая часть первоначальной реакции на внедрение МК произошла из-за перепланирования момента рождения, а не из-за прироста в долгосрочной рождаемости. Краткосрочное прогнозирование также показывает, что, как и ожидалось, политика МК имела сравнительно значительное влияние на рождения второго и последующих детей, и практически не имела влияния на первое рождение. Ненулевое влияние на первое рождение может быть объяснено тем, что при осуществлении программы повышается ценность возможности иметь второго ребенка.

Следует отметить, что эти модели не предназначены для того, чтобы воспроизвести наблюдаемые специальные коэффициенты рождаемости, показанные на рисунке 1. Во-первых, при моделировании изначальная возрастная структура остается постоянной. Во-вторых, первоначальные характеристики, используемые для имитаций, соответствуют 22-

летним женщинам. Для сравнения, мы тем не менее отображаем на рисунках стандартизованные эмпирические коэффициенты рождаемости⁵⁷.

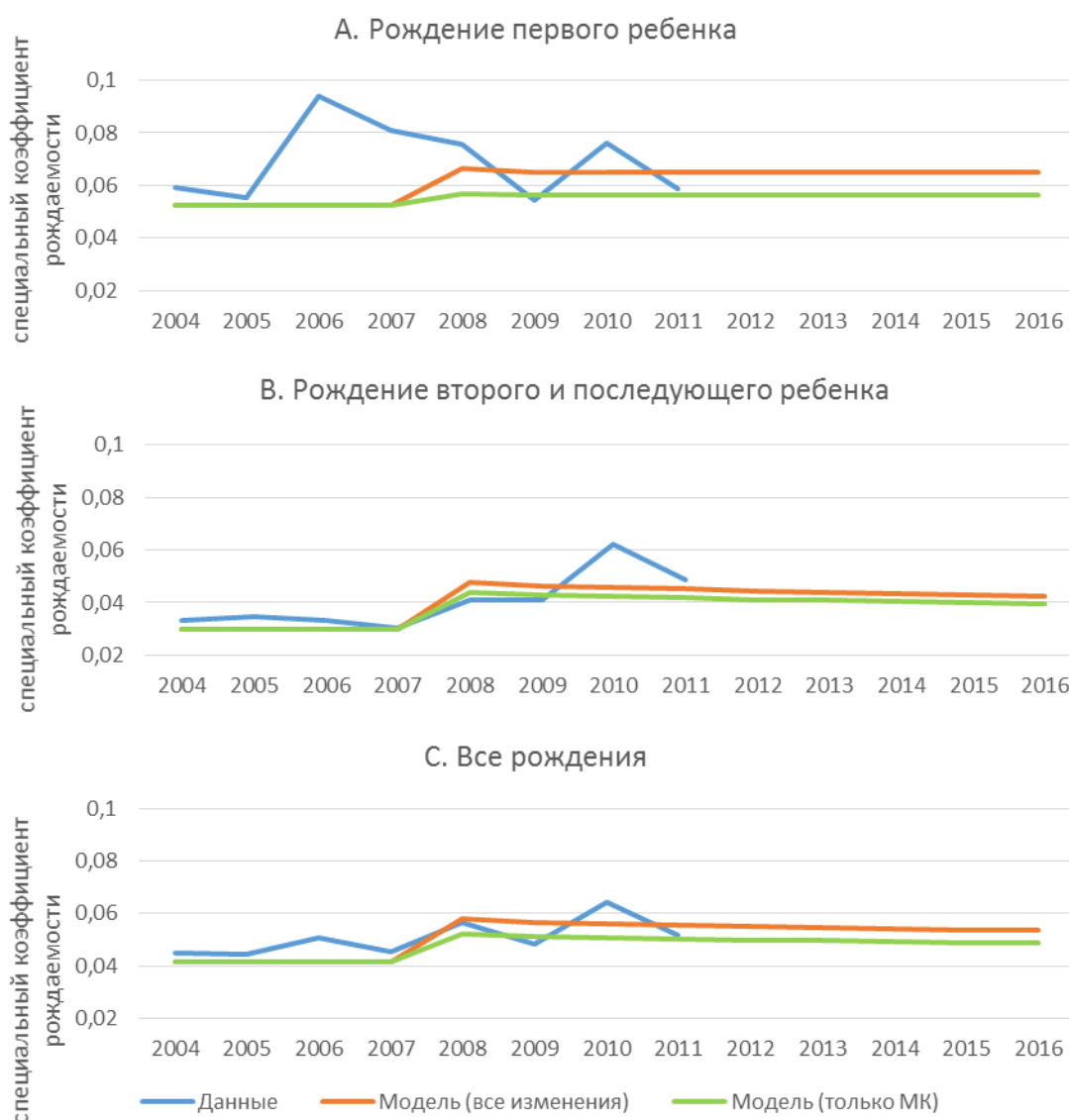

Рисунок 6. Влияние политики МК на специальный коэффициент рождаемости по календарным годам

7.2. Гетерогенные эффекты

В таблице 8 показаны дезагрегированные результаты долгосрочных имитаций по различным состояниям, меняющимся во времени (панель А), а также по различным подгруппам (панель Б).

⁵⁷ Т.е. средневзвешенные значения эмпирических возрастных коэффициентов рождаемости женщин репродуктивного возраста (точнее, в нашем случае, в возрасте от 22 до 45 лет) использованием постоянных весов, соответствующих возрастному распределению женщин в выборке.

По результатам прогноза женщины чаще совмещают наличие детей с трудоустройством, нежели с отсутствием работы (столбец «Без мер поддержки»). В свою очередь, хотя общий эффект изменений после 2007 г. был значительнее для работающих женщин, политика МК имела одинаковый эффект как для занятых, так и для неработающих женщин. Этот результат совпадает с нашим заключением о существенном изменении в отрицательной полезности рождения ребенка для трудоустроенных женщин в период после реформы (v_1). Основное преимущество прогнозов на основе модели в том, что они скорректированы по выбору, т.е. рассматривают совместное влияние мер политики на занятость на рынке труда и рождаемость.

Таблица 8. Гетерогенные эффекты

	Без мер поддержки	Разности	
		Общая	Только МК
<i>Панель А</i>			
Трудоустроенные	0,75 (0,72; 0,77)	0,17 (0,15; 0,20)	0,08 (0,06; 0,10)
Незанятые на рынке труда	0,67 (0,65; 0,70)	0,07 (0,05; 0,09)	0,07 (0,05; 0,09)
Замужем	1,06 (1,04; 1,08)	0,19 (0,16; 0,21)	0,11 (0,09; 0,13)
Одинокие (не замужем)	0,36 (0,34; 0,39)	0,06 (0,04; 0,07)	0,03 (0,02; 0,04)
<i>Панель Б</i>			
Высшее образование	1,01 (0,98; 1,04)	0,26 (0,23; 0,29)	0,14 (0,11; 0,17)
Без высшего образования	1,24 (1,21; 1,26)	0,24 (0,21; 0,28)	0,15 (0,12; 0,17)
Городское население	1,11 (1,08; 1,13)	0,25 (0,22; 0,28)	0,14 (0,12; 0,17)
Сельское население	1,41 (1,37; 1,46)	0,24 (0,21; 0,27)	0,14 (0,12; 0,17)
Тип 1	0,95 (0,92; 0,98)	0,24 (0,19; 0,28)	0,1 (0,07; 0,14)
Тип 2	1,21 (1,18; 1,24)	0,25 (0,21; 0,29)	0,17 (0,14; 0,20)
Тип 3	1,43 (1,40; 1,46)	0,25 (0,21; 0,30)	0,14 (0,11; 0,18)

Примечание: Панель А дезагрегирует результаты долгосрочной имитации по времени. Панель Б представляет симулированную рождаемость для различных подгрупп. В скобках указаны 95%-ные доверительные интервалы.

Как описано выше, некоторые увеличения в пособиях по уходу за ребенком после 2007 года были больше при рождении второго и последующих детей, чем при рождении первого ребенка. Эти изменения были особенно значимы для неработающих женщин (лишь малая часть трудоустроенных женщин получают настолько низкий доход, чтобы быть затронутыми этими изменениями). Так как модель не может отделить эффект данных изменений от влияния программы МК, скорректированные по выбору оценки влияния на рождаемость при разных статусах занятости представляют собой важную проверку устойчивости полученных оценок. Если бы эти изменения с учетом очередности рождений служили существенным искажающим фактором, можно было бы ожидать большего влияния программы МК на неработающих женщин. Тот факт, что это не так, подтверждает, что наша оценка эффекта политики МК на рождаемость не смещена.

Как и ожидалось интуитивно, замужние женщины имеют больше детей, чем одинокие. Также мы обнаружили, что влияние политики МК на замужних женщин значительно выше, чем на одиноких женщин. В данном случае результат объясняется предусмотренным политикой размером стимула по сравнению с отрицательной полезностью от рождения, которая значительно выше по абсолютной величине для одиноких. Следовательно, в данном случае дифференциальный отклик наблюдается как на МК, так и на изменение других мер политики после 2007 года.

Результат в панели Б показывает, что меры политики имели сравнительно более сильный эффект для женщин без высшего образования. Однако, эта разница не является статистически значимой. Также мы обнаружили, что эффект политики МК сильнее для типов женщин с более низкими потенциальными доходами. В целом, складывается впечатление, что программа МК имеет большее влияние на сравнительно менее благополучных женщин (тем не менее, мы практически не обнаружили разницы между городским и сельским населением).

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Коэффициент суммарной рождаемости в России значительно сократился в 1990-е годы и продолжает оставаться на уровне ниже простого воспроизводства населения. Это вызывает опасения, что долгосрочные эффекты уменьшения численности населения будут иметь отрицательные последствия для системы социального обеспечения и, возможно, других сфер с учетом того, что Россия и так мало населена. В ответ на это, государство решило использовать прямое денежное поощрение рождаемости. Начиная с 2007 года, Программа МК предоставляет женщинам, родившим (или усыновившим) двух и более детей, право на получение пособия, равного приблизительно 360 тыс. рублей.

Вдобавок к одному только масштабу расходуемых ресурсов, изучение эффективности политики МК важно еще и потому, что остальные страны с демографическим кризисом могут попробовать использовать похожую стратегию. К сожалению, оценка эффективности программы усложнена несколькими методологическими проблемами. Во-первых, существует классическая проблема искажающих факторов. В частности, Правительство РФ внесло изменения в отпуск по беременности и родам и по уходу за детьми приблизительно в то же время, как и запустило программу МК. Во-вторых, необходимо несколько десятилетий для того, чтобы группы женщин, на которых рассчитана программа МК, завершили репродуктивный период.

Для того чтобы проанализировать эффективность программы МК с учетом вышеупомянутых сложностей, в данной работе мы применяем структурную модель рождаемости и занятости на рынке труда. Модель позволяет получить оценки долгосрочного эффекта политики МК на рождаемость, которые менее подвержены смещению в сторону завышения из-за искажающих факторов или изменения календаря рождений. По нашей оценке, политика МК привела к увеличению рождаемости приблизительно на 0,15 детей на женщину, а также к увеличению доли домохозяйств с двумя и более детьми на 10%. Результаты моделирования показывают, что значительная доля увеличения коэффициента суммарной рождаемости после 2007 года произошла по причине перепланирования момента рождения ребенка, а не по причине увеличения долгосрочной рождаемости. Также мы обнаружили, что политика МК не имела дифференцированного эффекта для трудоустроенных и нетрудоустроенных женщин, однако, эффект от программы МК был более значительным для женщин, проживающих с супругом в домохозяйстве. Наконец, получены некоторые свидетельства того, что влияние МК на рождаемость малоимущих женщин был более значительным, хотя этот результат статистически значим лишь для ненаблюдаемых типов, но не является таковым для женщин

с различными уровнями образования. Мы не нашли никакой значимой разницы между городским и сельским населением.

Результаты, основанные на моделировании, могут быть использованы с оговоркой, что для применения структурной модели необходимо введение предположений о функциональной форме и распределениях. В частности, для того, чтобы избежать моделирования решений об образовании и замужестве – что сделало бы модель неосуществимой с точки зрения вычислений – мы ввели ограничение и использовали женщин, достигших возраста 22 лет, а также представили вступление в брак и развод как экзогенный процесс. Насколько это возможно, мы попытались подтвердить реалистичность этих и других предположений, ссылаясь на эмпирические данные и/или предыдущие исследования. В некоторых случаях для проверки устойчивости результатов мы оценили альтернативные версии модели. Наконец, модель допускает ненаблюдаемую гетерогенность в некоторых основных параметрах. Безусловно, спецификация модели, которая приблизительно оценивает распределение выгод и издержек от наличия детей, является менее ограничивающей, чем та, что предполагает существование фиксированного набора параметров, определяющих эти издержки.

Однако, некоторые условия сложно проверить, и обязательно остается некоторая неопределенность (помимо той, что отражена в стандартных ошибках). Частично из-за этого мы решили представить ряд различных доказательств, включая официальные данные о коэффициентах рождаемости, оценки «до-после» и DID. Эти агрегированные данные и оценки регрессионных моделей свидетельствуют о более сильном влиянии политики МК (прирост приблизительно 0,4 ребенка на женщину). Мы объясняем это тем, что данные оценки сильно смещены в сторону завышения. В частности, предыдущие исследования говорят о том, что политика поощрения рождаемости ведет, как правило, к изменению календаря рождений. Оценки «до-после» и DID также не могут отделить эффект изменения в мерах политики, касающихся отпуска по беременности и родам и детских пособий. В заключение, данные опроса говорят об очень умеренном эффекте программы МК, что больше соответствует оценкам, основанным на модели, чем оценками «до-после» и DID.

В целом, основной вклад данного исследования состоит том, что показывается более низкая эффективность программы МК по сравнению с оценками, полученными с помощью методов простого описательного анализа. Является ли МК хорошей программой? Формальный ответ требует анализа благосостояния. В частности, будет необходимо сделать предположения относительно альтернативных возможностей использования средств, выделенных на программу. Мы оставляем проведение такого рода анализа на будущее.

БЛАГОДАРНОСТИ

Мы признательны Артурсу Мешковскису, Ольге Павловне Юрко и Елене Сергеевой за помощь в переводе. Мы постарались сделать перевод как можно более точным. Однако, при наличии сомнений в верности используемой терминологии или при любых других затруднениях, возникающих при чтении данной работы, просьба обращаться к оригиналу.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица П-1. Пособия по материнству в России

Год	Декретный отпуск (отпуск по беременности и родам)	Отпуск по уходу за ребенком до 1,5 лет ^a			Единовр емное пособие при рождени и ребенка	Пособие на МК
		Минимальное ежемесячное пособие		Максимально е ежемесячное пособие		
	Макс. ежемесячное пособие	Первый ребенок	Второй и последующий			
2012	36563 (34299)	2326 (2182)	4652 (4364)	15433 (14 478)	12405 11637)	387640,3 (363742,4)
2011	34564 (34564)	2194 (2194)	4389 (4389)	15433 (15 433)	11703 11703)	365698,4 (365698,4)
2010	34564 (36672)	2060 (2186)	4121 (4372)	13833 (14677)	10989 11659)	343378,8 (364324,9)
2009	25390 (29309)	1873 (2162)	3746 (4324)	7492 (8649)	9990 11 532)	312162,5 (360350,4)
2008	23400 (29389)	1643 (2063)	3285 (4126)	6570 (8252)	8760 11 003)	276250,0 (346956,6)
2007	18550 (26397)	1500 (2134)	3000 (4269)	6000 (8538)	8000 11 384)	250000,0 (355748,3)
2006	15000 (23885)	700 (1115)	700 (1115)	700 (1115)	8000 12 739)	
2005	12480 (21661)	500 (868)	500 (868)	500 (868)	6000 10 414)	
2004	11700 (22520)	500 (962)	500 (962)	500 (962)	4500 (8 662)	
2003	11700 (25155)	500 (1075)	500 (1075)	500 (1075)	4500 (9675)	
2002	11700 (28174)	500 (1204)	500 (1204)	500 (1204)	4500 10 836)	
2001	Отсутствует	200 (554)	200 (554)	200 (554)	1500 (4157)	

Примечание: После номинальных значений указаны суммы в рублях 2011 года (в скобках). В некоторых случаях (максимальное ежемесячное пособие по беременности и родам в 2007г., пособия по уходу за ребенком и единовременные выплаты в 2008 г.) были пересмотрены и скорректированы в течение года. В этих случаях в таблице указаны средневзвешенные значения.

^a Начиная с 2007 г., нетрудоустроенные женщины с детьми в возрасте до 1,5 года получают сумму, равную минимальному размеру ежемесячного пособия для трудоустроенных женщин в расширенном декретном отпуске.

Таблица П-2. Эволюция семейного положения

Возрастная группа	Вероятности перехода	
	$Pr(m_t=1 m_{t-1}=0)$	$Pr(m_t=0 m_{t-1}=1)$
22–25	11,62	5,1
26–30	15,64	4,67
31–35	11,04	3,34
36–40	7,46	3,39
41–45	5,52	2,75
46–50	3,86	3,07
51–55	2,51	2,9

Таблица П-3. Нетрудовой доход, трудовой доход и вероятность трудоустройства

	Уравнение (5) $\log y_t^o$	Уравнение (7) $\log y_t^f$	Уравнение (6) $\logit(l_t)$
m_t	0,9494*** (0,0115)		
t	-0,0232*** (0,0049)		
t^2	0,0003*** (0,0001)		
S_1	0,1300*** (0,0247)	0,0855*** (0,0259)	
S_2	0,0509** (0,0242)	0,0309 (0,0249)	
S_3	0,1025*** (0,0234)	0,1260*** (0,0241)	
S_4	0,3437*** (0,0233)	0,5158*** (0,0238)	
G	0,3710*** (0,0123)	0,3928*** (0,0115)	0,3758*** (0,0380)
X_{t-1}		0,0208*** (0,0019)	
X_{t-1}^2		-0,0004*** (0,0001)	
l_{t-1}			3,6969*** (0,0380)
Константа	11,3009*** (0,0905)	10,9209*** (0,026)	-1,8312*** (0,0411)
Кол-во наблюдений	30,367	24,445	32,934
R^2	0,2152	0,1368	

Примечание: Первый и второй столбец отображают регрессии по методу наименьших квадратов (МНК), оцененные по наблюдениям человеко-лет с положительным нетрудовым и трудовым доходом соответственно. Третий столбец показывает логит-модель трудоустройства.

*** 1% ** 5% * 10%.

ЛИТЕРАТУРА

- Население России 2010-2011. Восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад (2013) / Отв. редактор А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Население России 2012. Двадцатый ежегодный демографический доклад (2014) / Отв. редактор А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Захаров С.В. (2012). Рост рождаемости в 2007-2010 годах: есть ли повод для оптимизма? // Демоскоп Weekly, № 495 - 496. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0495/tema01.php>.
- Arroyo C., J. Zhang (1997). Dynamic microeconomic models of fertility choice: a survey. // J. Popul. Econ. 100 (1): 23–65.
- Becker G.S. (1960). An economic analysis of fertility. Demographic and Economic Change in Developed Countries // Universities-National Bureau of Economic Research Conference Series 11. NBER, Princeton, NJ, pp. 209–231.
- Becker G. (2006). Grappling with Russia's Demographic Time Bomb // The Becker-Posner Blog. <http://www.becker-posner-blog.com>.
- Bertrand M., E. Duflo, S. Mullainathan (2004). How much should we trust differences-in-differences estimates? // Q. J. Econ. 1190 (1): 249–275.
- Brainerd E. (2012). The demographic transformation of post-socialist countries: causes, consequences, and questions // In: G. Roland, ed. Economies in Transition: The Long-Run View. Palgrave Macmillan: 57–83.
- Chen D. (2011). Can countries reverse fertility decline? Evidence from France's marriage and baby bonuses, 1929–1981 // Int. Tax Public Financ. 180 (3): 253–272.
- Cohen A., R. Dehejia, D. Romanov (2013). Financial incentives and fertility // Rev. Econ. Stat. 950 (1): 1–20.

- Denisova I., J. Shapiro (2013). Recent demographic developments in the Russian Federation // In: M. Alexeev, S. Weber, eds. *The Oxford Handbook of the Russian Economy*, Chapter 33. Oxford University Press: 800–826.
- Dickert-Conlin S., A. Chandra (1999). Taxes and the timing of births // *J. Polit. Econ.* 1070 (1): 161–177.
- Francesconi M. (2002). A Joint dynamic model of fertility and work of married women // *J. Labor Econ.* 200 (2): 336–380.
- Gans J., A. Leigh (2009). Born on the first of July: an (un)natural experiment in birth timing // *J. Public Econ.* 930 (1–2): 246–263.
- González L. (2013). The effect of a universal child benefit on conceptions, abortions, and early maternal labor supply // *Am. Econ. J. Econ. Policy* 50 (3): 160–188.
- Hotz V.J., R.A. Miller (1988). An empirical analysis of life cycle fertility and female labor supply. *Econometrica* 560 (1), 91–118.
- Hotz V.J., J. Klerman, R. Willis (1997). The economics of fertility in developed countries // In: M.R. Rosenzweig, O. Stark, eds. *Handbook of Population and Family Economics*, vol. IA. Elsevier Science: 275–347.
- Keane M., K. Wolpin (2007). Exploring the usefulness of a nonrandom holdout sample for model validation: welfare effects on female behavior // *Int. Econ. Rev.* 480 (4): 1351–1378.
- Keane, M., Wolpin, K., 2010. The role of labor and marriage markets, preference heterogeneity, and the welfare system in the life cycle decisions of black, Hispanic, and white women. *Int. Econ. Rev.* 510 (3), 851–892.
- Keane M.P., P.E. Todd, K.I. Wolpin (2011). The structural estimation of behavioral models: discrete choice dynamic programming methods and applications // *Handbook of Labor Economics*, vol. 4. Elsevier: 331–461 (chapter 4).
- McFadden D. (1989). A method of simulated moments for estimation of discrete response models without numerical integration // *Econometrica* 570 (5): 995–1026.
- Milligan K. (2005). Subsidizing the stork: new evidence on tax incentives and fertility // *Rev. Econ. Stat.* 870 (3): 539–555.
- Slonimczyk F., A. Yurko (2013). Assessing the impact of the maternity capital policy in Russia using a dynamic model of fertility and employment // *Discussion Paper 7705IZA*.
- Slonimczyk F., A. Yurko (2014). Assessing the impact of the maternity capital policy in Russia. *Labour Economics* 30 (2014): 265–281.
- Wolpin K. (1984). An estimable dynamic stochastic model of fertility and child mortality // *J. Polit. Econ.* 92: 852–874.

ASSESSING THE IMPACT OF THE MATERNITY CAPITAL POLICY IN RUSSIA *

FABIÁN SLONIMCZYK, ANNA YURKO

Fabián Slonimczyk. NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA. IZA, Germany.
E-MAIL: fslonimczyk@hse.ru.

Anna Yurko. NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

With declining population and fertility rates below replacement levels, Russia is currently facing a demographic crisis. Starting in 2007, the federal government has pursued an ambitious pro-natalist policy. Women who give birth to at least two children are entitled to “maternity capital” assistance (\$11,000). In this paper we estimate a structural dynamic programming model of fertility and labor force participation in order to evaluate the effectiveness of the policy. We find that the program increased long-run fertility by about 0.15 children per woman.

Key words: fertility, pro-natalist policies, maternity capital, female labor supply, structural estimation, Russia

* THIS PAPER HAS BEEN PRESENTED AT THE FOLLOWING VENUES: IZA-HSE WORKSHOP, ROYAL ECONOMIC SOCIETY, ATLANTA FEDERAL RESERVE BANK, SOCIETY OF LABOR ECONOMICS, EASTERN ECONOMIC ASSOCIATION, ASIA MEETINGS OF THE ECONOMETRIC SOCIETY, EUROPEAN ECONOMIC ASSOCIATION, EUROPEAN LABOR ECONOMICS ASSOCIATION, LANCASTER UNIVERSITY, UNIVERSITY COLLEGE LONDON, COPENHAGEN BUSINESS SCHOOL, ZEW WORKSHOP ON FAMILY ECONOMICS AND ASSA MEETINGS. WE ARE GRATEFUL TO THE PARTICIPANTS FOR THEIR HELPFUL COMMENTS AND SUGGESTIONS. IN ADDITION, WE THANK IRINA DENISOVA, VLADIMIR GIMPELSON, HARTMUT LEHMANN, SERGEY ROSHIN, JUDITH SHAPIRO, THE EDITOR, AND TWO ANONYMOUS REFEREES FOR THEIR USEFUL COMMENTS. ALL REMAINING ERRORS ARE OUR OWN. ANNA YURKO ACKNOWLEDGES SUPPORT FROM THE CENTER FOR ADVANCED STUDIES AT NRU HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (INDIVIDUAL RESEARCH GRANT).

REFERENCES

- Arroyo C., J. Zhang (1997). Dynamic microeconomic models of fertility choice: a survey. // J. Popul. Econ. 100 (1): 23–65.
- Becker G.S. (1960). An economic analysis of fertility. Demographic and Economic Change in Developed Countries // Universities-National Bureau of Economic Research Conference Series 11. NBER, Princeton, NJ, pp. 209–231.
- Becker G. (2006). Grappling with Russia's Demographic Time Bomb // The Becker-Posner Blog. <http://www.becker-posner-blog.com>.
- Bertrand M., E. Duflo, S. Mullainathan (2004). How much should we trust differences-in-differences estimates? // Q. J. Econ. 1190 (1): 249–275.
- Brainerd E. (2012). The demographic transformation of post-socialist countries: causes, consequences, and questions // In: G. Roland, ed. Economies in Transition: The Long-Run View. Palgrave Macmillan: 57–83.
- Chen D. (2011). Can countries reverse fertility decline? Evidence from France's marriage and baby bonuses, 1929–1981 // Int. Tax Public Financ. 180 (3): 253–272.
- Cohen A., R. Dehejia, D. Romanov (2013). Financial incentives and fertility // Rev. Econ. Stat. 950 (1): 1–20.

- Denisova I., J. Shapiro (2013). Recent demographic developments in the Russian Federation // In: M. Alexeev, S. Weber, eds. *The Oxford Handbook of the Russian Economy*, Chapter 33. Oxford University Press: 800–826.
- Dickert-Conlin S., A. Chandra (1999). Taxes and the timing of births // *J. Polit. Econ.* 1070 (1): 161–177.
- Francesconi M. (2002). A Joint dynamic model of fertility and work of married women // *J. Labor Econ.* 200 (2): 336–380.
- Gans J., A. Leigh (2009). Born on the first of July: an (un)natural experiment in birth timing // *J. Public Econ.* 930 (1–2): 246–263.
- González L. (2013). The effect of a universal child benefit on conceptions, abortions, and early maternal labor supply // *Am. Econ. J. Econ. Policy* 50 (3): 160–188.
- Hotz V.J., R.A. Miller (1988). An empirical analysis of life cycle fertility and female labor supply. *Econometrica* 560 (1), 91–118.
- Hotz V.J., J. Klerman, R. Willis (1997). The economics of fertility in developed countries // In: M.R. Rosenzweig, O. Stark, eds. *Handbook of Population and Family Economics*, vol. 1A. Elsevier Science: 275–347.
- Keane M., K. Wolpin (2007). Exploring the usefulness of a nonrandom holdout sample for model validation: welfare effects on female behavior // *Int. Econ. Rev.* 480 (4): 1351–1378.
- Keane, M., Wolpin, K., 2010. The role of labor and marriage markets, preference heterogeneity, and the welfare system in the life cycle decisions of black, Hispanic, and white women. *Int. Econ. Rev.* 510 (3), 851–892.
- Keane M.P., P.E. Todd, K.I. Wolpin (2011). The structural estimation of behavioral models: discrete choice dynamic programming methods and applications // *Handbook of Labor Economics*, vol. 4. Elsevier: 331–461 (chapter 4).
- McFadden D. (1989). A method of simulated moments for estimation of discrete response models without numerical integration // *Econometrica* 570 (5): 995–1026.
- Milligan K. (2005). Subsidizing the stork: new evidence on tax incentives and fertility // *Rev. Econ. Stat.* 870 (3): 539–555.
- Naseleniye Rossii 2010-2011. Vosemnadtsatyy-devyatnadtsatyy yezhegodnyy demograficheskiy доклад [Population of Russia 2010-2011. Eighteenth-Nineteenth annual demographic report] (2013) / A.G.Vishnevsky, ed. M.: HSE Publishing House.
- Naseleniye Rossii 2012. Dvadtsatyy yezhegodnyy demograficheskiy доклад [Population of Russia 2012. Twentieth annual demographic report] (2014) / A.G.Vishnevsky, ed. M.: HSE Publishing House.
- Slonimczyk F., A. Yurko (2013). Assessing the impact of the maternity capital policy in Russia using a dynamic model of fertility and employment // *Discussion Paper 7705IZA*.
- Slonimczyk F., A.Yurko (2014). Assessing the impact of the maternity capital policy in Russia. *Labour Economics* 30 (2014): 265–281.
- Zaharov S.V. (2012). Rost rozhdadnosti v 2007-2010 godah: est' li povod dlja optimizma? // *Demoskop Weekly*, № 495 - 496. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0495/tema01.php>.
- Wolpin K. (1984). An estimable dynamic stochastic model of fertility and child mortality // *J. Polit. Econ.* 92: 852–874.

РОЛЬ МЕЖСЕМЕЙНОГО ОБМЕНА В СИСТЕМЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ И УХОДА ЗА ПОЖИЛЫМИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ *

Лидия Прокофьева, Анна Миронова

Статья посвящена проблеме помощи пожилому населению в России со стороны межсемейных сети поддержки, а также участию пожилых в межсемейных обменах. Данные репрезентативных обследований (Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения - РМЭЗ-ВШЭ 2013 г.; обследование Росстата Комплексное обследование уровня жизни - КОУЖ 2011 г.) показывают важность для пожилых людей родственного окружения, которое выступает не только источником материальной поддержки гораздо более высокого уровня, чем социальная помощь, но и оказывает весь спектр необходимых пожилому населению услуг, включая психологическую помощь в адаптации этой возрастной группы к новому этапу жизненного цикла после выхода с рынка труда.

Дается определение целевой группы исследования и ее социально-демографические характеристики, включая особенности регионального расселения по территории страны. Основной акцент в исследовании делается на наиболее уязвимой группе пожилых (одиноко проживающие лица или отдельно живущие супружеские пары), для которой в сегодняшних условиях неразвитости сферы услуг для пожилых родственная и соседская помощь оказываются жизненно необходимыми.

Ключевые слова: *пожилое население, межсемейные обмены, социальная поддержка.*

Проблема условий жизни пожилого населения, его материального положения и социального обслуживания остро стоит на повестке дня в современной России. В условиях низкого уровня пенсионного обеспечения введенные доплаты к пенсиям до прожиточного минимума могут лишь поддержать пожилых на крайне низком уровне потребления. Принимаемые для развития системы социального обслуживания решения призваны расширить спектр услуг для пожилых, сделать их более доступными. Однако принятие решений еще не означает их быструю реализацию. В этих условиях единственным источником материальной поддержки и помощи услугами оказываются близкие люди, будь то родные или соседи.

Расширенные семьи, тесные семейные, соседские, дружеские связи и взаимная поддержка деньгами, продуктами или услугами остаются частым явлением в России. В периоды относительно благополучной экономической ситуации это своего рода элемент образа жизни, в периоды кризиса - важный, а иногда и единственный способ выживания. Подобный способ адаптации к сложным социально-экономическим условиям можно отнести к категории архаичных, но он реально помог многим семьям в трудный период жизни и помогает до сих пор семьям группы риска бедности и социальной исключенности [Овчарова, Прокофьева 2000; Фадеева 1999; Денисенко 2007]. Близкие родственники являются тем социальным капиталом, на который можно опереться в трудной жизненной ситуации и который помогает решать важные проблемы текущей жизни.

Лидия Михайловна Прокофьева. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ», РОССИЯ. E-mail: lprokofieva@hse.ru

Анна Алексеевна Миронова. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ», РОССИЯ. E-mail: amironova@hse.ru

Статья поступила в редакцию в июле 2015 г.

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г.

Статья состоит из двух частей, первая представляет используемое в исследовании определение пожилого населения, его социально-демографические характеристики и особенности расселения (тип поселения, регионы), вторая содержит описание масштабов и видов межсемейной поддержки пожилых людей.

ПОЖИЛЫЕ КАК СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Возрастная группа «пожилых» не всегда понимается однозначно. Чаще всего она ассоциируется с людьми пенсионного возраста. В большинстве развитых стран к пожилым людям относят лиц в возрасте 65 лет и старше [World Health Organization 2015], что совпадает с окончательным выходом на пенсию. Однако возраст выхода на пенсию в России относительно низок, особенно у женщин, и не связан с обязательным уходом от трудовой деятельности, поэтому выделение людей пожилого возраста как группы населения, нуждающегося в помощи и поддержке, заставляет искать границу резкого снижения занятости пенсионеров как условную линию перехода в пожилой возраст. Здесь важно, прежде всего, учитывать возраст, в котором пенсионные выплаты начинают играть ключевую роль в материальном обеспечении индивида. Если в возрастной группе 45-50 лет, когда некоторые профессиональные категории граждан имеют право на досрочный выход на пенсию, доля тех, кто указывает пенсию по старости как основной источник, колеблется в пределах 10%, то к возрасту 65 лет этот показатель составляет уже 90%. В первые годы после выхода на пенсию большинство людей продолжают трудиться, поэтому в 55-59 лет у женщин и 60-64 года у мужчин доходы от трудовой деятельности ещё продолжают играть важную роль. Таким образом, возраст 65 лет для большинства пенсионеров является той границей, после которой резко снижается их материальная обеспеченность. В исследовании межсемейной поддержки пожилых мы ограничили эту группу возрастом 65 лет и старше.

По данным последней переписи (2010 г.) пожилое население составляет 12,7% населения страны, среди женщин эта доля равна 16,3%, а среди мужчин – 8,8%. Соотношение мужчин и женщин в этой возрастной группе находится на уровне 1:2, т.е. мужчины составляют лишь примерно треть пожилых. Различие в уровне смертности мужчин и женщин приводит к уменьшению доли мужчин в группах более старшего возраста: от 37% в возрасте 65-69 лет до 23% в самой старшей возрастной группе (80 лет и старше).

Тип поселения слабо дифференцирует долю пожилых в общей численности населения: в селах их доля лишь немногим больше (13,4% против 12,4% в городах).

С точки зрения регионального расселения распределение пожилых по регионам в большой степени зависит от их размеров - 29% пожилых живут в 6 самых крупных регионах (Москва, Московская область, Краснодарский край, Санкт-Петербург, Ростовская и Свердловская области). Что касается доли пожилых в населении регионов, то разброс довольно значителен: от 16,6% в Тульской области до 2,8% в Чукотском автономном округе при средней доле по всем регионам на уровне 12,7% (рисунок 1).

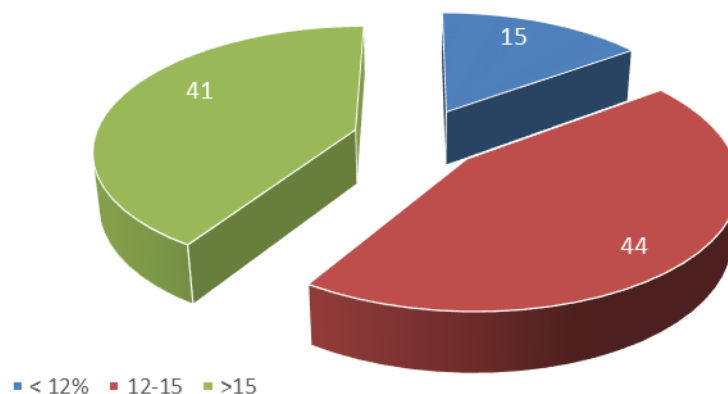

Рисунок 1. Распределение регионов по доле пожилых, %

Особую группу пожилых составляют те, кто живет отдельно от родственников, поэтому для них помощь в повседневной жизни через межсемейную сеть поддержки особенно актуальна (одиноко проживающие и супружеские пары пожилых). Почти 60% пожилых живут в домохозяйствах этих двух типов, эта доля практически не меняется с 1994 г. (таблица 1). Вместе с тем внутри этой группы выросла доля пожилых одиночек и уменьшился удельный вес супружеских пар, что связано с ростом смертности мужчин в этот период новейшей истории России.

Таблица 1. Распределение пожилых людей (65+) по типам домохозяйств, Россия микроперепись 1994 г., переписи 2002, 2010 г.

Тип домохозяйства	1994	2002	2010
Домохозяйства, состоящие из одного человека	25,5	26,1	29,7
Домохозяйства, состоящие из одной супружеской пары (простые)	33,8	32,8	29,6
Сложные домохозяйства	28,0	27,9	25,0
Неполные семьи (простые)	7,6	7,5	7,9
Прочие домохозяйства	5,1	5,7	7,7
Итого	100,0	100,0	100,0

Если рассматривать различия между пожилыми мужчинами и женщинами по типу проживания, то мужчины реже живут одни – 16% против 36% у женщин, в большинстве своем (52%) мужчины остаются в старости в паре с супругой (таблица 2).

Таблица 2. Распределение пожилых людей (65+) разного пола и места проживания по типам домохозяйств, Россия перепись 2010 г.

Тип домохозяйства	Мужчины	Женщины	Город	Село
Домохозяйства, состоящие из одного человека	15,9	36,0	29,1	31,2
Домохозяйства, состоящие из одной супружеской пары (простые)	52,1	19,4	28,5	32,6
Сложные домохозяйства	24,2	25,4	25,6	23,3
Неполные семьи (простые)	2,9	10,2	8,0	7,7
Прочие домохозяйства	4,9	9,0	8,7	5,2
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

В сельской местности пожилые чаще живут отдельно от родственников (64% против 58% в городах), но зачастую это проживание в доступной близости от взрослых детей, живущих по соседству.

Что касается региональных различий в структуре домохозяйств пожилых людей, то здесь большую роль играют национальные традиции. Так, минимальная доля пожилых, живущих отдельно от родственников, в 2010 г. отмечалась в Республике Ингушетия (6,1% среди пожилых), а максимальная – в Курганской области (67,3%) при средней по стране на уровне 59% (рисунок 2).

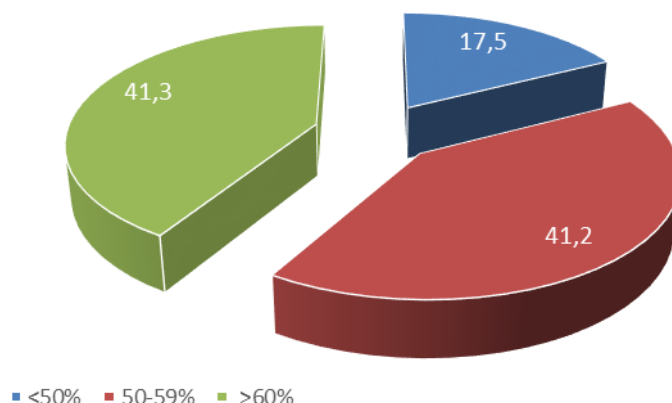

Рисунок 2. Распределение регионов по доле пожилых, живущих отдельно от родственников, %

Именно группа пожилых, живущих отдельно от родственников, является наиболее социально уязвимой с точки зрения потребности в повседневном уходе и материальной поддержке.

МЕЖСЕМЕЙНАЯ СЕТЬ ПОДДЕРЖКИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Близкие родственники являются тем социальным капиталом, на который пожилые люди могут опереться в трудной жизненной ситуации и который помогает решать важные проблемы текущей жизни. Помощь родственников становится значимой и незаменимой для престарелых в условиях недостаточного развития или даже отсутствия в России государственных сетей, берущих на себя в случае необходимости заботу о них (дома для престарелых с высоким качеством обслуживания и т.д.). Существование платных услуг такого рода не снимает проблему, поскольку из-за высокой стоимости они практически недоступны большинству российских семей.

В российском контексте определение межсемейной солидарности включает и совместное проживание нескольких поколений, что является редким явлением в европейских странах (исключая Юг Европы). Аккумулирование полностью или частично средств всех поколений, живущих в одном домохозяйстве, позволяет наиболее слабым его звеньям не выпадать в состояние бедности. Тем не менее наибольшее внимание необходимо уделять случаям, когда пожилые одиночки или супружеские пары живут отдельно и

нуждаются в материальной поддержке или услугах со стороны. Для анализа выделяются денежные трансферты, обмены в натуральной форме (продукты, вещи), помощь в виде услуг, обмен необходимой информацией, моральная поддержка.

Информационной базой исследования служат данные последней волны обследования ВШЭ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения» 2013 г. (РМЭЗ) и обследования Росстата «Комплексное обследование уровня жизни» 2011 г. (КОУЖ)¹. Каждое из этих обследований имеет свою специфику сбора данных и тематики, однако оба включают в программу блок вопросов, касающихся межсемейной помощи и поддержки, в том числе пожилых людей, живущих отдельно от родственников.

Виды и масштабы межсемейной поддержки

Как показывают специальные обследования, основной формой материальной помощи является финансовая - регулярная или время от времени в случае необходимости, например, в виде оплаты дорогостоящего лечения, оплаты отдыха, учебы, покупки квартиры или машины. Другой формой материальной помощи является поддержка продуктами питания, в основном выращенными на собственном приусадебном или садовом участке. Эта форма межсемейной взаимопомощи чаще присутствует в сельской местности или в небольших городах, где образ жизни мало отличается от сельского, жители же крупных городов в основном получают такую помощь от родственников или друзей, живущих в селах [Народонаселение... 2013].

Бесплатные услуги (оказываемые или получаемые) охватывают различные стороны жизнедеятельности семьи: от элементарной помощи в быту (стирка, уборка, покупка продуктов, приготовление еды), ухода за детьми и престарелыми до строительства или ремонта дома, пошива одежды, предоставления своего жилья для проведения отпуска родным и друзьям. Кроме того, помощь может заключаться в бесплатном оказании профессиональных консультаций и услуг (медицинских, юридических, педагогических), а также в устройстве на работу или в поиске дополнительной работы. Все эти виды межсемейной солидарности, имевшие место и в советский период, сегодня приобретает особую ценность в связи с удорожанием социальной инфраструктуры в городах и почти полным ее исчезновением в сельской местности.

Материалы обследований последних лет позволили определить охват домохозяйств разного типа, в том числе домохозяйств пожилых людей, тем или иным видом взаимопомощи.

¹Информационной базой исследования межсемейной сети поддержки пожилых людей в современной России послужили материалы КОУЖ, выборка 10 тыс. домохозяйств и РМЭЗ, выборка 6150 домохозяйств. Оба обследования реализованы на выборках, репрезентативных для России в целом, и содержат информацию об участии населения в межсемейной сети поддержки, ее формах и масштабах (<http://www.hse.ru/rlms/> - РМЭЗ; http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ/survey0/index.html - КОУЖ). Наиболее широко спектр межсемейной взаимопомощи представлен в РМЭЗ, где рассматривается и субъективная оценка межсемейной взаимопомощи ее получателем, а также роль системы взаимоподдержки в случае сложной жизненной ситуации. Обследование КОУЖ акцентирует внимание на межпоколенных связях (родители - взрослые дети), а также роли родственников и знакомых в обеспечении ухода за больными.

Материальные трансферты. Помощь родным деньгами или в натуральной форме оказывают 43% домохозяйств. Масштабы этого вида поддержки мало зависят как от уровня дохода семьи, так и от места проживания. Что касается состава семьи, то опрос РМЭЗ показал, что по-прежнему помощь оказывает старшее поколение молодым: самая высокая частота получения помощи встречается у молодых супругов и у молодежи, выделившейся из родительской семьи (32 и 55% соответственно).

Данные по межсеме́йным обменам показывают, что материальная помощь может получаться и оказываться, а иногда это происходит одновременно, но потоки помощи не обязательно встречные. В общей системе межсеме́йных трансфертов участвуют 45% домохозяйств, из них четверть только помогают другим, 15% только получают поддержку, а 5% и получают, и помогают сами (таблица 3).

Таблица 3. Распределение домохозяйств по типу участия в межсеме́йных трансфертах (межсеме́йные обмены за последние 30 дней), %

Тип домохозяйства	Участвовали в трансфертах	В том числе:			Не участвовали
		помогали сами	получали	и помогали, и получали	
Все домохозяйства	45,0	24,5	15,4	5,1	55,0
из них:					
		<i>по типу поселения:</i>			
городские	44,2	23,6	15,8	4,8	55,8
сельские	47,0	26,8	14,7	5,5	53,0
		<i>по демографическому типу домохозяйства:</i>			
одиначки в возрасте до 30 лет	68,7	6,8	55,1	6,8	31,3
одиначки старшего возраста (65+)	47,8	26,2	15,8	5,8	52,2
супруги без детей (молодые)	52,8	14,6	31,5	6,7	47,2
супруги без детей (старший возраст)	48,3	36,3	6,2	5,8	51,7
супруги с детьми	47,6	10,7	31,7	5,5	52,4
неполные семьи с детьми	51,4	11,0	35,9	4,5	48,6
сложные домохозяйства с детьми	31,5	13,3	14,3	4,0	68,5
прочие домохозяйства	39,7	25,4	11,9	3,7	60,3

Источник: расчет на данных РМЭЗ.

По степени участия в межсеме́йных трансфертах пожилые одиначки и супруги старшего возраста выступают скорее в роли доноров, чем получателей помощи. Таким образом, преимущественное направление поддержки от старшего поколения к младшему, которое отмечалось в ходе обследований конца 1990-х - начала 2000-х годов, сегодня не изменилось [Денисенко 1999; Овчарова, Прокофьева 2000; Иванова 2003].

Нужно отметить, что все выделенные нами типы домохозяйств в той или иной степени оказываются объектом оказания помощи со стороны родственников и друзей: минимальный процент получающих помощь составил 6%.

По сравнению с городским населением, где направление помощи от старшего поколения к младшему выражено более сильно, на селе можно видеть два почти равных по частоте встречных потока: от родителей к молодым детям, уже живущим самостоятельно, и от детей к родителям (40 и 36% соответственно). Это говорит о большей нуждаемости старшего поколения сельских жителей в дополнительной материальной поддержке близких родственников. Помощь от друзей гораздо чаще отмечают городские семьи, чем живущие

в сельской местности. Традиционная межсоседская взаимопомощь в сельской местности сохраняется, однако в большей мере она принимает формы обмена услугами или натуральной помощи продукцией своего личного хозяйства.

Анализ источников получения материальной помощи показывает, что основными донорами являются родители (почти 50%), что подтверждает преобладающую направленность помощи от старшего поколения к младшему (таблица 4). Старшему поколению помогают не только дети, но и внуки, другие родственники и друзья, но среди них основную роль играет поддержка детей (84-89%).

Помощь услугами. Кроме материальной поддержки, выражающейся в монетарной или натуральной помощи, семьи активно участвуют в обмене услугами. Среди этих услуг выделяются помощь по дому и в личном подсобном хозяйстве, уход и воспитание детей, уход за престарелыми и больными родственниками. Получение такого вида услуг отметили 16,5% домохозяйств, причем более половины случаев падает на помощь в повседневной жизни и еще треть – в уходе и воспитании детей.

Среди демографических типов домохозяйств помощь по дому и в личном подсобном хозяйстве чаще всего получают пожилые одинокие люди и супруги (41 и 33% соответственно). Семьи с детьми реже нуждаются в такого вида помощи, но ее получают 15-17% семей с детьми. Внимание к ним со стороны родственников и друзей выражается чаще всего в поддержке по уходу и воспитанию детей – эту помощь получают почти 50% семей с детьми (таблица 5).

Таблица 4. Распределение получаемых материальных трансфертов по их источнику (получение трансфертов в последние 30 дней), %*

Тип домохозяйства	От родителей	От детей	От бабушек/дедушек	От внуков	От других родственников	От друзей
Все домохозяйства	47,4	27,4	6,7	2,2	15,3	11,0
из них:						
городские	49,7	24,7	8,3	1,8	15,7	12,1
сельские	40,3	35,5	7,7	3,6	14,0	7,6
<i>по типу поселения:</i>						
<i>по демографическому типу домохозяйства:</i>						
одиночки в возрасте до 30 лет	89,2	-	22,6	-	9,7	9,7
одиночки старшего возраста	-	84,3	-	13,3	12,2	4,4
супруги без детей (молодые)	94,7	-	19,3	-	7,0	5,3
супруги без детей (старший возраст)	-	88,7	-	4,2	12,7	2,8
супруги с детьми	91,2	-	13,1	-	15,1	7,1
неполные семьи с детьми	68,0	8,6	9,4	-	21,9	18,8
сложные домохозяйства с детьми	69,7	5,6	11,8	-	24,2	18,0
прочие домохозяйства	41,8	25,8	7,2	1,5	27,8	22,4

Примечание: * - помощь могла приходить из нескольких источников, поэтому сумма по строке не равна 100%.

Источник: расчет на данных РМЭЗ.

Помощь по уходу за больными и престарелыми оказывается в основном пожилым одиноким людям, и здесь уже дети играют основную роль (почти 70% случаев), реже подключаются внуки или соседи (менее 30%). Если в многопоколенном домохозяйстве

пожилой человек нуждается в уходе в связи с возрастом или болезнью, то его чаще всего осуществляет кто-то из членов семьи (3/4 случаев) или родственники, живущие отдельно, знакомые (16%), очень редко (4%) приглашаются специальные люди, услуги которых оплачиваются. При этом на вопрос анкеты: «Хотели бы Вы нанять человека для ухода за больным или престарелым членом семьи?», - 80% домохозяйств ответили отказом, а для тех, кто хотел бы пригласить специального человека, главным препятствием является недостаток средств для этого в бюджете семьи. Только 2% домохозяйств, заявивших о своем желании нанять сиделку к больному или пожилому члену семьи, не могут этого сделать из-за отсутствия предложения («хотели бы, но не можем найти»), следовательно, речь идет о достаточно высокой стоимости услуг по уходу, которые оказываются недоступными семьям.

Таблица 5. Доля домохозяйств, получавших помощь в виде тех или иных услуг, %

Тип домохозяйства	Работа по дому и на личном подворье	Уход за детьми	Уход за больными и престарелыми
Все домохозяйства	19,6	13,9	7,5
из них			
<i>по типу домохозяйства:</i>			
одиночки в возрасте до 30 лет	4,7	-	0,0
одиночки старшего возраста (65+)	40,5	-	23,0
супруги без детей (молодые)	3,1	-	1,1
супруги без детей (старший возраст)	33,0	-	15,7
супруги с детьми	15,1	50,1	0,3
неполные семьи с детьми	16,5	45,5	0,7
сложные домохозяйства с детьми	8,2	16,1	1,8
прочие домохозяйства	12,5	4,4	5,7

Источник: расчет на данных РМЭЗ.

По данным опроса Росстата (КОУЖ), только 23% из тех, кто прибегал к чьей-либо помощи для самообслуживания и другой ежедневной деятельности, состояли на социальном обслуживании в органах социальной защиты населения, но 58,3% получали помощь от детей.

Для пожилых людей, испытывающих потребность в медицинской помощи (в том числе в длительном медицинском наблюдении, помощи и уходе вследствие хронического заболевания или инвалидности; в восстановительном лечении в период реабилитации, в медицинской помощи при обострении хронических заболеваний, при недомоганиях, простудных заболеваниях), кроме медицинских работников, важным элементом поддержки и ухода за больными выступают родные или знакомые (18,3%) и лишь в 2,2% случаев социальные работники (таблица 6).

Таким образом, для описания взаимосвязи между участием семьи и государства в уходе за пожилыми наиболее подходящей является «комплементарная модель». Согласно ей к помощи государства прибегают в основном тогда, когда потребности пожилого человека превышают возможности семьи в обеспечении поддержки. Поэтому активное участие семьи в уходе за пожилыми родственниками позволяет государству экономить на расходах [Keefe 2012].

Обследование Росстата (КОУЖ) дает более полную информацию о структуре межпоколенной взаимопомощи (родители - дети). Согласно этим данным 81,4% пожилых людей (в возрасте старше 65 лет), имеющих отдельно проживающих детей, в той или иной форме получали от них помощь, 12% пожилых не получали никакой помощи, 6,6% либо затруднились ответить, либо утверждали, что в помощи нет необходимости.

Таблица 6. Источник медицинской помощи для пожилых людей

Из тех, кто испытывает потребность в медицинской помощи, получают её от	%
лечащего врача	62,7
родных, знакомых	18,3
медицинской (патронажной) сестры	6,3
справляется самостоятельно	6,2
социального работника	2,2
знакомого врача или знакомого медицинского работника	1,7
специально нанятого человека	0,2
никто не оказывает медицинскую помощь	2,4
Итого	100

Источник: КОУЖ.

Чаще всего дети ухаживают за своими пожилыми родителями во время болезни, помогают по хозяйству или оказывают другую помощь; помощь от детей в виде денег и покупки продуктов пожилые люди получают значительно реже (рисунок 3).

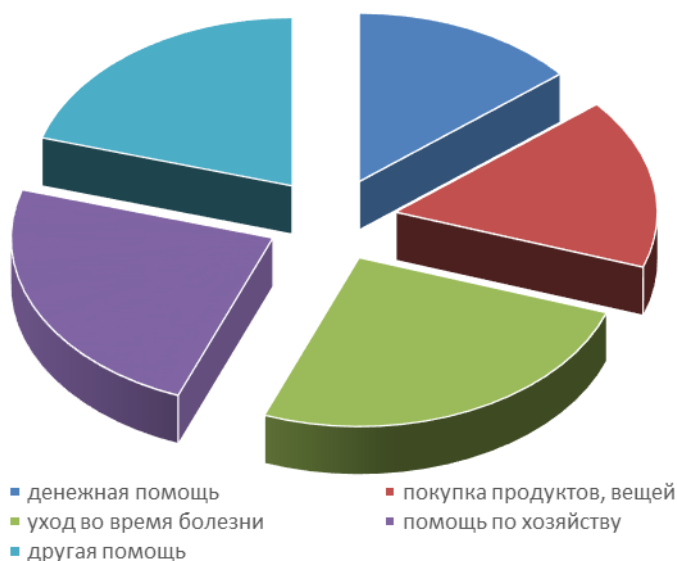

Рисунок 3. Тип помощи, которую пожилые получают от детей, %

Источник: КОУЖ.

Обследование РМЭЗ также подтверждает выводы о том, что сами пожилые продолжают играть роль доноров для своих детей. Так, 64,3% пожилых людей помогают своим детям, живущим отдельно, 34,9% не помогают, 0,8% затруднились ответить. Большинство (67,6%) тех, кто не помогает своим детям, объясняют это тем, что дети не нуждаются в их поддержке.

Наиболее распространённым типом поддержки взрослых детей со стороны пожилых родителей является помощь в воспитании внуков, а также помощь в виде денег и продуктов.

Реже всего пожилые родители оплачивают своим детям жильё и покупают вещи (рисунок 4).

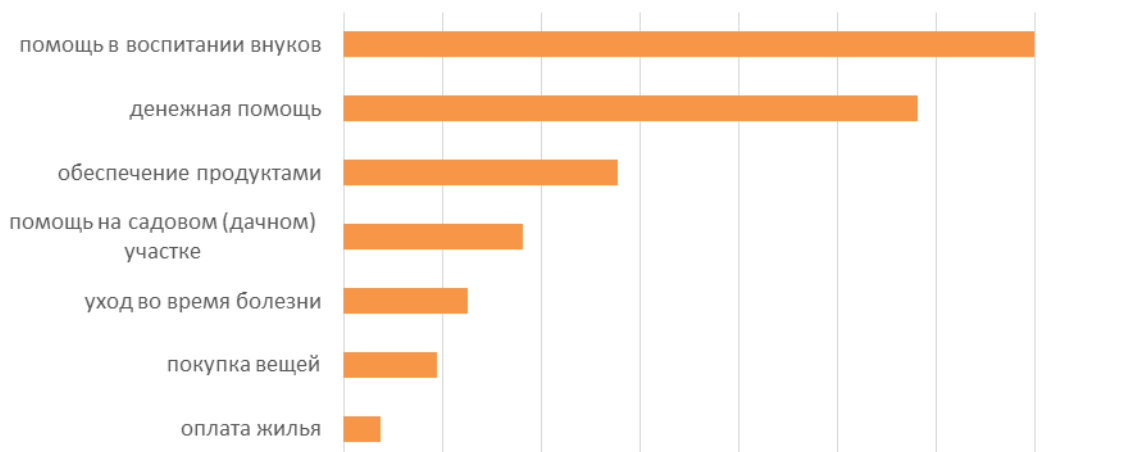

Рисунок 4. Тип помощи, которую пожилые оказывают взрослым детям, %

Источник: КОУЖ.

В наибольшей степени в воспитание внуков вовлечены бабушки/дедушки в возрасте от 60 до 69 лет. До 65 лет доля участия старших родителей в воспитании внуков растет, а затем начинается тенденция к снижению — дети вырастают, старшие родственники стареют. Но и после 70 лет в среднем четверть пожилых продолжают регулярно заниматься внуками (рисунок 5).

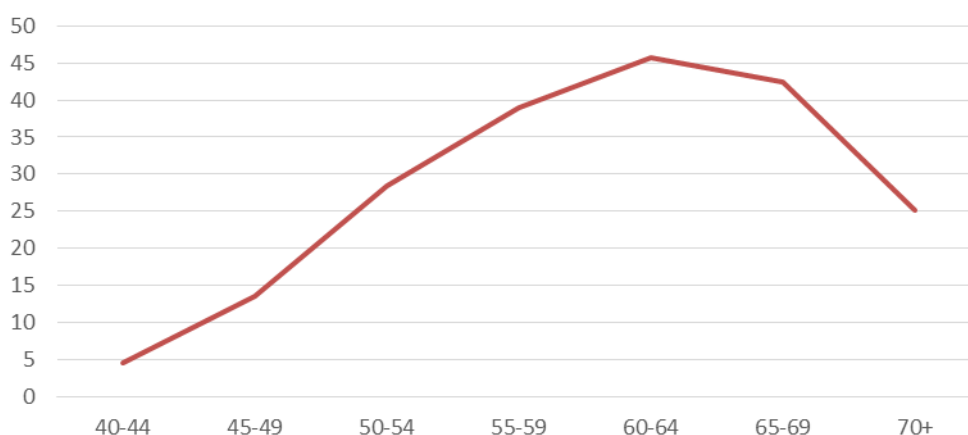

Рисунок 5. Доля бабушек/дедушек, помогающих в воспитании внуков, %

Источник: КОУЖ.

Возраст родителей является важным фактором, определяющим направление межсемейных трансфертов. Почти во всех возрастных группах родителей доля тех, кто помогает своим отдельно живущим детям, выше, чем доля родителей, получающих денежную помощь от детей. Резкое сближение потоков происходит как раз к возрасту 65 лет, а в возрастной группе 70 лет и старше доля родителей, получающих от детей денежную помощь (32,2%) начинает превышать долю тех, кто продолжает поддерживать своих детей деньгами (31,6%), хотя различие и невелико (рисунок 6).

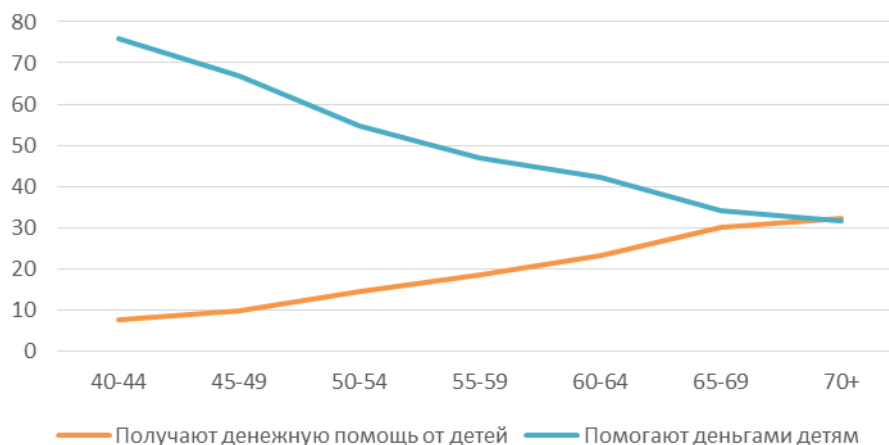

Рисунок 6. Доля родителей, получающих денежную помощь от детей или помогающих детям, в каждой возрастной группе, %

Источник: КОУЖ.

Фактор возраста играет значимую роль и в динамике активной поддержки престарелых в случае болезни: по мере перехода к более старшим возрастным группам замечен рост случаев ухода за престарелыми во время болезни, а для родителей в возрасте от 70 лет и старше доля получающих помощь от детей составляет 44,7% (рисунок 7).

Роль межсемейной сети поддержки в жизни семей. Широкое распространение взаимной межсемейной поддержки является важным элементом образа жизни семей. Она дает ощущение надежного источника помощи, который в случае необходимости можно использовать, ощущение защищенности в трудной жизненной ситуации, который более доступен для большинства семей, чем социальная поддержка.

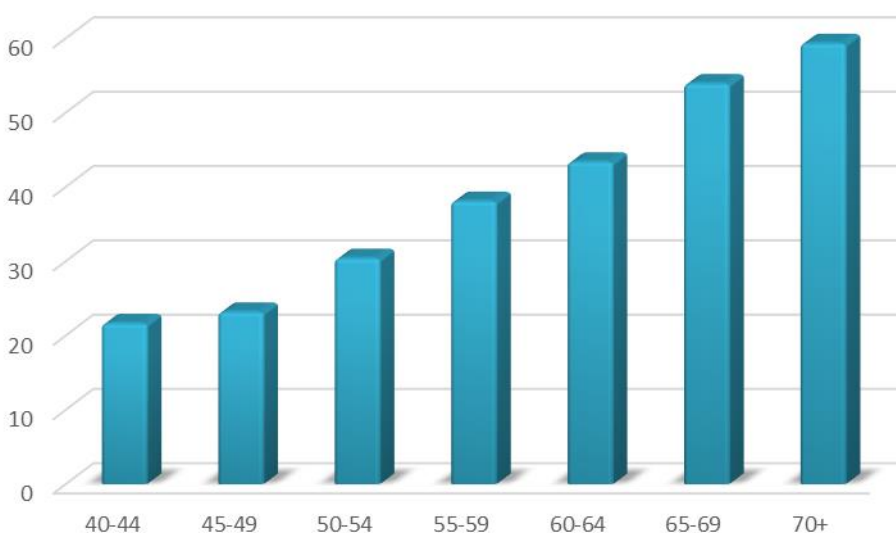

Рисунок 7. Доля родителей, получающих от детей уход во время болезни, в каждой возрастной группе, %

Источник: КОУЖ.

Кроме материальной поддержки и помощи услугами, семьи отмечают важность моральной поддержки, получаемой от родственников и друзей в случае сложной ситуации, проблем в семье и личной жизни. Только 5% респондентов отметили отсутствие такой поддержки, а большинство получает ее «практически всегда» (53%) или «часто» (27%).

Частые контакты с родственниками, живущими отдельно, способствуют усилению взаимообменов между семьями. Как показали данные опроса РМЭЗ, 44% семей, у которых есть родственники, живущие отдельно, видятся с ними практически каждый день (26%) или несколько раз в неделю (18%) и только менее 4% видятся с ними крайне редко (реже, чем раз в год) или не имеют никаких контактов. Главной причиной отсутствия контактов в большинстве случаев является удаленность проживания (60% ответов).

Таким образом, включенность в межсемейную сеть поддержки не только материально помогает семьям в трудной жизненной ситуации, но и избавляет большинство из них от социальной исключенности, изолированности от социума.

Доля домохозяйств, получивших материальную помощь от родственников или друзей в последние 30 дней перед проведением опроса, составила 24%. Доля материальной поддержки от родственников и друзей в доходах семей-получателей составляет в среднем 21%, однако она более значима для некоторых категорий домохозяйств: помощь родственников является определяющей доходы молодежи, живущей отдельно от родственников (55%), и составляет треть бюджета неполных семей с детьми (таблица 7).

Таблица 7. Доля частных трансфертов в доходах домохозяйств разного типа и их соотношение с прожиточным минимумом (ПМ) домохозяйства, %

Тип домохозяйства	Доля частных трансфертов в доходах домохозяйств-получателей	Соотношение материальной помощи с ПМ на домохозяйство*
Все домохозяйства	21,3	50,5
из них по типу домохозяйства:		
одиночки в возрасте до 30 лет	54,7	85,0
одиночки старшего возраста (65+)	31,5	84,4
супруги без детей (молодые)	21,7	63,7
супруги без детей (старший возраст)	27,6	72,6
супруги с детьми	16,7	30,9
неполные семьи с детьми	33,2	47,9
сложные домохозяйства с детьми	11,4	26,2

*Примечание: * - ПМ домохозяйства, рассчитанный с учетом его демографического состава.*

Источник: расчет на данных РМЭЗ.

Для пожилых людей, будь то одиночки или супружеские пары, доля материальной помощи родственников в среднем составляет почти треть доходов, состоящих главным образом из пенсии. Если рассматривать размер получаемой помощи в соотношении с ПМ домохозяйств-получателей, то для одиноких пожилых частные трансферты добавляют более 80% ПМ и для пожилых супругов - чуть меньше (73%).

Роль межсемейной поддержки оказывается существенно выше, чем значение социальных трансфертов, получаемых семьями. Если под социальными трансфертами понимать пособия, субсидии и доплаты, а также стипендии для студентов, то их доля в

доходах семей-получателей в среднем составляет менее 10%, что в 2 раза меньше доли помощи родных и друзей (таблица 8).

Для всех выделенных типов домохозяйств помощь родственников играет более важную роль, чем социальная поддержка. Вместе с тем частота оказания социальной помощи намного выше у пожилых, именно они значительно чаще получают различного рода пособия, субсидии и доплаты, чем семьи с детьми (рисунок 6). Сложные многопоколенные домохозяйства с детьми, в состав которых входят пожилые родственники, также часто получают социальную поддержку.

Таблица 8. Доля социальных трансфертов в доходах домохозяйств-получателей (за последние 30 дней), %

Тип домохозяйства	Социальные трансферты*	В том числе:		
		пособия**	стипендии	субсидии и доплаты***
Все домохозяйства				
<i>из них</i>	8,7	8,9	8,0	7,0
<i>по типу домохозяйства:</i>				
одиночки в возрасте до 30 лет	24,4	-	25,3	22,5
одиночки старшего возраста (65+)	10,0	-	-	10,0
супруги без детей (молодые)	7,0	5,0	6,3	8,4
супруги без детей (старший возраст)	6,3	-	-	6,3
супруги с детьми	7,9	8,4	3,0	8,3
неполные семьи с детьми	12,3	11,4	6,0	13,0
сложные домохозяйства с детьми	5,0	6,0	3,2	4,7

Примечания: * - без учета пенсий; ** - пособие по безработице и все пособия на детей; *** - субсидии и доплаты на топливо, жилье и коммунальные услуги, налоговые вычеты, льготы на оплату жилья и ЖКУ.

Источник: расчет на данных РМЭЗ.

Проводимая с 2007 г. социальная политика поддержки семей с детьми дает положительный результат с точки зрения частоты получения пособий семьями: более трети из них являются получателями разного вида пособий на детей, что отразилось на соотношении частоты получения частных и социальных трансфертов в пользу последних. Вместе с тем, как показывают данные обследования, роль социальных пособий значительно менее значима для доходов домохозяйств с детьми, чем помощь родственников (таблицы 7 и 8).

К группам домохозяйств, для которых частота получения помощи от родственников заметно превышает социальную поддержку, относится молодежь, выделившаяся из семьи родителей, и молодые супруги без детей. Именно эти домохозяйства, находящиеся на начальных этапах жизненного цикла и чей доход не позволяет пока обеспечивать свои даже минимальные потребности, нуждаются в поддержке, но социальная политика в отношении этих групп крайне не развита, отличается фрагментарностью и «традиционностью» подхода. Однако помощь этим домохозяйствам должна быть активной: облегчение доступа к профессиональному образованию и к рынку труда (рисунок 8).

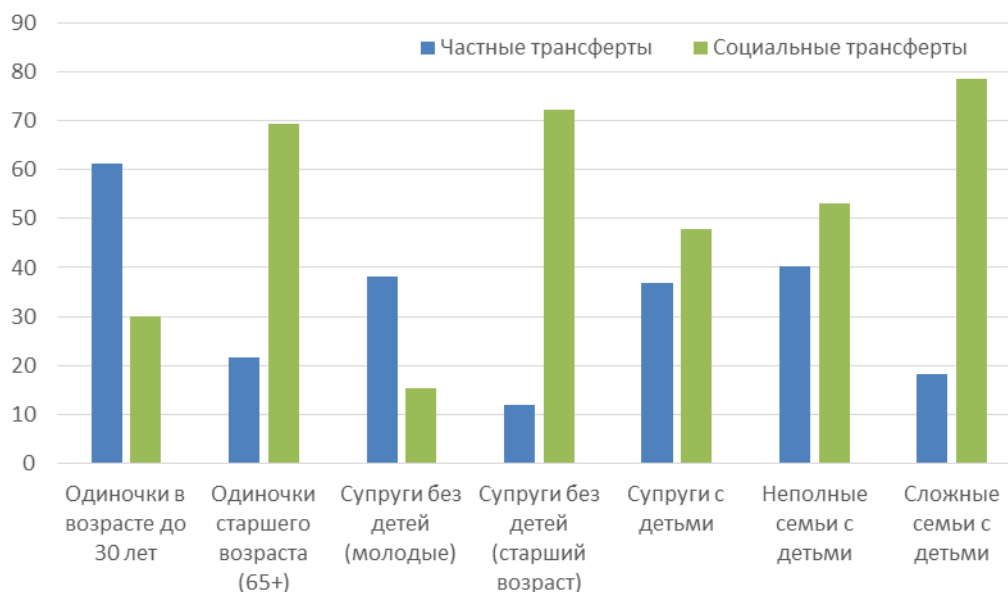

Рисунок 8. Доля получателей социальных и частных трансфертов в разных типах домохозяйств, %

Источник: расчет на данных РМЭЗ.

Как уже отмечалось, в межсемеиных материальных обменах пожилые даже старших возрастов часто выступают как «доноры», а не получатели помощи (таблица 3). Вместе с тем денежная помощь - это далеко не единственный вид межсемеиной поддержки.

Важность межсемеиной поддержки пожилые отмечают в своих интервью, в частности проведенных в Ростовской области в рамках международного проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) [Прокофьева, Корчагина и др. 2014]. Особенно часто пожилые отмечают обоюдность обменов, хотя они могут и не быть по значимости одного порядка: «*Ни деньгами, ни вещами, ни продуктами мы помочь не можем, но сидим с внуками, другое что помочь можем... советом, например*» (пожилые супруги); «*Внучка звонит, говорит - подкинь бабушка, я кладу ей на телефон 50 рублей и внуку тоже. Другие родственники мне помогают деньгами, в уборке по дому, поддерживают нас. Я с маленькими сижу, да и советом помогу*» (пенсионерка 70 лет, живет с матерью); «*Операцию мне сделали, так дочка и сын помогли и материально, и заботились. У меня хорошие дети – на них полагаюсь. А я с внучкой на занятия хожу, в школу, на танцы – живу ее успехами*» (пенсионерка 65 лет). Для пожилых важно быть полезными: «*Я себя чувствую комфортно, если у меня есть возможность быть полезной, помогать детям, внукам. Они мне помогают, конечно – половину платы ЖКУ берут на себя*» (одинокая пенсионерка, 81 год). Отсутствие близких родственников заменяется соседскими взаимобменами, пусть и незначительными, но это отмечается пожилыми людьми как поддержка и необходимое социальное окружение: «*Соседи иногда продуктами мне помогают. А мне и дать нечего. Только помощь свою могу предложить, когда нужно. Ну и пироженками балую иногда*» (одинокая пенсионерка, 68 лет).

Результаты качественных интервью показали, что практически все опрошенные, независимо от возраста и материального положения, говорили о включенности в

межсемейную или дружескую сеть поддержки иногда в активной фазе, иногда рассматривая обращение за помощью к родственникам или друзьям как потенциально возможный выход из положения. При этом респонденты всегда указывают на ответную помощь, которую они оказывают своим родным, пусть даже и не в сопоставимом по значимости виде.

ФЕНОМЕН СОХРАНЕНИЯ АКТИВНОЙ МЕЖСЕМЕЙНОЙ ПОДДЕРЖКИ: ТРАДИЦИЯ ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ?

Говоря о межсемейной сети поддержки, часто используют термин «традиционность», однако возникает вопрос: насколько эта традиционность является вынужденной в условиях крайне низкого уровня пенсий и слабого развития сети услуг, обращенных к пожилому населению.

Изучение мнения населения по вопросам, относящимся к необходимости семье поддерживать пожилых (вплоть до совместного проживания или даже отказа от карьеры для ухода за ними) показало преобладание именно «традиционной» точки зрения. Но эти ответы не дают понимания того, насколько отвечавшие думали не об абстрактной модели поведения, а о реальной ситуации отсутствия альтернативной поддержки пожилых со стороны государства. Молодежь придерживается иной точки зрения, согласно которой родители не должны брать на себя такую большую ответственность за своих уже взрослых детей, как это принято в России, а развитая система социальной поддержки пожилых со стороны государства должна позволять взрослым детям целиком посвящать себя карьере и одновременно быть спокойными за престарелых родителей (данные обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» - РиДМиЖ) [Lefèvre et al. 2008]. В связи с этим возникает сомнение в сохранении «традиционности» российского общества в следующих поколениях.

Сохранение в России традиций тесной межсемейной взаимопомощи во многом позволяет решать сегодня те социальные проблемы поддержки пожилых, которые не в состоянии пока полностью взять на себя социальные институты. Речь идет о материальной и моральной поддержке, обмене услугами, которые позволяют им выживать в условиях недостаточного развития и доступности специальной сферы услуг для пожилых людей.

Материальная помощь от родственников, друзей, соседей по масштабам распространения и роли в доходах намного превышает социальную и благотворительную помощь, она представляет собой тот дополнительный ресурс, который необходим пожилым на том этапе жизненного цикла, когда их человеческий потенциал уже недостаточен для полноценной жизни. Как показывают результаты обследований, межсемейный обмен не ограничивается поддержкой семей или одиноких людей в трудной жизненной ситуации, это важный элемент социальной жизни, необходимый ареал общения и информирования, моральной поддержки. В случае отхода от «традиционности» чем заменить межсемейную поддержку?

ЛИТЕРАТУРА

- Денисенко М.Б. (1999). Благосостояние и трансферты пожилых людей в городах России (по материалам обследований в Нижнем Новгороде, Орле и Твери) // Демографические и социально-экономические аспекты старения населения: Вторые Валентеевские чтения: тез. докл., кн.1. / Науч. ред. В.М. Моисеенко. М.: Диалог-МГУ: 150-161.
- Денисенко М.Б. (2007). Межпоколенные трансферты // Экономика народонаселения / Под ред. В.А. Ионцева, А.М. Саградова. М.: Инфра: 304-330.
- Иванова Е.И. (2003). Пожилой человек в сельской местности: родственные связи и межпоколенные трансферты // Социальная политика: реалии XXI века. Выпуск 1. М.: НИСП: 135-164
- Народонаселение современной России: риски и возможности (2013). Раздел «Межсеме́йные отношения». М.: Экономическое обозрение: 96-108.
- Овчарова Л.Н., Л.М. Прокофьева (2000). Бедность и межсеме́йная солидарность в России в переходный период // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. №4: 23-31.
- Прокофьева Л.М., И.И. Корчагина и др. (2014). Бедность и социальная исключенность глазами разных групп населения // Народонаселение. №4: 61-81.
- Фадеева О. (1999). Межсеме́йная сеть: механизмы взаимоподдержки в российском селе // Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос: 183-218.
- Keefe J., J. Légaré, P. Charbonneau, Y. Décarie (2012). Intergenerational Support to Older Canadians by Their Adult Children: Implications for the Future // The Family, the Market or the State? Netherlands: Springer: 141-158.
- Lefèvre C., L. Prokofieva, I. Korchagina (2008). Une comparaison France-Russie des opinions sur le rôle de la famille dans l'aide aux personnes âgées à partir des enquêtes Genre et Générations. Québec: LAIDELF.
- World Health Organization (2015). Definition of an older or elderly person / World Health Organization. URL: <http://www.who.int/healthinfo/survey/ageingdefnolder/en/> (дата обращения: 28.09.2015)

THE ROLE OF INTERFAMILY EXCHANGE IN THE SYSTEM OF MATERIAL SUPPORT AND CARE FOR THE ELDERLY IN MODERN RUSSIA*

LIDIA PROKOFIEVA, ANNA MIRONOVA

Lidia Prokofieva. NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, Russia.
E-MAIL: lprokofieva@hse.ru.

Anna Mironova. NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, Russia.
E-MAIL: amironova@hse.ru.

DATE RECEIVED: July 2015.

This article is devoted to the issue of assistance to the elderly from the interfamily support network and the participation of the elderly in interfamily exchanges. Data of representative surveys (RLMS-HSE, 2013, Integrated monitoring of population life conditions in Russia, 2011) show the importance of relatives' support for older people. Relatives provide not only material aid which significantly exceeds the amount of social aid, but also a broad array of necessary services including psychological support in adapting to a new stage of the life cycle after finishing labor activity.

We define the target group of our study and its socio-demographic characteristics, including the distinguishing features of regional location. The main focus of the study is the most vulnerable group of older people: persons living alone and married couples living apart. Due to underdevelopment of the service industry for the elderly, support aid from relatives and neighbors is vital for this group of older people.

Key words: the elderly, interfamily exchanges, social support.

* THE STUDY WAS IMPLEMENTED UNDER THE BASIC RESEARCH PROGRAM AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (HSE) IN 2015.

REFERENCES

- Denisenko M.B. (1999). Blagosostoyanie i transferty pozhilykh lyudey v gorodakh Rossii (po materialam obsledovaniy v Nizhnem Novgorode, Orle i Tveri) [Welfare and transfers of the elderly in Russian cities (based on surveys in Nizhny Novgorod, Orel, and Tver)] // Demograficheskiye i sotsial'no-ekonomicheskiye aspekty stareniya naseleniya: Vtoryye Valenteyevskiy chteniya [Demographic and socio-economic aspects of population aging: Second Valentey reading]: tez. dokl., kn.1. / Nauch. red. V.M. Moiseyenko. M.: Dialog-MGU: 150-161.
- Denisenko M.B. (2007). Mezhpokolennyye transferty [Intergenerational transfers] / Iontsev V.A., Sagradov A.M. (red.) Ekonomika narodonaseleniya [Population economics]. M.: Infra: 304-330.
- Fadeeva O. (1999). Mezhsheymnaya set': mekhanizmyvzaimopodderzhki v rossiyskomsele [Inter-family network: mechanisms of mutual support in the Russian countryside]. Shanin T. (red.) Neformal'nayaekonomika: Rossiyaimir. [The informal economy: Russia and the world], M.: Logos: 183-218.
- Ivanova E.I. (2003) Pozhiloychelovek v sel'skoymestnosti: rodstvennyye svyazi i mezhpokolennyye transferty [Elderly people in rural areas: family ties and intergenerational

- transfers]. *Sotsial'naya politika: realii XXI veka* [Social policy: the realities of the twenty-first century]. Vol.1. M.: NISP: 135-164.
- Keefe J., J. Légaré, P. Charbonneau, Y. Décarie (2012) *Intergenerational Support to Older Canadians by Their Adult Children: Implications for the Future // The Family, the Market or the State?* Netherlands: Springer: 141-158.
- Lefèvre C., L. Prokofieva, I. Korchagina (2008) *Une comparaison France-Russie des opinions sur le rôle de la famille dans l'aide aux personnes âgées à partir des enquêtes Genre et Générations*. Québec: AIDELF.
- Narodonaselenie sovremennoy Rossii: riski i vozmozhnosti. Razdel «Mezhsemeynye otnosheniya» (2013) [Population of modern Russia: risks and opportunities. The part "inter-family relationships"]. M.: Ekonomicheskoe obozrenie: 96-108.
- Ovcharova L.N., L.M. Prokof'eva (2000) *Bednost' i mezhsemeynaya solidarnost' v Rossii v perekhodnyy period* [Poverty and inter-family solidarity in Russia during transition period] // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i socialnye izmeneniya*. №4: 23-31.
- Prokof'eva L.M., I.I. Korchagina et al. (2014). *Bednost' i sotsial'naya isklyuchennost' glazami raznykh grupp naseleniya* [Poverty and social exclusion through the eyes of different population groups] // *Narodonaselenie*. №4: 61-81.
- Valenteevskie chteniya: tez. dokl., kn.1 / Nauch. red. V.M. Moiseenko. M.: Dialog-MGU: 150-161 [Demographic and socio-economic aspects of aging: The second Valenteyrening: theses, vol.1 / Academic editor V.M.Moiseenko. M.: Dialog-MSU: 150-161].
- World Health Organization (2015). *Definition of an older or elderly person* / World Health Organization. URL: <http://www.who.int/healthinfo/survey/ageingdefnolder/en/> (accessed: 28.09.2015).

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В 1920-Е ГОДЫ (ИЗ ИСТОРИИ МИГРАЦИИ В РОССИИ)

ВАЛЕНТИНА МОИСЕЕНКО

Трансформация миграции после октября 1917 г., неизбежная в силу коренного переустройства политической и социально-экономической системы общества, означала изменение характеристик основных ее видов. Теоретические основы трансформации миграции были заложены в годы военного коммунизма и востребованы в конце 1920-х годов.

В силу объективных и субъективных причин трансформация не могла не затронуть миграцию крестьян в многоземельные районы, которая была тесно связана с довоенным этапом переселения и колонизации и оставалась в 1920-е годы одной из центральных проблем. В характерных чертах регулирования этих процессов (позднем открытии планового переселения в 1924-1925 гг. и закрытии переселения индивидуальных крестьянских хозяйств в 1930 г., «отмене» термина «колонизация») проявилось отношение к процессам, сыгравших большую роль в истории России. Но короткому времени, отведенному переселению и колонизации в 1920-е годы, предшествовал период, насыщенный масштабным движением крестьян в Азиатскую Россию, обсуждением перспектив этого процесса. Поэтому в 1920-е годы невозможно было не учитывать довоенные тенденции и последствия переселения, большой опыт переселенческого дела - информационный, законодательный и организационный. «Проводниками» такого опыта были ученые и специалисты. Часть из них работала в бывшем Переселенческом управлении. Однако попытка «возрождения» переселения противоречила планам государства. В конце 1920-х годов состояние переселения оценивалось как кризисное. Одновременно были прекращены исследования колонизации и переселения.

Фактически переселение крестьян с 1880-х до конца 1920-х годов было единым процессом. Это обстоятельство определило структуру статьи. При этом наименее изученным является последний этап - переселение в 1920-е годы.

Ключевые слова: трансформация миграции, переселение, аграрное перенаселение, колонизация, переселенческое дело, переселенческая статистика, состав переселенцев, плановое переселение, районы выхода и вселения, переселенческая политика, эффективность переселения, Россия.

Революция отменила ...все переселенческое дело...с его аграрно-помещичьей колонизаторской идеологией. На смену возрождается новое, советское переселение, построенное на совершенно иной экономической и социально-политической основе.

[Переселенческое дело 1927: 3]

ИЗ ОПЫТА ПЕРЕСЕЛЕНИЯ И КОЛОНИЗАЦИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ. НОВЫЙ КУРС НА РУБЕЖЕ 1910-Х ГОДОВ

В обширной дореволюционной историографии переселение крестьян определяется как одно из существенных и устойчивых явлений русского народного быта, тесно связанное с положением крестьян во «внутренних» (европейских) губерниях, расширением границ государства, политикой заселения окраин.

ВАЛЕНТИНА МИХАЙЛОВНА МОИСЕЕНКО. МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА, РОССИЯ. E-mail: VMOISEENKO.MSU@MAIL.RU.

Статья поступила в редакцию в марте 2015 г.

Значительный рост масштабов переселения крестьян в Сибирь, начавшийся с 1880-х годов, был вызван последствиями реформы 1861 г., малоземельем и кризисным состоянием крестьянского хозяйства, быстрым увеличением численности сельского населения в Европейской России (В.И. Чаславский, Ю.Э. Янсон, В.Н. Григорьев, И.А. Гурвич, А.А. Исаев, Ф. Воропонов, А.А. Кауфман и др.). Хотя интенсификация декларировалась как магистральное развитие земледелия, но из-за недостатка средств и знаний для интенсификации крестьяне выбирали переселение. Рост внимания к заселению Сибири стимулировала территориальная близость огромного Китая, а также поражение России в Русско-Японской войне (1904-1905 гг.) [Ядринцев 1892: 212].

Увеличение масштабов и большие трудности переселения за Урал, общественный интерес к движению крестьян способствовали пересмотру позиции правительства, «игнорировавшего переселения при проведении реформы 1861 года» (Ю.Э. Янсон). Переселенческая политика государства была реализована в положениях и законах 1881, 1889, 1904 и 1906 гг. В 1897 г. было создано Переселенческое управление МВД, переданное в 1906 г. в Главное управление землеустройства и земледелия. В рамках Государственной Думы III созыва (1907 г.) работала Особая комиссия по переселенческому делу. В начале XX века переселение крестьян в Азиатскую Россию преобразилось «из едва ли не ведомственного мероприятия в важнейшее дело с грандиозными задачами и вновь открывавшимися горизонтами в будущем» [Вощинин 1912: 1-2].

Ключевыми вопросами переселенческой политики в довоенное время были масштабы и эффективность переселения, состав переселенцев. По данным переселенческой статистики, результаты перемещения за Урал в 1885-1913 гг. оцениваются в размере 5159 тыс. семейных переселенцев и ходоков. Число обратных (семейных) переселенцев составило 517 тыс. (14%). Ежегодный максимум первой волны переселения (82-84 тыс. человек) пришелся на «голодные» 1891-1892 гг., второй (200-219 тыс.) - на 1898-1900 гг., третьей (744-682 тыс.) - на 1908-1909 гг. [Кауфман 1915b: 2-3]. Динамика переселения свидетельствует о постепенном росте масштабов при его существенных колебаниях в отдельные годы. Наибольшая его величина пришлась на время проведения аграрной реформы П.А. Столыпина.

За этот период движение «пионеров», «первопроходцев», крестьян средней состоятельности сменилось переселением малоземельных и безземельных семей, вызванным ухудшением положения крестьян после реформы 1861 г. Удельный вес безземельных переселенцев вырос с 15,3% в 1894-1899 гг. и 20,0% в 1903-1906 гг. до 24,5% в 1907-1911 гг. [Огановский 1914: 94]. Демографическую структуру переселенцев определяли большие семьи, в составе которых было несколько мужчин-работников. Основные места выхода охватывали аграрно-перенаселенные черноземные губернии Европейской России (Полтавскую, Курскую, Черниговскую, Воронежскую, Могилевскую, Харьковскую, Киевскую, Орловскую, Самарскую, Витебскую, Екатеринославскую и др.) с высокой плотностью сельского населения и низкими земельными наделами [Ямзин 1912: 15-16].

На протяжении довоенного периода высоким оставался удельный вес самовольных переселенцев. Поэтому период с 1880-х годов до начала Первой мировой войны определяется как «история самовольных переселений» [Ленский 1914: 96].

До 1906 г. «самовольцами» считались семьи, переселявшиеся без специального разрешения – проходного свидетельства. Формально потребность в термине «самовольное переселение» отпала после 1906 г. Однако масштабы самовольного движения (по паспортам) оставались значительными, хотя по терминологии начала XX века «нелегальные» (самовольные) переселенцы не имели права на льготный проезд по железной дороге, им не предоставлялись в первую очередь земельные участки и т.д.

В 1896-1911 гг. движение самовольцев в Азиатскую Россию составило 2/3 легального переселения. Особенно значительным был приток этой категории в Томскую губернию и Акмолинскую область. Три переписи, проведенные в Томской губернии в 1899-1911 гг., выявили значительные масштабы «непричисленных самовольцев» (в 1909 г. их число составило 80746 семей, всего 454144 человек) и тяжелое положение этой группы. 40% «неприписанных» семей не имели необходимого хозяйства – жилища, пашни, скота. [Огановский 1914: 127-128].

Существенные показатели самовольного движения отразили большие трудности регулирования переселения в условиях определяющего влияния «выталкивающих» факторов в местах выхода крестьян, низкого уровня образования переселенцев, слухов и писем родственников как главных источников информации о районах вселения.

Усиление роли государства в регулировании переселения означало рост государственных расходов. Их величина, составлявшая 3-4 млн руб. ежегодно в период деятельности Сибирского комитета, поднялась до 5,6 млн руб. в 1906 г. и 30 млн руб. в 1914 г. [Кауфман 1915а: 538].

В целом в предвоенные годы переселение в Азиатскую Россию было свободным. Государство регулировало его в виде помощи при ликвидации земельных наделов, признании обязательным ходачества, поддержки переселения земствами ряда губерний Европейской России и др. Весь переселенческий процесс находился в ведении единой организации, образовывавшей переселенческие участки, выдававшей ссуды и оказывавшей сельскохозяйственную, медицинскую, агрономическую помощь и т.д. Передвижение обслуживали специальные поезда. Была налажена относительно полная регистрация переселенцев, ходоков и обратников. Но, начиная с 1889 г., за исключением отдельных лет, хроническим было несоответствие между потребностью крестьян в переселении и наличием земельных участков, подготовленных для заселения. Значительным было обратное движение. На наш взгляд, такое положение согласуется с громадным значением переселенческого дела и громадной трудностью его организации [Белевский 1904: 1].

Важным стало подведение итогов переселения. Их анализ учитывал сравнительное изменение положения хозяйства переселенческой семьи в районах вселения и в районах выхода. В то же время, под влиянием индустриализации страны, роста отхода крестьян на заработки, увеличения численности городского и сельского населения, новых задач в

заселении Дальнего Востока формировался широкий взгляд на функции и последствия переселения.

В начале 1900-х годов был пересмотрен взгляд на роль переселения в решении ключевой проблемы - аграрного перенаселения: его значение было признано ограниченным, поскольку масштабы не поглощали возростающей величины естественного прироста сельского населения в Европейской России. Противоречивыми оказались сведения об уровне социально-экономического положения переселенцев в различных зонах заселяемых районов. В местах вселения скапливалось большое число неустроенных переселенцев. Нарастали противоречия между интересами губерний выхода и вселения. Усложнялись отношения переселенцев и сибирских старожилов, коренных жителей Степного края и Туркестана. Согласование таких интересов, прежде всего мест выхода и вселения, справедливо считалось более сложной задачей по сравнению с регулированием интересов стран эмиграции и иммиграции [Беркенгейм 1902: 1-3]. Наконец, переселение не смогло, как ранее предполагалось (А.И. Васильчиков и др.), предотвратить массовую эмиграцию из России, охватившую в 1880-е годы юго-западные районы Европейской России. Однако подведение итогов переселения сдерживала неразработанная методология их расчета. Только во второй половине 1920-х годов началось обсуждение этой задачи. При этом отмечались значительные возможности ее решения, учитывая открытые данные бюджета бывшего Переселенческого управления. Однако и в настоящее время подобная работа не выполнена. Поэтому были подведены по существу предварительные итоги переселения.

По расчетам Переселенческого управления, сообщенным Г.Ф. Чиркиным осенью 1917 г.¹, ежегодное в течение предвоенного десятилетия переселение, в среднем, около 60 тыс. семей за Урал требовало 25 млн руб., не учитывая денежных, трудовых и других затрат самих переселенцев. В то же время оброчная подать в Сибири за 1906 - 1913 гг. увеличилась с 6 до 13 млн руб. Посевная площадь в Азиатской России в 1908-1914 гг. росла ежегодно почти на 1 млн десятин (в Западной Сибири - на 50%). Экспорт сибирского масла в 1913 г. достиг 5 млн пудов стоимостью 75 млн руб. Сибирская железная дорога в 1913 г. получила 13,5 млн руб. чистого дохода. Кроме того, в результате роста потребностей населения увеличился сбор косвенных налогов [Журнал... 1917а: 137-138].

Благодаря притоку переселенцев городское и сельское население Сибири росло быстрее, чем в Европейской России. В 1897 г. население 12 губерний и областей Сибири составляло 8184,4 тыс. человек. В 1917 г. оно достигло 14440,1 тыс. Ежегодный прирост сибирского населения (3,8%) был почти в 3 раза выше аналогичного показателя по Европейской России (1,3%). Городское население Сибири росло в 1,5 раза быстрее, чем в Европейской России (соответственно 6 и 4%) [Огановский 1921: 35-36].

Перепись 1926 г. подтвердила большую роль притока населения в Азиатскую часть СССР. Чистая миграция населения, т.е. разница между числом уроженцев других территорий СССР, прибывших в районы Азиатской части СССР, и числом уроженцев этих

¹ В рассматриваемое время Г.Ф. Чиркин – начальник Переселенческого управления Министерства земледелия.

районов, зарегистрированных в других частях СССР, составила в РСФСР 1125,4 тыс., в том числе в Казахской АССР - 638,7 тыс., в Киргизской АССР - 68,1 тыс., Сибирском крае - 1986,5 тыс., Дальневосточном - 337,5 тыс. человек. Положительный прирост населения за счет миграции был зарегистрирован в Узбекской ССР (196,3 тыс. человек) и Туркменской ССР (62,8 тыс.) [Всесоюзная перепись... 1931: 174-175, Табл. V].

Положительные результаты переселения были учтены при обсуждении перспектив развития Азиатской России. В речи на заседании Государственной Думы 16 марта 1910 г. министр Главного управления землеустройства и земледелия А.В. Кривошеин, говоря о переселенческой политике в Азиатской России в предшествующие годы, определил ее как самодовлеющую государственную задачу. В противовес такой задаче была выдвинута идея широкой колонизации Азиатской России с участием государства [Симонов 1917: 16].

В рамках нового подхода центр тяжести предлагалось сместить с масштабов переселения на качество обустройства переселенцев. Переселение должно было приобрести чрезвычайно многосторонний характер. Для этого необходимо было преодолеть колебание взглядов на переселение в Сибирь, выполнить в этом регионе комплекс агрокультурных, экономических и технических мероприятий по мелиорации земель, строительству дорожной сети, преодолеть кризис экстенсивных форм ведения сельского хозяйства и др. [Огановский 1914: 304-311, 313, 317]. Обсуждавшаяся концепция колонизации Сибири исходила из развития России по западноевропейскому пути, т.е. преодоления тяжелых последствий аграрного перенаселения с помощью индустриализации, хотя и медленной. Поэтому декларация правительством «новой стратегии политики в Азиатской России» подтвердила отказ от решения аграрного вопроса в Европейской России с помощью переселения крестьян за Урал. Как средство решения более широкого круга задач колонизация Азиатской России рассматривалась с позиций подъема производительных сил страны [Огановский 1914: 247]. В то же время ошибочным и даже самоубийственным считалось представление о колонизации, не учитывавшее интересы «метрополии» - страны с избыточным земледельческим населением. Поскольку индустриальный (городской) сектор экономики мог поглотить естественный прирост лишь частично, переселение избыточного населения в Азиатскую Россию предлагалось рассматривать в качестве «второго по величине фактора выхода избыточного сельского населения». Переселение так называемыми «гнездами», т.е. из отдельных губерний и уездов, позволяло расселить часть избыточного земледельческого населения не только в Европейской России, но и на свободных землях за Уралом, не пренебрегая переселением как одним из элементов аграрной политики [Огановский 1914: 61, 306].

Сохраняя переселение, предполагалось одновременно решить другую задачу - защитить земельные интересы старожилов и туземного населения.

Остроту такой задачи подтверждают статистические данные. За 1905-1916 гг. численность крестьян в Степном крае выросла с 427 до 1221 тыс., казаков - с 246 до 327

тыс., киргизов - с 2047 до 2179 тыс.² В 1905-1916 гг. рост русского населения был отмечен в Омском (900%), Кокчетавском (160%), Петропавловском (156%), Кустанайском (131%), Актюбинском (890%) уездах. Быстро также росло русское население во всех уездах Семипалатинской области и в ряде уездов Уральской области. Обратное движение за 1896-1916 гг. составило 12% [Тресвятский 1917: 35-40, 43].

Противоречивые последствия переселения в Степной край и в другие районы не оставались без внимания - в довоенное время землеустройство коренных жителей (киргизов) было признано одним из важных вопросов переселения. Но стихийный приток переселенцев после окончания Русско-Японской войны отодвинул решение «киргизского вопроса» на второй план. В рамках земельной реформы, обсуждавшейся летом и осенью 1917 г., вопрос землеустройства коренных жителей «должен был получить окончательное решение» [Тресвятский 1917: 61-62].

При обсуждении земельных отношений, сложившихся в Степном крае, учитывались итоги работы двух экспедиций: под руководством Ф.А. Щербины (1896-1900 гг.) и В.К. Кузнецова (1907-1911 гг.). Не вдаваясь в подробности организации работы этих экспедиций, отметим, что итоги их работы оценивались с позиций защиты земельных интересов коренного населения [Седельников 1907: 73-74].

Согласно одной из оценок, опубликованной в советские годы, заслуга Ф.А. Щербины при установлении норм землепользования заключалась в том, что экспедиция крайне осторожно и внимательно отнеслась к киргизскому хозяйству, и, руководствуясь тем, что хозяйственные особенности края мало изучены и им можно дать лишь общую характеристику, нормы были рассчитаны со значительными прибавками против установленных средних арифметических хозяйств по каждому уезду [Кенарский 1924: 122]. В то же время реальное землепользование находилось под влиянием притока переселенцев в Тургайскую, Уральскую, Акмолинскую, Семипалатинскую и Семиреченскую губернии и области. Жалобы местного населения на постановления временных комиссий о землеустройстве «систематически отклонялись областным правлением» [Кенарский 1924: 124]. Положение усложнилось после реорганизации Переселенческого управления и подъема переселенческого движения в 1906 г.

В результате повторного статистико-экономического обследования в 1907-1911 гг. (под руководством В.К. Кузнецова) нормы землепользования киргизов были уменьшены и установлены новые «излишки» земли. За 1906-1915 гг. переселенческих участков было заготовлено в 2 раза больше по сравнению с 13-летним периодом до 1906 г. Сам процесс образования переселенческих участков сопровождался нарушениями [Кенарский 1924: 132- 133].

Как видим, начиная с 1880-х годов в переселенческом движении происходили количественные и качественные изменения, был накоплен большой опыт его регулирования. В то же время на рубеже 1910-х годов очевидной стала необходимость

² Границы Степного края (Степного генерал-губернаторства, 1882-1917 гг.) со временем менялись. В данном случае Степной край рассматривается в составе Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской и Уральской областей.

повышения социально-экономической эффективности переселения, означавшая уточнение его функций и последствий, связанных с колонизацией заселяемых территорий. «Самодовлеющая» сила переселения должна была проявиться в росте производительных сил заселяемых территорий, урегулировании отношений переселенцев и жителей районов заселения. Задача следующего этапа состояла в применении опыта с учетом изменившихся общественно-политических условий.

ПЕРЕСЕЛЕНИЯ КАК ЧАСТЬ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ В 1917 Г.

Переселение за Урал во время Первой мировой войны в основном прекратилось. В 1915 г. в Сибири водворилось 220 тыс. переселенцев: часть по довоенному зачислению, часть - «по паспортам». В решениях Временного правительства ставилась задача исправить недостатки в организации переселения, накопившиеся в предыдущие годы [Ямзин, Вошинин 1926: 68, 70].

Огромный интерес к реформированию земельных отношений после февраля 1917 г. стимулировал обсуждение перспектив колонизации и переселения в России, которое происходило в течение весны-осени 1917 г. на заседаниях Лиги аграрных реформ и Комиссии по вопросам переселения и колонизации, созданных Главным земельным комитетом для подготовки материалов к Учредительному собранию.

Позиция многих ученых и работников Переселенческого управления, расходившаяся в частностях, была единой в признании необходимости продолжения политики переселения за Урал. По одному из вариантов плана земельной реформы только на втором ее этапе (т.е. не менее чем через два десятилетия), после землеустройства местного населения, предлагалось расселение малоземельного крестьянства из густонаселенных районов на запасных землях государственного фонда [Огановский 1917: 11]. События ближайших не соответствовали этому предложению.

Обсуждая перспективы переселения, Комиссия по вопросам переселения и колонизации (август – сентябрь 1917 г.), как и в довоенное время, учитывала необходимость решения стратегической задачи - колонизации Сибири, исходя из возростающих возможностей государства³. Правда, из-за непредсказуемой общественно-политической ситуации, сложившейся осенью 1917 г., на данном этапе речь могла идти только о некоторых принципах концепции, а не о ее содержании.

Перспективы политики переселения и колонизации обосновывались тесными взаимосвязями развития Сибири и подъема производительных сил страны. Новые земельные отношения означали необходимость реформирования переселенческого дела, в рамках которого предстояло определить роль переселения в поглощении избыточного земледельческого населения Европейской России и сокращении малоземелья [Журнал комиссии... 1917а: 140-141]. Политика колонизации Сибири должна была также учесть

³В обсуждении перспектив переселения и колонизации в августе-сентябре 1917 г. приняли участие работники Переселенческого управления Министерства земледелия, а также ученые: А.А. Кауфман, Г.Ф. Чиркин, А.Н. Челинцев, П.И. Попов, В.П. Вошинин, В. А. Тресвятский, А.А. Чарушин, А.А. Татищев и др.

почти полную исчерпанность «легких» для заселения земель, необходимость крупных капиталовложений в дорожное строительство, мелиоративные и осушительные работы, культурные объекты и т.д. В то же время переход к трудноосваиваемым землям требовал от будущих переселенцев (колонистов) большей выносливости, энергии, знаний. Примером служили американские государства, имевшие образцовые колонии и производившие тщательный отбор переселенцев – участки земли предоставлялись лицам, крепким не только в материальном, но и культурном отношении. В дореволюционной России, как отмечалось, главным контингентом переселенцев было полупролетаризированное крестьянство и частично - сельскохозяйственный пролетариат. Переселенцы в России были не только имущественно не обеспечены, но и малокультурны [Журнал... 1917а: 145-146, 150]. Учитывая социально-экономические условия в России в 1920-е годы, возможности изменения состава переселенцев «по американскому образцу» не были реалистичными.

Наиболее перспективной была признана «государственная», «плановая» колонизация. Лишь немногие, в их числе и А.А. Кауфман, предлагали другой путь - не «регламентированных переселений, а естественного роста и размещения населения в связи “с общим развитием края”».

При обсуждении вопроса о согласовании интересов «метрополии» и «колоний» вызвал сомнение вывод о главенстве интересов «метрополии», доминировавший, как отмечалось, в довоенный период. Реализация принципа самоуправления означала определение бывшими «колониями» емкости собственной территории, порядка ее заселения и т.д. В то же время небезосновательным было утверждение о предсказуемой позиции органов местного самоуправления, учитывавших в первую очередь интересы местного населения. Поэтому предлагалось сосредоточить колонизационный земельный фонд в распоряжении государства [Журнал... 1917а: 162, 164]. Опыт организации переселения в 1920-е годы подтвердил выводы об изменении характера взаимоотношений «метрополии» и «окраин» и большой роли государственного колонизационного фонда в решении земельного вопроса.

В итоге Комиссия по вопросам переселения и колонизации выработала следующие принципы колонизации России.

1. Содействуя более равномерному распределению населения по территории страны, более производительному использованию его труда, развитию промышленности и земледелия, увеличению в конечном итоге народного благосостояния, переселение и колонизация признавались делом особой государственной важности. В противовес стихийному переселению крестьян «плановая колонизация» Азиатской России означала количественное и качественное развитие производительных сил колонизируемой территории, осуществляемой государством.
2. Колонизация, осуществляемая государственной властью в лице центральных и местных органов, предполагала свободную доступность колонизируемой территории для всех граждан, согласование интересов общегосударственных и местного населения в целях культурного и экономического подъема всей страны и местного населения.

3. Всесторонность колонизации означала не только сельскохозяйственное, но и промышленное освоение заселяемой территории, а ее последовательность - всесторонний учет особенностей колонизируемого района.
4. Особо отмечалось общегосударственное начало в деле колонизации: в определении правительством основных колонизационных мероприятий - подготовке колонизационного фонда с помощью строительства железных дорог, оросительных систем, промышленных предприятий и т.д. [Журнал... 1917b: 164-167].

Как видим, в феврале-сентябре 1917 г. обсуждение вопросов переселения и колонизации находилось в русле довоенных разработок. В то же время учитывалась возросшая роль политического фактора: провозглашения независимости ряда территорий и возросших прав коренного населения на землю заселявшихся районов. В связи с этим в 1918 г. были ограничены переселения в Сибирь, Степной край (т.е. в Киргизскую Республику, вошедшую в 1920 г. в состав Российской Федерации), в Туркестан и Закавказье. В этих районах после Февральской революции на фоне ослабления авторитета центральной власти, усиления сепаратистского движения обострились отношения между переселенцами и местным населением. Поэтому потенциал колонизационных районов в новых общественно-политических условиях оценивался как незначительный. Перспективой для переселения считалась только лесостепная полоса Сибири, т.е. район расселения сибирских старожилов и сосредоточения сибирской колонизации. Но и в этот район приток переселенцев считался возможным только после земельного устройства местного населения. Местные власти старались сдерживать переселение «с максимальной шириной», поскольку сибирские старожилы, «стиснув зубы, скрепя сердце, мирились во времена самодержавия» с получением земли значительно меньше, чем переселенцы, и теряли в пользу переселенцев «весьма необходимые угодья» [Кауфман 1918: 8-9].

Перспективы переселения в Степной край оценивались как более сложные. После февраля 1917 г. усилилась критика земельной политики царского правительства, поскольку нарушалось необходимое условие нормального заселения - первоначальное землеустройство коренного населения. Положение в Туркестане, рассматривавшемся до войны как область русской колонизации, осложнялось тем, что проведение здесь земельной реформы означало распределение воды среди довольно многочисленного контингента кочевого населения, имевшего низкую обеспеченность землей в ряде районов. При этом неизменным признавалось первостепенное значение хлопководства в экономике страны [Кауфман 1918: 22, 25].

В итоге переселенческий потенциал основных колонизационных районов на ближайшие годы оценивался пессимистически. Предвидение А.А. Кауфмана и других специалистов о необходимости проведения осторожной переселенческой политики на окраинах страны подтвердила практика 1920-х годов.

Резервом для переселений из малоземельных губерний считались отчуждаемые земли в юго-восточных губерниях Европейской России. Но и здесь серьезное противодействие переселению требовало предварительного его согласования с интересами местного населения, которое оценивалось как «бесконечно трудная задача».

Как видим, подходы к переселению и колонизации в 1917 г. учитывали довоенный опыт - необходимость свободы переселения и обеспечения равного права за землю различных групп населения, согласования интересов местного и пришлого населения, региональных и государственных и т.д. Критика политики государства на заселяемых территориях, особенно в Степном крае и Туркестане, начавшаяся в довоенное время, продолжилась в период Временного правительства. В то же время вопросы переселения и колонизации не снимались с повестки дня – они отвечали потребностям развития производительных сил страны. Опыт 1920-х годов подтвердил актуальность многих положений, выработанных летом-осенью 1917 г.

ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В 1918-1921 ГГ.

Известно, что концепция военного коммунизма отрицала свободное перемещение населения в пределах РСФСР и за ее границы. Закон «О социализации земли» [СУ РСФСР 1918] не предусматривал переселение в пределах Европейской России или в Азиатскую Россию. Землеустройство, связанное с реализацией этого закона, было ограничено расселением малоземельных крестьян в другом поясе губернии. Это означало преобладание внутригубернского расселения, особенно внутриездного и даже внутриволостного - местные жители быстрее реагировали на изменения в земельных отношениях. Переселение из других губерний на земли колонизационного фонда в пределах республики сдерживали многочисленные трудности.

По этой причине, например, масштабы расселения в Одесской губернии в 1922-1924 гг. превысили число переселившихся из лесостепных губерний на колонизационные фонды Украины [Серяков 1924: 27]. Учитывая недостаток средств для их освоения, VIII Всеукраинский съезд Советов разрешил переселяться только «хозяйственно устойчивым крестьянским дворам», способным устроиться в местах водворения за свой счет [Постановление 1924: 51]. Но и в этом случае переселиться на земли колонизационного фонда могли только граждане УССР [Проект правил... 1924: 114].

Современники обратили внимание на своеобразную «национализацию» государством переселенческого дела в законе «О социализации земли»: все бремя регулирования переселения возлагалось на государство, оставляя переселяющимся только выполнение плана [Ямзин, Вошинин 1926: 72].

В то же время вопросы переселения оставались на повестке дня.

На II Всероссийском землеустроительном съезде (январь 1921 г.) были выработаны новые подходы к переселению и переселенческой политике. Характер переселения при социализме был определен как противоположный таковому при капитализме. Это означало, что на смену «полной свободе хозяйственных передвижек», свойственных капиталистическому строю, в социалистическом государстве должно было придти переселение, подчиненное единому плану. Неорганизованные переселения (так называемые самотечные) были признаны «неприемлемыми, как исходящие из антигосударственной трактовки вопроса». Переселение, отвечающее конечной цели аграрного строительства при социализме, должно было соответствовать двум условиям:

1) наличию излишков рабочей силы в одной местности; 2) наличию подготовленных для заселения свободных земель в другой. До конкретного определения таких условий массовые перемещения на свободные земли прежнего, т.е. довоенного, заселения признавались, как правило, недопустимыми [Ямзин, Вошинин 1926: 76].

Однако хозяйственная разруха, нарушенные связи между потребляющими и производящими районами, ликвидация промыслов, падение промышленного производства, голод, обострение межнациональных отношений и другие причины вызывали переселения в отдельных районах в течение 1918-1921 гг. Особое внимание привлекало положение на окраинах страны – в районах довоенного заселения.

Во второй половине 1917 г. началось движение семей демобилизовавшихся за Урал. В начале 1918 г. оно охватило семьи рабочих закрывшихся предприятий. За первую половину 1918 г. за Урал переселилось около 100 тыс. человек. Но учет последующего передвижения стал невозможным из-за мятежа чехословаков и реорганизации Переселенческого управления [Вошинин 1921: 132].

В течение первой половины 1921 г. в Туркестане⁴ было ликвидировано около 6000 русских и меннонитских хозяйств с населением 30 тыс. человек. Во второй половине 1921 г. ликвидация переселенческих хозяйств была продолжена. Аналогичным было положение в Киргизской Республике⁵. Деколонизация в насильственной форме произошла в Горской республике на Северном Кавказе, где в свое время русское население потеснило местное население в горы. Из Северо-Двинской губернии эстонские переселенцы возвратились в независимую Эстонию. Деколонизация Сибири проявилась в обратном движении украинцев, стремившихся принять участие в дележе «панских земель», а также в переселении из таежных районов, лишившихся подвоза хлеба из южных районов и возможности заниматься промыслами, на юг Сибири – в Минусинские, Алтайские и Славгородские земли. По данным сибирских земельных органов, таежные волости Мариинского уезда Томской губернии потеряли около 40% своего населения, а некоторые села выселились целиком. Государство пыталось использовать переселение в политических целях. В 1919 г. «в срочном порядке» было объявлено переселение рабочих и крестьян из северных губерний в Воронежскую, Тамбовскую и другие губернии и в Донскую область для «облегчения тяжелого продовольственного положения» [СУ РСФСР 1919]. Современники увидели в действиях власти стремление нейтрализовать ненадежные районы, заселенные казаками. Всего было переселено около 8000 человек, перевезенных в

⁴ Имеется в виду существовавшая в 1918-1924 гг. в составе РСФСР Туркменская АССР со столицей в Ташкенте. В конце 1924 г. на ее территориях были созданы Узбекская, Таджикская и Туркменская республики.

⁵ Киргизская АССР со столицей в Оренбурге была образована в составе РСФСР в 1920 г. из ряда областей, населенных в основном казахами. Впоследствии ее границы неоднократно изменялись. В 1925 г. была переименована в Казакскую АССР со столицей в Кызыл-Орде, а с 1927 г. – в Алма-Ате. В 1936 г. преобразована в Казахскую ССР. Киргизской АССР с 1926 г. стала называться существовавшая до этого в составе РСФСР, а еще раньше – в составе Туркменской АССР Кара-Киргизская автономная область с центром в Пишпекке (впоследствии Фрунзе, а затем Бишкек). В 1936 г. она также стала союзной республикой СССР – Киргизской ССР. С конца 1991 г. – независимые государства Казахстан и Киргизия.

9 эшелонах [Большаков 1923: 484–485]. Заметим, что неподготовленное переселение происходило в районы со сложными и неурегулированными земельными отношениями.

В тяжелом положении оказались казаки, переселенные в 1920 г. в Терскую губернию из Закавказья, Ганджи и других мест, - всего около 5000 семей, обвиненных «в сношении с контрреволюционными бандами» [Сельскохозяйственная жизнь 1921].

Неурожай в 1920 и 1921 г. открыл массовые «голодные переселения».

Крестьяне «голодных губерний» потребовали разрешить им переселяться. В 1920 г. «голодное переселение», охватившее 7 губерний, составило 208310 человек. По требованию Киргизской Автономной Республики и вследствие хорошего урожая в ряде губерний переселение было уменьшено на 125 тыс. человек [Вошинин 1921: 136].

Голодное переселение 1921 г., еще более масштабное и стихийное по сравнению с 1920 г., охватило 12 губерний только в Поволжье [СУ РСФСР 1921]. В голодающих губерниях разрешение на переселение получили те, у кого было «нарушено хозяйство» и кто мог подтвердить наличие личных или хозяйственных связей с благополучными по урожаю местностями. Из пострадавших от голода губерний (Астраханской, Царицынской, Саратовской), Татарской Республики, Чувашской и Марийской областей и Вятской губернии было разрешено выселить не более 105 тыс. человек. Однако число зарегистрированных переселенцев достигло 540 тыс., фактически их было свыше 1 млн [Ямзин, Вошинин 1926: 79].

Сложным, по сообщениям местных властей, было положение в районах заселения, в первую очередь в Сибири, где находилось большое число «неприписных» переселенцев, пришедших «самотеком» в разное время и претендовавших на обеспечение земель.

Опыт организации переселения в 1920 г. показал необходимость учета интересов автономных республик, «не только не приемлющих к себе русских переселенцев, но и принудительно выдворяющих таковых из своих пределов (Туркестан и Киркрай) - единственно по признаку национальности». Здесь едва ли не в первых постановлениях декларировалась закрытость от каких бы то ни было переселенческих вторжений извне [Вошинин 1921: 135-136].

Как видим, постоянно возникавшие причины и стимулы для переселения в 1918-1921 гг. требовали определения позиции государства. Сложившееся положение свидетельствовало о наличии «переселенческого тупика», означавшего, с одной стороны, возникновение в различных районах Европейской России потоков переселенцев, а с другой - отсутствие возможности где-либо их устроить [Вошинин 1921: 139]. В условиях НЭПа увеличивавшееся стихийное переселение заставило государство пойти на уступки, открыв плановое переселение.

КОЛОНИЗАЦИЯ И ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ НЭПА

Согласно современным представлениям, разработка концепций и идей, охватывающих различные стороны общественной жизни, была характерной чертой НЭПа. В попытке

учесть довоенный опыт проявилась черта, свойственная НЭПу в целом, вбиравшему «в себя прежде всего отечественные традиции и хозяйственный опыт; воплощение на деле какого-либо иного варианта было просто немыслимо» [Соколов 2001: 10].

Справедливость такой оценки подтверждает концепция колонизации и переселения. Не вдаваясь в подробное изложение этой большой и сложной темы, отметим тесную связь концепции с реформированием переселения (задачей, поставленной в 1910-е годы), с обсуждением перспектив аграрной реформы летом и осенью 1917 г., с достижением «планомерной колонизации» в советские годы, означавшей разработку новой системы государственных мероприятий по организации переселения и культурно-экономическому оживлению окраин. При этом возможности планомерной колонизации в СССР ряд современников оценивал «как беспредельные и чрезвычайно заманчивые» [Вошинин 1919: 10-11].

При определении роли переселения в условиях НЭПа учитывался курс на создание благоприятных условий для проявления личной инициативы крестьянства, провозглашенный государством [Ямзин, Вошинин 1926: 80-81]. Предполагалось, что одной из форм такой инициативы станет индивидуальное переселение крестьян.

На первый взгляд, такая оценка роли переселения кажется преувеличенной. Правда, уже в начале 1920-х годов в открытой печати новая модель общественного развития была признана бесперспективной (Бруцкус и др.). Но в конкретных условиях первой половины 1920-х годов позиция ученых по вопросам переселения и колонизации отражала влияние реального положения крестьянства - результаты земельных преобразований, аграрное перенаселение, усиливавшуюся дифференциацию крестьянства, сокращение по сравнению с довоенным временем масштабов отхода на заработки, растущую безработицу в городах, политику правительства в отношении сельского хозяйства и др. У части сельских жителей сохранились довоенные представления о переселении как способе решения насущных вопросов и т.д. Необходимость переселения и колонизации обосновывалась задачами подъема экономики страны – не только сельского хозяйства, но и промышленности, транспорта, увеличения экспорта продукции из районов, богатых различными природными ресурсами.

С учетом названных факторов прогнозировалось обострение переселенческого вопроса в ближайшие годы. Поэтому уже в начале 1920-х годов был поставлен вопрос о согласовании общегосударственных интересов с интересами и стремлением переселенцев, предлагалось разработать меры, позволявшие выйти из отмеченного выше «переселенческого тупика» [Вошинин 1921: 139].

Прежде всего необходимым считалось объявить свободными передвижения, направленные на увеличение производительности труда и земли. Право государства в ограничении свободы передвижений состояло в открытии тех или иных участков для освоения. Мера содействия переселенцам должна была соответствовать степени заинтересованности государства в тех или иных перемещениях. На всей территории Российской Федерации переселенческое дело должно быть организовано на единообразных началах с обеспечением преимущественно общегосударственных интересов. Национальное обособление конкретной территории не могло служить препятствием для свободного

передвижения переселенцев. Правила о переселении предлагалось распространить в виде популярных изданий. До определения народнохозяйственной целесообразности всякого рода передвижки населения должны были быть объявлены делом индивидуального риска каждого, т.е. без какого-либо участия правительства. На переселенческое дело должны быть ассигнованы достаточные средства, но не меньше, чем в довоенной России (в 1914 г. такие ассигнования составили 30229324 руб., т.е. 18,16% бюджета Министерства земледелия России) [Вошинин 1921: 140-142].

События в 1920-е годы отразили противоречивое, а в конечном счете негативное отношение государства к переселению и колонизации. Но в первой половине 1920-х годов были приняты меры, определившие научно-организационные и практические предпосылки для разработки колонизационно-переселенческой тематики⁶.

В сложных условиях конца 1910-х годов Наркомат земледелия РСФСР (далее НКЗ РСФСР) организовал две экспедиции по изучению перспектив колонизации Севера Европейской России, объединивших ведущих ученых страны.

В 1922 г. был открыт Государственный научно-исследовательский колонизационный институт (Госколонит). Сходный по названию с институтами в Брюсселе, Лондоне, Риме, Гамбурге и Киле, Госколонит рассматривал колонизационную проблему как плановую сеть мероприятий и комплекс процессов, конечная цель которых состояла в гармоничном развитии производительных сил всей страны, его хозяйственно-политических центров и «сырьевых баз» «сквозь призму органической связи природы и местного населения» [Ямзин 1924: 30]. В институте был создан колонизационно-переселенческий сектор, исследования которого охватывали широкий круг вопросов внутренней и внешней миграции, особенности колонизации разных территорий в России и в зарубежных странах и др.

В составе землеустроительного факультета Московского межевого института началась подготовка специалистов в области колонизации и переселения на базе следующих учебных курсов: общего учения о колонизации и переселении, экономической географии колонизационных процессов, экономики и техники колонизации, иностранной колонизации и др. Теория и практика переселения и колонизации в качестве предмета преподавания в высшей школе были обобщены в учебном пособии [Ямзин, Вошинин 1926].

Кафедру переселения и колонизации на географическом факультете Ленинградского государственного университета возглавил В.П. Вошинин. В 1925 г. на факультете была создана колонизационная секция Географо-экономического института, в рамках которой разрабатывалась концепция комплексной науки – колонизациеведения [Мебус, Вошинин 1926: 10].

В 1926 г. В.П. Вошинин выдвинул идею о колонизационной географии как специальной отрасли общего учения о колонизации [Вошинин 1928: 88-89].

⁶ В практическом плане - опыт колонизации Мурманской железной дороги. Но эта тема выходит за рамки данной работы.

Вместе с тем разработка вопросов колонизации и переселения включала большие риски. Одним из инструментов национальной политики советского государства на протяжении 1920-х годов, как мы покажем дальше, была острая критика переселенческой политики дореволюционной России и колониальной политики в капиталистических странах. Поэтому стремление вложить новое содержание в «негативный» термин «колонизация» противоречило официальной доктрине. Допускавшееся в начале 1920-х годов сосуществование различных концепций и идей было недолговременным. Изначально оно предполагало победу марксистской идеологии. В 1927 г. на I Всероссийском совещании работников переселенческого дела термины «колонизация» и «колонизатор» были признаны равнозначными бранному выражению [Платунов 1976: 96].

Учитывая большой опыт довоенной России, СССР и современной России в освоении природных ресурсов различных районов, концепцию колонизации и переселения вряд ли можно отнести к числу неактуальных и непрозорливых. Но ее постановка, также как и содержание, противоречили задачам, которые решались в конце 1920-х годов.

И все же в 1920-е годы вырос интерес к переселенческому делу как комплексу законодательных и организационных мер. Помимо объективных причин, связанных с положением крестьянства, о чем шла речь выше, он был вызван либерализацией законодательства в области внутренней и внешней миграции населения, ставшей необходимым условием НЭПа.

В 1922 г. всем гражданам РСФСР было предоставлено право «беспрепятственного передвижения по всей территории республики в пределах ее федеральных границ до пограничных пунктов» [СУ РСФСР 1922a]. В 1922 г. были смягчены правила выезда за границу граждан РСФСР и иностранцев [СУ РСФСР 1922b]. К 1922 г. был образован СССР. В 1924 г. в СССР было установлено единое союзное гражданство [СУ СССР 1924].

Рассматривая переселение в первой половине 1920-х годов, нельзя не обратить внимание на Конституцию СССР (1924 г.), которая закладывала основы движения населения и рабочей силы на территории СССР. Так, в число предметов ведения верховных органов власти СССР, наряду с общим планом народного хозяйства, единым государственным бюджетом, единой денежной системой и т.д., было включено общесоюзное законодательство о межреспубликанских переселениях и установление переселенческого фонда [Основной Закон... 1940: 42]. Следовательно, межреспубликанские переселения были признаны важным общесоюзным явлением. Но поскольку земля объявлялась объектом государственной собственности, собственности именно республиканской, а не общесоюзной, самый порядок осуществления права на землю и пределы его, зависевшие от свободного запаса земли, предоставлялись законодательству союзной республики, с учетом которого должна была строиться союзная переселенческая политика.

Одновременно в 1921-1924 гг. на совещаниях и съездах, посвященных земельным отношениям, обсуждаются вопросы переселения. Значительное число постановлений, циркуляров, приказов и инструкций по этой проблеме издается НКЗ РСФСР.

На Всероссийском земельном съезде (декабрь 1921 г.) переселение было признано одной из мер аграрной и социально-экономической политики государства и принято решение о начале подготовки переселенческого фонда в Сибири [Резолюции... 1921: 66].

Определяющую роль сыграл Земельный Кодекс РСФСР, который включил специальный раздел, посвященный переселению (ст. 18, 21, 222, 223 - 226) [СУ РСФСР 1922с]. Переселение и ходачество были объявлены делом свободным и добровольным. Переселение в пределах РСФСР передавалось в ведение НКЗ РСФСР, на который возлагались руководство и контроль по переселенческому делу.

В то же время Земельный Кодекс разделил переселенцев на две категории - плановых и неплановых. Переселение, проводившееся в рамках плана и в установленном порядке, поощрялось с помощью полного или частичного освобождения от исполнения общегосударственных и местных повинностей, а также различных льгот, которые устанавливали соответствующие декреты (законы). Следовательно, государство в первую очередь поддерживало плановых переселенцев. Порядок получения льгот неплановыми переселенцами, изложенный в Примечании к ст. 225 Земельного Кодекса, предусматривал предварительное получение этой группой разрешения местных переселенческих органов на водворение на землях переселенческого фонда или их доприселение к земельным обществам. В то же время неплановые переселенцы в последнюю очередь обеспечивались землей, они не пользовались льготным проездом по железной дороге и др. Правда, в ряде районов, в том числе в Сибири, законодательство применялось в «мягкой форме»: переселенческие организации, как мы покажем ниже, прилагали немало усилий для обустройства самостоятельных переселенцев.

В целом Земельный Кодекс РСФСР признал переселение и установил его принципы – добровольность, свободу, государственную помощь переселенцам. В то же время свобода переселения регламентировалась планами государства. Колонизационная тематика осталась за рамками Земельного Кодекса.

С учетом контрколонизационных и деколонизационных явлений отдельные положения Земельного Кодекса были приспособлены к особым условиям автономных республик и автономных областей РСФСР.

Как видим, в приведенных выше и последующих решениях необходимость переселенческой политики не ставилась под сомнение. Но ее реализация откладывалась в силу ряда условий.

В числе таких условий назывался недостаток финансовых средств, а также необходимость учета интересов местного населения в районах вселения. В 1924 г. совещание губернских земельных управлений поставило задачи постепенного вовлечения в хозяйственный оборот недостаточно обжитых районов, преимущественного переселения из местностей, где аграрное перенаселение было особенно острым, и т.д. В то же время НКЗ РСФСР официально отказался от идеи широкой «выселенческой политики» «с целью массовой переброски избыточного населения малоземельных районов на окраины» в силу ограниченного запаса свободных земель. В итоге колонизационно-переселенческие мероприятия планировались только в двух районах – Поволжье и на Севере Европейской

России. При этом преимущественным правом на переселение пользовались колхозы и товарищества [К совещанию... 1924: 29-30].

Однако нараставшее давление крестьян на местные советские и земельные органы потребовало пересмотра политики государства.

В 1923 г. ряд губернских земельных управлений обратился к НКЗ РСФСР с требованием разрешить переселение крестьян в многоземельные районы. Брянское губземуправление мотивировало такое требование недостатком земли и ее плохим качеством. Число заявок на переселение, поступивших в НКЗ РСФСР за 1923-1924 гг., составило 30170 семей (154483 человек). Фактическое число желающих переселиться было в несколько раз больше. Витебский губисполком определил число возможных переселенцев в размере 50 тыс. хозяйств (около 300 тыс. человек), Смоленский - 34788 хозяйств (около 300 тыс. человек) [Большаков 1924: 198-199].

На II Всероссийском совещании земельных работников (1924 г.) была поставлена задача поощрения планового переселения. Но из-за «крайней стесненности средств», выделявшихся государством, предлагалось переселять только крестьян, имеющих достаточные средства для устройства в местах вселения. При этом условием переселения должно было стать землеустройство местного населения [Извлечение... 1927: 28].

Постановлением III съезда Советов Союза ССР крестьянам малоземельных районов разрешалось переселяться на свободные земли. Съезд поставил задачи ускорить подготовку этих земель, увеличить финансирование переселения из государственного бюджета [Третий съезд... 1925: 26].

Вместе с тем параллельно с названными выше решениями издавались приказы, инструкции, циркуляры НКЗ РСФСР. В них требовалось «не допускать», «изжить» и даже «запретить» самовольное переселение.

Весной 1924 г. усилилось движение переселенцев по железным дорогам на свободные государственные земли в Самарскую, Саратовскую, Донецкую и Кубано-Черноморскую области. Причиной движения была «неустроенность и упадок крестьянского хозяйства». НКЗ РСФСР снял с себя всякие обязательства по отношению к переселенцам - получение земли, оказание другой помощи [СУ РСФСР 1924а].

В 1925 г. НКЗ РСФСР категорически настаивает на принятии мер против самовольного переселения. Это означало прекращение выдачи земельными органами, РИКаи и сельсоветаи разрешений на переселение ходокам и «самовольцам», направлявшимся в Уральскую область, на Северный Кавказ, в Крымскую АССР [Переселенческое дело 1927: 137].

Приведенные выше и другие решения 1921-1924 гг. отразили возросшую роль переселенческого аппарата, мировоззрение которого сформировалось в условиях военного коммунизма. М.А. Большаков, в рассматриваемое время начальник Управления переселением НКЗ РСФСР, пишет в 1927 г. о неясности термина «переселение», «отсутствии авторитетного его толкования», задач этого процесса и статей о переселении в Земельном Кодексе РСФСР (1922 г.), имея, по-видимому, в виду руководящие кадры

республики [Переселенческое дело 1927: 3]. Такое признание – свидетельство недооценки опыта довоенной России и литературы по вопросам переселения и колонизации, опубликованной к этому времени в Советской России.

В целом в 1921-1924 гг. идея проведения переселенческой политики находит поддержку различных институтов государственной власти, прежде всего съездов и совещаний по земельному вопросу. Но такая поддержка носила вынужденный характер и отражала давление на местные органы власти потенциальных переселенцев, усиливавшегося самостоятельного движения крестьян. На проведении переселенческой политики настаивали ученые. Сдержанно-негативную позицию государства поддерживало руководство ряда многоземельных районов. При этом собственные средства на переселение основной части крестьян в советское время уменьшились по сравнению с довоенным временем из-за упадка крестьянского хозяйства в годы войны и революций, а также национализации земли (в предвоенные годы денежные средства переселенцев формировались, в том числе, и за счет продажи земли в местах выхода).

В итоге в 1921-1924 гг. не были определены цели и задачи переселения и переселенческой политики. В то же время начала широко пропагандироваться идея переселения колхозов, товариществ, кооперативов и т.д. В итоге принятые в области переселения решения носили паллиативный характер, свидетельствовавший о недооценке переселения, узких рамках намеченных колонизационно-переселенческих мероприятий.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Из изложенного выше видно, что кардинальное национально-территориальное переустройство РСФСР, образование СССР (1922 г.), Конституция СССР (1924 г.) оказали большое влияние на переселенческую политику. Позиция работников НКЗ РСФСР по этому вопросу учитывала новые общественно-политические реалии. «Какие бы лозунги не провозглашала советская власть в своей национальной политике, но расценивать ее будут не по этим лозунгам, а по ее практической политике, и с этой стороны те или иные приемы нашей колонизационной работы на окраинах будут наглядным предметным уроком для народов Востока» [Большаков 1923: 483].

Сложность вопросов переселения и колонизации требовала учета многих других факторов. Выше отмечалась исчерпанность легких земель и необходимость перехода к заселению трудноосваиваемых земель. В районах бывшего заселения, прежде всего в Сибири, как мы уже упоминали, необходимо было наделить землей большое число «неприписанных» переселенцев. Землеустройство в Киргизии проводилось в условиях перехода кочевого населения на оседлый образ жизни, размежевания территории между республиками, их внутреннего районирования и т.д. На ситуацию в районах бывшего заселения влияли чрезвычайные обстоятельства – гражданская война в Сибири, восстания в Семиреченской области в 1916 г., жестоко подавленные, засуха и неурожаи в 1917 г., затруднения в снабжении хлебом Туркестана в 1917 г., джут (массовый падеж скота от бескормицы) в Киргизской АССР в 1921-1922 гг. и др. [Среднеазиатский экономический... 1922: 40].

Положение переселенцев находилось под воздействием политики коренизации кадров и перевода документации на национальный язык. В начале 1920-х годов началась реэмиграция в Киргизскую Республику. Возвратившиеся реэмигранты освобождались от уплаты единого сельскохозяйственного налога в течение 5 лет со времени водворения на территорию республики [СУ РСФСР 1926].

Обстановку в районах заселения характеризуют также значительные масштабы передвижения населения. Так, в составе сельского населения Казахской АССР перепись 1926 г. зафиксировала существенную величину когорт мигрантов последних лет вселения⁷. Правда, перепись не позволяет определить их характер – внутриреспубликанский или межреспубликанский (таблица 1).

Таблица 1. Распределение основных народностей Казахской АССР в сельских местностях по продолжительности проживания по переписи 1926 г., тыс. человек

	Всего	В том числе местные уроженцы	Неместные уроженцы						
			всего	постоянно проживающие, по продолжительности проживания и времени вселения					
				до 2-х лет, 1924-1926 гг.	3-5 лет, 1921-1923 гг.	6-9 лет, 1917-1920 гг.	10-12 лет, 1914-1916 гг.	13-19 лет, 1907-1913 гг.	свыше 20 лет, до 1906 г.
Казахи	3635,8	3110,0	514,8	56,9	91,5	59,5	36,6	44,1	128,8
Русские	996,2	641,6	346,0	60,5	73,8	43,3	18,7	57,3	55,8
Украинцы	828,2	407,8	412,6	42,5	49,4	30,8	40,6	167,7	65,1

Примечание: Без временно проживающих и неустановленных неместных уроженцев.

Источник: [Всесоюзная перепись...1930с: 50-52].

Как видим, в 1926 г. удельный вес местных уроженцев в составе казахов (84,4%), русских (64,9%) и украинцев (49,2%) заметно различался, хотя среди русских и украинцев он был сравнительно высоким. В структуре русских примечательна большая величина двух последних когорт - вселившихся в 1924-1926 гг. (6,1% общей численности населения и 17,5% неместных уроженцев) и в 1921-1923 гг. (соответственно 7,4 и 11,5%). Несмотря на доминирование когорты 1907-1913 гг. вселения (167,7 тыс. человек), в составе украинцев также заметна роль переселенцев последних лет. В целом переселение казахов, русских и украинцев в первой половине 1920-х годов оказывало влияние не только на формирование населения, но и на земельные отношения в Казахской АССР.

Нельзя не отметить, что в официальных документах 1920-х годов национальный вопрос упрощенно объяснялся негативными последствиями довоенной переселенческой политики в Степном крае и Туркестане, задача которой состояла в том, чтобы «насадить в этих районах побольше кулацких элементов из русских крестьян и казаков» [Десятый съезд...1962: 606]. Идеология земельной реформы на окраинах СССР означала ликвидацию «старых захватов, произведенных в прошлом русскими кулаками и царскими чиновниками

⁷ ВЦИК и СНК РСФСР 26.08.1920. приняли декрет об образовании Киргизской ССР в составе РСФСР. В апреле 1925 г. Казахстан стал называться Казахской АССР. В 1936 г. Казахская АССР была преобразована в Казахскую ССР [Даньшин, Лобанов 2008: 426].

– колонизаторами, культивировавшими на окраинах национальный гнет» [Трайнин 1923: 28].

В силу сложного решения земельного вопроса, сохранявшегося на протяжении 1920-х годов, было запрещено переселение в ряд районов.

Переселение в Киргизскую АССР извне было запрещено впредь до окончания землеустройства кочевого и полукочевого населения [О запрещении... 1925: 4, 5, 7]. Одновременно переселение внутри республики «по почину самого населения» также запрещалось. Неземлеустроенные «внешние переселенцы» были разделены на две группы – «закономерно пользующихся землей» и «пользующихся землей незаконно». Первая группа – «закономерно пользующиеся землей», включила всех переселившихся в республику до 19 февраля 1918 г. (т.е. времени издания Закона о социалистическом землеустройстве) и с 19 февраля 1918 г. до 31 августа 1922 г. (времени введения Закона о трудовом землепользовании). Все неземлеустроенные переселенцы, вселившиеся до 19 февраля 1918 г., устраивались на землях, которыми они фактически пользовались. Вторая группа также устраивалась на землях фактического пользования, законно ей предоставленных по трудовой норме земельного наделения оседло-земледельческих районов. В сложном положении оказались переселенцы, не вошедшие в названные две группы и прибывшие в республику самовольно в различное время. Часть из них подлежала выдворению «на место своего прежнего землепользования», другая могла пользоваться землей на платной основе. Губземуправления должны были представить в Киргизский народный комиссариат земледелия (КНКЗ) сведения о переселенцах-самовольцах, подлежащих выдворению.

Кроме того, местные земельные органы не должны были также допускать переселенцев в КАССР из-за ее пределов – в случае «проникновения» такие переселенцы, в первую очередь самовольно переселившиеся внутри КАССР, подлежали немедленному принудительному выдворению в места своего прежнего жительства.

Но уже в середине 1920-х годов стали очевидными негативные последствия земельной реформы. Ее основы получили на местах «различное толкование... Получился перегиб в пользу национального уклона – против пришельцев. Привилегия одной стороны породила игнорирование интересов другой. История повторилась». Особая Комиссия ВЦИК СССР по землеустройству в южных губерниях Казахстана и Киргизии признала «самым больным вопросом» земельной реформы необходимость устройства европейского населения, выселенного в 1921-1922 гг. из своих селений, а также крестьян, самовольно переселившихся в Казахстан и Киргизию после 1916 и 1918 г. Был поставлен вопрос о ходатайстве перед ВЦИК и СНК СССР об оказании помощи разорившимся к этому времени переселенцам, «учитывая их неосведомленность и запутанность земельно-национальных отношений». Речь шла о помощи 20 тыс. хозяйств, или о 100 тыс. человек [Серов 1926: 43-44].

Сказанное выше объясняет обратное движение части переселенцев из Азиатской в Европейскую часть СССР, но величину такого движения определить трудно.

Одним из последствий земельных преобразований, тесно связанных с национальной политикой, стало ограничение переселенческого фонда в Казахстане, Киргизии, Туркмении. Более того, сохранявшаяся на этих территориях межнациональная напряженность стала одной из причин острой критики переселенческой политики в конце 1920-х годов. В конечном счете последствия земельных преобразований в 1920-е годы оказали длительное влияние на миграционные связи между республиками СССР, характер которых изменился под влиянием чрезвычайных обстоятельств в годы Великой Отечественной войны.

ОТКРЫТИЕ ПЛАНОВОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ

Переломным моментом в переселении в 1920-е годы современники считали 17 октября 1924 г. - дату принятия постановления Совета Труда и Оборона (далее СТО) «О ближайших задачах колонизации и переселения». В этом документе задача колонизации определяется как вовлечение в хозяйственный оборот необжитых земель с целью увеличения сельскохозяйственной и промышленной продукции путем рационального как с точки зрения общегосударственных, так и местных интересов расселения и эксплуатации естественных богатств колонизируемых районов. Основой колонизационно-переселенческих мероприятий должен был стать общесоюзный план, устанавливавшийся Центральным колонизационным комитетом (Цеколком) при ЦИК СССР⁸.

Строгая очередность мероприятий, обозначенная в постановлении, предусматривала: а) землеустройство туземного, кочевого и оседлого населения; б) землеустройство пришлого населения, захватившего и заселившего земли в колонизируемых районах; в) заселение остающихся свободных земель путем переселения. Предпочтение при выборе колонизируемых районов отдавалось тем из них, где в кратчайший срок и с наименьшими затратами государственных средств можно было произвести работы, необходимые для переселения и получения продукции, предназначенной для внутреннего потребления и экспорта. В постановлении СТО намечалась реализация широкой программы мер в области колонизации и переселения, согласование колонизационно-переселенческих мероприятий с планами государственных и концессионных предприятий, строительством путей сообщения, реальными возможностями размещения переселенцев, их прочное хозяйственное устройство и своевременная подготовка фонда для заселения. Планы колонизации охватывали не только сельское хозяйство, но и промышленность [Переселенческое дело 1927: 18-19].

Постановление СТО открыло путь для формирования законодательной базы. Характерно, что декрет «О переселенческих товариществах» [СУ РСФСР 1924b] был принят до открытия планового переселения. В нем говорится о преимуществах переселенческих товариществ для хозяйственного устройства переселенцев и «наиболее полного использования самостоятельности переселенцев». Однако членами

⁸ В 1925 г. Цеколком был преобразован во Всесоюзный переселенческий комитет при ЦИК СССР.

переселенческого товарищества на этом этапе не могли стать лица, лишённые по Конституции РСФСР права выборов в советы (решение, впоследствии отменённое).

Следующий декрет расширил права НКЗ РСФСР, который мог собственными распоряжениями объявлять ходячество и переселение в районы, закрытые для переселения с помощью приселения к старожилам, устройства переселенцев на землях свободного государственного фонда. Переселенцам и ходокам разрешалось пользоваться действующими льготными переселенческими тарифами [СУ РСФСР 1925а].

После 11-летнего перерыва, вызванного войнами, революциями и политикой военного коммунизма, в РСФСР в 1924-1925 гг. было открыто плановое переселение [СУ РСФСР 1925b]. Планом на 1924-1925 гг. предусматривалось переселение до 50 тыс. человек в Поволжье, до 50 тыс. - в Сибирь, до 30 тыс. - в Дальневосточную область. Как видим, масштабы планового переселения были скромными и, следовательно, речь не шла об удовлетворении потребности населения в переселении.

В 1925 г. вышло также постановление ЦИК и СНК СССР [СЗ СССР 1925а], по которому бывшие помещики и их семьи были лишены права на землепользование и проживание в хозяйствах, принадлежавших им до издания декрета «О земле» 26 октября 1917 г. и находившихся полностью или частично в их фактическом пользовании. Выселяемые в соответствии с законом лица наделись землей в пределах трудовой нормы из колонизационно-переселенческого фонда тех губерний, в которых эти лица не имели земельной собственности.

В 1925 г. ориентировочный план переселения был повышен до 145 тыс. человек. География районов заселения включила губернии и уезды (округа) Поволжья, Северного Кавказа, Уральской области, Сибири и Дальнего Востока [СУ РСФСР 1925с].

В соответствии с Конституцией СССР (1924 г.) был организован Всесоюзный переселенческий комитет при ЦИК СССР (далее – ВПК) [СЗ СССР 1925b]. На ВПК возлагалось общее руководство переселенческой политикой в стране, согласование и объединение переселенческих мероприятий союзных республик, составление общесоюзного плана на основе согласованных с ВПК перспективных и годовых планов союзных республик, наблюдение за выполнением плана и т.д. В состав ВПК вошли представители всех союзных республик и ряда общесоюзных органов, включая ЦСУ СССР.

В то же время негативные последствия позднего открытия переселения не остались незамеченными: к середине 1920-х годов хозяйственная система страны прошла определенный этап организационного и восстановительного строительства. «Переселенческое же дело, появившееся со значительным опозданием, да к тому же стихийно, ... должно было все эти годы пробивать себе дорогу не в нормальной обстановке, чтобы кое-как закрепиться» [Попов 1929: 16-17].

Одновременно, как показывают циркуляры НКЗ РСФСР, открытие планового переселения означало его абсолютизацию и усиление критики самовольного переселения [Переселенческое дело 1927: 137, 129, 130-132, 138].

Один из циркуляров НКЗ РСФСР (1925 г.) запрещал самовольное переселение. Ссылаясь на опыт 40 тыс. переселенцев, прибывших в Сибирский край и ликвидировавших хозяйство на родине, НКЗ РСФСР предупреждал, что переселенцы могут остаться без земли, стать батраками, и рекомендовал ориентироваться на плановое переселение. Одновременно местным органам категорически запрещалось выдавать документы, разрешавшие крестьянам переселение, приискание земли и т.д.

В другом циркуляре (1925 г.) НКЗ РСФСР рекомендует губземуправлениям собирать сведения о переселении «с максимальной осторожностью», не давать населению «каких-либо обещаний о переселении» и не порождать у населения «напрасных надежд и бесцельных ликвидаций имущества и хозяйства на родине» [Переселенческое дело 1927].

В ответ на поступающие от краевых, областных и губернских земельных управлений запросы НКЗ РСФСР (1926 г.) разъясняет невозможность достаточно широкого переселения. Местным органам не рекомендуется «поощрять стремление крестьянства к переселению», которое должно быть только плановым. Поэтому «поездки ходяков в Москву для личных ходатайств о переселении вызовут только излишнюю трату времени и денег...От таких напрасных поездок надо население всемерно удерживать» [Переселенческое дело 1927].

В 1926 г. НКЗ РСФСР снова ставит вопрос о принятии энергичных мер по «недопущению самовольного переселения» [Переселенческое дело 1927].

Современники откровенно признали плановое переселение в Сибирь и на Дальний Восток вынужденной мерой, принятой под сильнейшим давлением крестьянства перенаселенных районов [Рубинский 1927: 61; Движение в Сибкрай... 1928: 109].

В сложившихся условиях плановое переселение не предполагало значительных масштабов. В то же время из-за потребности сельского населения в миграции (концепция, разрабатывавшаяся в середине 1920-х годов для борьбы с растущим малоземельем) необходимо было увеличить масштабы отхода на заработки и переселение. Не вдаваясь в детали расчетов, отметим, что в четырех районах Европейской части РСФСР (Центрально-Промышленном, Центрально-Земледельческом, Северо-Западном и Западном) потребность крестьян во внеземледельческих заработках была определена в размере около 8 млн человек (в 1906-1910 гг. масштабы отхода составляли около 6 млн человек), в переселении - около 300 тыс. человек ежегодно [Турчанинов 1926: 332-376].

Существенный разрыв между потребностью в переселении и масштабами планового переселения показывают губернские земельные органы (таблицы 2 и 3).

Причины хронического разрыва между заявками региональных земельных органов на переселение и возможностью их удовлетворения нашли отражение в популярной литературе⁹.

⁹ В ответ на вопрос, почему советская власть «не удовлетворяет “тягу к переселению”» всех желающих переселиться, следовало объяснение: «Для этого у советской власти не хватает ни средств, ни подготовленной

Таблица 2. Заявки мест на переселение на 1926 г., душевых долей

	Всего	Северный Кавказ	Поволжье	Уральская область	Сибирь	Дальний Восток
Воронежская	11000	2500	-	2500	3000	3000
Курская	20000	4000	2000	-	8000	6000
Орловская	32000	10000	1000	-	15000	5000
Тамбовская	20000	-	3500	13000	13000	3500
Тульская	14000	-	1000	1000	9000	3000
Пензенская	30000	-	5000	-	17500	7500
Брянская	20000	7000	5800	2200	4200	800
Гомельская	20000	5000	4000	2000	7000	2000
Рязанская	12000	1000	-	1000	7000	3000
Нижегородская	12000	-	5000	-	6000	1000
Смоленская	10000	-	-	-	7000	3000
Псковская	18000	-	-	-	14000	4000
Саратовская	35000	-	35000	-	-	-
Чувашская республика	25000	-	10000	5000	-	-
Белорусская ССР	77600	5000	-	5000	60000	7600
Украинская ССР	60000	20000	7000	3000	15000	15000
Всего	416600	54500	79300	16700	190700	64400
Всего, %	100	13	19	4	46	15

Источник: [Циркуляр НКЗ... 1927: 133].

Таблица 3. Разверстка отдела колонизации и переселения НКЗ РСФСР душевых долей

	Всего	Северный Кавказ	Поволжье	Уральская область	Сибирь	Дальний Восток
Воронежская	2000	-	1000	500	500	-
Курская	10000	-	2000	-	6000	2000
Орловская	10000	-	1000	500	6000	2500
Тамбовская	11000	-	2000	1000	6000	2000
Тульская	4500	-	1000	1000	1000	1500
Пензенская	12000	-	4000	2000	3000	2000
Брянская	13000	-	6000	2000	3000	2000
Гомельская	12000	-	3000	-	5000	4000
Рязанская	3000	-	-	-	2000	1000
Нижегородская	3500	-	2000	-	500	1000
Смоленская	2000	-	-	-	1000	1000
Псковская	2000	-	-	-	1000	1000
Саратовская	15000	-	15000	-	-	-
Чувашская республика	4000	-	3000	-	1000	-
Белорусская ССР	15000	-	-	-	9000	6000
Украинская ССР	40000	-	20000	10000	5000	5000
Всего	159000	-	60000	17000	50000	32000
Всего, %	100	-	38	11	31	20

Источник: [Циркуляр НКЗ... 1927: 133].

для занятия переселенцами земли» [Баров 1928: 26]. В 1929 г. возможности государства в переселении из малоземельных районов оценивались в размере 200 тыс. человек в год [Баров 1929: 24].

Остановимся на документах, составивших нормативную основу переселенческого дела.

Отдел колонизации и переселения управления землеустройства, мелиорации и госземимуществ НКЗ РСФСР был тем органом, в ведении которого находились, за некоторым исключением, все стадии колонизации и переселения.

Опубликованные НКЗ РСФСР «Правила по колонизации и переселению» (1925 г.) включили тринадцать разделов. Районы заселения должны были подбираться по возможности аналогичными природно-климатическим условиям района выхода переселенцев. Так называемая разверстка переселенческих контингентов между областями, губерниями и республиками должна была учитывать спрос населения на переселение. Необходимым условием подбора переселенцев в местах выхода в первые годы была проверка их материального обеспечения. Она определялась как сумма средств, необходимых для подготовки переселенческого участка, приобретения инвентаря, возведения жилых и хозяйственных построек, оплаты переезда по льготному тарифу и т.д.

К переселению в Сибирь и на Дальний Восток допускались хозяйства, имевшие не менее 2,5 работников и материальное обеспечение в деньгах, инвентаре и постройках не меньше 800 руб. для Сибири, 900 руб. для Дальневосточного края. В случае коллективного переселения такая обеспеченность снижалась до 200 руб. Необходимая сумма материальной обеспеченности снижалась, если число членов в рабочем возрасте в семье превышало число неработающих [Переселенческое дело 1927: 142-143].

На основании соответствующих документов люди получали переселенческое удостоверение и свидетельство на проезд семьи и провоз багажа и инвентаря по льготным тарифам.

Переселенцы в Сибирь и на Дальний Восток освобождались от уплаты единого сельскохозяйственного налога на срок от 3 до 5 лет в зависимости от трудности освоения участка. Отсрочка от призыва на военную службу предоставлялась на срок до 3 лет. Бесплатным был отпуск строевого леса.

В последующие годы льготы изменились. В 1927 г. были увеличены ссуды переселенцам, водворявшимся на фондах союзного значения [Известия ЦИК 1928а]. Эти ссуды были предназначены на хозяйственное обустройство (возведение построек, приобретение скота, инвентаря, семян и т.д.), на обустройство территории, выдавались как кооперированным организациям переселенцев, так и отдельным хозяйствам. Средний размер ссуды на крестьянское хозяйство определялся в размере 300-600 руб. (в зависимости от района), ссудный процент - 3,5%, срок погашения ссуды достигал 10 лет (на Дальнем Востоке - до 17 лет). Но и такой размер ссуд считался недостаточными для эффективного развития хозяйства переселенцев.

В 1928 г. были расширены льготы по переселению красным партизанам и красногвардейцам, а также детям убитых красных партизан и красногвардейцев. Эти категории переселенцев получали земли в районах, открытых для переселения, в первую

очередь. Им полагались также повышенные размеры ссуд на обзаведение домашнего хозяйства и др. [Известия ЦИК 1928b].

В 1928 г. были уставлены более благоприятные условия для переселения коллективных хозяйств. [Известия ЦИК 1928с].

Как видим, открытие планового переселения явилось важным событием. Но его масштабы были незначительными. Переселенческая политика, опиравшаяся на плановое переселение и его коллективные формы, означала недооценку самостоятельного переселения, занимавшего важное место в миграционных планах крестьянства ряда районов Европейской части СССР. Сложившийся «дуализм» в переселении имел существенные последствия. Фактически самостоятельное переселение стало вызовом плановому. В конце 1920-х годов оно стало рассматриваться как свидетельство «кризиса» переселения.

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА

Опыт дореволюционной России показал большую роль различных источников данных для анализа переселения. С начала 1880-х годов эволюция источников состояла, с одной стороны, в улучшении переселенческой статистики, с другой - в проведении обследований потенциальных и реальных переселенцев в местах выхода и вселения, выполнявшихся Переселенческим управлением и, главным образом, земскими статистиками. Нельзя не отметить регулярную публикацию данных статистики Переселенческим управлением.

С открытием планового переселения в РСФСР в 1924-1925 гг. началась регистрация прямого и обратного движения переселенцев и ходоков. По «Положению об органах Наркомзема РСФСР, ведающих делом передвижения переселенцев» (август 1926 г.), руководство и наблюдение за правильностью ведения статистического учета и регистрации ходаческого и переселенческого движения и своевременной разработкой материала возлагались на заведующих передвижением переселенцев на переселенческих пунктах. Такие пункты были расположены в крупных узловых и пересадочных станциях – Челябинске, Свердловске, Сызрани и Иркутске [Переселенческое дело 1927: 83-84].

Регистрация переселенцев включала широкий круг вопросов: 1) состав переселяющейся семьи по полу, возрасту, грамотности и национальности главы семьи с учетом членов семьи, оставшихся дома, переселяющихся в данный момент и переселившихся раньше; 2) место выхода; 3) место вселения; 4) документ, по которому переселяются; 5) на какую землю переселяются (по приемному договору, зачисленную на переселенческом участке и т.д.); 6) основные занятия; 7) размер земельного обеспечения на месте выхода; 8) форма землепользования; 10) способы ликвидации землепользования, 11) причина переселения. Особые программы регистрации были разработаны для ходоков и обратных переселенцев. Кроме этого, как мы отмечали выше, переселению предшествовало обследование экономического положения переселяющихся семей и кооперативных объединений в местах выхода.

Одновременно с переселенческой статистикой была введен учет регистрации переселенцами земельного участка и водворения их на этом участке. Это означало подведение итогов следующего этапа переселения - водворения.

Как видим, переселенческая статистика в 1920-е годы позволяла проанализировать важнейшие параметры переселения - его масштабы, направления, состав переселенцев, прямое и обратное движение и т.д. Правда, постановка отдельных вопросов априори предполагала неполные и даже недостоверные ответы. В 1925 - 1926 гг. на вопрос о размере выручки, полученной от ликвидации переселенческого хозяйства, было собрано только 25% ответов. Но и они вызывали сомнение - у переселенца не было особого желания указывать переселенческой организации, на помощь которой он рассчитывал, имевшиеся у него денежные средства [Красильников 1928: 107]. Однако вскоре выявились принципиальные недостатки организации регистрации переселенцев. Они проявились в существенных расхождениях сведений НКЗ союзных республик и данных регистрации на перевалочных пунктах. Считалось, что регистрация охватит плановых и самовольных переселенцев. Так, в 1924-1925 гг. общее число переселенцев составило 102 тыс. Из них было зарегистрировано 47 тыс. (46%). В 1926-1927 гг. эти показатели составили соответственно 160 и 104 тыс. (65%). Причиной расхождений стала неполная регистрация самовольных переселенцев, которые «по понятным причинам» избегали регистрации на переселенческих пунктах.

О сложившемся положении пишет М.Н. Красильников, который, судя по публикациям во второй половине 1920-х годов, принимал участие в организации переселенческой статистики. «Двигаясь большими массами, самовольные переселенцы обременяют переселенческие органы на местах прихода своими претензиями на право получения земельных участков, создают всякого рода путаницу, загружают пункты разгрузки и в результате срывают переселенческий план данного года». Помимо неприязненного отношения к самостоятельным переселенцам, неполная их регистрация объяснялась способом их перемещения - в общих пассажирских вагонах, а не в специальных вагонах для переселенцев [Красильников 1929: 91].

В итоге переселенческая статистика неполно учитывала масштабы и состав переселения. В рамках господствующей идеологии акцент в сборе и обработке данных был сделан на плановых переселенцах, в конце 1920-х годов - на их классовом составе. В то же время движение самовольных переселенцев явно недооценивалось. Нетрудно предположить незаинтересованность НКЗ РСФСР и других государственных организаций в получении достоверных сведений о масштабах и структуре самовольных переселенцев, отношение к которым определялось догмой о преимуществах планового переселения, т.е. переселения колхозов, а не единоличного крестьянского хозяйства. Отметим, что дореволюционная переселенческая статистика охватывала различные категории переселенцев, включая самовольных, при этом много внимания уделяла разработке данных именно об этой категории.

Нельзя не обратить внимание на заметно упавший интерес к обследованию переселенческих хозяйств. В то же время региональные переселенческие организации столкнулись с нехваткой сведений об экономике переселенческого хозяйства. По-

видимому, первые обследования таких хозяйств были проведены переселенческим отделом Сибирского края. Они охватили неприписное население, не имевшее земли, а также переселенцев-самовольцев, выделенных в особую социальную категорию [Юрцовский 1928: 64-68; Движение в Сибкрай... 1928: 109-126].

В целом переселенческая статистика после 1924-1925 гг., хотя и дает известное представление о переселении, находилась в стадии становления. Некоторые исходные данные, например, о масштабах переселения, противоречивы. Поэтому опубликованные данные требуют известной осторожности при использовании. Кроме того, в силу различной методологии учета, трудно сравнить характеристики переселенцев в 1920-е годы с довоенными.

ДИНАМИКА И СТРУКТУРА ПЕРЕСЕЛЕНИЯ

Первые результаты анализа переселенческой статистики показали сходные черты переселения во второй половине 1920-х годов и в довоенное время. Этот вывод основывался на данных о составе переселенцев, общих районах выхода, значительном удельном весе самовольцев и др.

Как и в довоенное время, переселение в 1920-е годы было возможно только при ассигновании государством значительных средств (таблица 4).

Таблица 4. Динамика ассигнований на переселения в СССР, тыс. руб.

Год	Всего ассигновано	В том числе ссуды переселенцам
1913	27284,3	10200,0
1922-1923.	50,9	6,9
1923-1924	498,4	373,5
1924-1925	1562,8	1036,0
1925-1926	6189,0	3490,0
1926-1927	22610,7	9933,2
1927-1928	26356,7	7772,0

Источник: [Великевич 1928а: 66].

Данные таблицы 4 показывают существенный рост ассигнований на переселение. Примечательными стали 1927-1928 гг., когда ассигнования формально достигли уровня 1913 г.¹⁰ Но в силу роста цен на рабочую силу, машины и материалы переселенческие мероприятия в СССР уступали довоенным [Великевич 1928а: 66].

Динамика расходов на ссуды переселенцам имела особое значение в силу их бедности, особенно, начиная с весны 1927 г., когда были отменены ограничения на переселение бедных и средних групп переселенцев. Как видно из таблицы 4, реализация этой меры потребовала более чем двухкратного увеличения расходов по этой статье в 1926-1927 гг. В 1913 г. удельный вес расходов на ссуды переселенцев составил 37,4%. В советские годы этот показатель устойчиво снижался - с 66,3% в 1924-1925 гг., 56,8 % в 1925-

¹⁰ В 1913 г. число переселившихся за Урал (ходовиков и переселенцев) составило 308 тыс., обратных (семейных) было 23 тыс. или 11% [Кауфман 1915b: 2-3].

1926 гг., 43,9% в 1926-1927 гг. до 29,5% в 1927-1928 гг. Такая тенденция объясняется ростом других статей, прежде всего на подготовку «трудных» земель для заселения.

Возраставшие ассигнования государства определили рост масштабов переселения (таблица 5).

Таблица 5. Динамика числа переселенцев в 1924-1930 гг.

Год	Число переселенцев, чел.
1924-1925	103871
1925-1926	108587
1926-1927	142771
1927-1928	173773
1928-1929	320987
Октябрь 1929 - сентябрь 1930	121555

Источник: [Красильников 1930: 85].

В целом масштабы переселения во второй половине 1920-х годов соответствовали показателям переселенческого движения в 1895-1905 гг., т.е. до его подъема в 1906 г. Увеличение масштабов переселения в 1928-1929 гг. объясняется включением межрайонных переселенцев в состав переселенцев РСФСР. В 1928-1929 гг. число переселенцев, по сравнению с предыдущим годом, выросло незначительно - в РСФСР почти на 10 тыс., в УССР – на 13 тыс., в БССР – почти на 8 тыс. Интенсивность переселения сельских жителей в 1928-1929 гг. на 10 тыс. человек из БССР составила 144, УССР – 28 человек, РСФСР – 22 человека [Красильников 1930: 85].

По другим данным, в течение 1924/25-1930 гг. только в Сибири было зарегистрировано около 910 тыс. переселенцев: в 1924-1925 гг. - 100212 человек, в 1925-1926 гг. - 100411 человек, в 1926-1927 гг. - 80000 человек, в 1927-1928 гг. - 247190 человек, в 1928-1929 гг. - 260448 человек, с октября 1929 г. по сентябрь 1930 г. - 121555 человек [Платунов 1976: 82]. Как видим, динамика переселения в Сибирь, основанная, по-видимому, на более полном учете всех групп переселенцев, в чем были заинтересованы местные переселенческие органы, позволяет сделать более определенный вывод о возраставших масштабах переселения в этот район. Правда, в данном случае, возможно, были учтены переселенцы в пределах Сибири в связи с ее деколонизацией, о чем шла речь выше.

Следуя методологии анализа состава переселенцев, выработанной в довоенных исследованиях, рассмотрим прежде всего величину земельного надела, считавшуюся ключевым показателем положения переселенческого хозяйства в местах выхода (таблица 6). Но поскольку термин «земельный надел» в переселенческой статистике не был точно обозначен, трудно сравнивать величину земельного надела не только с довоенным показателем, но и с данными текущей земельной статистики 1920-х годов, быстрое развитие которой определялось переходом к единому сельскохозяйственному налогу.

Известно, что последствия земельных преобразований в РСФСР (СССР) оказались дискуссионными. Очевидно, что в составе переселенцев в 1920-е годы, по сравнению с довоенным временем, снизилась доля безземельных. Вместе с тем преобладающей группой по-прежнему были малоземельные крестьяне. Их удельный вес (с наделом до 1 га) вместе

с безземельными достиг 86,1%. В Центрально-Черноземных областях доля этой группы составила 89,2%, среди выходцев из Украины - 78,6%, из Белоруссии - 87,3%.

Таблица 6. Распределение переселенцев по размеру земельного надела в месте выхода в 1925 и 1926 г.

	Всего		В том числе							
			Центрально-Черноземные области		Средневолжские области		Украина		Белоруссия	
	абс. вел.	в % к итогу	абс. вел.	в % к итогу	абс. вел.	в % к итогу	абс. вел.	в % к итогу	абс. вел.	в % к итогу
Безземельные	3306	10,3	421	5,0	449	6,5	686	14,9	727	16,2
<i>С наделом на душу:</i>										
до 0,54 га	12651	39,3	3109	37,1	3399	49,9	1610	35,1	1792	40,2
от 0,55 до 1,09 га	11752	36,5	3978	47,5	2383	35,1	1312	28,6	1384	30,9
от 1,1 до 1,64 га	2367	7,4	606	7,2	361	5,3	350	7,7	349	7,9
от 1,65 до 2,18 га	676	2,1	88	1,1	68	1,0	164	3,6	104	2,3
свыше 2,19 га	641	2,0	56	0,7	76	1,2	134	2,9	58	1,3
неизвестно	786	2,4	120	1,4	68	1,0	335	7,2	54	1,2

Источник: [Красильников 1928: 107].

Малоземелье основной части переселенцев объясняет причину их переселения. Согласно ориентировочным расчетам потребность в переселении крестьянской семьи наступала при обеспеченности ее земель в размере 0,65 десятин на едока [Турчанинов 1926: 373].

С отменой ограничений на переселение малоимущих слоев после 1926 г. число малоземельных крестьян увеличилось. Последствия таких изменений нетрудно предугадать. Они означали необходимость возрастающей помощи государства, медленный подъем, потребительский характер и низкую товарность переселенческого хозяйства в районах вселения, что не могло не оказывать сдерживающего влияния на развитие районов заселения.

Как и в довоенное время, в переселении 1920-х годов участвовали преимущественно большие семьи, средняя величина которых в 1925-1928 гг. колебалась в интервале 5,7-5,9 человек. Относительно стабильным был удельный вес семей из 4-5 и 6-7 человек, доля которых в 1928 г. составляла 64,5%. Важной демографической характеристикой переселенческой семьи оставалась высокая доля лиц в рабочем возрасте. В 1928 г. 48% мужчин и 51% женщин среди переселенцев были в рабочем возрасте, что соответствовало условиям переселения. Удельный вес грамотных, хотя и повышался, но оставался низким, особенно женщин. В 1928 г. грамотными среди переселенцев было 39% мужчин и 8% женщин [Красильников 1930: 87-88].

Районы выхода переселенцев не отличались существенно от довоенных. Эту особенность наглядно подтверждают заявки на переселение (в то время как фактическое переселение корректировалось влиянием неурожая и другими факторами). В 1924 г. доля Центрально-Черноземного района в общем числе заявок составила 30%, Западного (вместе с Белоруссией) - 22%, Центрально-Промышленного района - 16%, Средневолжского - 13%, Северо-Восточного - 2%, Северо-Западного - 4%, Украинской ССР - 6% и др. [Ямзин 1927: 57].

Структура районов вселения отразила изменившуюся в 1920-е годы географию переселенческих потоков (таблица 7).

Таблица 7. Районы вселения переселенцев, %

	1924- 1925 гг.	1925- 1926 гг.	1926- 1927 гг.	1927- 1928 гг.	1928- 1929 гг.
Сибирский край	63,6	55,2	35,8	44,9	62,9
Дальневосточный край	4,9	10,3	28,4	29,3	11,8
Казахская АССР и Киргизская АССР	21,8	7,9	6,7	4,6	7,2
Уральская область	4,5	5,1	14,0	9,9	10,6
Северный Кавказ	-	10,7	3,3	1,3	0,5
Поволжье	2,3	7,9	11,1	9,3	3,9
Другие районы	2,9	2,9	0,7	0,7	3,1

Источник: [Красильников 1930: 87].

Большинство переселенцев (около 85%) направлялось в Сибирский край, на Дальний Восток и Уральскую область, что соответствовало задачам переселения, сформулированным в официальных документах. При этом доля Дальневосточного края и Уральской области увеличивалась, в то время как значение Северного Кавказа, Поволжья, Казахской АССР и Киргизской АССР сокращалась.

Переселение в 1920-е годы оставалось движением единоличных крестьянских хозяйств, доля которых в 1925 г. составляла 92,6%, в то время как удельный вес коллективных переселенцев был 0,2%, неизвестных – 7,0% [Красильников 1930: 88].

В 1928-1929 гг. обратное движение составило 19% к прямому движению за этот год. История переселенческого движения в России показывает, что процесс перемещения неизменно сопровождался обратным движением, хотя его масштабы и структура существенно различались по периодам, в разной степени вовлекая переселенцев разных лет. Поэтому для объяснения причин обратного движения необходим тщательный анализ исходных данных за ряд лет. В данном случае привлекает внимание не только негативная оценка обратничества (рассматриваемого как следствие «стихии единоличных хозяйств»), но и его перспективы (обратное движение должно было сойти на нет» при переселении целыми колхозами) [Красильников 1930: 90].

Одной из важнейших характеристик переселения в 1920-е годы была доля самовольных переселенцев. В 1925-1928 гг. их удельный вес в общем числе переселенцев оценивался в размере около 1/3 [Красильников 1930: 87]. Однако с учетом состояния переселенческой статистики этот показатель в ряде районов был более высоким (таблица 8).

В 1928 г. большие масштабы движения самовольных переселенцев и ходоков были отмечены в Сибири и в Крыму, что объясняется, по-видимому, привлекательностью этих районов, традициями переселения и большой ролью родственных связей. Ниже мы специально остановимся на обследовании самовольцев в Сибирском крае. Их значительное число подтверждает большой интерес крестьян к перемещению в условиях неопределенных перспектив планового переселения. В конце 1920-х годов самовольное движение стало бегством от надвигавшихся потрясений общественной жизни, связанных с коллективизацией.

Таблица 8. Движение переселенцев и ходоков в 1928 г.

	Переселенцы			Ходоки			Всего
	плановые	неплановые	всего	плановые	неплановые	всего	
Дальний Восток	39020	11654	50674	5406	2156	7562	58236
Сибирь	46766	31222	77988	6503	2173	8676	86664
Урал	14122	3265	17387	1721	536	2257	19644
Поволжье	13215	3068	16283	992	571	1563	17846
Северный Кавказ	2053	374	2427	341	1069	1410	3837
Крым	834	8180	9014	53	398	451	9465
Итого	116010	57763	173773	15016	6903	21919	195692
Удельный вес плановых переселенцев	67	33	100	67	33	100	

Примечание: Без прочих.

Источник: [Лясковский 1929: 109].

В целом, несмотря на непродолжительный период наблюдения и недостатки переселенческой статистики, характеристики переселения в 1920-е годы были сходными с довоенными. Основной его чертой в 1920-е годы стало увеличение масштабов, связанное с ростом государственных ассигнований. Переселение довоенное и 1920-х годов объединяет преобладание малообеспеченных слоев крестьян, их значительный демографический потенциал, общие районы выхода, низкий уровень образования, а также высокая доля самостоятельных переселенцев.

САМОВОЛЬНЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Во второй половине 1920-х годов самовольное движение, заставившее государство открыть плановое переселение, рассматривалось как временное и чуждое новой общественной системе явление. Поэтому предполагалось, что масштабы самовольного движения сократятся под влиянием увеличения планового переселения. Такая точка зрения, главным образом работников НКЗ РСФСР и ВПК СССР на страницах журнала «Вестник землеустройства и переселения», отразила идеологическую предвзятость, непонимание объективного характера самовольного движения, недооценку довоенного опыта, убежденность в эффективности действующих мер.

В то же время в конце 1920-х годов еще высказывалась идея предоставления земли пионерам-засельщикам (самовольцам), переселявшимся «за свой риск и страх» [Ямзин 1928: 84]. Обоснованность такой точки зрения подтвердило обследование самовольцев, проведенное Сибирским переселенческим отделом зимой 1927 г.

В соответствии с принятой идеологией Сибирский переселенческий отдел считал самовольные передвижения «угрозой планомерности земельного устройства сибирского населения на новых началах» [Движение в Сибкрай... 1928: 109]. Но реальное положение показывало не только устойчивость, но и положительные функции этого движения. Значительная доля самовольцев в Сибири была признана характерной чертой движения населения из Европейской России за Урал на протяжении многих десятилетий.

Обследование обратило внимание на особые характеристики самовольцев. В их числе была названа чуткая реакция на отношение государства к переселению, на политико-экономические события, происходившие в стране.

По неполным данным железнодорожной статистики и сибирских земельных органов, в 1914-1921 гг. в Сибирь прибыло 33082 плановых переселенцев, 276590 «самовольцев», 170481 беженцев войны и 259320 беженцев от голода - всего 739473 человека. С октября 1925 г. по октябрь 1926 г. в Сибири было зарегистрировано 100411 переселенцев, в том числе 26741 плановых и 73670 (73,4%) самовольцев. Удельный вес самовольцев приблизился к величине, зафиксированной в России в 1880-е годы. При этом большая часть самовольцев в середине 1920-х годов «исчезла из поля наблюдения переселенческой организации» [Движение в Сибкрай 1928: 110-111].

По сравнению с плановыми переселенцами самовольцев отличала высокая приспособляемость к местным условиям: они активнее закреплялись в старожильческих обществах и на легкоосваиваемых землях. Самовольцы чаще оседали в западных районах Сибири и меньше передвигались на Дальний Восток. Характерно, что более 50% самовольцев стремились устроиться самостоятельно, без содействия переселенческой организации [Движение в Сибкрай... 1928: 112-113]. Места их выхода были названы «устойчивыми гнездами» - общими для довоенного времени и для второй половины 1920-х годов. В число «гнезд» были включены Самарская, Пермская, Саратовская, Ульяновская, Уфимская губернии. В сознании населения этих губерний, как утверждают авторы обследования, прочно укоренилось представление о предпочтительном самовольном переселении. Такое поведение переехавших определило расхождение между данными отдела переселения НКЗ РСФСР и фактическим переселением, имевшим с момента зарождения «признаки стихийного движения» [Движение в Сибкрай... 1928: 114].

Причины переселения, названные самовольцами, были сформулированы следующим образом: «не мог ждать очереди» (30,4%), «не подбиралась партия» (0,8%), «не знал порядка» (8,7%), «как бедняк не получил разрешения» (16,10%), «как одинокий» (0,8%), «не было разрешения на переселение» (42,7%) и др. Как видим, названные причины наглядно отразили противоречие между ограниченными масштабами планового переселения и стремлением крестьян сменить место жительства. Состав семьи «самовольцев» (на 1,3 едока меньше, чем семья планового переселенца) свидетельствовал о реакции на сложные условия переселения. Из-за повышенных рисков группа зажиточного крестьянства среди самовольцев достигла 50% [Движение в Сибкрай... 1928: 122]. Обследование выявило также важную роль в переселении связей самовольцев с выехавшими ранее.

Как в итоге объяснялось самовольное переселение и что предлагалось предпринять по результатам обследования?

По мнению авторов обследования, основными причинами движения самовольцев были «слабость госаппарата в местах выхода» и, как следствие, отсутствие информации о правилах (порядке) переселения; устойчивая убежденность крестьян в предпочтительном самовольном устройстве в Сибирском крае и др. Трудно не согласиться с мнением о

необходимости улучшения информированности переселенцев (задачи, не решенной в довоенной России). Но возможности информационного ресурса преувеличены.

В целом самовольное движение было признано не только массовым и устойчивым, но и почти легализованным явлением. В практике работы переселенческого отдела Сибири самовольцы, получая землю, ссуды на домообзаводство и другие льготы, фактически приравнивались к плановым переселенцам. Такой подход отразил не только традиции работы довоенного Переселенческого управления, но и признание этой категории переселенцев «деятельным элементом», от которого можно было «ожидать большого производственно-хозяйственного эффекта для Сибири».

И все же в борьбе с «отрицательными последствиями» самовольного движения предлагалась тщательная проработка планов НКЗ РСФСР по отбору переселенцев; организация широкого информирования переселенцев, их регистрация в едином пункте (в Челябинске) для улучшения учета и последующего распределения по районам Сибири. В то же время предлагалось выделить в Сибири районы для свободного их заселения самовольцами, а также проведение широких обследований плановых и самостоятельных переселенцев [Движение в Сибкрай... 1928: 126].

Следовательно, речь шла о более полном использовании потенциала самовольного движения для социально-экономического развития районов заселения. Но такие выводы и предложения не могли существенно повлиять на переселенческую политику.

НОВЫЕ РЕШЕНИЯ. РАЗРАБОТКА ПЕРСПЕКТИВНОГО ПЛАНА ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ ФОНДЫ ОБЩЕСОЮЗНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Как уже упоминалось, с переходом к НЭПу плановое переселение стало рассматриваться как часть общей задачи по укреплению народного хозяйства и развитию производительных сил страны. В 1926-1928 гг. были приняты шаги, предусматривавшие повышение роли переселения в социально-экономическом развитии. Предлагавшиеся на исходе НЭПа меры отразили, по-видимому, возросшее влияние ВПК при ЦИК СССР, а также трудности снижения городской безработицы, попытку уменьшить негативные последствия аграрного перенаселения, борьбу с самовольным движением, потребности в притоке населения ряда восточных районов.

1926 г. стал первым годом финансирования мероприятий по смете ВПК при ЦИК СССР. Несмотря на рост финансирования (до 21,2 млн руб. в 1926 г. по сравнению с 8 млн руб. в 1925 г.), его величина отставала от потребностей из-за перехода на трудноосваиваемые земли [Сахаров 1927а: 137-138]. При этом в конце 1920-х годов число желающих переселиться превышало в 10 раз возможности государства [Лацис 1928: 9-10].

Принятые в 1926-1928 гг. постановления предусматривали повышение роли переселения в социально-экономическом развитии страны. Так, постановлением Президиума ЦИК СССР от 30.07.1926 «О задачах переселения и порядке финансирования переселенческих мероприятий» предусматривалось улучшение финансирования переселения и его масштабов в ближайшие 10 лет до 5 млн человек [Лацис 1927: 9-10].

В связи с этим выросло внимание к вопросам эффективности переселения. Первые публикации по этой теме обнадеживали. Но для дальнейших исследований необходимы были не только соответствующая информация и дискуссия, но и подведение итогов переселенческой политики в довоенное время¹¹.

Помимо улучшения финансирования, повышение роли переселения означало новый подход к формированию переселенческих фондов: в ряде губерний Европейской России, в Сибири и большинстве автономных республик, местные органы отрицали наличие свободной земли до окончания землеустройства «своего населения». Особое внимание привлекали автономные республики (Казахстан, Башкирия, Бурят-Монголия и др.), где, как считалось, имелись избыточные земли, хотя республики своевременно не представили планы, показывавшие наличие и использование таких земель [Лацис 1927: 9, 12].

С общегосударственной точки зрения, позиция руководства многоземельных районов, отрицавшая необходимость переселения, оценивалась, исходя из недоиспользования земельного фонда этих районов. Одновременно ряд районов Европейской части, в их числе и Украина, лишились возможности переселить избыточное население. Важным было и то, что заселение степей Казахстана стоило примерно на 40% меньше, чем освоение лесных пространств. По расчетам ВПК СССР, закрытие Казахстана для союзного переселения требовало дополнительных затрат для подготовки и заселения лесных фондов около 1 млрд руб., а недоиспользование легких избыточных земель могло замедлить экономический рост Казахстана [Лацис 1927: 11-12].

Перед союзными и автономными республиками была поставлена задача разработать план переселенческих мероприятий. Попытки республик «наглухо закрыть свои границы от вторжения неплановых переселенцев» не были поддержаны ВПК СССР. Недопустимой была признана практика земельных органов, увеличивавших земельные нормы для местного населения и оставлявших резервные земли в расчете на естественный прирост населения [Большаков 1926: 6, 8-9].

На 3-ем совещании наркомов земледелия (ноябрь 1926 г.) было найдено компромиссное решение – к 1927 г. предстояло завершить разработку перспективных планов переселения всех союзных и автономных республик в качестве условия подготовки сводного плана ВПК СССР [Смирнов 1926: 3].

Постановление «О задачах переселения, его организации, основах составления планов переселения и о порядке финансирования переселенческих мероприятий» от 18.01.1928 [СУ СССР... 1928] также предусматривало увеличение роли переселения. Но постановление 1928 г. стало, по-видимому, последним, в котором были обозначены позитивные планы государства в этой области.

Задачи переселения в этом постановлении были сформулированы традиционно – освоение необжитых и малообжитых территорий, разгрузка перенаселенных районов и регулирование самовольного движения. Региональные задачи переселенческой политики состояли в заселении Дальневосточного края (с Сахалином и Камчаткой), Сибирского края

¹¹ См. [Жданов 1929: 30-45; Говберг 1929: 22-38] и др.

с примыкающими к нему частями Уральской области и Карело-Мурманского края. Общесоюзный переселенческий план предусматривал также заселение свободных земель в ряде районов Северо-Кавказского края, северной части Крымской АССР, Поволжья и южных частей Уральской области. Одновременно предстояло выявить переселенческие фонды в Казахской, Башкирской, Бурято-Монгольской и других автономных республиках. Однако здесь приоритетным оставалось местное расселение, а после него - переселение из других республик. Кроме того, для переселения планировалось использование богарных и орошаемых земель в районах строившейся Туркестано-Сибирской железной дороги и др. Планы переселения предстояло согласовать с планами развития промышленности и организации промыслов, строительством железных дорог общегосударственного значения.

Переселенческие фонды, создававшиеся в Дальневосточном, Сибирском краях, на севере Крымской АССР и в ряде других районов, были признаны общесоюзными, т.е. открытыми для переселения из РСФСР и других союзных республик.

Постановление 1928 г. утвердило также новый порядок финансирования, разделив переселение на общесоюзное и республиканское. К общесоюзному бюджету относились расходы, связанные с заселением переселенческих фондов общесоюзного значения. Они включали расходы по обследованию, изучению, выявлению переселенческих фондов, по связанному с ним землеустройству, по разбивке переселенческих фондов, проведению дорог, производству мелиорации, выдаче ссуд переселенцам и т.д. Планы переселения и расселения внутри союзных республик находились в ведении НКЗ соответствующих республик. Расходы по выявлению перенаселенных районов и их разгрузке, организации выхода и информирования переселенцев были отнесены к бюджету союзных республик по месту выхода.

Наконец, постановлением 1928 г. предусматривалась разработка общесоюзного плана переселения на 10-15 лет. Одновременно правительства союзных республик должны были составить перспективные планы внутри- и межреспубликанских переселений [Новицкий 1928: 131].

Тенденция расширения переселенческой политики проявилась в предоставлении Бирско-Биробиджанского района Дальневосточного края для переселения трудящихся евреев [Сахаров 1928с: 96]. Но эта тема выходит за рамки нашего исследования.

Как уже упоминалось, план ВПК СССР на две ближайшие пятилетки предусматривал переселение на союзные земельные фонды около 5 млн человек. В то же время предложения союзных республик по переселению превышали 10 млн человек. При переселении предлагалось сохранить сходство природных условий мест выхода и вселения и сократить самовольное переселение в результате роста планового переселенческого фонда [Лацис 1927: 13]. Пятилетний план на 1928/29-1932/33 гг. включал подготовку земельного фонда на 1,6 млн человек и переселение 1,47 млн человек. В основном это были лесные (80%), лесостепные (10%) и степные (10%) земли. 90% земель были отнесены к необжитым. Стоимость переселенческих мероприятий оценивалась в 250,7 млн руб. Из этой суммы подготовка земельного фонда требовала 109,2 млн руб. [Сахаров 1927b: 118]. Таким образом, ежегодные ассигнования только на переселение на фонды союзного значения должны были увеличиться до 50 млн руб. в год.

Преимущественное внимание в перспективных планах уделялось заселению Дальнего Востока. В этом районе планировалось подготовить земельный фонд на 611 тыс. человек и переселить 468 тыс. человек. В Сибирском крае эти показатели должны были составить соответственно 638 и 592 тыс. человек, в Уральской области - 167 и 164 тыс., на Севере Европейской части - 107 и 78 тыс., в Поволжье - 80,0 и 151 тыс. человек и т.д. Северный Казахстан рассматривался как район крупного увеличения зерновой продукции и животноводства для экспорта и внутренних рынков СССР за счет вовлечения в сельскохозяйственный оборот степей севера республики. После землеустройства коренного населения ориентировочная площадь избыточных земель в этой республике оценивалась в 33 млн га, демографическая емкость - свыше 3 млн человек. Последнее означало удвоение населения Северного Казахстана [Сахаров 1928а: 140-146].

Реализация плана переселения означала сдвиг населения в восточные районы, прежде всего в Сибирь и на Дальний Восток. В целом постановления 1926-1928 гг. можно считать успехом работы ВПК при ЦИК СССР и НКЗ РСФСР. Однако вывод о том, что «вопросы переселения в жизни наших окраин заняли одно из выдающихся мест среди прочих народнохозяйственных факторов» [Сахаров 1927b: 119], оказался преждевременным.

Планировавшееся в 1928 г. утверждение пятилетнего план переселения СНК СССР и Президиума ЦИК СССР [Сахаров 1928b: 147], по-видимому, не состоялось. Мы не нашли в открытой печати сведений о решениях по этому вопросу. Более того, в условиях острой общественно-политической ситуации в конце 1920-х годов перспективы реализации планов переселения вызывали острую критику. В итоге лишились будущего не только намеченные планы переселения, но и индивидуальное переселение крестьян, и научное направление, посвященное изучению вопросов переселения и колонизации.

В настоящее время планы переселения представляют теоретический интерес как альтернатива движению населения, реально сложившемуся на рубеже 1920-1930-х годов.

КРИТИКА ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО ДЕЛА. ЗАКРЫТИЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ

Как видим, во второй половине 1920-х годов была предпринята попытка расширить рамки переселенческого дела. Его организация на основе перспективных планов требовала существенного увеличения финансирования. Она затрагивала интересы ряда автономных республик. Эти причины вызвали острую критику переселения и переселенческой политики.

Из предыдущего изложения видно, что в 1920-е годы переселение находилось под пристальным вниманием государства, задача которого состояла в снижении напряженности в деревне, сокращении самовольного движения. В то же время разработка перспективных планов переселения поставила ряд вопросов, требовавших новых решений. В числе таких вопросов были масштабы, организация и эффективность переселения.

Положительные итоги переселения в сельской местности Сибири и Дальнего Востока отразила перепись 1926 г. (таблица 10).

Таблица 10. Население по продолжительности проживания в сельских местностях Сибирского и Дальневосточного краев по переписи 1926 г., тыс. чел.

	Всего	В том числе местные уроженцы	Неместные уроженцы						
			всего	постоянно проживающие, по продолжительности проживания и времени вселения					
				до 2-х лет, 1924-1926 гг.	3-5 лет, 1921-1923 гг.	6-9 лет, 1917-1920 гг.	10-12 лет, 1914-1916 гг.	13-19 лет, 1907-1913 гг.	свыше 20 лет, до 1906 г.
Сибирский край	7556,0	4768,0	2729,4	460,0	386,9	323,4	129,7	693,7	607,7
Дальневосточный край	1408,9	811,2	580,6	113,0	75,0	54,4	34,6	106,7	108,1

Примечание: Без временно проживающих и неустановленных неместных уроженцев.

Источник: [Всесоюзная перепись... 1930а: 79; 1930б: 63].

Величина когорт мигрантов 1924-1926 гг. (460,0 тыс.) и 1921-1923 гг. (386,9 тыс.) в сельской местности Сибирского края была значительной, хотя и уступала довоенной численности. Обе когорты составили 31,0% неместных уроженцев и 11,2% сельского населения Сибирского края. На Дальнем Востоке эти показатели были выше - соответственно 32,3 и 13,3%.

По другим данным, ежегодный прирост населения Сибири за 1925-1928 гг. составил 3,0-3,5%, Дальнего Востока - 4,6-6,7%, СССР - 1,6%, РСФСР - 2,3% [Ляковский 1929: 114].

Помимо увеличения численности населения, переселение позволяло решить целый ряд других вопросов: планомерно организовать территорию страны, уменьшить наплыв безработных в города, вовлечь в народнохозяйственный оборот пустующие пространства, увеличить на этих территориях выпуск продукции для внутреннего потребления и экспорта, прочно и быстро заселить ряд пограничных районов [Лацис 1927: 10; Попов 1929: 19]. Правда, расчеты избыточного труда в сельском хозяйстве (Госплан СССР - 7 млн человек, ВПК при ЦИК СССР - 21 млн, НКЗ УССР - 20,9 млн человек и др.) показывали, как и в довоенное время, что роль переселения в уменьшении аграрного перенаселения Европейской России могла быть ограниченной: даже перемещение 5,2 млн человек могло поглотить не более 30% общей величины избыточного труда в сельском хозяйстве [Ямзин 1927: 51].

Но результаты переселения, так же, как и другие аргументы в пользу переселенческой политики, остались без внимания. В конце 1920-х годов обсуждение вопросов переселения и переселенческой политики было направлено прежде всего на дискредитацию переселения индивидуальных крестьянских хозяйств. Хотя большое значение переселения в экономическом развитии страны не отрицалось, решающим стало отрицание «колониционных возможностей» мелких крестьянских хозяйств, критика высокой доли самовольцев и соответственно низкой доли коллективных хозяйств различного типа и совхозов в переселенческом движении. Так, признав наличие существенных недочетов (по терминологии НКЗ РСФСР - дефектов) в организации всех стадий переселенческого дела, «главным дефектом» работы переселенческого аппарата в

местах выхода было названо движение десятков тысяч разрозненных крестьянских хозяйств [Большаков 1928: 5-6].

Учитывая начальный этап заселения, недооценку довоенного опыта, сложности финансирования, нетрудно было определить различного рода «дефекты» в районах вселения. Они состояли в неудовлетворительной подготовке земельного фонда, в обострении отношений переселенцев с местным населением Сибири и Дальнего Востока, у которого изымались излишки земли. В обследованных районах Сибири и Дальнего Востока уровень подготовки земли для переселенцев не превышал 30-40%, что во многом определяло их неудачи, переход на другие участки и т.д. Агрономическая и ветеринарная помощь среднестатистическому переселенческому хозяйству, планировавшаяся в размере 19 руб. 50 коп. в год, составила фактически 3 руб. 70 коп. Время в пути на Дальний Восток достигало 1-1,5 месяца [Большаков 1928: 17-24]. Неустойчивое состояние экономики переселенческих хозяйств объяснялось также просчетами в организации переселенческого дела. По данным Омской переселенческой партии, в первый год вселения не имели земли 34,25% хозяйств, во второй – 12,17%. Без инвентаря было соответственно 34,48 и 35,30% хозяйств. Вывод о том, что крайняя бедность переселенческих хозяйств в сочетании со слабой подготовкой заселяемых районов к хозяйственному использованию, со слабостью хозяйственного и культурного обслуживания переселенцев, «граничившей с заброшенностью», «не может создать гарантии прочной приживаемости», не был преувеличением. Исходя из этого, экономический эффект переселения, даже при незаметном его влиянии на разрежение аграрного перенаселения в районах выхода, «вызывал большие сомнения» в положительном влиянии на развитие районов водворения.

Последовательная и, по-видимому, спланированная критика состояния переселенческого дела сосредоточилась на главном - несовместимости переселения «с элементами социалистической реконструкции нашего народного хозяйства, с распланированием по новым землям сотен тысяч разрозненных индивидуальных крестьянских хозяйств» (разрядка Великевича И.- В.М.) [Великевич 1928а: 71].

Напомним, что задача увеличения коллективных хозяйств в составе переселенцев была сформулирована на 2-ом совещании земельных работников (1924 г). В последующие годы переселенческая политика отдавала явное предпочтение коллективному переселению, предлагая внеочередное переселение, внеочередную выдачу кредитов, преимущества в прокладывании дорог, строительстве школ, больниц и т.д.

Большим недостатком переселенческого дела было признано сходство переселения в советские годы и в дореволюционное время. В то же время, учитывая непродолжительное время существования переселения в 1920-е годы, трудно согласиться с «расходом огромнейших средств» на него: их величина была несопоставима, например, с расходами на безработицу в СССР.

Улучшить переселенческое дело предлагалось за счет чистки аппарата и увольнения бывших работников Переселенческого управления, поскольку части из них были «чужды наши задачи и цели» [Великевич 1928а: 83].

Новый этап критики переселенческого дела отразил итоги работы Всесоюзного переселенческого совещания при ВПК при ЦИК СССР (1929 г.). Хотя на совещании традиционно отмечалась важная роль переселения в притоке рабочих рук для развития сельского хозяйства и промышленности Дальневосточного и Сибирского краев, новому этапу переселения, как отмечалось, должны были соответствовать четко обозначенные цели: «скорейшее освоение неосвоенных земельных и промышленных богатств указанных выше районов Союза ССР путем увеличения количества населения этих районов и создания на базе социалистического строительства новых сельскохозяйственных и промышленных производственных единиц, реально способствующих росту сельскохозяйственной и промышленной продукции». Решение таких задач не соответствовало, как считалось, возможностям переселения. Поэтому «индивидуальное переселение должно быть в возможно короткий срок заменено широким колхозным строительством». Одновременно был поставлен вопрос о промышленном и промысловом переселении как условия индустриализации страны, которое должно было стать ведущим в реорганизации переселенческих мероприятий [Основные задачи... 1929: 10- 11].

Наркомат Рабоче-крестьянской инспекции СССР пришел к выводу о «зачаточном состоянии», в котором находилось переселение и о переживаемом им кризисе [Попов 1929: 16]. Между тем в 1928-1929 гг. произошло повышение масштабов переселения, сопровождавшееся ростом самовольного движения в Сибирь. Его величина достигла ориентировочно 130-140 тыс. человек [Вестник землеустройства... 1929: 105].

В этих условиях 1928-1929 гг. стали переломными в переселенческом деле. Реализация нового подхода означала, во-первых, соблюдение классового принципа в организации переселения, во-вторых, коллективизацию переселенческого движения, в-третьих, отмену ходачества и переход к переселению так называемых рабочих дружин. Предлагалось также отказаться от выполнения переселением функций разгрузки аграрно-перенаселенных районов [Шулейкин 1930: 98-99].

Новые задачи переселенческого дела отразили переориентацию народнохозяйственного развития страны на ускоренную индустриализацию. В кратчайшие сроки в районах заселения предлагалось построить переселенческие колхозные хозяйства и «достичь максимальной производительности этих земель на базе механизированного крупного производства» с тем, чтобы переселенческие колхозы «с первых лет своего существования оказывались в состоянии... сдавать государству максимально-возможное количество зерновой продукции» [Основные задачи... 1929: 11-13].

Со второй половины 1929 г. льготное переселение крестьян-единоличников было отменено. Государство финансировало только колхозное переселение. В 1930 г. в Сибирь прибыл 14421 колхозник-переселенец [Платунов 1976: 94].

Постановление ЦИК и СНК СССР от 2 июля 1930 г. передавало общее руководство общесоюзным переселенческим фондом в ведение Народного комиссариата земледелия СССР. Руководство переселением рабочих для строительства, промышленности и транспорта было поручено Народному комиссариату труда СССР. Одновременно НКЗ СССР должен был уточнить перечень районов, имевших общесоюзное значение, и

разработать план переселения на ближайшие 3 года [Переселенческое дело на... 1930: 94-95].

Таким образом, в конце 1920-х годов индивидуальное переселение крестьян, вынужденно введенное в середине 1920-х годов, было отменено. Главной причиной отмены стало несоответствие его функций новым общественно-политическим задачам. Тем самым остались нереализованными планы переселения многих сотен тысяч крестьян из аграрно-перенаселенных районов Европейской России за Урал. По существу, это была первая в советские годы попытка реализовать задачу заселения Сибири и Дальнего Востока. В последующие десятилетия такая задача неоднократно провозглашалась, но осталась нерешенной на протяжении всего XX века.

ЛИКВИДАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ И КОЛОНИЗАЦИИ КАК НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Отрицательная оценка состояния переселенческого дела и ликвидация переселения индивидуальных хозяйств означали острую критику организации и результатов исследований в области переселения и колонизации. Параллельность этих процессов была, по-видимому, очевидна для современников

В 1928 г. небольшая брошюра А.Н. Небольсина [1928] вызвала острую критику за использование теории либерально-народнических (т.е. дореволюционных) ученых при объяснении причин и характера переселения крестьян в Воронежской губернии. Кроме того, в работе отсутствовали указания переселенческим органам в местах выхода по организации переселения как планового мероприятия [Великевич 1928b: 119-121]. Негативная рецензия на брошюру Небольсина означала отрицание малоземелья как причины переселения.

Последующая критика сосредоточилась на публикациях ведущих ученых и организаций. Первым в этом ряду стал в 1929 г. НИИ землеустройства и переселения, организованный, как уже упоминалось, в 1922 г. постановлением СНК РСФСР в Москве как Госколонит в составе Главнауки Наркомпроса РСФСР. В институте работал первый в стране колонизационно-переселенческий сектор¹². К 1930 г. труды института составили 12 томов. Попытки показать целесообразность сохранения института не дали результата. В 1930 г. институт был передан в ведение НКЗ РСФСР «для более тесных связей с производством», что означало его ликвидацию как самостоятельного учреждения [Рудин 1930: 23-26].

Другое направление критики связано с работами В.П. Воцинина, которые были опубликованы в трех сборниках Географо-экономического института при географическом факультете ЛГУ в 1926-1928 гг. В этих публикациях, как мы показали выше, получили развитие взгляды В.П. Воцинина на процесс колонизации и переселения в России, которые

¹² Отчет о работе колонизационного сектора содержит статья К.В. Космачевского [1928: 138-147].

были признаны немарксистскими, мальтузианскими, т.е. ненаучными и неграмотными [Чешихин 1930: 76-85; М.Ц. 1930: 139-144].

Сложное положение с землеустройством в ряде районов, в том числе и в Казахстане, стало причиной критики «переселенческих чиновников старого режима» - специалистов НКЗ РСФСР, «снова начинавших поднимать свои колонизаторские головы» (Чепракова, Чиркина, Рудина и др.). Взамен исследования вопросов переселения и колонизации предлагалась новая система планирования миграции, которая должна была быть только плановой. Учитывая важную роль миграции рабочей силы из деревни для реализации пятилетнего плана, плановым органам (Госплану СССР, ВСНХ, НКТ СССР, НКЗ СССР) предлагалось составить особый план передвижения населения. Он, учитывая потребности городской индустрии и заселения, должен был указать «куда и откуда и в каком количестве должна быть переброшена рабочая сила. Это будет своего рода мобилизационный план, наподобие военного мобилизационного плана, рассчитанного во времени и пространстве» [Сластухин 1930: 48].

«Простой арифметический подход» стал основой для вывода об отсутствии аграрного перенаселения в ряде районов Европейской России. Вполне достаточное количество земли у «излишних» рабочих рук в деревне снимало задачу усиления переселения, ставившуюся перед партией [Садвокасов 1928: 62-63].

Как видим, за короткий период 1917-1929 гг. переселение в РСФСР и СССР прошло сложный процесс эволюции от полного отрицания переселения, вынужденного разрешения планового переселения, роста и определенного влияния планового и самостоятельного передвижения до преобразования этого процесса в переселение колхозов и совхозов. В итоге была выдвинута идея полного подчинения переселения задачам государства, поставленная в период военного коммунизма и означавшая окончание процесса переселения и расселения крестьянского хозяйства - одного из длительных и важных по последствиям процессов в истории России. Благоприятные демографические и научно-организационные предпосылки для заселения ряда районов страны (Сибири, Дальнего Востока), имевшиеся в 1920-е годы, остались нереализованными.

ЛИТЕРАТУРА

- Баров А. (1928). Переселение на новые земли. М.-Л. 2-е изд.
- Баров А. (1929). Куда и как переселяться. М.
- Белевский А.А. (1904). К переселенческому вопросу // Русское богатство. № 1.
- Беркенгейм А.М. (1902). Переселенческое дело в Сибири (По личным наблюдениям и официальным данным). М.
- Большаков М. (1923). Задачи и перспективы колонизации // На новых путях. Итоги экономической политики 1921-1922 гг. Вып. V. Ч. 1. Сельское хозяйство. М.
- Большаков М. (1924). К плану колонизационно-переселенческих мероприятий на 1923-1924 гг. // Труды Государственного колонизационного научно-исследовательского института. Т.1. М.

- Большаков М. (1926). Положение переселенческого дела в СССР // Сельскохозяйственная жизнь. № 49.
- Большаков М. (1928). Дальневосточное и сибирское переселение (По материалам обследования Наркомзема РСФСР) // Вестник землеустройства и переселения. № 4.
- Великевич И. (1928а). Переселенческое дело в СССР, его недостатки и основные задачи // Вестник землеустройства и переселения. № 9.
- Великевич И. (1928б). Переселенческое движение крестьян из Воронежской губернии // Вестник землеустройства и переселения. № 10.
- Вошинин В.П. (1912). Переселенческий вопрос в Государственной Думе III созыва. Итоги и перспективы. СПб.
- Вошинин В.П. (1919). Государственные неотложные задачи колонизации // Очередные вопросы колонизации. Вып. I. Север Европейской России / Под ред. В.П. Вошинина. Петроград.
- Вошинин В.П. (1921). Переселение // О земле. Вып. 1. Сборник статей о прошлом и будущем земельно-хозяйственного строительства. М.
- Вошинин В.П. (1928). Работы ГЭИИ в области колонизациеведения (По секции прикладной географии) // Сборник географо-исследовательского института за 1927 г / Под ред. Н.И. Кузнецова и С.А. Советова. Л.
- Всесоюзная перепись населения 1926 года (1930а). Т. 40. М.
- Всесоюзная перепись населения 1926 года (1930б). Т. 41. М.
- Всесоюзная перепись населения 1926 года (1930с). Т. 42. М.
- Всесоюзная перепись населения 1926 года (1931). Т. 51. М.
- Говберг Г. (1929). Переселение и его влияние на народное хозяйство // Вестник землеустройства и переселения. № 6.
- Даньшин А.И., М.М. Лобанов (2008). Казахстан / Большая Российская энциклопедия. Т. 12. М.
- Движение в Сибкрай переселенцев-самовольцев (1928) // Вестник землеустройства и переселения. № 6.
- Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенографический отчет (1962). М.
- Жданов Б.Н. (1929). К вопросу об эффективности затрат на переселение // Вестник землеустройства и переселения. № 4.
- Журнал заседаний Комиссии по вопросам переселения и колонизации. Заседание 7 августа 1917 г. (1917а) // Вопросы колонизации. Период. сборник / Под ред. Г.Ф. Чиркина. № 20. Пг.
- Журнал заседаний Комиссии по вопросам переселения и колонизации от 22-го августа и 22-го сентября 1917 года (1917б) // Вопросы колонизации. Период. Сборник. № 20. Пг.
- Известия ЦИК (1928а). № 22.
- Известия ЦИК (1928б). № 89.
- Известия ЦИК (1928с). № 94.

- Извлечение из резолюции 2-го Всероссийского совещания земельных работников. 2-8 марта 1924 года. Переселение (1927) // Переселенческое дело. Сборник декретов и распоряжений по переселению / Под ред. и с предисл. М.А. Большакова.
- К совещанию губернских земельных управлений. Тезисы докладов управлений и хозорганов НКЗ (1924). М.
- Кауфман А.А. (1915a). Переселения и переселенческий вопрос в России // Энциклопедический словарь Русского Библиографического института. Седьмое издание. Т.31. М.: Гранат.
- Кауфман А.А. (1915b). Переселенческая статистика (раздельная пагинация) // Энциклопедический словарь Русского Библиографического института. Седьмое издание. Т.31. М.: Гранат.
- Кауфман А.А. (1918). Переселение и его возможная роль в земельной реформе // Отд. отт. статьи из журнала «Сельское хозяйство и лесоводство». Т. 256. Пг.
- Кенарский Л. (1924). Колонизация и переселения в Киргизский край (Историческая справка) // Советская Киргизия. № 11-12.
- Космачевский К.В. (1928). Пятилетний план деятельности Государственного НИИ землеустройства и переселения // Вестник землеустройства и переселения. № 4.
- Красильников М. (1928). Состав переселенцев // Статистическое обозрение. № 12.
- Красильников М. (1930). Аграрное переселение в 1928/29 г. // Статистическое обозрение. № 5.
- Красильников М.П. (1929). К постановке переселенческой статистики // Вестник статистики. № 2.
- Лацис М.И. (1927). Текущие вопросы переселенческого дела // Вестник землеустройства и переселения. № 1.
- Лацис М.И. (1928). О колхозном и совхозном строительстве в районах заселения // Вестник землеустройства и переселения. № 5.
- Ленский Н. (1914). Самовольные переселенцы и переселенческое законодательство // Вопросы колонизации. Период. сб-к / Под ред. Г.Ф. Чиркина и Н.А. Гаврилова. № 14. СПб.
- Ляковский Г. (1929). Предварительные итоги переселения за 1928 г. и ориентировочные контрольные цифры на 1929 г. // Вестник землеустройства и переселения. № 1.
- М.Ц. [Рецензия] (1930). Учение о колонизации и переселениях // На аграрном фронте. № 2.
- Мебус Г.А., В.П. Вошинин (1926). Задачи секции прикладной географии // Сборник географо-экономического института (при географическом факультете ЛГУ) за 1926 г. / Под ред. Н.И. Кузнецова и С.А. Советова. Л.
- Небольсин А.Н. (1928). Переселенческое движение крестьян из Воронежской губернии / Под ред. и с предисл. А.Н. Татарчука. Воронеж.
- Новицкий И.Б. (1928). Закон и практика землеустройства и переселения (15 января - 20 февраля 1928 года) // Вестник землеустройства и переселения. № 5.
- О запрещении переселения в КССР из-за пределов ее, самовольного переселения внутри ее и о мероприятиях в отношении земельного устройства уже переселившихся (1925). Оренбург.

- Огановский Н.П. (1917). Проблема перераспределения земельного фонда и ее роль в современной аграрной реформе // Основные вопросы аграрной реформы на 2-ом Всероссийском съезде Лиги аграрных реформ. Серия А. № 2. М.
- Огановский Н.П. (1921). Народное хозяйство Сибири. Эпизодический курс лекций, прочитанных на кооперативных курсах для слушателей и рабочих кооперативных организаций гор. Омска в феврале-марте 1920-г года. С 12-ю диаграммами и картограммами. Омск.
- Огановский Н.П. (1914). Закономерность аграрной эволюции. Т. III. Обновление земледельческой России и аграрная политика. Вып. I. Население. Переселенческий вопрос. Саратов.
- Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических республик (Утвержден II Съездом Советов Союза СССР) (1940) // Конституции и конституционные акты Союза СССР (1922-1936). Сборник документов / Под ред. И.П. Трайнина. М.
- Основные задачи Всесоюзного переселенческого совещания при Переселенческом комитете ЦИКа Союза ССР (1929) // Вестник землеустройства и переселения. № 9.
- Переселенческое дело (1927) // Сборник декретов и распоряжений по переселению / Под ред. и с предисл. М.А. Большакова. М.
- Переселенческое дело на новых путях (1930) // Социалистическое землеустройство. № 5.
- Платунов Н.И. (1976). Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917- июнь 1941 гг.). Томск.
- Попов Ф. (1929). Задачи и перспективы переселения в СССР // Вестник землеустройства и переселения. № 9.
- Постановление VIII Всеукраинского съезда Советов по докладу «О землеустройстве» (1924) // Землеустройство. Сб-к руководящих статей и действующих правительственных распоряжений по вопросам землеустройства / Под ред. В.С. Березикова, М.М. Бицилли, Н.К. Мартыновского. Одесса.
- Проект правил об условиях и порядке переселения на земли колонизационного фонда УССР (1924) // Землеустройство. Сб-к руководящих статей и действующих правительственных распоряжений по вопросам землеустройства / Под ред. В.С. Березикова, М.М. Бицилли, Н.К. Мартыновского. Одесса.
- Резолюции Всероссийского земельного съезда 2-7 декабря 1921 (1921). М.: Изд. НКЗ.
- Рубинский В. (1927). Переселенческое дело в Сибири и на Дальнем Востоке // Вестник землеустройства и переселения. № 3.
- Рудин Н.П. (1930). Госземколонит должен быть сохранен // Социалистическое землеустройство. № 5.
- Садвокасов С. (1928). О национальностях и националах // Большевик. № 1.
- Сахаров А.М. (1927a). Пленум ВПК от 5-6 июня // Вестник землеустройства и переселения. № 1.
- Сахаров А.М. (1927b). В Президиуме Всесоюзного Переселенческого Комитета // Вестник землеустройства и переселения. № 3.
- Сахаров А.М. (1928a). Перспективный пятилетний план переселения на земельные фонды общесоюзного значения // Вестник землеустройства и переселения. № 5.

- Сахаров А.М. (1928b). Переселенческий план на земельные фонды союзного значения // Вестник землеустройства и переселения. № 5.
- Сахаров А.М. (1928с). Директивы СНК СССР и Президиума ВПК по переселению // Вестник землеустройства и переселения. № 7.
- Седельников Т. (1907). Борьба за землю в киргизской степи (Киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). СПб.
- Сельскохозяйственная жизнь (1921). № 6
- Серов М. (1926). Землеустройство в южных губерниях Казахстана и Киргизской автономной области (По материалам Особой комиссии ВЦИК по землеустройству) // Власть Советов. № 29-20.
- Серяков П.А. (1924). Переселенческий вопрос в Одесской губернии // Землеустройство. Сб-к руководящих статей и действующих правительственных распоряжений по вопросам землеустройства / Под ред. В.С. Березикова, М.М. Бицилли, Н.К. Мартыновского. Одесса.
- СЗ СССР (1925а). № 21, ст. 136.
- СЗ СССР (1925b). № 30, ст. 193.
- Симонов М. (1917). О направлении колонизационной деятельности в ближайшем будущем // Вопросы колонизации. Период. сб-к. № 20. Пг.
- Сластухин Ф. (1930). Учет миграционных процессов в районах сплошной коллективизации // Социалистическое землеустройство. № I - II.
- Смирнов А.П. (1926). Итоги III-его совещания наркомов земледелия // Сельскохозяйственная жизнь. № 50.
- Соколов А.К. (2001). Историческое значение НЭПа // НЭП в контексте исторического развития России XX века. М.
- Среднеазиатский экономический район. Очерки по экономике Средней Азии (1922) / Под ред. и с введен. Ю.И. Пославского и Г.Н. Черданцева, с предисл. Н.А. Паскуцкого. Ташкент.
- СУ РСФСР (1918). № 325, ст. 346.
- СУ РСФСР (1919). № 24, ст. 278.
- СУ РСФСР (1921). № 159, ст. 396.
- СУ РСФСР (1922а). № 11, ст. 106.
- СУ РСФСР (1922b). № 34, ст. 401.
- СУ РСФСР (1922с). № 68, ст. 901.
- СУ РСФСР (1924а). № 68, ст. 679.
- СУ РСФСР (1924b). № 68, ст. 681.
- СУ РСФСР (1925а). № 3, ст. 17.
- СУ РСФСР (1925b). № 49, ст. 371.
- СУ РСФСР (1925с). № 57, ст. 453.
- СУ РСФСР (1926). № 4, ст. 23.
- СУ СССР (1924). № 23, ст. 201.

- СУ СССР. № 8, ст.63 (1928) // Известия ЦИК. № 27.
- Трайнин И. (1923). К постановке национального вопроса // Власть Советов. № 5.
- Тресвятский В.А. (1917). Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Вып.1. Степной Край / Под ред. Г.Ф. Чиркина и Л.К. Чермака. Пг.
- Третий съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик (1925). М.
- Турчанинов Н. (1926). Потребность в миграциях сельского населения в связи с его дифференциацией в Центрально-Земледельческом, Западном, Центрально-Промышленном и Северо-Западном районах // Труды Научно-исследовательского колонизационного института. Т.III. Материалы по вопросу об избыточном труде в сельском хозяйстве СССР / Под ред. Л.И. Лубны-Герцыка. М.
- Циркуляр НКЗ РСФСР от 04.01.1926. Об открытии ходачества в 1926 г. (1927) // Переселенческое дело. Сборник декретов и распоряжений по переселению / Под ред. и с предисл. М.А. Большакова. М.
- Чешихин Г.В. (1930). «Колонизациеведение» проф. В.П. Воцинина // Социалистическое землеустройство. № 7-8.
- Шулейкин И. (1930). Переселение – на новые рельсы // Социалистическое землеустройство. № 3-4.
- Юрцовский Н. (1928). Статистико-экономические работы переселенческой организации. Вопросы переселения и колонизации // Земледельческий работник Сибири. № 3-5. Новосибирск.
- Ядринцев Н.М. (1892). Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-ое изд., испр. и доп. СПб.
- Ямзин И.Л., В.П. Воцинин (1926). Учение о колонизации и переселениях. М.-Л.
- Ямзин И.Л. (1912). Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев.
- Ямзин И.Л. (1924). О постановке колонизационных и миграционных проблем в России // Труды Государственного колонизационного института. Т. I. М.
- Ямзин И.Л. (1927). Переселенческая проблема в условиях текущего момента // Вестник землеустройства и переселения. № 1.
- Ямзин И.Л. (1928). К вопросу о планировании в переселенческом деле // Вестник землеустройства и переселения. № 9.

PEASANT RESETTLEMENT IN THE 1920s (FROM THE HISTORY OF MIGRATION IN RUSSIA)

VALENTINA MOISSEENKO

VALENTINA M. MOISEENKO. LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY, RUSSIA.

E-MAIL: Vmoiseenko.msu@mail.ru.

DATA RECEIVED: MARCH 2015

The transformation of migration after October 1917 due to the inevitable radical reconstruction of the political and socio-economic system of society resulted in a change of its basic features. The theoretical basis of this transformation was laid during the years of military communism and was in much in demand at the end of the 1920s.

Due to objective and subjective reasons, the transformation could not affect the migration of peasants to areas rich in agricultural land, which was closely linked to the stage of pre-war resettlement and colonization, and remained one of the central problems in the 1920s. The features of the regulation of these processes (the late start of planned resettlement in 1924-1925s and the end of resettlement of individual farms in 1930s, the abolition of the term "colonization") influenced the attitude towards processes that played an important role in the history of Russia. But the short period of resettlement and colonization in the 1920s was preceded by a period full of movements of peasants to the Asian part of Russia and of discussion of the prospects of this process. Therefore, it was impossible to ignore the pre-war trends and implications of relocation in the 1920s, as well as the great experience - informational, legislative and organizational – of resettlement. The "conductors" of such experience were scientists and experts. Some of them worked at the former Resettlement Department. However, an attempt to revive the resettlement plans contradicted the plans of the state. In the late 1920s, the state of resettlement was assessed as critical. At the same time, studies of colonization and migration were stopped.

In fact, resettlement of peasants from the 1880s until the end of the 1920s was a single process. This circumstance determined the structure of the article. At the same time the least studied is the last stage - resettlement in the 1920s.

Key words: transformation of migration, resettlement, agrarian overpopulation, colonization, resettlement case, resettlement statistics, the composition of immigrants, planned resettlement, immigration policy, effectiveness of the resettlement, Russia.

REFERENCES

- Barov A. (1928). Pereseleniye na novyye zemli [Resettlement to the new lands]. Moscow-Leningrad. 2nd ed.
- Barov A. (1929). Kuda i kak pereselyat'sya [Where and how to resettle]. Moscow.
- Belevskiy A.A. (1904). K pereselencheskomu voprosu [Towards a resettlement question] // Russkoye bogatstvo [Russian wealth]. № 1.
- Berkengeym A.M. (1902). Pereselencheskoye delo v Sibiri (Po lichnym nablyudeniym i ofitsial'nym dannym) [Resettlement practice in Siberia (Based on personal observations and official data)]. Moscow.
- Bol'shakov M. (1923). Zadachi i perspektivy kolonizatsii [Problems and prospects of colonization]// Na novykh putyakh. Itogi ekonomicheskoy politiki 1921-1922 g. [On the new ways. The results of the economic policy of the 1921-1922s]. 5(1). Sel'skoye khozyaystvo [Agriculture]. Moscow.
- Bol'shakov M. (1924). K planu kolonizatsionno-pereselencheskikh meropriyatiy na 1923/24 g. [Towards the plan of colonization and resettlement activities for the 1923-24s] // Trudy

- Gosudarstvennogo kolonizatsionnogo nauchno-issledovatel'skogo institute [Proceedings of the National Colonization Research Institute]. T.1. Moscow.
- Bol'shakov M. (1926). Polozheniye pereselencheskogo dela v SSSR [Provision of resettlement in the USSR] // Sel'skokhozyaystvennaya zhizn' [Agricultural life]. 49.
- Bol'shakov M. (1928). Dal'nevostochnoye i sibirskoye pereseleniye (Po materialam obsledovaniya Narkomzema RSFSR) [Far Eastern and Siberian resettlement (According to the People's Commissariat of the RSFSR survey)] // Vestnik zemleustroystva i pereseleniya [Annals of Land Planning and Resettlement]. 4.
- Cheshikhin G.V. (1930). «Kolonizatsiyevedeniye» prof. V.P. Voshchinina [Studies of colonization by prof. V.P. Voshchinina] // Sotsialisticheskoye zemleustroystvo [Social Land Planning]. 7-8.
- Dan'shin A.I., M.M. Lobanov (2008). Kazakhstan / Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya [Big Russian Encyclopedia]. T. 12. Moscow.
- Desyatyy s"yezd RKP(b) [The tenth forum of the Communist Party of the Soviet Union]. Mart 1921 g. Stenograficheskiy otchet [Transcript] (1962). Moscow.
- Dvizheniye v Sibkray pereselentsev-samovol'tsev [Traffic of settlers to Siberia] (1928) // Vestnik zemleustroystva i pereseleniya [Annals of Land Planning and Resettlement]. 6.
- Govberg G. (1929). Pereseleniye i yego vliyaniye na narodnoye khozyaystvo [Resettlement and its impact on the national economy] // Vestnik zemleustroystva i pereseleniya [Annals of Land Planning and Resettlement]. № 6.
- Izvestiya TSIK (1928b) [Proceedings of the Central Election Commission]. 89.
- Izvestiya TSIK (1928c) [Proceedings of the Central Election Commission]. 94.
- Izvestiya TSIK [Proceedings of the Central Election Commission] (1928a). 22.
- Izvlечeniye iz rezolyutsii 2-go Vserossiyskogo soveshchaniya zemel'nykh rabotnikov. 2-8 marta 1924 goda. Pereseleniye [Extract from the resolution of the 2nd National Conference of the land workers. March 2-8, 1924. Resettlement] (1927) // Pereselencheskoye delo. Sbornik dekretov i rasporyazheniy po pereseleniyu [Resettlement deal. Collection of decrees and orders of the resettlement] / M.A. Bol'shakova, ed. and foreword.
- K soveshchaniyu gubernskikh zemel'nykh upravleniy. Tezisy dokladov upravleniy i khozorganov NKZ (1924) [For the meeting of the provincial land offices. Abstracts offices and hozorganov CGN]. Moscow.
- Kaufman A.A. (1915a). Pereseleniya i pereselencheskiy vopros v Rossii [Resettlement and resettlement question in Russia] // Entsiklopedicheskiy slovar' Russkogo Bibliograficheskogo instituta. Sed'moye izdaniye [Russian Encyclopedic Dictionary of the Bibliographical Institute. The seventh edition]. T.31. Moscow: Granat.
- Kaufman A.A. (1915b). Pereselencheskaya statistika (razdel'naya poginatsiya) [Resettlement statistics (separate pagination)] // Entsiklopedicheskiy slovar' Russkogo Bibliograficheskogo instituta. Sed'moye izdaniye [Russian Encyclopedic Dictionary of the Bibliographical Institute. The seventh edition]. T.31. Moscow: Granat.
- Kaufman A.A. (1918). Pereseleniye i yego vozmozhnaya rol' v zemel'noy reforme [Resettlement and its possible role in the land reform] // Otd. ott. stat'i iz zhurnala «Sel'skoye khozyaystvo i lesovodstvo» [Agriculture and forestry]. T. 256. Petrograd.

- Kenarskiy L. (1924). Kolonizatsiya i pereseleniya v Kirgizskiy kray (Istoricheskaya spravka) [The colonization and resettlement in Kyrgyz territory (History)] // Sovetskaya Kirgiziya [Soviet Kyrgyzstan]. 11-12.
- Kosmachevskiy K.V. (1928). Pyatiletniy plan deyatel'nosti Gosudarstvennogo NII zemleustroystva i pereseleniya [The five-year plan of the State Research Institute of Land Planning and Resettlement] // Vestnik zemleustroystva i pereseleniya [Annals of Land Planning and Resettlement]. 4.
- Krasil'nikov M. (1928). Sostav pereselentsev [Resettles` structure] // Statisticheskoye obozreniye [Statistical Review]. 12.
- Krasil'nikov M. (1930). Agrarnoye pereseleniye v 1928/29 g. [The agrarian resettlement in 1928/29] // Statisticheskoye obozreniye [Statistical Review]. 5.
- Krasil'nikov M.P. (1929). K postanovke pereselencheskoy statistiki [Towards resettlement statistics] // Vestnik statistiki [Annals of Statistics]. 2.
- Latsis M.I. (1927). Tekushchiye voprosy pereselencheskogo dela [Current issues of resettlement cases] // Vestnik zemleustroystva i pereseleniya [Annals of Land Planning and Resettlement]. 1.
- Latsis M.I. (1928). O kolkhoznom i sovkhoznom stroitel'stve v rayonakh zaseleniya [On the collective and state building in the areas of settlement] // Vestnik zemleustroystva i pereseleniya [Annals of Land Planning and Resettlement]. 5.
- Lenskiy N. (1914). Samovol'nyye pereselentsy i pereselencheskoye zakonodatel'stvo [Voluntary settlers and the resettlement legislation] // Voprosy kolonizatsii [Annals of colonization] / G.F. Chirkina i N.A. Gavrilova, eds. 14. St. Petersburg.
- Lyaskovskiy G. (1929). Predvaritel'nyye itogi pereseleniya za 1928 g. i oriyentirovochnyye kontrol'nyye tsifry na 1929 g. [Preliminary results of resettlement in 1928 and indicative target figures for 1929] // Vestnik zemleustroystva i pereseleniya [Annals of Land Planning and Resettlement]. 1.
- M.TS. [Retsenziya, Review] (1930). Ucheniye o kolonizatsii i pereseleniyakh [The doctrine of colonization and resettlement] // Na agrarnom fronte [On the agricultural front]. 2.
- Mebus G.A., V.P. Voshchinin (1926). Zadachi seksii prikladnoy geografii [Tasks of the section on Applied Geography] // Sbornik geografo-ekonomicheskogo instituta (pri geograficheskoy fakul'tete LGU) za 1926 g. [Collection of the geographical and economic institute (at the Leningrad State University, Faculty of Geography) of 1926] / N.I. Kuznetsova i S.A. Sovetova, eds. Leningrad.
- Nebol'sin A.N. (1928). Pereselencheskoye dvizheniye krest'yan iz Voronezhskoy gubernii [Resettlement movement of peasants from the Voronezh province] / A.N. Tatarchuka, ed. and forward. Voronezh.
- Novitskiy I.B. (1928). Zakon i praktika zemleustroystva i pereseleniya (15 yanvarya -20fevralya 1928 goda) [The law and practice of land planning and resettlement (15 January -20fevralya 1928)] // Vestnik zemleustroystva i pereseleniya [Annals of Land Planning and Resettlement]. 5.
- O zapreshchenii pereseleniya v KSSR iz-za predelov yeye, samovol'nogo pereseleniya vnutri yeye i o meropriyatiyakh v otnoshenii zemel'nogo ustroystva uzhe pereselivshikhsya [About the prohibition of resettlement to KSSR from the outside, voluntary relocation inside it and on the activities of land planning for the already resettled] (1925). Orenburg.

- Oganovskiy N.P. (1917). Problema pereraspredeleniya zemel'nogo fonda i yeye rol' v sovremennoy agrarnoy reforme [The problem of the redistribution of the land fund and its role in the modern agrarian reform] // Osnovnyye voprosy agrarnoy reformy na 2-om Vserossiyskom s"yezde Ligi agrarnykh reform [The main issues of agrarian reform at the 2nd All-Russian Congress of the League of Agrarian Reform]. Seriya A. № 2. Moscow.
- Oganovskiy N.P. (1921). Narodnoye khozyaystvo Sibiri. Epizodicheskiy kurs lektsiy, pročitannykh na kooperativnykh kursakh dlya slushateley i rabochikh kooperativnykh organizatsiy gor. Omska v fevrale-marte 1920-g goda. S 12-yu diagrammami i kartogrammami [The national economy of Siberia. The episodic course of lectures delivered on cooperative courses for the students and workers of co-operative organizations in Omsk in February-March 1920 with 12th diagrams and cartograms]. Omsk.
- Oganovskiy. N.P. (1914). Zakonomernost' agrarnoy evolyutsii [The patterns of agrarian evolution]. T. III. Obnovleniye zemledel'cheskoy Rossii i agrarnaya politika [The update of the Russian agricultural and agrarian policy]. Vyp. I. Naseleniye. Pereselencheskiy vopros. Saratov.
- Osnovnoy Zakon (Konstitutsiya) Soyuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh respublik (Utverzhden II S"yezdom Sovetov Soyuz SSSR) [The Basic Law (Constitution) of the Union of Soviet Socialist Republics (Approved by the II Congress of Soviets of the USSR Union)] (1940) // Konstitutsii i konstitutsionnyye akty Soyuz SSSR (1922-1936) [he Constitution and constitutional acts of the Soviet Union (1922-1936)]. Sbornik dokumentov [Collection of the documents] / I.P. Traynina, ed. Moscow.
- Osnovnyye zadachi Vsesoyuznogo pereselencheskogo soveshchaniya pri Pereselencheskom komitete TSIKa Soyuz SSR [The main objectives of All-union the Resettlement Meeting by the Resettlement Committee of the Central Executive Committee of the USSR] (1929) // Vestnik zemleustroystva i pereseleniya [Annals of Land Planning and Resettlement]. 9.
- Pereselencheskoye delo [Resettlement Activities] (1927) // Sbornik dekretov i rasporyazheniy po pereseleniyu [Collection of decrees and orders of the resettlement] / M.A. Bol'shakova, ed. and foreword. Moscow.
- Pereselencheskoye delo na novykh putyakh [Resettlement activities under new conditions] (1930) // Sotsialisticheskoye zemleustroystvo [Social land planning]. № 5.
- Platonov N.I. (1976). Pereselencheskaya politika sovetskogo gosudarstva i yeye osushchestvleniye v SSSR (1917- iyun' 1941 gg.) [Resettlement policy of the Soviet state and its implementation in the USSR (1917 and June, 1941.)]. Tomsk.
- Popov F. (1929). Zadachi i perspektivy pereseleniya v SSSR [Tasks and prospects of resettlement in the USSR] // Vestnik zemleustroystva i pereseleniya [Annals of Land Planning and Resettlement]. 9.
- Postanovleniye VIII Vseukrainskogo s"yezda Sovetov po dokladu «O zemleustroystve» [Decision of the VIII All-Ukrainian Congress of Soviets on the report "On Land Planning"] (1924) // Zemleustroystvo. Sb-k rukovodyashchikh statey i deystvuyushchikh pravitel'svennykh rasporyazheniy po voprosam zemleustroystva [Land Planninf. Collection of the articles and guidelines of existing government regulations on land planning] / V.S. Berezikova, M.M. Bitsilli, N.K. Martynovskogo, eds. Odessa.
- Proyekt pravil ob usloviyakh i poryadke pereseleniya na zemli kolonizatsionnogo fonda USSR [Draft of rules on the conditions and procedure for the relocation to the land colonization fund of the Ukrainian SSR] (1924) // Zemleustroystvo. Sb-k rukovodyashchikh statey i deystvuyushchikh pravitel'svennykh rasporyazheniy po voprosam zemleustroystva [Land

- Planning. Collection of the articles and guidelines of existing government regulations on land planning] / V.S. Berezikova, M.M. Bitsilli, N.K. Martynovskogo, eds. Odessa.
- Rezolyutsii Vserossiyskogo zemel'nogo s"yezda 2-7 dekabrya 1921 [Resolution of All-Russian Land Congress, December 2-7, 1921] (1921). M.: Izd. NKZ.
- Rubinskiy V. (1927). Pereselencheskoye delo v Sibiri i na Dal'nem Vostoke [Resettlement activities in Siberia and the Far East] // Vestnik zemleustroystva i pereseleniya. № 3.
- Rudin N.P. (1930). Goszemkolonit dolzhen byt' sokhranen [Goszemkolonit must be saved] // Sotsialisticheskoye zemleustroystvo [Socialist Land Planning]. 5.
- Sadvokasov S. (1928). O natsional'nostyakh i natsionalakh [On the Nationalities and Nationals] // Bol'shevik. 1.
- Sakharov A.M. (1927a). Plenum VPK ot 5-6 iyunya [Plenum of the MIC, June 5-6] // Vestnik zemleustroystva i pereseleniya [Annals of Land Planning and Resettlement]. 1.
- Sakharov A.M. (1927b). V Prezidiume Vsesoyuznogo Pereselencheskogo Komiteta [In the Presidium of the Union Resettlement Committee] // Vestnik zemleustroystva i pereseleniya [Annals of Land Planning and Resettlement]. 3.
- Sakharov A.M. (1928a). Perspektivnyy pyatiletniy plan pereseleniya na zemel'nyye fondy obshchesoyuznogo znacheniya [Prospective five-year plan for the resettlement within the land fund of national importance] // Vestnik zemleustroystva i pereseleniya [Annals of Land Planning and Resettlement]. 5.
- Sakharov A.M. (1928b). Pereselencheskiy plan na zemel'nyye fondy soyuznogo znacheniya [Resettlement plan for the land fund of national importance] // Vestnik zemleustroystva i pereseleniya [Annals of Land Planning and Resettlement]. 5.
- Sakharov A.M. (1928c). Direktivy SNK SSSR i Prezidiuma VPK po pereseleniyu [Directives of SNK USSR and MIC Presidium on resettlement] // Vestnik zemleustroystva i pereseleniya [Annals of Land Planning and Resettlement]. 7.
- Sedel'nikov T. (1907). Bor'ba za zemlyu v kirgizskoy stepi (Kirgizskiy zemel'nyy vopros i kolonizatsionnaya politika pravitel'stva) [The struggle for the land in the Kirghiz steppes (Kirgiz land issue and the colonization policy of the government)]. St. Petersburg.
- Sel'skokhozyaystvennaya zhizn' [Agricultural Life] (1921). № 6
- Serov M. (1926). Zemleustroystvo v yuzhnykh guberniyakh Kazakhstana i Kirgizskoy avtonomnoy oblasti (Po materialam Osoboy komissii VTSIK po zemleustroystvu) [Land planning in the southern provinces of Kazakhstan and the Kyrgyz autonomous region (According to the Special Commission of the Central Executive Committee on Land Planning)] // Vlast' Sovetov [Soviet power]. 29-20.
- Seryakov P.A. (1924). Pereselencheskiy vopros v Odesskoy gubernii [Resettlement issue in the Odessa province] // Zemleustroystvo. Sb-k rukovodyashchikh statey i deystvuyushchikh pravitel'svennykh rasporyazheniy po voprosam zemleustroystva [Land Planning. Collection of the articles and guidelines of existing government regulations on land planning] / V.S. Berezikova, M.M. Bitsilli, N.K. Martynovskogo, eds. Odessa.
- Shuleykin I. (1930). Pereseleniye – na novyye rel'sy [Relocation - a new track] // Sotsialisticheskoye zemleustroystvo. № 3-4.
- Simonov M. (1917). O napravlenii kolonizatsionnoy deyatel'nosti v blizhayshem budushchem [On the direction of colonization activities in the near future] // Voprosy kolonizatsii [Annals of colonization]. Period. sb-k. № 20. Petrograd.

- Slastukhin F. (1930). Uchet migratsionnykh protsessov v rayonakh sploshnoy kollektivizatsii [Accounting for migration processes in the areas of complete collectivization] // Sotsialisticheskoye zemleustroystvo [Socialist Land Planning]. № I - II.
- Smirnov A.P. (1926). Itogi III-yego soveshchaniya narkomov zemledeliya [The results of the III meeting of the Commissar of Agriculture // Sel'skokhozyaystvennaya zhizn' [Agricultural life]. № 50.
- Sokolov A.K. (2001). Istoricheskoye znachenie NEPa [The historical significance of the NEP]// NEP v kontekste istoricheskogo razvitiya Rossii XX veka [NEP in the context of the historical development of Russia of the XX century]. Moscow.
- Sredneaziatskiy ekonomicheskii rayon. Ocherki po ekonomike Sredney Azii [Central Asian economic region. Essays on the Economics of Central Asia] (1922) / YU.I. Poslavskogo i G.N. Cherdantseva, N.A. Paskutskogo, eds. and foreword. Tashkent.
- SU RSFSR [Codes of justice of RSSSR] (1919). № 24, page 278.
- SU RSFSR [Codes of justice of RSSSR] (1921). № 159, page 396.
- SU RSFSR [Codes of justice of RSSSR] (1922a). № 11, page 106.
- SU RSFSR [Codes of justice of RSSSR] (1922b). № 34, page 401.
- SU RSFSR [Codes of justice of RSSSR] (1922c). № 68, page 901.
- SU RSFSR [Codes of justice of RSSSR] (1924a). № 68, page 679.
- SU RSFSR [Codes of justice of RSSSR] (1924b). № 68, page 681.
- SU RSFSR [Codes of justice of RSSSR] (1925a). № 3, page 17.
- SU RSFSR [Codes of justice of RSSSR] (1925b). № 49, page 371.
- SU RSFSR [Codes of justice of RSSSR] (1925c). № 57, page 453.
- SU RSFSR [Codes of justice of RSSSR] (1926). № 4, page 23.
- SU RSFSR [Codes of justice of RSSSR] (1918). № 325, page 346.
- SU SSSR [Codes of justice of USSR] (1924). № 23, page 201.
- SU SSSR [Codes of justice of USSR]. № 8, st.63 (1928) // Izvestiya TSIK. 27.
- SZ SSSR [Collection of Laws of the USSR] (1925a). № 21, st. 136.
- SZ SSSR [Collection of Laws of the USSR] (1925b). № 30, st. 193.
- Traynin I. (1923). K postanovke natsional'nogo voprosa [For the national question] // Vlast' Sovetov [The power of the Soviets]. № 5.
- Tresvyatskiy V.A. (1917). Materialy po zemel'nomu voprosu v Aziatskoy Rossii [Materials on the land issue in the Asian part of Russia]. Vyp.1. Stepnoy Kray [Steppe Region] / G.F. Chirkina i L.K. Chermaka, eds. Petrograd.
- Tretiy s"yezd Sovetov Soyuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik [The Third Congress of Soviets of the Union of Soviet Socialist Republics] (1925). M.
- Tsirkulyar NKZ RSFSR ot 04.01.1926. Ob otkrytii khodachestva v 1926 g. [Circular of CGN RSFSR of 01.04.1926. On the opening of "hodachestva" in 1926] (1927) // Pereselencheskoye delo. Sbornik dekretov i rasporyazheniy po pereseleniyu [Resettlement activities. Collection of the decrees and orders of the resettlement] / M.A. Bol'shakova, ed. and foreword. Moscow.

- Turchaninov N. (1926). Potrebnost' v migratsiyakh sel'skogo naseleniya v svyazi s yego differentsiatsiyey v Tsentral'no-Zemledel'cheskom, Zapadnom, Tsentral'no-Promyshlennom i Severo-Zapadnom rayonakh [The need for migration of the rural population due to its differentiation in the agricultural Central, West, Central Industrial and Northwest regions] // Trudy Nauchno-issledovatel'skogo kolonizatsionnogo instituta [Proceedings of the Research Institute of Colonization]. T.III. Materialy po voprosu ob izbytochnom trude v sel'skom khozyaystve SSSR [Materials on the question of excess labor in Soviet agriculture] / L.I. Lubny-Gertsyka, ed. Moscow.
- Velikevich I. (1928a). Pereselencheskoye delo v SSSR, yego nedostatki i osnovnyye zadachi [Resettlement in the USSR, its shortcomings and basic tasks] // Vestnik zemleustroystva i pereseleniya [Annals of Land Planning and Resettlement]. 9.
- Velikevich.I. (1928b). Pereselencheskoye dvizheniye krest'yan iz Voronezhskoy gubernii [Resettlement movement of peasants from the Voronezh province] // Vestnik zemleustroystva i pereseleniya [Annals of Land Planning and Resettlement].10.
- Voshchinin V.P. (1912). Pereselencheskiy vopros v Gosudarstvennoy Dume III sozyva. Itogi i perspektivy [Resettlement question in the third convocation of the Duma. Results and prospects]. Moscow.
- Voshchinin V.P. (1919). Gosudarstvennyye neotlozhnyye zadachi kolonizatsii [Public urgent tasks of colonization] // Ocherednyye voprosy kolonizatsii [Regular issues of colonization]. Vol. I. Sever Yevropeyskoy Rossii [North of European Russia] / V.P. Voshchinina, ed. Petrograd.
- Voshchinin V.P. (1921). Pereseleniye [Resettlement] // O zemle [About the land]. Vol. 1. Sbornik statey o proshlom i budushchem zemel'no-khozyaystvennogo stroitel'stva [Collection of the articles about the past and the future of the land-economic development]. Moscow.
- Voshchinin V.P. (1928). Raboty GEII v oblasti kolonizatsiyevedeniya (Po sektsii prikladnoy geografii) [GEII works on the colonization (Applied Geography section)] // Sbornik geografo-issledovatel'skogo instituta za 1927 g [Collection of The Geographical Research Institute of 1927] / N.I. Kuznetsova i S.A. Sovetova, eds. L.
- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda [All-Union population census in 1926] (1930a). T. 40. Moscow.
- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda [All-Union population census in 1926] (1930b). T.41. Moscow.
- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda [All-Union population census in 1926] (1930c). T. 42. Moscow.
- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda [All-Union population census in 1926] (1931). T. 51. Moscow.
- Yadrintsev N.M. (1892). Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii [Siberia as a colony in the geographical, ethnographical and historical sence]. 2-oye izd., ispr. i dop. St. Petersburg.
- Yamzin I.L, V.P. Voshchinin (1926). Ucheniye o kolonizatsii i pereseleniyakh [Theory of colonization and resettlement]. Moscow-Leningrad.
- Yamzin I.L. (1912). Pereselencheskoye dvizheniye v Rossii s momenta osvobozhdeniya krest'yan [Resettlement movement in Russia since the liberation of the peasants]. Kiyev.

- Yamzin I.L. (1924). O postanovke kolonizatsionnykh i migratsionnykh problem v Rossii [On the formulation of colonization and migration problems in Russia] // Trudy Gosudarstvennogo kolonizatsionnogo instituta [Proceedings of the National Institute of Colonization]. T. I. Moscow.
- Yamzin I.L. (1927). Pereselencheskaya problema v usloviyakh tekushchego momenta [Resettlement is a problem in terms of the moment] // Vestnik zemleustroystva i pereseleniya [Annals of Land Planning and Resettlement]. 1.
- Yamzin I.L. (1928). K voprosu o planirovanii v pereselencheskom dele [On the issue of planning in resettlement activities] // Vestnik zemleustroystva i pereseleniya [Annals of Land Planning and Resettlement]. 9.
- Yurtsovskiy N. (1928). Statistiko-ekonomicheskiye raboty pereselencheskoy organizatsii. Voprosy pereseleniya i kolonizatsii [Statistical and economic works of the resettlement organization. Resettlement and colonization] // Zemledel'cheskiy rabotnik Sibiri [Agrarian Worker of Siberia]. 3-5. Novosibirsk.
- Zhdanov B.N. (1929). K voprosu ob effektivnosti zatrat na pereseleniye [On the question of cost-effectiveness of the resettlement] // Vestnik zemleustroystva i pereseleniya [Annals of Land Planning and Resettlement]. 4.
- Zhurnal zasedaniy Komissii po voprosam pereseleniya i kolonizatsii ot 22-go avgusta i 22-go sentyabrya 1917 goda [Journal of the Commission Conference on migration and colonization. Meetings of August 22 and September 22, 1917] (1917b) // Voprosy kolonizatsii. Period. Sbornik [Questions of colonization. Periodic collection]. 20. Petrograd.
- Zhurnal zasedaniy Komissii po voprosam pereseleniya i kolonizatsii. Zasedaniye 7 avgusta 1917 g. [Journal of the Commission Conference on migration and colonization. Meeting of August 7, 1917] (1917a) // Voprosy kolonizatsii. Period. sbornik [Questions of colonization. Periodic collection] / G.F. Chirkina, ed. 20. Petrograd.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ПОТЕРЬ НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

СЕРГЕЙ МАКСУДОВ

После открытия советских архивов в конце 1980-х годов многие исследователи считали результаты переписи 1939 г. малодостоверными, поскольку, по их мнению, статистики, проводившие перепись, помня печальную судьбу организаторов переписи 1937 г., признанной вредительской, и понимая, что власти хотят видеть большую численность населения, пошли на фальсификацию результатов. Наше исследование показывает, что огромные усилия, вложенные в точное проведение переписи, не пропали даром. И сотни тысяч переписчиков, от которых требовали найти каждого человека, проживающего на их участке, действительно старательно выполняли свою работу. Изучение архивных материалов позволяет понять, как при обработке были получены результаты, переданные правительству и озвученные руководством страны. Исследование показало, что перепись 1939 г. была действительно точной, более достоверной, чем предшествующие и последующие переписи. И даже однопроцентная поправка на неполноту учета, сделанная, казалось бы, без серьезных обоснований, не является ошибочной, поскольку число лиц, уклонявшихся от переписи (из-за уголовного прошлого, отсутствия прописки по месту жительства, болезни или по другим причинам) заведомо превышает 1%. При этом от введения такой поправки следует отказаться, поскольку ее не было в других переписях, а для получения достоверных результатов необходимо, чтобы использованные данные имели примерно равную точность. Также из переписи были нами исключены лица, которые встретились со счетчиком вне дома, но неверно указали в контрольных бланках место своего постоянного проживания. В архивных таблицах эта категория жителей сопровождалась указанием: «Может быть включено в качестве постоянного или временного населения». Эта надпись сделана людьми, составлявшими документ для своего начальства и хорошо знавшими все материалы и степень достоверности этих данных. И то, как сделана эта гипотетическая рекомендация, позволяет считать, что сами составители полагали, что «может быть и не включено».

Таким образом, численность населения по переписи 1939 г. принимается почти на 2 млн меньше, чем в публикациях ЦСУ советского времени. С целью приведения результатов переписей примерно к равной надежности было необходимо ввести определенные коррекции в переписи 1926 г. (из-за отсутствия контрольных бланков и контрольного обхода, неодинаковой продолжительности переписи в городе и в селе, а также из-за предполагаемой многими исследователями и полученной нами в процессе расчета неполноты учета переписью малолетних детей) и 1937 г. (из-за иной методики ее проведения). Сделанные поправки позволяют получить более надежную оценку потерь населения СССР от коллективизации и репрессий в период 1929-1939 гг.

Ключевые слова: перепись населения, коллективизация, потери населения

Одной из самых страшных демографических катастроф XX века была коллективизация: разрушение быта, традиций, социальных и производственных отношений сельских жителей. Она завершилась чудовищным голодом 1932-34 гг., носившим в значительной степени искусственный характер. Долгое время оценкой размеров этих потерь занимались лишь эмигрантские и западные ученые. Они опирались на свидетельства очевидцев, рассказы перебежчиков, а также на данные переписей и неполные сведения советской статистики 30-х годов, не имея при этом представления о степени достоверности этих данных. Яркой иллюстрацией такого подхода служит книга Роберта Конквеста [Conquest 1986], который использует утверждения Сталина (ежегодный прирост 3 млн человек), прогнозы Госплана (180,7 млн на начало 1938 г.), рассказы очевидцев (156 млн по переписи 1937 г. – Антонов-Овсеенко) и получает 14,5 млн погибших¹. Наиболее строгой научной работой явился классический труд Франка Лоримера, оценившего по тем же советским данным потери в 5,5 млн человек [Lorimer 1946: 134]. Подробнее об этих и других исследованиях советского времени: [Демографическая модернизация... 2006: 406-438; Уиткрофт 2001: 866-887; Максудов 1987: 369-393].

В 1944 г. комиссия ЦСУ во главе с П.И. Поповым составила баланс населения за 1926-1939 гг. Она сопоставила прирост населения за 12 лет по данным ЗАГС (рождено 61104 тыс., умерло 35204 тыс., естественный прирост 25,9 млн человек) с разницей численности населения по переписям (23,5 млн). Расхождение в 2,4 млн авторы распределили равномерно по годам, увеличив смертность за каждый год на 6,7% [Андреев и др. 1993: 40, 118; ЦСУ 1964].

В 1964 г., когда оценки численности населения в 30-е годы перестали быть политически актуальными, статистики ЦСУ С.А. Бекунова и Е.В. Родионова проделали тщательное исследование неполноты текущего учета населения в 1926-1939 гг. По их расчетам, число родившихся за 12 лет и 1 месяц увеличилось с 61 194 тыс. до 70 122 тыс. человек (14,8%), а число умерших соответственно с 35 204 тыс. до 40 309 тыс. человек (14,5%). Естественный прирост при этом составил 29 813 тыс., на 6284 тыс. больше, чем изменение численности населения между переписями 1926 и 1939 г. Эта цифра является повышенной убылью населения, оценкой потерь. Подавляющее большинство этих потерь (85%) авторы отнесли к периоду коллективизации, в том числе на годы голода (1932-1935) приходится 65%².

Результаты, полученные Бекуновой и Родионовой, представляются необычайно важными. В их распоряжении был большой фактический материал, они работали в отделе, сотрудники которого хорошо представляли степень достоверности имеющихся сведений и

¹ 6,5 млн погибших в результате раскулачивания, 1 млн - казахская катастрофа, 5 млн - гибель от голода в 1932-33 гг. на Украине, 1 млн - Северный Кавказ, 1 млн - в других местах [Conquest 1986: 299-307].

² В Записке [ЦСУ 1964] поправки по годам довольно странного вида приведены в процентах (1927 г. – 10%, 1928-1931 гг. – 19,7%, 1932 г. – 21,3%, 1933 г. – 19,7%, 1934-35 гг. – 21,3%, 1936-37 гг. – 5%, 1938 г. – без поправок), всего почему-то 97%. Можно предположить, что первоначально поправки были рассчитаны для округленной суммарной численности (6,3 млн) и выглядели следующим образом: 1927 г. – 630 тыс., 1928-31 и 1933 г. - по 1240 тыс., 1932 и 1934-35 гг. - по 1340 тыс., 1935-36 гг. – 315 тыс. Итого 6105 тыс. человек. Вместе с пропущенными 3%, которые мы считаем принадлежащими к 1933 г., получаем исходную сумму поправок 6 284 тыс.

имели большой опыт расчетов численности населения в прошлом. Так, например, они подсчитали и опубликовали численность населения СССР 1 мая 1956 г. в городе и селе по отдельным республикам, областям и большим городам. Расхождение этой оценки по стране (200,2 млн) с результатами, полученными по переписи 1959 г. (198,8 млн) составило всего 1,4 млн (0,7%) [Народное хозяйство 1956: 17-32; Население СССР 1975: 10-13]. Эта фантастически точная оценка была сделана через 17 лет после предыдущей переписи, после страшной войны, которая унесла жизни десятков миллионов, многие десятки миллионов сдвинула с места и присоединила территории опять же с десятками миллионов человек.

С открытием советских архивов в научный оборот были введены многочисленные документы ЦУНХ и ЦСУ за ряд лет, а также рабочие материалы обработки переписей 1937 и 1939 г. Множество сведений об уровне смертности в различных регионах страны в разные годы опубликовал Ст. Уиткрофт. Однако он по-прежнему оценивает потери коллективизации по Лоримеру (5,7 млн человек) [Davies, Wheatcroft 2004: 408-421]. По заданию М.С. Горбачева коллектив демографов Евгений Андреев, Леонид Дарский и Татьяна Харьковская по специально построенной демографической модели оценили потери в годы коллективизации и Великой Отечественной войны. Они откорректировали результаты переписей 1926, 1937 и 1939 г. и заметно увеличили сведения о рождаемости и смертности по сравнению с расчетами Е.В. Родиной и С.А. Бекуновой (таблица 1).

Таблица 1. Движение населения в 1927-38 гг. по ЦСУ 1964 и Андрееву, Дарскому, Харьковской, тыс. человек

Годы	ЦСУ 1964			Андреев, Дарский, Харьковская			Разница приростов
	родилось	умерло	прирост	родилось	умерло	прирост	
1927	6655	3582	3073	6950	3984	2966	107
1928	6725	3539	3186	6944	3878	3066	120
1929	6520	3917	2603	6876	4132	2744	-141
1930	6229	3883	2346	6694	4284	2410	-64
1931	6053	4008	2045	6510	4501	2009	36
1932	5842	4448	1394	5837	4786	1051	343
1933	4435	7085	-2650	5545	11450	-5905	3455
1934	4229	3782	447	4780	3410	1370	-923
1935	4888	3118	1770	5249	3882	1967	-197
1936	5350	3144	2206	5589	3223	2366	-160
1937	6405	3126	3279	6549	3557	2992	287
1938	6323	2961	3362	6516	3483	3033	329
1927-31	32182	18929	13253	33974	20779	13195	58
1932-34	14506	15315	-809	16162	19646	-3484	2675
1935-38	22966	12349	10617	23903	14145	10358	259

Примечание: Смертность в 1933 г. принята на 200 тыс. выше, чем в таблице, приведенной в [Андреев и др. 1993] в соответствии с размером поправки. В [ЦСУ 1964] дается для 1933 г. рядом с цифрой 19,7% зачеркнутая цифра 22,7%.

Источники: [Андреев и др. 1993: 40, 118; ЦСУ 1964].

Критикуя работу специалистов ЦСУ, Андреев и соавторы пишут: «Результатами этих расчетов иногда пользовались, но никогда их не публиковали. Публикации отсутствовали не только потому, что продолжали скрываться страшные размеры потерь от голода и сам факт катастрофы 1933 года, но и потому, что расчет всегда считался приближенным, признавался его сугубо оценочный характер и авторы расчета всегда требовали осторожности при его использовании. Кроме малообоснованных предположений

о размерах недоучета смертей в разные годы, слабость расчета, как уже было сказано, состоит в том, что некритически использовались результаты переписей 1926 и 1939 гг., игнорировались итоги переписи 1937 г., а также предполагалось, что при неполном учете смертей существовал полный учет рождений» [Андреев и др. 1993: 40].

Относительно переписей замечание Андреева и соавторов совершенно справедливо, но не следует забывать, что до перестройки ни один советский автор, включая и вышеупомянутых, не вносил корректив в переписи населения. Неточно замечание, что результаты расчета Бекуновой и Родиной никогда не печатались. В СССР действительно не злоупотребляли публикацией демографических сведений 30-х годов, но всегда, когда такие данные были нужны (и разрешены), печатались материалы рассматриваемого расчета, как это принято ЦСУ, без упоминания авторов³.

Что касается точности полученных результатов, то скромность, безусловно, украшает сотрудников ЦСУ, но в своей пояснительной записке к расчету они ничего о приблизительности или оценочном характере полученных результатов не сообщают, зато указывают, на каком основании и каким способом сделаны соответствующие поправки, что, к сожалению, совсем не всегда делают авторы публикуемых расчетов:

«С этого года (1933) органы ЦСУ начали определять полноту полученного материала в ЗАГСо-месяцах. Что касается 1927-1932 гг., то для этих лет полнота собранных от ЗАГСов материалов была нами проверена по архивным материалам – годовым отчетам естественного движения населения по Ф 1-а, в котором давались подробные примечания по каким административным единицам – районам, округам, автономным областям, отсутствовали сведения. В свое время (в 1933 году и последующие годы) в отделе были исчислены за годы 1927-1931 и 1933-1935 годы, распространенные на всю территорию СССР итоги родившихся, умерших и естественного прироста, которые приведены в специальной брошюре (для служебного пользования). Эти итоги и были нами после проверки использованы для уточнения расчетов населения следующим образом: а) число родившихся и умерших за 1927-1931 и 1933-1935 гг. – были использованы распространенные данные из брошюры. б) за 1931-1932 г. распространенные итоги были исчислены путем применения процента полноты материалов за 1933 г. в) за 1936-1938 – отчетные материалы. г) В указанные материалы в отношении умерших были внесены поправки за счет недоучета умерших, который был обнаружен при получении итогов переписи 1939 г. Полученные таким путем распространенные итоги естественного движения населения за весь межпереписной период дали следующие результаты (тыс. человек): число родившихся 70 122, число умерших 40 309, естественный прирост 29 813.

Исчисленный таким образом итог естественного прироста (29 813 тыс.) не соответствует приросту, полученному на основании итогов переписей 1926 и 1939 – 23 529

³ Например: [Народонаселение стран мира 1978: 71] – данные о рождаемости за 1927-1938 гг.; [Население СССР 1974: 9] – числа родившихся и умерших за 1928, 1937, 1938 гг.; [Население СССР 1975: 7] – численность населения 1929, 1937, 1938 гг.

тыс. чел. Для увязки в вышеприведенные данные об умерших (40 309 тыс.) была внесена поправка в размере 6284 тыс. (29813-23529)» [ЦСУ 1964].

Мы видим, что замечание об отсутствии поправок на «недоучет рождений» неверно. И рождаемость, и смертность были увеличены в расчете ЦСУ почти одинаково. А потери населения (убыль сверх естественной смертности) справедливо относятся в расчете только к погибшим. Важно отметить, что тенденция изменения численности населения в расчете по модели Андреева и соавторов и ЦСУ очень близки (таблица 1). Хотя рождаемость и смертность в оценках ЦСУ и Андреева сильно различаются, разница между средними значениями этих показателей для относительно мирных периодов очень мала (1927-1931 гг. – 0,5%, 1935-1938 гг. – 2,5%). По отношению к численности населения в конце рассматриваемых периодов в первом случае различие составит 0,04%, а во втором – 0,15%. По сравнению с возможной ошибкой при подсчете рождений и смертей даже за один год это абсолютно незначимые величины. Правда, для катастрофического периода 1932-1934 гг. расхождение огромно – 83%, но, как отмечают сами авторы, оно является не результатом, вытекающим из использованной модели, а внесено в модель экспертной оценкой.

Отсутствие расхождений в тенденции движения населения, кроме случаев, когда уровень смертности задается на основании дополнительных исторических свидетельств, делает ненужным использование модели Андреева-Дарского-Харьковой с заведомо высокими рождаемостью и смертностью, а позволяет ограничиться сведениями 1964 г., которые имеют еще и то огромное преимущество, что они хорошо согласуются со всем комплексом демографических данных по разным регионам страны.

Использование экспертной оценки для катастрофических лет совершенно верно. И не только для 1933 г., когда надежная статистика была утрачена. Следовало бы также увеличить смертность в 1930-1931 гг., поскольку в эти годы вне учета ЗАГСов оказалась высокая смертность высланных на север крестьян и потери казахов, бежавших с мест принудительной оседлости. Также следует внести поправки в данные 1937 и 1938 г., так как большинство жертв Большого террора, очевидно, не попали в официальный учет.

Кроме сведений о рождаемости, для расчета потерь населения необходимы данные о численности поколений мужчин и женщин в одногодичной группировке по переписям 1926 и 1939 гг. При этом важно, чтобы численность населения по переписям оценивалась примерно с одинаковой точностью. Поскольку перепись 1937 г. по способам проведения сильно отличалась от других, ее можно использовать лишь как дополнительный материал, уточняющий результаты следующей переписи. При этом перепись 1939 г. ставится многими исследователями, в том числе и Андреевым, Дарским и Харьковой, под подозрение, ее разработчиков обвиняют в преувеличении численности в угоду Сталину [Жиromская 1992: 7; Андреев и др. 1993: 33, 125]. Правда, удивительным образом, основной корпус переписи (число лиц, учтенных обычным порядком, перепись НКВД и армии и оценку численности в труднодоступных районах) под сомнение никто не ставит. Возражения вызывают лишь однопроцентная поправка и результаты обработки контрольных бланков.

Введение однопроцентной поправки организаторами переписи серьезно не обосновано. Однако не приходится сомневаться, что множество людей случайно или умышленно не прошли перепись. Охотники, рыболовы, лесорубы, золотоискатели, командировочные, запойные пьяницы и другие группы жителей, на время отлучившиеся из дома. Их численность, очевидно, достигала многих сотен тысяч и часть из них физически не могли встретиться со счетчиком. Немало людей умышленно уклонялись от столкновения с государством.

1. Сектанты. В Ленинграде их насчитывалось 2,4 тыс., а в Ленинградской области – 3,2 тыс. В пропорции ко всей стране (на окраинах сектантов было больше, чем центре), получаем 170 тыс. человек.
2. Бродяги. По сведениям ленинградской статистики, из 13 тыс. жителей Ленинграда, не имевших постоянного ночлега, прошли перепись в 1926 г. только одна тысяча человек [Докладная записка... 1991: 223-227].
3. Преступники, недавно вышедшие из тюрьмы и пытающиеся туда не попасть. Только в 1934-38 гг. из ГУЛАГа было освобождено 1370 тыс. человек и бежали и не были пойманы 130 тыс. За 1930-36 гг. из кулацкой ссылки бежали и не были возвращены обратно около 400 тыс. человек [Земсков 2003: 16-43].
4. И наиболее многочисленная группа сельских жителей, беспаспортные беженцы из села. В ходе коллективизации они устремлялись из родного села, куда глаза глядят, прятались у родственников или знакомых в городе или другой деревне. В 1930-33 гг. около 2 млн крестьянских семей были разорены налогами или «самораскулачились», бросили землю и инвентарь и бежали из дома. Многие из них, не имея соответствующих документов, старались не попадаться на глаза представителям власти. Трудно оценить, какая часть этих изгоев не прошла перепись. Но представляется, что один процент не будет преувеличенной оценкой. Однако в нашем случае приходится отказаться от этой поправки, поскольку при расчете потерь необходимо стремиться к равной точности переписей, а в перепись 1926 г. подобных коррекций не вводилось.

Следует заметить, что заполнение контрольных бланков проводилось теми же самыми людьми в то же самое время, что и проведение переписи общим порядком. Так что, признавая их работу превосходной, странно без специального рассмотрения отбрасывать ее часть как недостоверную. В архиве сохранились таблицы разработки контрольных бланков 1939 г. Из них видно, какая огромная дополнительная работа была проделана при проведении и обработке переписи. Счетчики на каждого человека, встреченного вне дома, если не было уверенности, что он переписан, заполняли контрольный бланк, где указывался адрес места, где этот человек должен был пройти перепись, и места, где он встретился со счетчиком. Всего было заполнено 4567 тыс. контрольных бланков. Они были разосланы по местам проживания указанных лиц, сверены с картотекой прошедших перепись и со сведениями о проживающих по указанному адресу. В конечном итоге 1 491 тыс. человек

были включены в оценку численности наличного населения с контрольных бланков (таблица 2)⁴.

Таблица 2. Оценка численности населения по переписи 1939 г., тыс. человек

	ЦСУ в нашей трактовке	ЦСУ в трактовке Андреева, Дарского, Харьковской	Андреев, Дарский, Харькова	Максудов
Учтено в общем порядке	159137	159137	159137	159137
Переписано особым порядком	5839	5843	5843	5839
Труднодоступные районы	2330	2330	2330	2330
Итого	167306	167309	167309	167306
Поправка на неточность счета	1673	1689	505	
Контрольные бланки	1491	1140	637	1171
Дополнительный учет	87	419	419	87
Численность населения	170557	170557	168871	168564

Источники: [Андреев и др. 1993: 31-33; ЦГАНХ. Ф. 1562].

Примечание: Небольшие расхождения возникают из-за округления данных до тысяч. 87 тыс. включены дополнительно при обработке переписи летом 1939 г.; 419 тыс. Андреев и соавторы получили, вычитая из окончательной численности ЦСУ (170557 тыс.) предполагаемые ими числа лиц, переписанных с контрольных бланков (1140 тыс.), и однопроцентную поправку (1689 тыс.). При этом они считают, что эта цифра (419 тыс.) «осталось необъясненной».

Андреев, Дарский и Харькова, подозревая, что результаты переписи 1939 г. подтасованы, предположили, что пропорция людей, включенных с контрольных бланков в 1939 г., должна быть такой же, как в 1959 г. (0,38%). С этой гипотезой трудно согласиться. За 20 лет между переписями выросла численность городского населения, а сельского - упала. Меньше стало сел, в них больше школ, лечебных заведений, появились средства быстрого передвижения (машины, мотоциклы, автобусы). Все это привело к облегчению поездок по делам, сокращению их продолжительности. Наивно было бы предполагать, что при этом сохранится постоянной пропорция между количеством людей, встретившихся счетчику вне дома, и численностью населения. Насколько неустойчив этот коэффициент, видно из того, как быстро сокращалась доля людей, записанных в ходе переписи с контрольных бланков: в 1939 г. - 0,88%, в 1959 г. - 0,38%, в 1970 г. - 0,14%, в 1979 г. - 0,07%⁵.

Процесс заполнения и обработки контрольных бланков в 1939 г. представляется намного более тщательным, чем в 1959 г. Это видно из того, что в 1939 г. не были включены в переписные листы 160 тыс. человек, записанных на контрольные бланки, а в 1959 г. - всего 3 тыс.! При контрольном обходе в 1939 г. обнаружено только 87 тыс. человек, не

⁴ Андреев и соавторы пишут: «Перепись 1939 года, с точки зрения счета населения, проводилась весьма тщательно. Все инструкции были нацелены на то, чтобы не пропустить ни одного человека. Дважды уточнялись списки домовладений, тщательно составлялся оргплан, в котором имелись предварительные оценки численности населения.» [Андреев и др. 1993: 32].

⁵ [РГАЭ. Ф. 1562; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: 6-7; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года 1972:4-5; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года 1989: 5]. В 1979 г. опубликованная цифра 0,12% включает и контрольный обход, в 1970 г. контрольные бланки дали примерно столько же, сколько контрольный обход.

прошедших перепись, а в 1959 г. – 285 тыс. Однако, несмотря на высокую достоверность обработки контрольных бланков в 1939 г., я считаю возможным исключить из них одну категорию – лиц, не прошедших перепись, не найденных в переписных листах и неверно указавших адрес проживания. Казалось бы, их следовало внести в перепись, поскольку они встретились со счетчиком, заполнившим на них контрольный бланк. Так и поступили в конечном счете в 1939 и в 1959 г.⁶ Однако настораживает, что в одной из архивных таблиц в этой графе сказано: «Может быть включено в переписные листы». Эта формулировка предполагает, что может быть и не включено. Очевидно, составители таблицы имели какие-то аргументы за и против такого решения и перекладывали ответственность на начальство. Это сомнение профессионалов, хорошо знакомых с материалами, является, на мой взгляд, достаточным основанием для исключения указанной группы лиц из переписи. Численность населения по переписи 1939 г. составит таким образом 168 559 тыс. человек (80 717 тыс. мужчин, 87 842 тыс. женщин). Численность по переписи 1937 г. с поправкой на отсутствие в этой переписи контрольных бланков равна 162 170 тыс. (77 771 тыс. мужчин и 84 399 тыс. женщин).

Перепись 1926 г., по мнению большинства исследователей, была намного менее точной, чем 1939 г. Дело в том, что абсолютно полный учет населения не был главной задачей организаторов переписи. Их интересовали в первую очередь социальные и экономические условия жизни людей. Для того времени точность 1-2% была вполне удовлетворительной. Однако падение рождаемости и высокая смертность в начале 30-х годов сделали проблему оценки численности населения чрезвычайно болезненной для советского правительства. Это привело к уничтожению результатов переписи 1937 г. и необычайно высоким требованиям к точности переписи 1939 г. Используя для расчета потерь все три переписи, необходимо привести их примерно к одинаковой точности. Для этого в перепись 1926 г. было внесено несколько поправок.

1. Недоучет переписью детей в младших возрастах (0-4 года). Такую коррекцию вводили Ю.А. Корчак-Чепурковский, Лоример, Андреев с соавторами. Я также пришел к необходимости такой поправки, когда при расчетах передвижки поколений между переписями относительная убыль возрастов 0-4 года оказалась заметно меньше, чем у соседних когорт. Суммарная поправка составляет 1,5 млн. человек.
2. Перепись в 1926 г. продолжалась в городе 7 дней, а в селе - 2 недели. В результате крестьяне, не прошедшие перепись, могли на второй неделе переехать в районы, где перепись уже была проведена. Очень осторожная оценка числа лиц, неучтенных из-за погрешности этой методики проведения переписи, составила 500 тыс. человек.
3. Отсутствие контрольных бланков и контрольного обхода может быть компенсировано введением поправки в размере 0,5% (740 тыс. человек). Это несколько меньше, чем с помощью контрольных мер было включено в перепись в 1939 г., поскольку эта поправка отчасти перекрывается другими коррекциями.
4. В Средней Азии и других мусульманских районах страны учет населения был неполным по нескольким причинам. Стойбища кочевников просто не попадали в сферу

⁶ В 1939 г. включали не всех. Не включали лиц, которые отсутствовали в переписных листах, дали неверный адрес, но утверждали, что прошли перепись в другом месте [ЦСУ 1964].

внимания переписчиков, ориентировавшихся на оседлое население. В то время продолжалась война с басмачами, которые прятались в пустыне или за границей и совершали оттуда неожиданные набеги. Численность басмачей составляла несколько десятков тысяч человек, но значительным было и число их сторонников среди местного населения. Также от переписи скрывали несовершеннолетних жен, вторых и третьих жен, а порой и маленьких детей. Общий недоучет по этим причинам принимаем в размере 150 тыс., хотя не исключено, что он был больше.

Таким образом, численность населения с учетом этих поправок составляет в 1926 г. 149 918 тыс. (72 633 тыс. мужчин и 77 285 тыс. женщин). Нельзя не задаться вопросом, почему же ученые в 1926 г. и позже не вносили соответствующие коррективы? Как уже отмечалось, в 1926 г. точность переписи казалась вполне удовлетворительной. Понимание ее неполноты возникло лишь после проведения последующих переписей, но в этот момент статистики были заинтересованы скорее в преуменьшении численности населения в 1926 г., чтобы как-то объяснить низкие результаты переписи 1937 г.

Коррекция переписей с попыткой достижения примерно одинаковой точности существенно меняет представление о размерах потерь населения в 30-е годы. Прирост населения в 1926-1939 гг., по традиционным сведениям ЦСУ, был равен 23 529 тыс. человек (170 557 тыс. - 147 028 тыс.). С учетом внесенных поправок в численность населения по переписям 1939 и 1926 г. прирост составит (168 564 тыс. - 149 918 тыс. = 18 646 тыс. человек). Разница составляет 4883 тыс. человек. На эту величину возрастет и оценка потерь за рассматриваемый период. Как было отмечено выше, ЦСУ в 1964 г. оценивало потери в 6284 тыс. С найденной поправкой они возрастают до 11 167 тыс. человек. Эта цифра является приблизительной, но она демонстрирует, что имеющиеся оценки потерь коллективизации должны заметно возрасти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение методики обработки контрольных бланков в 1939 г. позволило надежнее рассчитать численность населения на дату переписи и внести уточнения в материалы переписей 1926, 1937, 1939 г. Численность населения в 1939 г. снизилась на 1%, в 1937 г. осталась почти без изменений, а в 1926 г. увеличилась почти на 2%. Часть этой поправки связана с недоучетом численности детей, другая вызвана отсутствием в 1926 г. контрольных мероприятий и разной продолжительностью этой переписи в городе и деревне.

Совместное рассмотрение переписей 1926, 1937 и 1939 г. с приведением их к приблизительно одинаковой точности позволит оценить демографическим путем размеры потерь населения в годы коллективизации.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев Е.М., Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова (1993). Население Советского Союза. 1922-1991. М.: Наука.

- Демографическая модернизация России 1900-2000 (2006) / Под редакцией А. Вишневого. М.: Новое издательство.
- Докладная записка Ленинградского УНХУ о недоучете населения в ходе Всесоюзной переписи населения 1937 г. по Ленинграду и Ленинградской области (1991) // Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. (Сборник документов). М.
- Жиromская В.Б. (1992). Всесоюзная перепись населения 1939 г. История проведения, оценка достоверности // Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М.
- Земсков В.Н. (2003). Спецпоселенцы в СССР 1930-1960. М.
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года (1962). М.: Статистика
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года (1972). Т.1 М.: Статистика
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года (1989). Т.1. М.: Статистика
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927-1939 (2001). Т. 3. Конец 1930 - 1933. М.: РОССПЭН
- Максудов С. (1987). Дискуссия на Западе о потерях советского населения в годы коллективизации. Минувшее, № 4: 369-392. Париж.
- Народное хозяйство СССР (1956). Статистический сборник. М.: Статистика.
- Народонаселение стран мира (1978). Справочник. М.: Статистика.
- Население СССР (1974). Справочник. М.: Статистика.
- Население СССР 1973 (1975). Статистический сборник. М.: Статистика.
- РГАЭ. Ф. (1562). Оп. 329. Ед.хр. 144.
- Уиткрофт С. (2001). О демографических свидетельствах трагедии советской деревни в 1931—1933 гг. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927-1939. М.: РОССПЭН. Т. 3: 866-887.
- ЦГАНХ. Ф. (1562). Оп. 336-337. Ед.хр. 95.
- ЦСУ (1964). Папка №2. Архив Госкомстата.
- Conquest R. (1986). The Harvest of sorrow: Soviet collectivization and the terror-famine. Oxford University Press.
- Davies R.W., S.G. Wheatcroft (2004). The years of hunger: soviet agriculture, 1931-1933. Great Britain. New York: Palgrave Macmillan.
- Lorimer F. (1946). The population of the Soviet Union: History and prospects. Geneva. League of Nations.

SOME PROBLEMS OF ASSESSING POPULATION LOSSES DURING COLLECTIVIZATION

SERGEI MAKSUDOV

SERGEI MAKSUDOV, DAVIS CENTER FOR RUSSIAN AND EURASIAN STUDIES AT HARVARD UNIVERSITY, USA.
E-MAIL: babyonys@fas.harvard.edu.

DATE RECEIVED: June 2015.

After the opening of the Soviet archives in the late 1980s, many researchers found the results of the 1939 census unreliable. Those who conducted the census recalled the sad fate of those who had organised the census of 1937, which was found to be flawed. They understood that the government wanted to see a large population represented in their results.

That's why they decided to falsify the results. Our research shows that the major efforts that were put into a precise execution of the census did not go to waste. And the hundreds of census-takers, who were expected to find every person who lived in their district, tried their best to carry out their work with care. Study of the archive materials reveal how, during processing, results were handed to the government and made public by the country's leadership.

The study shows that the census of 1939 was accurate, and more reliable than those which had come before and after. And even a one percent adjustment to the figure which represents the population size, carried out seemingly without good reason, is not an error, because the number of people who avoided the census (due to their criminal past, lack of local registration, illness or other reasons) certainly exceeds 1%.

But any change to the estimate of the population losses should be avoided, since it was not included in prior censuses, and to acquire reliable results it is necessary that the data used have equal accuracy. In our census we also chose not to include those who met with the census-taker outside their home, and then wrongly stated their place of permanent residence in the test form. Thus, the size of the population in the 1939 census is considered at 2 million less than in the TsSU's Soviet-era publications. In order to reach the same approximate level of reliability across the census results it was necessary to include certain corrections in the census of 1926 (due to lack of test forms, varying census lengths in cities and villages, and also due to undercount in the census of underage children) and 1937 (due to a different method of execution). The changes made allow for a more reliable assessment of the USSR's losses from collectivisation and repression in the period 1929-1939.

Key words: population census, collectivization, population losses

REFERENCES

- Andreev E.M., L.Yu. Darskiy, T.L. Kharkova (1993). *Naseleniye Sovetskogo Soyuza. 1922-1991* [The population of the Soviet Union. 1922-1991]. Moscow: Nauka.
- Conquest R. (1986). *The Harvest of sorrow: Soviet collectivization and the terror-famine*. Oxford University Press.
- Davies R.W., S.G. Wheatcroft (2004). *The years of hunger: soviet agriculture, 1931-1933*. Great Britain. New York: Palgrave Macmillan.
- Demograficheskaya modernizatsiya Rossii 1900-2000 [Demographic modernization of Russia 1900-2000] (2006) / A. Vishnevsky, ed. Moscow: Novoye izdatel'stvo.
- Dokladnaya zapiska Leningradskogo UNKHU o nedouchete naseleniya v khode Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1937 g. po Leningradu i Leningradskoy oblasti [Staff report of Leningrad

- UNKhU about the population underestimation in the 1937 All-Union census in Leningrad and Leningrad region] (1991) // Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 g. Kratkiye itogi. (Sbornik dokumentov) [Brief results (Collection of documents)]. Moscow.
- Itogi Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1959 goda [The results of the All-Union census of 1959] (1962). Moscow: Statistika
- Itogi Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1970 goda [The results of the All-Union population census of 1970] (1972). T.1 Moscow: Statistika
- Itogi Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1979 goda [The results of the All-Union population census of 1989] (1989) . T.1. Moscow: Statistika
- Lorimer F. (1946). The population of the Soviet Union: History and prospects. Geneva. League of Nations.
- Maksudov S. (1987). Diskussiya na Zapade o poteryakh sovetskogo naseleniya v gody kollektivizatsii [Discussion in the West about the Soviet population losses during the collectivization]. Minuvsheye, № 4: 369-392.
- Narodnoye khozyaystvo SSSR [The national economy of the USSR] (1956). Statisticheskiy sbornik. Moscow: Statistika.
- Narodonaseleniye stran mira [Population of the world] (1978). Spravochnik. Moscow: Statistika.
- Naseleniye SSSR [Population of the USSR] (1974). Spravochnik. Moscow: Statistika.
- Naseleniye SSSR 1973 [Population of the USSR in 1973] (1975). Statisticheskiy sbornik. Moscow: Statistika.
- RGAE [Russian State Archive of Economy]. F. 1562. Op. 329. Yed.khr. 144.
- Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivaniye. Dokumenty i materialy. 1927-1939 [The tragedy of the Soviet countryside. Collectivization and dispossession. Documents and materials. 1927-1939] (2001). T. 3. Konets 1930 - 1933. Moscow: ROSSPEN.
- TSGANKH [Central State Archive of the Soviet economy]. F. 1562. Op. 336-337. Yed.khr. 95.
- TSSU [Central Statistical Office] (1964). Papka №2. Arkhiv Goskomstata.
- Wheatcroft S. (2001). O demograficheskikh svidetel'stvakh tragedii sovetskoy derevni v 1931—1933 gg. [On the demographic evidence of the tragedy of the Soviet countryside in 1931-1933 gg] // Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivaniye. Dokumenty i materialy [The tragedy of the Soviet countryside. Collectivization and dispossession. Documents and materials.]. 1927-1939. Moscow: ROSSPEN. T. 3: 866-887.
- Zemskov V.N. (2003). Spetsposelentsy v SSSR 1930-1960 [Deportees in the USSR 1930-1960]. Moscow.
- Zhiromskaya V.B. (1992). Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 g. Istoriya provedeniya, otsenka dostovernosti [1939 All-Union census. History of implementation, assessment of reliability] // Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda. Osnovnyye itogi [1939 All-Union census. Main results]. Moscow.

КАК ПРЕОДОЛЕТЬ ОТСТАВАНИЕ РОССИИ ПО ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ?

Круглый стол Института демографии НИУ ВШЭ и редакции ЖУРНАЛА «ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Материалы Круглого стола, организованного редакцией «Демографического обозрения» совместно с Институтом демографии НИУ ВШЭ. Участники Круглого стола констатируют значительное отставание России от большинства развитых стран по продолжительности жизни, обсуждают новейшие тенденции смертности и продолжительности жизни в России и вопрос об их региональных различиях. Критической оценки заслуживает, по их мнению, современное состояние информации о смертности и заболеваемости населения России. Обсуждаются также половозрастные особенности смертности и изменения в структуре причин смерти в России с 1990 г., рассматривается вопрос о связи тенденций смертности с потреблением алкоголя. Участники Круглого стола обращают внимание на низкую эффективность российской системы здравоохранения и высказывают свои соображения о путях совершенствования этой системы, без чего невозможно преодоление нынешнего российского отставания.

В Круглом столе, проходившем 17 апреля 2015 г., приняли участие ведущие специалисты в области демографии и охраны здоровья:

Е.М. Андреев, к.ф.-м.н., ведущий научный сотрудник Центра демографических исследований Российской экономической школы;

А.Г. Вишневский, д.э.н., директор Института демографии НИУ «Высшая школа экономики»;

С.П. Ермаков, профессор, д.э.н., главный научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, главный научный сотрудник ЦНИИ организации и информатизации здравоохранения Минздрава РФ;

А.Е. Иванова, профессор, д.э.н., заведующий Отделением статистики здоровья населения ЦНИИ организации и информатизации здравоохранения Минздрава РФ;

Е.А. Кваша, к.э.н., старший научный сотрудник Института демографии НИУ «Высшая школа экономики»;

Ю.М. Комаров, профессор, заслуженный деятель науки РФ, д.м.н., член Комитета гражданских инициатив;

Т.Л. Харькова, к.э.н., старший научный сотрудник Института демографии НИУ «Высшая школа экономики»;

С.В. Шишкин, д.э.н., директор Центра политики в сфере здравоохранения «Высшая школа экономики»;

В.М. Школьников, к.г.н., заведующий Лабораторией демографических данных Института демографических исследований общества Макса Планка (Германия).

Ключевые слова: *продолжительность жизни, смертность, причины смерти, система здравоохранения, Россия*

ОТСТАВАНИЕ НЕДОПУСТИМО ВЕЛИКО

Вишневский: – Уважаемые коллеги, для начала я покажу несколько слайдов. Я вообще-то не собирался этого делать, но потом решил, что нужна какая-то затравка, чтобы обсуждение пошло живее. Вопросов, как вы видели, мы подготовили много, а времени, как всегда, мало. Призываю всех стараться компактно формулировать свои ответы на эти многочисленные вопросы.

Начну с картинки, которая всем известна (рисунок 1).

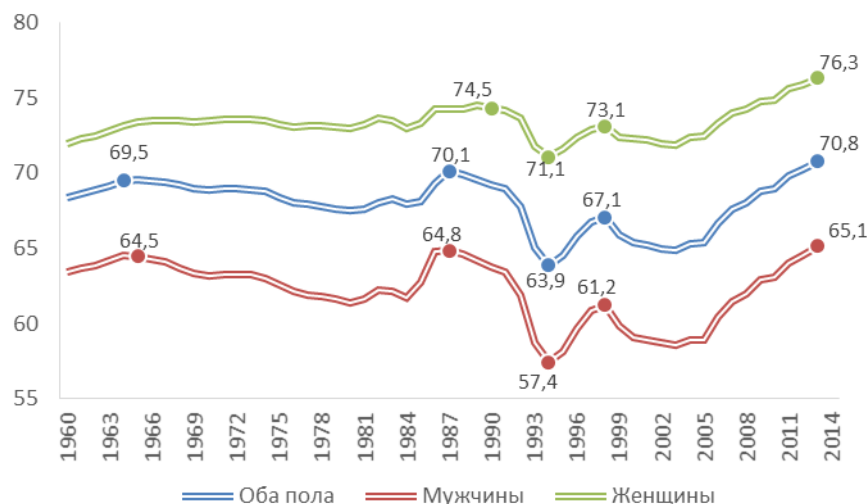

Рисунок 1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России, 1960-2013, лет

Мы уже привыкли к тому, что продолжительность жизни у нас постоянно колеблется то вверх, то вниз, не показывая, в общем-то, никаких принципиальных изменений. Сейчас мы впервые чуть-чуть превысили уровень, которого уже достигали в 1960-е и 1980-е годы. В 2009 г. впервые был превышен предыдущий максимум (1989 г.) для женщин, а в 2012 г. – максимум 1987 г. для обоих полов. В 2013 г. продолжительность жизни впервые превысила планку 65 лет и одновременно максимальный показатель 1987 г. для мужчин. Превышение есть, но пока оно настолько незначительно, что говорить о больших успехах преждевременно.

К тому же продолжительность жизни все еще растет, в основном за счет детских возрастов. Смертность взрослого населения, особенно мужского, остается высокой, продолжительность жизни мужчин в возрасте 15 лет, как видите, все еще ниже, чем в конце 1980-х и даже в середине 1960-х годов (рисунок 2).

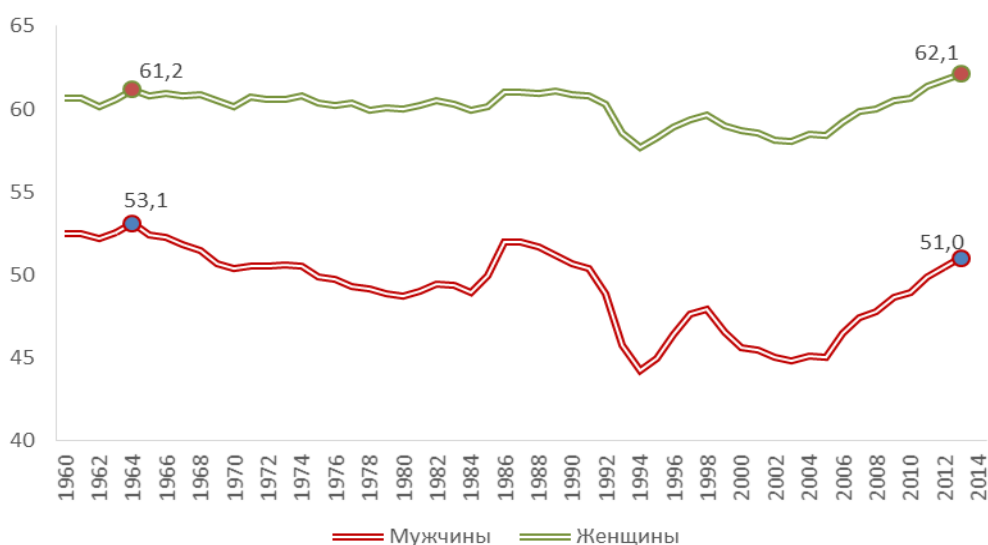

Рисунок 2. Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 15 лет в России, 1960-2013, лет

В то время как в России на протяжении пяти-шести десятилетий продолжительность жизни то падая, то поднимаясь, топчется на месте, везде идет ее устойчивый рост, и наше отставание только нарастает. На следующем графике приведены данные по США, Японии, а также агрегированные данные для «старых» членов ЕС, входивших в него до расширения в мае 2004 г., - это все основные страны Западной Европы¹ (рисунок 3).

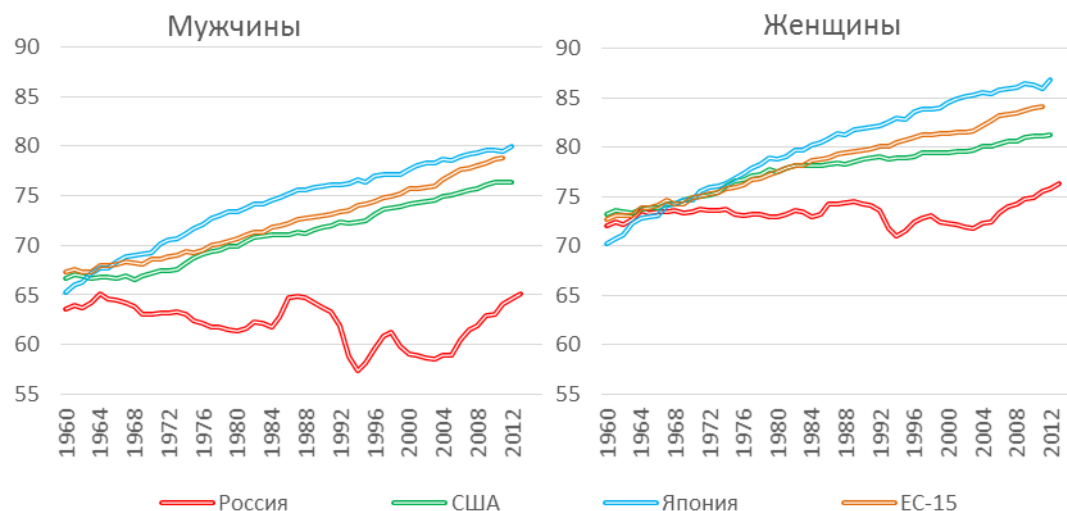

Рисунок 3. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России, ЕС-15, США и Японии, 1960-2013, лет

Вы видите, что наше отставание, хотя и с некоторыми колебаниями, все время увеличивается, и сейчас, в общем-то, мы вернулись к тем масштабам отставания от опережающих нас стран (на 10-15 лет), какие отмечались только в начале XX века, когда, как известно, Россия была отсталой аграрной страной (рисунок 4).

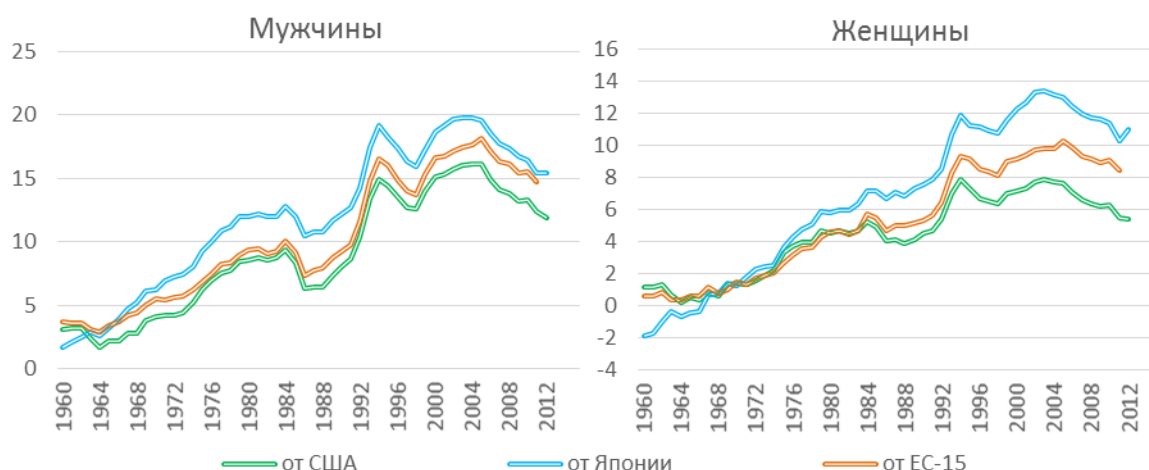

Рисунок 4. Отставание России по показателю ожидаемой продолжительности жизни при рождении от ЕС-15, США и Японии, 1960-2013, лет

¹Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Греция, Дания, Италия, Ирландия, Испания, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Финляндия, Франция, Швеция.

На что я хотел бы сейчас обратить внимание. В свое время американский гигиенист Милтон Террис (*Milton Terris*) ...

Комаров: – Он политолог, основатель и главный редактор журнала «*Journal of Public Health Policy*».

Вишневский: – Ну, может, он был и политологом, но больше все же гигиенистом. Он, кстати, приезжал в Советский Союз в свое время. Так вот он сформулировал, параллельно с Омраном, известным своей теорией эпидемиологического перехода, концепцию второй эпидемиологической революции. Как он писал в начале 70-х годов, «в ходе первой эпидемиологической революции, органы здравоохранения достигли чудес профилактики инфекционных заболеваний... То же самое может быть верно для второй эпидемиологической революции в профилактике неинфекционных заболеваний». Теперь, говорил он, здравоохранение подошло к «большой и трудной задаче: ни много ни мало, осуществить вторую эпидемиологическую революцию и спасти буквально миллионы мужчин и женщин от предотвратимых болезней, инвалидности и смерти» [Terris: 1156].

Так он формулировал новые задачи, и вот что из этого получилось - я снова сравниваю Россию с 15 западноевропейскими странами (рисунок 5).

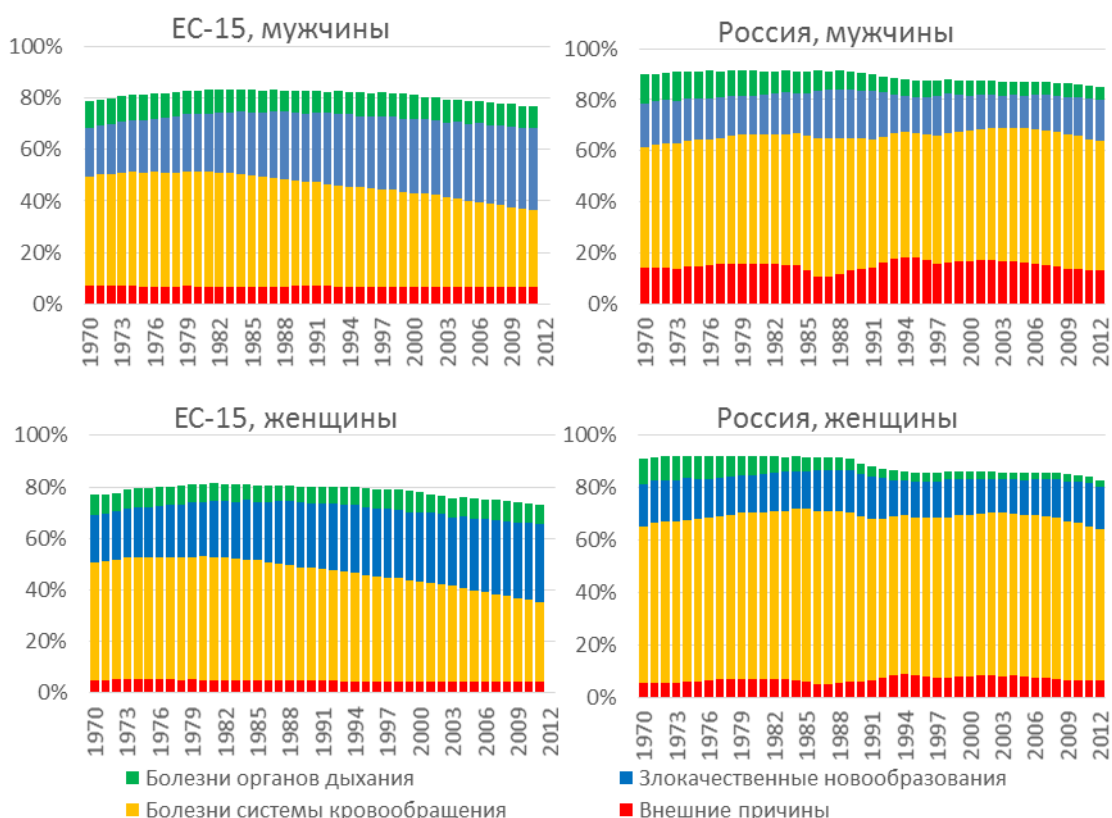

Рисунок 5. Совокупный вклад болезней системы кровообращения, новообразований, болезней органов дыхания и внешних причин в стандартизованный коэффициент смертности от всех причин в ЕС-15 и в России

Общую картину смертности в начале второй эпидемиологической революции Терриса определяли 4 класса причин смерти: сердечно-сосудистые заболевания,

новообразования, внешние причины и болезни органов дыхания. На их долю приходилось порядка 80 или больше процентов, если говорить в терминах стандартизованного коэффициента смертности. Так было и в западных странах, и в России, в России – лишь ненамного больше.

Что происходило потом? Общий вклад четырех причин - и у них, и у нас - если и изменялся, то не существенно. Но если посмотреть на изменения внутренней структуры этого вклада, то разница сразу бросается в глаза. Особенно заметны различия в соотношении сердечно-сосудистых заболеваний и рака: на Западе эти соотношения очень заметно изменились, а в России - нет. Это тоже видно на рисунке 5.

А теперь посмотрим не структуру стандартизованного коэффициента, а его абсолютные значения – снова в сравнении с ЕС-15 (рисунок 6). Вы видите, что происходило у них и что происходило у нас.

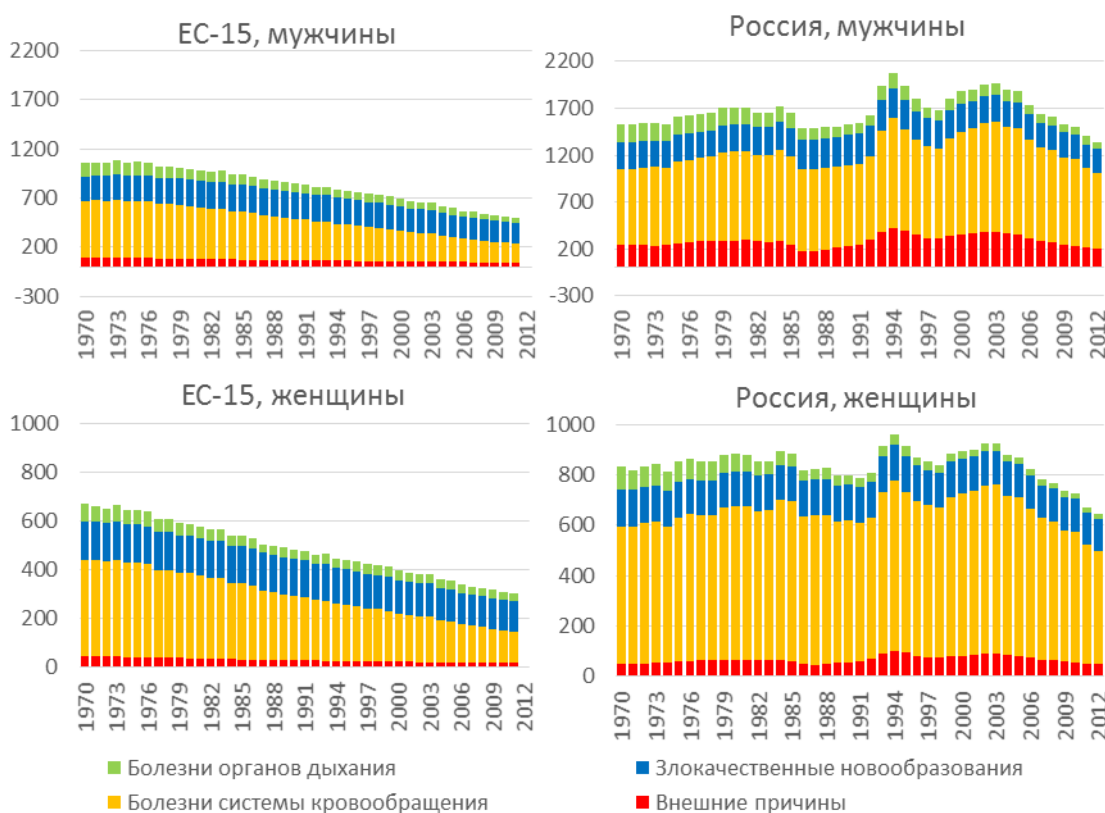

Рисунок 6. Стандартизованный коэффициент смертности от болезней системы кровообращения, злокачественных новообразований, болезней органов дыхания и внешних причин в ЕС-15 и в России, на 100000

Стандартизованный коэффициент у них резко снижался при изменении его внутренней структуры, у нас, как видите, ничего подобного не было: были колебания туда – сюда, но в общем на том же уровне, на каком мы были, примерно на таком и остались.

Очень важно также, что во всех развитых странах значительно увеличился средний возраст смерти от основных классов причин, ведь оттеснение смертности к старшим возрастам - это и есть ее снижение. И на следующем графике (рисунок 7) вы видите, что происходило у них и у нас. Россия - это красные столбики на графике. Они либо идут вверх

– и тогда они очень низкие по сравнению со столбиками для других стран, либо даже идут вниз, чего для других стран не наблюдается. То есть там, где в других странах шел существенный рост среднего возраста смерти от всех основных причин, у нас либо рост был незначительным, либо даже вместо роста происходило снижение.

Рисунок 7. Изменение среднего возраста смерти от крупных классов причин за 50 лет в России, некоторых европейских странах, США и Японии, 1960-2010, лет

Похоже, что наше отличие от других стран не просто количественное, а качественное. Мы отставали и в 1960-е годы, но тогда отставание от европейских стран или США было сравнительно небольшим и понятным. С тех пор у них произошли очень большие изменения. Я бы сказал, что у них изменилась эпидемиологическая модель смертности: структура причин, от которых умирают люди, и возраст, в котором умирают в среднем от каждой крупной группы причин. Это, видимо, и была «вторая

эпидемиологическая революция», о которой говорил Террис. А у нас никакой революции не было - мы, по сути, пропустили целый этап развития. Приведу маленькую табличку, показывающую, что за эти 50 лет произошло с ожидаемой продолжительностью жизни в России и в странах с низкой смертностью и каким огромным стало наше отставание (таблица 1).

Таблица 1. Изменение ожидаемой продолжительности жизни в России, странах ЕС-5, США и Японии и отставание России от указанных стран, 1960-2010, лет

	Россия	ЕС-15	США	Япония
<i>Изменение за 50 лет</i>				
Мужчины	-0,50	11,34	9,71	14,23
Женщины	2,78	11,28	7,97	16,11
<i>Отставание России в 2010 г.</i>				
Мужчины		15,56	13,28	16,46
Женщины		9,11	6,33	11,42

Сейчас продолжительность жизни в России растёт, но отставание остается очень большим. В чем его причины? Можем ли мы его преодолеть? Что для этого нужно сделать? Эти вопросы мы и хотели бы обсудить сегодня.

Что происходит с продолжительностью жизни в России сейчас: устойчивый рост или очередное колебание?

Школьников: –Анатолий Григорьевич, в общем, вы правильную картину нарисовали. Можно говорить о том, что вначале у России было совсем небольшое отставание от наиболее развитых стран, потом оно увеличилось, а в 2000-е годы уменьшилось. Однако тут есть важные детали, которые нуждаются в дальнейшем изучении. Во-первых, природа отставания России в 1960-х или 1970-х годах была совсем не та, что, например, в 2000 г. Задействованы другие возраста и причины смерти. Ваши графики с декомпозицией продолжительности жизни по причинам смерти могут быть также неточными, потому что сейчас становится ясно, что у нас очень ненадежные регистрация, кодирование и диагностика причин смерти, особенно в старших возрастах. Диагностика в возрастах старше 80 лет, где регистрируется очень много смертей от сердечно-сосудистых заболеваний и рака, которые с переменным успехом конкурируют с так называемой «старостью», особенно неточна. Но знаем мы об этом пока очень мало. Россия - страна далеко не последняя в плане исследований в области смертности, но она и далеко не первая. У нас, конечно, не хватает доказательной базы и знаний по этим и другим важным деталям общей картины. Но сейчас я хочу отметить то, что мне кажется наиболее важным.

Я не согласен с вами в том, что касается смертности в России после 2003-2004 гг. На эту тему опубликовано пока две работы: одна - в журнале «Demographic Research» [McKee, Leon 2013: 917-950], другая – в «Population and Development Review» [Grigoriev et al. 2014: 107-129]. Там показано, что в 2000-е годы был другой процесс по сравнению с тем, что происходило в 80-е и 90-е годы. Во-первых, длительность периода улучшений. Начиная с 1965 г. в истории России не было ни одного эпизода роста ожидаемой продолжительности жизни, который бы продолжался больше двух лет, за исключением антиалкогольной компании, во время которой рост продолжительности жизни наблюдался с 1985 по 1987 г.

включительно. Последний период роста ожидаемой продолжительности жизни продолжается уже более 10 лет – с 2003 по 2014 гг. То есть уже длительность этого процесса говорит о том, что происходит нечто иное. Во-вторых, состав причин смерти, определяющих улучшение, другой. В наших статьях показано, что в 2000-е годы было впервые достигнуто снижение смертности в старших возрастах от сердечно-сосудистых заболеваний, что характерно для так называемой «сердечно-сосудистой революции», которая произошла в западных странах в конце 1970-х годов и которая происходит в восточноевропейских странах, начиная с 1990 г. Не будем здесь уточнять, с чем это связано. Придется слишком долго говорить и высказывать слишком много предположений.

Иванова: - Опубликовано, конечно, не две работы, а значительно больше. Но вы, наверное, имеете в виду только собственные работы. Я бы сказала, что универсальность снижения смертности является отличительной особенностью периода, начавшегося в 2005 г. Позитивная динамика отмечена и для мужчин, и для женщин; для всех без исключения возрастных групп; для всех причин смерти, включая неточно обозначенные состояния, и наконец, для всех регионов.

Вишневский: О причинах и ухудшения, и улучшения мы еще поговорим. Но я сначала хотел бы задать вопрос, относящийся вот к этой картинке, которая, как мне кажется, указывает на восстановительный характер нынешнего роста. Я пользовался расчетами Андреева (рисунок 8).

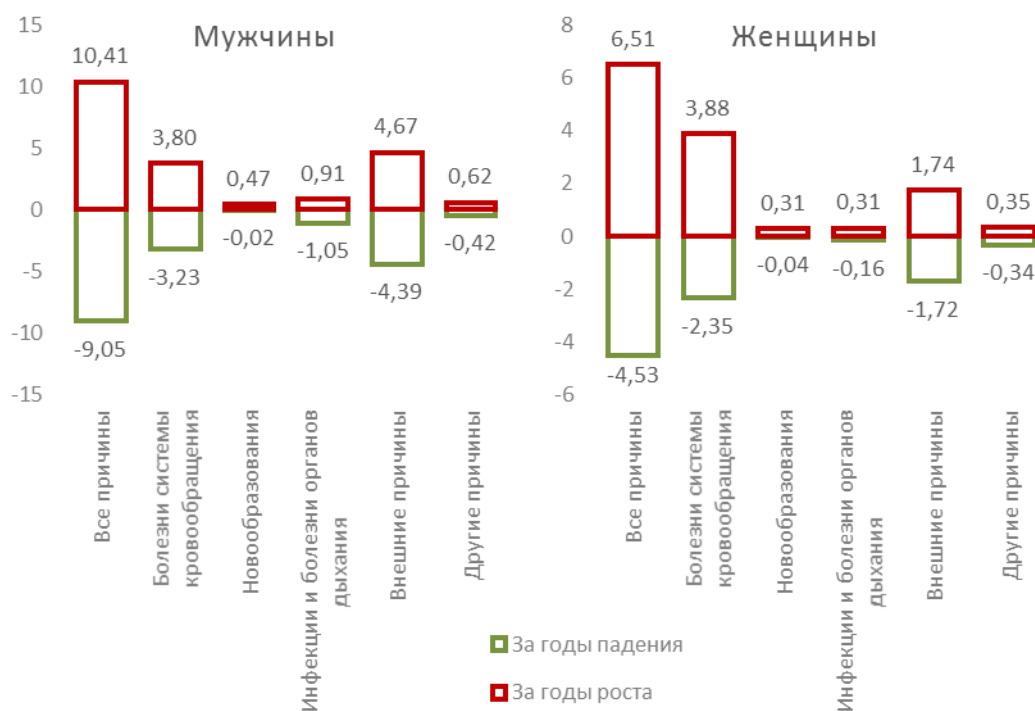

Рисунок 8. Вклад изменения смертности от крупных классов причин смерти в снижение и рост ожидаемой продолжительности жизни, 1990-2013, лет

Здесь показано изменение вкладов в продолжительность жизни изменений смертности от разных классов причин смерти за период с 1990 по 2013 г. За это время было два участка падения продолжительности жизни (1990-1994 и 1998-2003 гг.) и два участка

роста (1995-1998 и 2004-2013 гг.). Всего 24 года: 11 лет падения и 13 лет роста. Когда столбики на графике идут вниз, продолжительность жизни сокращалась, когда вверх – росла.

Вы видите, у мужчин, если говорить о смертности от всех причин смерти, высота верхнего и нижнего столбиков почти одинаковая – что потеряли, то и восстановили, прирост очень небольшой, немногим больше года. У женщин прирост около 2 лет. Примерно такая же картина и по отдельным причинам смерти – очевидный заметный выигрыш принесло только снижение смертности от болезней системы кровообращения у женщин и, в меньшей степени, у мужчин. В остальных случаях – почти чистая компенсация.

Школьников: – Да нет. Это не так. Дело в том, что нельзя смешивать то, что вы поставили вместе. То, что происходило до 2000 г., нельзя смешивать с тем, что происходило после 2000 г. Если посмотреть детально, то вы увидите, что это разные тренды. Вплоть до середины 50-х годов Россия была отсталой страной с высокой инфекционной смертностью, с высокой смертностью младенцев и детей. В 1980 г. этого уже не было, к этому времени Россия стала страной, сочетающей высокую смертность от хронических заболеваний (сердечно-сосудистых, в основном) в возрастах 40-60 лет, как в Восточной Европе (в Венгрии, например), с высокой смертностью от неестественных причин и насилия, отчасти как в Латинской Америке или среди афроамериканцев в США. А затем наступили времена больших колебаний смертности, которые сменились некой тенденцией более устойчивого улучшения. Причем, вполне возможно, что подействовали какие-то совершенно «естественные» факторы. Безусловно, в 2000-е годы был очень большой рост уровня жизни в стране, но была и диффузия нововведений. Представьте, как выглядит лечение давления архаичным папаверином по сравнению с современными препаратами, которые пришли с Запада. Можно заметить, что у нас существенная часть роста продолжительности жизни женщин вызвана снижением смертности в старших возрастах от болезней сосудов головного мозга, а это, в первую очередь, контроль артериального давления.

Иванова: – Владимир Михайлович совершенно прав, если посмотреть те же болезни системы кровообращения по возрастам, то там это будет совершенно точно видно. Я не разделяю мнения Анатолия Григорьевича, что отмечаемый рост – это лишь возвращение к ранее достигнутым уровням. Действительно, количественная оценка продолжительности жизни близка к тому, что было пять десятилетий назад, и повторно в 1986-1987 гг. Но возрастная кривая смертности, роль отдельных групп в формировании продолжительности жизни сейчас принципиально иная, хотя бы в отношении вклада младенческой и детской смертности. Соответственно и структура причин смерти не могла не претерпеть существенных изменений, и это хорошо видно, если перейти от классов причин смерти к группам и отдельным причинам.

Школьников: – Ну конечно. Просто нужен более детальный анализ.

Иванова: – Да, детализировать и по возрастам, и по причинам. В той группировке возрастов, которая на картинке, эти эффекты скрыты. Статистика – страшная сила. Доказать можно все, что хочешь.

Вишневский: – Ну, хорошо, посмотрим еще одну картинку, на этот раз по возрасту (рисунок

9).

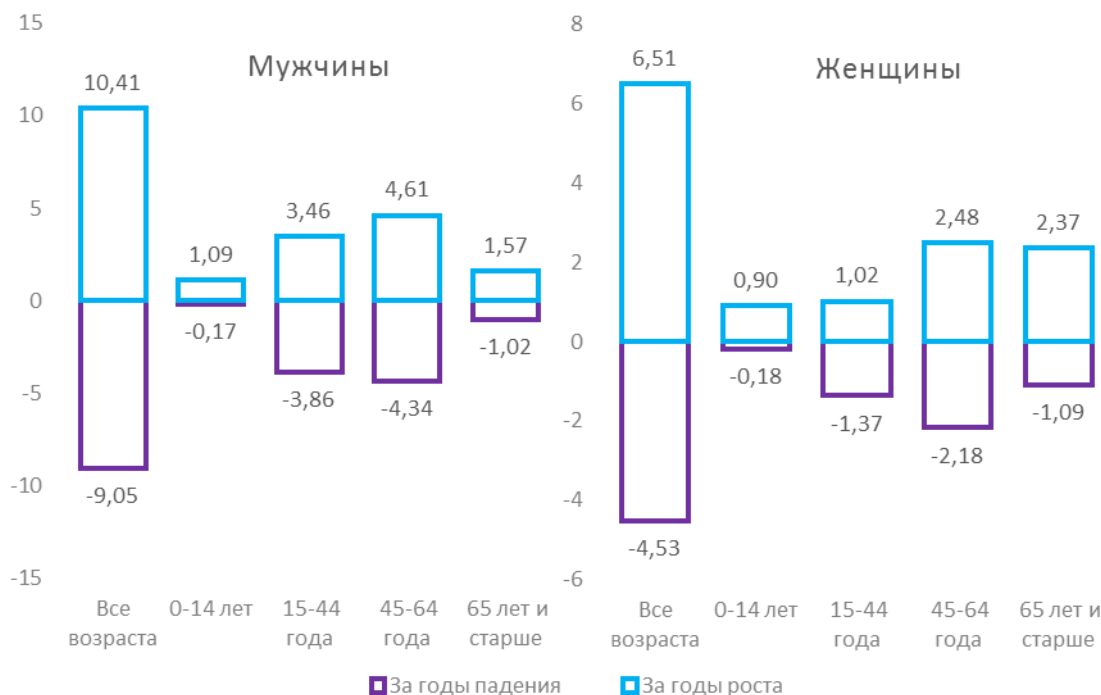

Рисунок 9. Вклад изменения смертности по укрупненным возрастным группам в снижение и рост ожидаемой продолжительности жизни, 1990-2013, лет

Результат, как мне кажется, очень похожий. Для всех возрастов, разумеется, такой же, как и для всех причин, а по возрастным группам - явный существенный выигрыш только у детей и у пожилых, в средних возрастах он либо небольшой, либо его вовсе нет. В такой важной группе, как 15-44 года, и у мужчин, и у женщин - чистый проигрыш. В среднем же - всего лишь компенсация понесенных ранее потерь, хотя и не буквальная.

Андреев: - Есть такая статья западных авторов: «Коэффициент суммарной рождаемости дает политикам дезориентирующие сигналы: не следует ли отказаться от использования этого показателя?» [Соботка, Лутц 2011: 444-471] - это такая хрестоматийная статья о проблемах данного показателя. Мне кажется, можно было бы написать статью с названием: «Показатель ожидаемой продолжительности жизни для календарного периода дает неверные сигналы обществу». Он и в самом деле дает неверные сигналы обществу. Потому что этот показатель слишком агрегированный. Из него можно сделать вывод, например, что Россия вернулась к уровням показателя в период антиалкогольной кампании или середины 1960-х. Но на самом деле современная ситуация в корне отлична и от антиалкогольной кампании и, тем более, середины 1960-х. Ожидаемая продолжительность жизни - слишком грубая характеристика. Она у нас растет...

Комаров: - Это преподносится как достижение.

Андреев: - Это преподносится как достижение, которое может устроить руководство. Но на самом деле под этим показателем лежат очень сложные процессы, противоречивые, разные. Мы никуда не вернулись: две страны с одинаковой продолжительностью жизни могут находиться в совершенно разной ситуации в области смертности. Нетрудно показать,

что ситуация, в которой Россия была в 2003 г., и ситуация, в которой Россия находится сегодня, ни в коей мере не напоминает ситуацию в развитых странах мира ни на какой стадии их развития. Европа-15² никогда не имела такого типа смертности, который наблюдался в России в 2003 г. и который наблюдается сегодня. Это совершенно иное явление.

Вишневский: – Евгений Михайлович, но все же, что такое продолжительность жизни? Это измеритель смертности сегодняшнего дня.

Андреев: – Это плохой измеритель смертности, потому что можно рисовать две совершенно разные кривые смертности с одинаковой продолжительностью жизни. Это слишком грубая характеристика, чтобы на неё ориентироваться, по крайней мере в кругу профессионалов.

Вишневский: – Я с этим не согласен, хотя и признаю ограничения этого показателя, связанные с тем, что обычно мы его используем применительно к календарным периодам. Но прямая аналогия с коэффициентом суммарной рождаемости, который начинает давать неверные сигналы, когда изменяется календарь рождений, мне кажется неправомерной.

Так или иначе, в результате нашего обсуждения вырисовываются две позиции. Я утверждаю, что в целом можно говорить лишь о восстановительном росте и не более того. Восстановительный рост, возвращение к тому, что уже было достигнуто – этого не сложно добиться...

Школьников: – А что же мы тогда не могли добиться этого восстановительного роста в течение 40 лет? Восстановления уровня продолжительности жизни 1965 г. не происходило до середины 2000-х. Мы много десятилетий не могли добиться восстановительного роста.

Вишневский: – Как не было роста? Ведь в конце 80-х мы вернулись к тому, что было в середине 60-х. Но в целом, как я говорил и говорю, было топтание на месте, и я считаю, что это топтание продолжается. Это одна позиция. Но есть и другая – Владимира Михайловича, Аллы Ефимовны и, кажется, Евгения Михайловича, – возможно, ее разделяют и другие. Она заключается в том, что речь идет не о простом восстановлении того, что было достигнуто ранее, а о принципиально новых тенденциях. Наличие двух позиций всегда хорошо, это стимулирует обсуждение, к которому я всех и призываю.

Комаров: – По первому вопросу, мне кажется, мы должны сделать вывод, что не надо эту динамику продолжительности жизни расценивать как большой успех. От этого надо предостеречь, потому что у нас это все время используется для демонстрации успехов, что вот, дескать, мы достигли, причем кто? Минздрав? Министр здравоохранения Скворцова выходит и говорит, что «мы достигли», и Президент сидит и её слушает.

Андреев: – Но Анатолий Григорьевич выступал недавно и зачитывал, если мне не изменяет память, сообщение о том, что Россия вошла в число успешных стран по продолжительности жизни по версии агентства Блумберг, но только заняла среди этих стран последнее место по этому показателю.

² 15 стран, входивших в Европейский союз до его расширения в мае 2004 г.

Вишневский: – 51-е место. О вхождении в список объявил Путин, но о пятьдесят первом месте он не сказал. Он только отметил, что продолжительность жизни у нас впервые превысила 70 лет, что по нынешним временам не так уж и много. Это и 30 лет назад было немного.

«Здесь мы сталкиваемся с одной из наиболее острых социально-демографических проблем сегодняшнего дня. После нескольких десятилетий быстрого снижения смертности и роста продолжительности жизни, начиная примерно с середины шестидесятых годов, наступил длительный период «топтанья на месте». Сохранялась, а в некоторых случаях и росла и без того относительно высокая смертность, особенно мужчин в рабочих возрастах, увеличивалось отставание СССР по показателям смертности и продолжительности предстоящей жизни от большинства экономически развитых стран мира. <...> Смертность детей в возрасте до 1 года у нас значительно выше, чем в крупных капиталистических странах. Средняя продолжительность жизни никак не достигнет 70 лет, тогда как в США и Франции она составляет 75 лет, в Японии – 77».

[Вишневский 1986: 71-72].

НАДЕЖНА ЛИ НАША ИНФОРМАЦИЯ О СМЕРТНОСТИ?

Комаров: – Мы говорим о тенденциях смертности, но все ли мы о них знаем? То, что сейчас происходит и о чем мы спорим, связано и с теми колебаниями, которые мы сейчас наблюдаем в регистрации этих случаев в здравоохранении. Три момента я бы выделил:

- во-первых, действительно, мы пропустили второй эпидемиологический переход и эпидемиологическую революцию, когда начали доминировать факторы риска и хронические неспецифические болезни;
- второе, что нужно выделить, это популяционные процессы, которые идут сами по себе, по определенным закономерностям;
- третий процесс - это все-таки давление на практику регистрации извне. Причина такого прессинга в том, что сейчас все, начиная от Минздрава и кончая властью, заинтересованы в том, чтобы у нас ситуация улучшалась. Поэтому прессинг идет, и я думаю, что он идет и на органы статистики.

Возьмите здравоохранение. Вот, например, выделили 80 млрд рублей на периодические профилактические осмотры, мы хотим оттуда извлекать данные о заболеваемости. Можно за короткий промежуток времени поставить диагноз диабет или рак, или даже простую гипертензию? Это будет «липа» полная. Ведь надо же в динамике смотреть, понимаете. То, что сейчас происходит в регистрации всех этих случаев, в том числе и летальных исходов, мне кажется, это «липа», в том числе и в результате давления сверху. Так, есть данные о том, что в профилактических периодических осмотрах приписки достигают местами до 70%.

Школьников: – Губернаторам регионов показатели смертности включили в число важных отчетных показателей. Наверное, это хорошо, потому что губернаторы контролируют все вопросы, от которых смертность зависит (от профилактики и лечения до преступности и

безопасности жизни).

Иванова: – Губернаторам в качестве показателя поставили общий коэффициент смертности.

Школьников: – Жаль, это совсем слабый показатель.

Вишневский: – Но все-таки смерть констатируется, возраст же не подделывают. Ну, допустим, причины смерти ладно, но...

Комаров: – Причины смерти легко подменить.

Вишневский: – Ну, хорошо, причины, а как же возраст?

Школьников: – Ну, как может быть «липа»? Какой тут механизм вранья? Для занижения смертности нужно число смертей фальсифицировать.

Комаров: – Хорошо, сейчас объясняю. Вот, например, профессор Павел Андреевич Воробьев три раза ездил на Сахалин на своей машине и останавливался везде. И он говорит, что люди в Сибири умирают и их не регистрируют. Их не регистрируют, их хоронят просто так. Почему? Во-первых, потому что для регистрации нужно за 200 км везти к врачу, чтобы он констатировал смерть.

Ермаков: – Почему, по закону это и фельдшер может сделать.

Комаров: – И к фельдшеру за 70 км никто не возит. Это раз. Второе, если не регистрируют, тогда пенсия продолжает идти. То есть фактически здесь очень много причин; в результате того, что мы развалили систему здравоохранения, получается, что идет процесс недорегистрации. Поэтому здесь возможно все что угодно, в том числе и приписки.

Немцов: – А как велик процесс недорегистрации?

Комаров: – Думаю, процентов 10 - это минимально.

Ермаков: – Но это и не делает погоды.

Иванова: - У нас нет исследований полноты регистрации смертей, а без них такие оценки сделать нельзя.

Школьников: – Юрий Михайлович, но если бы это было так, тогда улучшения смертности было бы больше в Сибири, чем в Москве, а мы наблюдаем обратное.

Комаров: – Понимаю, понимаю. Второе, что есть в регистрации смертности: вы же знаете, что смерть регистрируется у нас по месту жительства, по месту прописки.

Все: – Не совсем так.

Андреев: – По месту наступления события, как правило.

Комаров: – Как правило, да, но все-таки потом свидетельство о смерти пересылается.

Ермаков: – Не пересылается, Юрий Михайлович.

Андреев: – Пересылается только в рамках области.

Комаров: – В рамках одной области, а в другую область не передается. Значит, если человек умер из другого места, он входит в отчет этой области.

Ермаков: – Исключение есть для солдат, их смертность учитывается по месту прописки.

«Государственная регистрация смерти производится органом записи актов гражданского состояния по последнему месту жительства умершего, месту наступления смерти, месту обнаружения тела умершего, месту нахождения организации, выдавшей документ о смерти, месту жительства родителей (одного из родителей), детей, пережившего супруга или по месту нахождения суда, вынесшего решение об установлении факта смерти или объявлении лица умершим».

[Федеральный закон №143-ФЗ, ст.65].

Вишневский: – Давайте попробуем подытожить эту часть нашего разговора. С одной стороны, сам факт роста продолжительности жизни после 2003 г. вроде бы никем не оспаривается, хотя есть расхождения в том, как трактовать этот рост: как, в основном, возврат к тому, что уже было, или как свидетельство перелома тенденции. Но есть еще и весьма существенные дополнительные соображения, касающиеся достоверности и точности исходных оценок смертности, лежащих в основе всех последующих рассуждений. Есть объективные пределы точности, не все можно учесть на 100%, но разумеется, нельзя исключать и намеренных подтасовок.

Если демографические показатели рассматриваются как свидетельство успешности или неуспешности работы губернатора и власти вообще, то появляется заинтересованность в том, чтобы эти показатели были получше. У нас это всегда было. В советское время просто засекречены были почти все данные о смертности, а сейчас они не засекречены, но могут быть фальсифицированы. Это не исключено. Мы не знаем, как это контролировать, наверно, надо думать об этом. Какие-то методы сравнительного анализа могут помочь выявить вольные или невольные искажения, но пока, во всяком случае, существует представление, что имеющиеся оценки не на 100% надежны. Если говорить о злонамеренных искажениях, то, возможно, они и есть, но откровенно говоря, мне не представляется, что в России может быть очень большой масштаб фальсификации информации о смертности в целом, скорее, это вероятно при кодировании причин смерти, но к этому мы еще вернемся.

Шишкин: – Здесь мы должны, мне кажется, вместе констатировать, что фальсификация имеет место, но вопрос в масштабе этой фальсификации. Существенен ли он для обсуждения причин роста продолжительности жизни или не существенен. Мне кажется, что не существенен.

ВЕЛИКИ ЛИ РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В СМЕРТНОСТИ?

Ермаков: Очень важную вещь, кажется, никто не отметил. Россия - это больше 80 территорий, и более чем для 60 территорий рост продолжительности жизни весьма сомнительный. Показатель по стране мы вытаскиваем за счет Москвы, за счет Ханты-Мансийского АО и черноземных районов, начиная с Ростова и южнее.

Андреев: Нет-нет, это не совсем так. Рост универсален.

Иванова: Рост есть везде, правда, он разный, разный по масштабу, но есть везде.

Ермаков: Все статистические показатели имеют «коридорчики». Росстат никогда эти коридорчики не рассчитывал. А идеология оценки сейчас - даже слова «доверительный интервал» убрали. Сейчас вообще рассчитывают uncertainty interval (интервал неопределенности) совсем другими методами, в частности бутстрепом. О чем тогда мы говорим по первому вопросу? Мы не знаем ответа, если строго по-научному.

Школьников: Для России в целом нет улучшения?

Ермаков: Мы не знаем, есть для России устойчивый рост или нет, - он вроде есть, а вроде и нет. Я считаю, что нет никого роста. И у меня целая куча есть аргументов. Ну у кого-то есть аргументы за то, что есть устойчивый рост. Вот Алла Ефимовна только что сказала, что рост есть везде, только разный, и так далее.

Андреев: – Маленький комментарий. Вот в этой книжке [Население России... 2014] написано, что мы посчитали абсолютные межрегиональные различия ожидаемой продолжительности жизни за период после 1989 г.: они действительно выросли и достигли своего максимума в 2004 г., а после 2004 г. они стабильны и не меняются. Абсолютная межрегиональная разность (абсолютная разность в продолжительности жизни, взвешенная по численности населения) после 2004 г. стабильна. В книге есть соответствующий график.

Вишневский: – По-вашему, это говорит в пользу достоверности?

Андреев: – Это говорит о том, что межрегиональные различия не растут.

Вишневский: – А говорит ли это в пользу достоверности?

Школьников: – Нет, они должны сокращаться.

Шишкин: – Совсем не обязательно должны сокращаться, ведь другие различия между регионами, и в частности экономические, не сокращаются.

Школьников: – Вы думаете, что экономический рост - эквивалент роста продолжительности жизни?

Шишкин: – Нет, конечно. Я лишь хочу подчеркнуть, что данные о сохранении межрегиональных различий в ожидаемой продолжительности жизни не могут априори расцениваться как недостоверные.

Андреев: – Хочу заметить, что в регионах, где нет устойчивого роста ожидаемой продолжительности жизни, находится очень малая часть всего населения. В конечном итоге, половина населения России живет в 27 субъектах на 6% территории, население всего Дальневосточного Федерального округа ненамного больше населения Санкт-Петербурга, а Сибирского – примерно равно населению Москвы и Московской области. А областей и там, и там очень много.

Иванова: – Конечно, рост продолжительности жизни есть и с учетом интервалов неопределенности, и без их учета, это не имеет значения. Достаточно посмотреть на

масштабы прироста с 2004 или 2005 г., кто как считает. В целом по РФ с учетом численности населения страны оценки интервалов неопределенности не имеют особого смысла.

Что касается региональной статистики, я хотела об этом сказать, но Сергей Петрович меня опередил. Действительно, ситуация нетипична. Известно, что всегда рост ожидаемой продолжительности жизни сопровождался сокращением ее региональной вариации, потому что быстрее росла продолжительность жизни на неблагополучных территориях, где отклик на стимулы снижения смертности и начинался раньше, и был по масштабу более заметным. Сейчас мы не имеем сокращения регионального разброса: за период с 2004 г. он практически стоит на месте и для мужчин, и для женщин, потому что и относительно благополучные, и неблагополучные территории ведут себя по-разному. Часть неблагополучных территорий действительно демонстрирует рост продолжительности жизни опережающими темпами, но часть практически стоит на месте и занимает то место, которое занимало всегда. Это не только пресловутая Тува, но и другие территории на северо-западе и в Восточной Сибири. Если смотреть динамику по годам, то в целом по России на протяжении практически десятилетнего периода отмечалась колебательная динамика прироста продолжительности жизни, т.е. более высокий прирост сменялся меньшим, а региональная развертка этих колебаний свидетельствует, что примерно 10% территорий демонстрировали в отдельные годы сокращение продолжительности жизни. Т.е. фундаментальная основа для устойчивого роста продолжительности жизни есть далеко не на всех территориях. Нельзя, конечно, сводить позитивный тренд только к Москве и Ханты-Мансийску, география устойчивого сокращения смертности значительно шире; правильнее было бы говорить об анклаве территорий, не имеющих основы для устойчивой динамики, а это, по нашим оценкам, примерно четверть российских территорий. И если уже переходить к причинам, а именно к роли здравоохранения, то далеко не везде равномерно здравоохранение улучшалось, и в результате предпринятых мер разрыв в доступности и качестве услуг не сократился, а увеличился.

КАКИЕ ПОЛОВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ БОЛЬШЕ ДРУГИХ ОПРЕДЕЛЯЮТ РОССИЙСКОЕ ОТСТАВАНИЕ?

Вишневский: – Второй вопрос: есть ли какие-то половозрастные группы, которые больше других определяют российское отставание? С детскими возрастами у нас, кажется, все более или менее благополучно.

Андреев: – Относительно благополучно. Все показатели смертности в два-три раза выше, чем в Европе, но не в шесть-восемь раз, как в возрастах 25-44 года у мужчин, и динамика стабильная.

Вишневский: – Младенческая смертность сейчас в Европе такая низкая, что даже если она у нас в два раза выше, то это 7-8‰. А ведь еще 30 лет назад было 21‰ при том, что в Японии было 5‰. Тогда это скрывалось.

Ермаков: – У нас тогда даже наказывали за озвучивание данных в советское время о младенческой смертности.

Комаров: – Меня в свое время на ковер вызывали за младенческую смертность.

Ермаков: – На коллегии Минздрава заведующего отделом обычного института уволили за это. Вот так.

Вишневский: – В 1986 г. я пытался в статье в журнале «Коммунист» назвать эти цифры, и редакция не возражала. А вы помните, какой вес имел тогда этот журнал. Но тогдашнее ЦСУ СССР наложило вето на публикацию данных, и даже главный редактор журнала, член ЦК КПСС, не смог преодолеть этот запрет. Осталась только фраза: «Смертность детей в возрасте до 1 года у нас значительно выше, чем в крупных капиталистических странах».

Сейчас положение с младенческой смертностью намного лучше. Конечно, и сейчас мы отстаем, но есть позитивная динамика, мы догоняем. А вот со смертностью трудоспособного населения, особенно мужского, положение сложнее. Есть у нас эта проблема как отдельная или нет?

Ермаков: – Проблема есть. Я три года отработал в системе ОМС в Московской области, там есть эксперты - они все профессионалы высокого уровня, - которые рассматривают сложные случаи: человека правильно обслуживают или неправильно, нарушили какие-то нормы или не нарушили и т.д. И вот они мне рассказали, и я проверил. У мужчин в возрасте 30-45 лет очень часто первый контакт с медицинским учреждением в связи с сердечно-сосудистым заболеванием происходит через скорую помощь. Люди не следят за своим здоровьем.

Комаров: – Есть еще одна особенность - у мужчин те же самые заболевания протекают более агрессивно и более тяжело, чем у женщин.

Ермаков: – Это тоже правильно. Там одно на другое накладывается.

Вишневский: – Смертность взрослых от сердечно-сосудистых заболеваний у нас более ранняя, чем на Западе. А заболеваемость? Для того чтобы умереть, нужно заболеть. У них позже заболевают или они лучше лечат?

Иванова: – О заболеваемости у нас мы практически ничего не знаем, потому что статистики по этому поводу нет, она констатирует лишь контакты со здравоохранением.

Шишкин: – Если не зафиксировано, считайте, что и не заболел.

Комаров: – Могу по этому поводу сказать, что наши сельские жители скоро будут самыми здоровыми в мире. Потому что у нас заболеваемость регистрируется, как вы знаете, по обращаемости, а там некому регистрировать.

Ермаков: – Я статистикой здравоохранения занимаюсь достаточно давно, и могу сказать: все таблицы по заболеваемости, грубо говоря, бессмысленны. Объясняю: выделяются три группы: дети 0-14 лет, дети 15-17 лет и все остальные возраста в одну группу взрослые (18 лет и старше). В целом ряде таблиц пишется «первичное обращение». Что это такое? Больной пришел в поликлинику, его записали, но сказали: «у вас же медсанчасть есть, вы бы туда сходили». Он идет, его и там записали, но посоветовали сходить в кардиоцентр – его и там записали. Даже если каждый раз диагноз правильный, идет сильное преувеличение реального числа обратившихся.

Школьников: – Есть исследования распространенности болезней на основе обследований здоровья и факторов риска. А официальные данные о заболеваемости, очевидно, плохие. Но есть также гораздо менее очевидные, но важные проблемы и в данных о смертности, которые считаются достаточно надежными.

Возьмите вопрос о ранней сердечно-сосудистой патологии и огромном количестве российских смертей от сердечно-сосудистых заболеваний в возрасте до 60 лет. По этому поводу есть две точки зрения сейчас, и каждая из них имеет свои основания.

Есть точка зрения Давида Заридзе и его коллег, которые проводили в Барнауле и Томске серьезное исследование, опубликованное в журнале «*Lancet*» [Zaridze et al. 2009; Zaridze et al. 2014]. Это исследование, основанное на микроданных, указывает на то, что высокая и ранняя смертность от сердечно-сосудистых заболеваний - статистический артефакт, и что на самом деле - это смерти от отравлений алкоголем, которые просто неправильно закодированы как сердечно-сосудистые смерти. Это - одна точка зрения. Другую точку зрения, выражают Дэвид Леон, Мартин Макки, Евгений Михайлович Андреев и я. Мы провели другие исследования в других местах России, которые говорят, что да, может быть, есть некоторый перекося в статистике причин смерти, но он невелик и далеко не объясняет всю преждевременную сердечно-сосудистую сверхсмертность россиян [Leon et al. 1997; McKee, Shkolnikov, Leon 2001]. С другой стороны, мы увидели на данных Ижевска, что, с точки зрения развития атеросклероза, много пьющие имеют более низкий холестерин и лучшее состояние сосудов. Откуда же в России такая смертность от сердечно-сосудистых заболеваний среди 40-50-летних? И если эти смерти действительно от сердечно-сосудистых заболеваний, значит есть какие-то другие, пока неизвестные, физиологические механизмы, которые нужно изучать. Чтобы это выяснить, сейчас ведется англо-российско-норвежское исследование, которое проходит в Архангельске и Новосибирске и стоит больших денег.

Вишневский: – Вроде бы все согласны, что наша особая проблема - мужская смертность в средних возрастах. Это верно?

Комаров: – Да, конечно, несомненно.

Вишневский: – У женщин в это смысле значительно лучше. Но есть еще вопрос о том, что все же происходит после 60 лет? Это важно в связи с обсуждением вопроса о возрасте выхода на пенсию. С каким состоянием здоровья наши люди достигают этого возраста?

Комаров: – Минздрав уже на протяжении сорока лет не заказывает исследования о здоровье населения. Раньше всегда проводились эти исследования в связи с переписями населения. Теперь - нет. Только сейчас Федеральным агентством по науке будет заказано исследование - мониторинг здоровья. Идет обсуждение этого проекта, уже вышли на договора даже. Исследование будет проводить один из крупнейших институтов нашей страны. Его предполагается вести не по всей территории, а на типичных представителях. Будет проведена классификация территорий, из каждой группы территорий будет выбран какой-то представитель, и по определенным критериям, которые будут разработаны специально, будет вестись вся работа.

Вишневский: – Сергей Петрович, у меня к вам вопрос. А как в других странах, тоже по

укрупненным группам или там все-таки есть по той же заболеваемости?

Ермаков: – Первичные данные собираются и обобщаются - я сейчас говорю не о свидетельствах о смерти или амбулаторных картах - в табличной форме со стандартной группировкой ВОЗ: 0-1, 1-4, далее либо пятилетние группы, либо 85+, либо даже сейчас 95+ в развитых странах.

Вишневский: – Это по заболеваемости?

Ермаков: – Понимаете в чем дело, у них даже термина такого нет. У них страховые компании лечат людей, и страховые компании частные, они не делятся друг с другом первичной информацией. Еще в 90-е годы, в начале 90-х годов, когда премьером Черномырдин был, приехал американец и показывал информационную систему, для которой, по договоренностям со страховыми фирмами, ему давали повозрастные данные. И он показывал, какая в разных штатах заболеваемость. Ситуация примерно та же. Ему никто первичных данных не давал, ему давали сгруппированные по возрастам, по стандартным возрастным группам данные. У него частная фирма небольшая, он и еще два человека. Они зарабатывали столько, что могли даже ездить в Россию и учить нас жизни вообще и медицинской статистике, в частности.

Вишневский: – Все же это тоже важный вопрос с точки зрения того, что мы можем порекомендовать. Может быть, надо сказать, что этих данных нет, что они необходимы и надо думать, как их получить.

Школьников: – Нужна не статистика заболеваемости, а статистика распространенности, нужны биологические данные, давление, холестерин, маркеры воспаления и прочее. Нужно, чтобы все было так, как в наиболее развитых странах. Ничего придумывать не надо, все уже придумано.

Иванова: – Сейчас по этой программе «Steps» будет работать институт профилактической медицины.

Школьников: – Вот это очень хорошо, это и нужно.

Комаров: – В Голландии это так называемые Sentinel Stations, в Штатах - отдельные исследования, проводимые Центрами по контролю за болезнями.

Андреев: – В США есть База данных Centers for Disease Control and Prevention (Центры по контролю и профилактике заболеваний).

Иванова: – Хочу вернуться к теме заболеваемости. Вопрос: действительно у нас умирают раньше, потому что заболевают раньше? Про кардиологию ответить на этот вопрос нельзя, нет статистики. А вот про рак сказать можно. Там есть нормальная статистика заболеваемости, она фиксируется исключительно диспансером, где верифицируется диагноз, нет смещения обращений в разные медицинские учреждения, как при других заболеваниях, расчет идет на основании событий у физических лиц, и пациент «привязан», так сказать, к определенной территории.

Онкологическая статистика отчетливо свидетельствует, что пациенты умирают раньше, потому что их выявляют позже.

Комаров: – И есть индикаторы очень хорошие: одногодичная выживаемость, пятилетняя выживаемость, десятилетняя выживаемость.

Иванова: – Если в онкологии так, то почему в кардиологии должно быть по-другому? Я думаю, что так должно быть в отношении всех хронических заболеваний.

Вишневский: – Можно предположить, что, поскольку от сердечно-сосудистых заболеваний стали меньше умирать, то больше людей доживают до своего рака. Значит, они и заболевают позже...

Комаров: – Но от рака все-таки раньше умирают.

Андреев: – У нас – да, но в развитых странах от рака умирают ненамного раньше, чем от сердечно-сосудистых болезней.

Вишневский: – Это верно, средний возраст смерти от рака повысился. Но благодаря чему? Какие здесь могут быть варианты? Либо позже умер, потому что позже заболел раком, вследствие того, что не умер до этого от сердечно-сосудистого или какого-либо иного заболевания, с которым научились бороться; либо позже умер, потому что сейчас лечат и продлевают жизнь онкологическим больным. Это все-таки разные вещи, и хорошо бы в них разобраться.

Комаров: – Ну, рак у нас сейчас лечат не по полной программе, мы же отказались от закупок противоопухолевых препаратов, а своих у нас нет.

Вишневский: – Допустим, мы не покупаем, но есть мировой опыт. Ясно, что во многих странах люди с диагностированным раком живут дольше.

Комаров: – Смотря, какие формы.

Вишневский: – У нас есть данные о среднем возрасте смерти от каждой причины, и видно, что средний возраст смерти от рака значительно вырос во всех странах.

Комаров: – Это средняя температура по больнице.

Вишневский: – Конечно, средняя величина – статистическая характеристика, она обобщает, но все же о чем-то она говорит. Если средний возраст смерти вырос значительно, значит, что-то сдвинулось.

Иванова: – Это в целом по раку, а по отдельным локализациям картина совершенно другая.

Вишневский: – По отдельным может быть, мы сейчас не в состоянии вникнуть в детали. Но разве не важна ситуация в целом, по всему классу причин? В некоторых западных странах стандартизованные коэффициенты смертности от рака и от сердечно-сосудистых заболеваний сравнивались, по крайней мере у мужчин. При этом средний возраст смерти и от того, и от другого сильно вырос. Средний возраст смерти от рака существенно выше не только по сравнению с тем, каким он был несколько десятилетий назад, но и по сравнению с тем, каким он был тогда для смертности от сердечно-сосудистых болезней.

Андреев: – В США средний возраст смерти от рака лишь немного ниже, чем от болезней системы кровообращения: в 2010 г. у мужчин - 79,6 и 75,8 года, у женщин - 84,7 и 76,2.

Школьников: – Выше, это верно, хотя многое от страны зависит. Но в целом и для рака, и для сердечно-сосудистых заболеваний средние ожидаемые возраста смерти в наиболее развитых странах высокие.

Вишневский: – В любом случае, нам надо было бы иметь более полную информацию о заболеваемости по возрасту. Или хотя бы обращаемости. Как бы ни совершенен был показатель обращаемости, но возраст есть возраст, что-то он отразит. Он должен как-то фиксироваться и обрабатываться. Что для этого надо сделать?

Кваша: – Об этом говорится десятилетиями.

Школьников: – Это очевидные вещи.

Андреев: – Мы об этом писали еще в 1975 г.

Вишневский: – Но это не значит, что об этом не надо писать сейчас. Капля камень точит.

Иванова: – Маленький комментарий. Все-таки какие-то изменения произошли: в статистике заболеваемости по обращаемости возрастную группу 18 лет и старше разделили на «до трудоспособного» и «старше трудоспособного» возраста. Поэтому с 2012 г. есть возможность анализа более детальных данных. Кроме того, как вы знаете, в свидетельстве о смерти должна указываться не только причина смерти, но и продолжительность заболевания, ставшего причиной смерти.

Школьников: – На самом деле, мировой опыт показывает, что статистика заболеваемости не дает полной картины, а нужна статистика распространенности, причем для этого нужны такие исследования, какие делает в Штатах NHANES (National Health and Nutrition Examination Survey) или в Англии ELSA (English Longitudinal Study on Aging). Было бы отлично, если бы подобные исследования были заложены и в России. Нужен какой-то мониторинг объективных показателей здоровья на большой репрезентативной выборке. У нас же проблем здоровья и смертности намного больше, чем в Америке, значит, наверное, нам хотя бы что-то нужно тратить на мониторинг здоровья, хотя бы в 10 раз меньше. Но не 0 же тратить на это!

Харькова: – Нужно что-то по типу бюджетных обследований домохозяйств.

Школьников: – Да, заложить такое исследование, и не так, как сейчас, когда Центр профилактической медицины должен по конкурсу выбирать, кто будет в той или иной области проводить выборочные исследования. Там тот, кто назначит меньшую цену, тот и будет проводить, независимо от компетентности.

Комаров: – Сейчас уже не так.

Школьников: – Тем не менее, два дорогостоящих исследования, которые могли бы быть полезны, уже были таким образом проведены.

Андреев: – Владимир Михайлович не пояснил, что американские обследования серии NHANES, о которых шла речь, охватывают большие выборочные совокупности, за которыми идет панельное наблюдение, они регулярно обновляются, ремонтируются, и об этих людях все известно.

Школьников: – Они повторяются каждый год.

Вишневский: – Пока вы знаете, что в нашей микропереписи сняли все или почти все вопросы о здоровье.

Андреев: – Но, может, и не зря, потому что от них толку немного.

Вишневский: – Будет или не будет толк, об этом можно спорить, но бывают вещи, которые имеют символическое значение. Какие-то экономические вопросы, которые задаются при микропереписи, тоже далеко не идеальны, толк от них тоже может быть поставлен под сомнение, но их ставят, потому что это считается важным. А здоровье считается неважным, поэтому вопросы о здоровье первыми попадает под нож.

Шишкин: – Тут, возможно, есть и другое соображение. Английский исследователь Кристофер Дэвис только что опубликовал статью «Российский айсберг смертности». У нас такое громадное число заболеваний, очень большие масштабы скрытой заболеваемости, что если это сделать достоянием гласности, то станет очевидным, что тех усилий, тех ресурсов системы здравоохранения, которыми она располагает, просто не хватит.

Комаров: – А кто этого не знает?

Шишкин: – Это станет достоянием всеобщим, этого и не хотят, потому и не проводят такого исследования.

Комаров: – Когда раньше проводили изучение состояния здоровья и прежде всего заболеваемости и распространенности, то вводили так называемый «фильтр», т.е. экспертизу нуждаемости в медицинской помощи. Не при каждом заболевании нужно, чтобы человек пошел к врачу, такой фильтр позволяет отсеивать тех, кто в этом не нуждается, и выявлять тех, кому действительно нужна помощь медицины. Это во времена Богатырева было. Я в этом участвовал и знаю хорошо, как это делалось.

Вишневский: – В свое время Кричагин очень выступал против диспансеризации. Она у нас сейчас пошла в гору...

Комаров: – По поводу диспансеризации, вообще, я должен сказать, что Минздрав сильно лукавит во всех отношениях и неправильно информирует высшие власти. С их подачи и Путин теперь заговорил о диспансеризации, хотя речь идет всего лишь о периодических профилактических осмотрах. Диспансеризация - это совсем другое. Если такие осмотры всегда массовые, то диспансеризация всегда индивидуальна. Берется человек на диспансерный учет, за ним ведется диспансерное наблюдение и оздоровление. Вот же что самое главное. А деньги выделены только на осмотры. 80 млрд рублей каждый год.

КАКИЕ ПРИЧИНЫ СМЕРТИ ВНОСЯТ НАИБОЛЬШИЙ ВКЛАД В РОССИЙСКОЕ ОТСТАВАНИЕ?

Вишневский: – Предлагаю двигаться дальше и рассмотреть все тот же общий вопрос, но теперь в терминах причин смерти. Позиция нашего института, которую мы не раз обосновывали, заключается в том, что в России есть две главные группы причин, которые

в решающей степени определяют наше отставание. Во-первых, это болезни системы кровообращения, но не смертность от них вообще, а высокая смертность в молодых и средних возрастах, потому что в старших возрастах смертность от этих болезней более или менее естественна. А во-вторых – внешние причины смерти.

Комаров: – Нужно говорить не о сердечно-сосудистых вообще, а о сердечно-сосудистых у мужчин.

Вишневский: – Посмотрите, вот две таблицы, они относятся к 2010 г. Вверху мужчины, внизу – женщины (таблицы 2 и 3). Здесь сравниваются табличные числа смертей от разных причин в разных возрастах до 70 лет. За стандарт снова принят ЕС-15. Темно-красная заливка указывает на максимальное отличие. Цифра в правом нижнем углу первой таблички (более 46 тыс.) означает, что из каждых 100 тыс. мужских смертей в России более 46 тыс. преждевременны в том смысле, что в ЕС-15 они случились бы в возрасте старше 70 лет. Из этих 46 тыс. около 20 тыс. – смерти от сердечно-сосудистых заболеваний и 17 тыс. – от внешних причин. Всего, стало быть, 37 тыс. из 46. У женщин, конечно, положение лучше, - я согласен с вами, Юрий Михайлович, у них не 46 тыс. преждевременных (в указанном смысле) причин, а всего 21 тыс., но это тоже немало.

Таблица 2. Избыточные табличные числа мужских смертей в возрасте до 70 лет в России, по сравнению с ЕС-15, на 100000 мужчин, умирающих во всех возрастах и от всех причин, 2010

Возраст	Инфекционные и паразитарные болезни	Новообразования	Болезни системы кровообращения	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Другие болезни	Внешние причины	Все причины
0	99	6	6	176	6	936	97	1326
1-4	28	19	3	58	4	97	154	362
5-9	6	13	3	11	2	45	160	240
10-14	3	10	5	7	2	26	171	225
15-19	16	18	29	18	8	63	685	837
20-24	82	22	117	41	29	156	1603	2049
25-29	147	27	207	63	57	193	1744	2437
30-34	190	35	375	95	100	197	1752	2742
35-39	242	78	685	168	145	217	1845	3380
40-44	289	158	1225	248	179	258	1991	4348
45-49	298	317	1948	360	191	275	2013	5402
50-54	254	406	2762	442	176	243	1806	6089
55-59	196	483	3570	492	131	115	1474	6462
60-64	111	47	4403	507	59	-65	994	6056
65-70	2	-803	4649	386	-26	-353	534	4390
Всего	1964	836	19987	3068	1063	2402	17023	46344
Число избыточных смертей:			Более 1000	500-1000	300-500	100-300	50-100	Менее 50

Таблица 3. Избыточные табличные числа мужских смертей в возрасте до 70 лет в России, по сравнению с ЕС-15, на 100000 женщин, умирающих во всех возрастах и от всех причин, 2010

Возраст	Инфекционные и паразитарные болезни	Новообразования	Болезни системы кровообращения	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Другие болезни	Внешние причины	Все причины
0	71	5	6	139	7	659	83	970
1-4	21	17	3	58	2	75	109	284
5-9	5	9	4	9	2	31	72	133
10-14	3	9	2	4	1	18	70	106
15-19	10	14	12	8	4	38	216	302
20-24	23	21	26	15	9	60	285	440
25-29	31	31	51	19	22	65	300	518
30-34	36	60	100	29	31	77	320	653
35-39	36	89	171	39	46	81	362	825
40-44	41	133	327	51	68	84	408	1112
45-49	35	191	613	73	83	107	466	1568
50-54	30	200	1117	73	109	119	504	2152
55-59	20	188	1981	71	162	124	506	3051
60-64	0	41	3065	43	122	44	380	3696
65-70	-28	-171	5182	30	102	-72	312	5355
Всего	333	837	12659	662	772	1510	4393	21165
Число избыточных смертей:		Более 1000	500-1000	300-500	100-300	50-100	Менее 50	

И у мужчин, и у женщин в возрасте до 45 лет вклад внешних причин в смертность выше, чем сердечно-сосудистых болезней.

Иванова: – Так и должно быть.

Вишневский: – Конечно, но достаточно ли это осознается? Сейчас у нас объявлен год борьбы с сердечно-сосудистыми заболеваниями. А будет ли год борьбы с внешними причинами смерти – с учетом их очень неприятного влияния на среднюю продолжительность жизни? Вообще, какими должны быть приоритеты политики, направленной на снижение смертности? Усиление контроля над какими причинами смертности важно в первую очередь?

Ермаков: – Ваша табличка и показывает.

Вишневский: – Мы впервые построили такие таблички с Владимиром Михайловичем 20 лет назад. Наши попытки показать это в Минздраве встретили сопротивление, они не захотели смотреть. Хозяин – барин. Соответствуют ли нынешние приоритеты в политике приоритетам, вытекающим из нашего анализа? Хочу обратить ваше внимание, что в наших таблицах относительно благополучно выглядит рак, избыточная смертность от него в возрастах до 70 лет относительно невелика, в возрасте 65-69 лет у нас есть даже преимущество. А в стратегии Минздрава борьба с онкологической смертностью занимает одно из первых мест.

Школьников: – По-моему, Анатолий Григорьевич, вы просто помогаете руководству страны переложить ответственность. Вы им говорите: главное - это травматизм, внешние

причины. От них наибольшие потери лет человеческой жизни. Минздраву это на руку, поскольку за смертность от травматизма он отвечает только в небольшой части. Вы им говорите, что рак - это не главное. Дайте этот аргумент в руки политикам, и он будет восприниматься как оправдание дальнейшего урезания онкологической службы. На самом деле у нас недофинансировано большинство направлений. Тут и рак, и сердечно-сосудистые заболевания, и скорая помощь, и диабет, и многое-многое другое. В такой ситуации опасно говорить, что рак - это неважно.

Вишневский: — Я не говорю, что рак - это неважно, тем более, что у нас есть отставание и по раку. Я говорю о приоритетах. Онкологическими проблемами многие занимаются, к ним привлечено внимание, есть серьезные научные институты. А по внешним причинам, потери от которых не меньше, а наше отставание от других стран намного больше, ничего такого нет.

Ермаков: — Кстати, и статистика по раку достоверная. У нас ведь есть ассоциации - Международная (Россия, Белоруссия, Украина) лига пациентов по борьбе с раком почки, Российское общество клинической онкологии, Ассоциация онкологов России, - есть канцер-регистры (государственный раковый регистр, популяционные регистры больных с злокачественными новообразованиями в субъектах РФ и госпитальные раковые регистры - например, в Санкт-Петербурге, Самаре, Красноярске и др.), регистры по государственной программе «7 нозологий», включающей регистр больных миелолейкозом.

Иванова: - Тем не менее существуют сомнения в достоверности учета онкологической смертности, особенно в старших возрастах, в которых наиболее популярный диагноз - хроническая ишемическая болезнь сердца неуточненная, который ставят, в том числе, и «на основании осмотра трупа». А при сокращении числа вскрытий посмертная постановка диагноза онкологического заболевания носит единичный характер.

Школьников: — Но все же с внешними причинами в смысле качества данных дело обстоит намного хуже. Алла Ефимовна как раз много сделала на эту тему. И Евгений Михайлович в последнее время выполнил серьезный анализ. У нас, как известно, очень выросла смертность от неустановленных неестественных причин, когда неизвестно, насильственные они или случайные. А здесь надо серьезно разбираться: отравление алкоголем - это одно дело, самоубийство - другое, а убийство - третье. Это все-таки три разные вещи, и нужно знать масштабы каждого из этих явлений. Сейчас у нас неточные представления об этом. Фиксируется огромный рост смертности от неустановленных причин в Москве и в ряде регионов. В конце советского времени на них приходилось всего что-то меньше 10% смертности от всех неестественных причин. Сейчас эта причина на первом-втором месте в данном классе причин. Очень возможно, что за ростом смертности от неустановленных причин скрывается рост убийств и самоубийств. Есть много вердиктов судов, в которых показано, как человек А и человек Б распивали спиртное в течение 4 часов, а потом А на основе «возникшей неприязни» ударил Б по голове «тяжелым тупым предметом», что впоследствии привело к смерти Б. Но закодировать смерть от этого события можно по-разному.

Иванова: — Там важны намерения, потому что в качестве убийства этот случай не закодируют, если не было намерения убить.

Ермаков: – Есть еще вопрос, насколько достоверна наша статистика причин смерти. Боюсь, по некоторым вещам мы не доберемся до истины никогда.

Приведу конкретный пример из своего опыта. На одной из территорий мы поставили систему ФАИСС-2 (Фактографическая автоматизированная информационно-справочная система, авторская разработка 1990 г.) для ввода и анализа свидетельств ЗАГС о смерти на уровне региона. Система на территории понравилась, они попросили, чтоб мы стали вводить также и персональные данные (тогда еще не было закона о персональных данных) – фамилию, имя и отчество, место жительства, даже улицу, дом, квартиру, – для того, чтобы Минздрав области мог послать врача, и он на месте разобрался, что там на самом деле произошло. Когда мы ввели данные, я решил посмотреть, что получается. В областном центре – 1,3 млн человек. Мне стало интересно, какие первоначальные причины смерти ставятся умершим в стационаре и подвергнутым патологоанатомическому вскрытию. Оказалось, что среди умерших, удовлетворяющих упомянутым условиям, очень много (десятки лиц) случаев, когда первоначальная причина смерти закодирована символом R – это неточно обозначенные и прочие причины смерти. Я пришел к министру здравоохранения области, он вызвал заместителя по лечебной работе, дал бумажку с адресами таких умерших (только в областном центре) и сказал: «разбирайтесь!». Через год я его встречаю, он уваливает от встречи, но когда наконец мне удалось спросить его о результатах, он говорит: «Иди отсюда! Если обнародовать, то нужно нас всех стрелять». А мы каким-то записям о смерти собираемся верить или не верить. Статистика причин смерти даже в стационарах, даже в случае вскрытия существенно не достоверная.

Вишневский: – Если говорить обо всех внешних причинах в целом, то на общую смертность от них перераспределение внутри класса не влияет. Но с точки зрения приоритетов политики важно, конечно, и то, что происходит внутри класса. Я недавно участвовал в одном совещании, где представитель Минздрава долго рассказывал о том, как они борются со смертностью от ДТП. И мне показалось, что он был удивлен, когда я сказал, что ДТП – это серьезная причина смерти, но на нее приходится только 10% смертей от внешних причин, и спросил, кто борется с остальными 90%? Он промолчал.

Комаров: – Они и с ДТП неправильно борются, они борются приближением медицинской помощи к наиболее опасным местам возможного происшествия. Это неправильный подход. Посмотрите, как в Швеции. Надо дороги хорошие делать, обочины делать, улучшать работу полиции, деньги вкладывать.

Школьников: – В Москве, например, на развязках автодорог можно увидеть полосы разгона всего по 50 м длиной. Но, конечно, дело не только в ДТП. На смертность от внешних причин влияет такой серьезный фактор (скорее, это даже группа факторов), как «небезопасность жизни» (Human insecurity). Это наличие или отсутствие пожарных лестниц и выходов в высотных домах, это та или иная степень соблюдения технических требований и стандартов, это то или иное качество дорог и дорожной разметки, это различного рода предупредительные надписи, это то или иное качество работы спасателей и т.п., это защита газовых сетей, оборудования. Все эти вещи требуют очень большого внимания, и в России пытаются в этом наводить порядок. Кое-что заметно в Москве, но крайне недостаточно.

Вишневский: – До моего дома в Москве наведение порядка еще не дошло. Я живу в 16-

этажном доме, у нас есть две пожарные лестницы во внешних нишах, и уже дано висит объявление, что на них выходить запрещено, потому что это опасно для жизни. Как нам объяснили, ремонтировать их чрезвычайно дорого, поэтому их, скорее всего, вообще снимут.

Понятно, что с точки зрения интересов разных ведомств – не только Минздрава – лучше, чтобы статистика фиксировала больше смертей от таких причин, за которые никто не отвечает. Но это еще одно основание сказать, что нужен вневедомственный подход, комплексное изучение всего блока внешних причин смерти, и этим кто-то должен заниматься. Минздрав, видимо, не считает весь блок в целом зоной своей ответственности, МВД – тем более, и нет никаких научных центров, которые достаточно всесторонне изучали бы эту проблему, приобретающую все большее социальное звучание.

СМЕРТНОСТЬ И АЛКОГОЛЬ

Андреев: – Известно, что смертность от внешних причин сильно связана с алкоголем, но я хотел бы подчеркнуть, что и большинство смертей от болезней системы кровообращения в интервале возрастов от 35 до 60 лет – это следствие злоупотребления крепким алкоголем. Есть много статей на эту тему, хотя в каких-то конкретных случаях может быть это и не так.

Ермаков: – Владимир Михайлович, только что говорил совсем обратное: в его исследовании доказано, что сосуды у пьющих гораздо лучше устроены.

Школьников: – Нет-нет, это – разные вещи. Есть и другие виды сердечно-сосудистой патологии, например, такие, как кардиомиопатии, аритмии, фибрилляция предсердий.

Андреев: – Или просто пьяный инфаркт. Это давняя проблема. Есть исторические данные, доказывающие, что в России чрезвычайно высокая смертность от перепоя существует, по крайней мере, с 1865 г. Имеются данные дореволюционного Центрального статистического комитета, которые показывают, что проблема высокой смертности от алкогольных причин существует, по крайней мере, 150 лет. Еще в те годы смертность от алкогольного перепоя на территории современной Российской Федерации была в 6-7 раз выше, чем на Украине, Белоруссии, не говоря уже о балтийских губерниях, по сравнению с которыми она была в 16 раз выше. Не знаю наверняка, но возможно, дело в том, что в западной части Империи пили часто и помалу, а в России – редко, в основном на праздники, но в таком количестве, что от этого можно было умереть. И сейчас мы такие смерти классифицируем как смерти от инфаркта или инсульта.

«Два слова об одном источнике резерва – о водке. Есть люди, которые думают, что можно строить социализм в белых перчатках. Это — грубейшая ошибка, товарищи. Ежели у нас нет займов, ежели мы бедны капиталами и если, кроме того, мы не можем пойти в кабалу к капиталистам, не можем принять тех кабальных условий, которые они нам предлагают и которые мы отвергли, — то остается одно: искать источников в других областях. Это всё-таки лучше, чем закабаление. Тут надо выбирать между кабалой и водкой, и люди, которые думают, что можно строить социализм в белых перчатках, жестоко ошибаются».

[Сталин 1952: 340].

Комаров: – Я когда-то работал на Украине, там человек приходит домой, берет бутылку водки, жена ему яичницу с салом, достает огурчики - помидорчики, и ни в одном глазу. Я переехал в Подмоскowie, работал главным врачом в Раменской больнице – там рукавом закусывали; умирал человек, выпил и умирал; засыпал, а ночью шел дождь, и он захлебывался. Это кошмар.

Школьников: – Между серединой 80-х и в 90-е годы происходили большие колебания смертности примерно в одних и тех же возрастах от 15 до 60 лет, в основном симметричные, и связанные с алкоголем. Та же смертность от внешних причин в этих возрастах, несомненно, сильно связана с алкоголем, особенно когда речь идет о смертности от насилия. Алкоголь был важным фактором примерно 80% убийств - так показало наше исследование в Ижевске в конце 90-х. Там было показано, для какого процента убийств в регионе преступник и/или жертва находились в сильном опьянении.

А потом стало происходить нечто другое. Далеко не все изменения смертности в 2000-е связаны с алкоголем, значительная часть изменений была связана с алкоголем, но не всё.

Вишневский: – Так говорится, но доказательности в этом не может быть.

Школьников: – В этом нет абсолютной доказательности, поскольку нет подтверждений на уровне микроданных.

Ермаков: – В 1985 г. был совместный проект по снижению смертности от болезней системы кровообращения в Финляндии и Карелии. Я даже участвовал в совещаниях по этому проекту. Так вот, с 1986 г. за 20 лет финны снизили на 80% смертность свою от болезней системы кровообращения, а мы? У нас ничего не изменилось. Почему?

Школьников: – Нет, я совершенно не согласен, что ничего не изменилось.

Ермаков: – Но финны же снизили на 80%. В пять раз снизили смертность, а мы ее практически не снизили!

Школьников: – Потому что они лучше работают, а наше здравоохранение (в широком смысле слова) сработало намного слабее. Однако все-таки многое сделано. Об этом говорит характер снижения смертности в 2005-2014 гг.

Ермаков: – Если убрать первую, правильную, часть вашего утверждения (они лучше

работают), то во второй имеется существенная неточность – мы не просто работаем слабее, мы ничего не делаем, если сравнивать масштаб и качество проведенных лечебно-профилактических мероприятий. Мы - это не мы с вами.

Вишневский: – В свое время, по Финляндии во всяком случае, была статистика, впрочем, не только по Финляндии, что за это время очень сильно изменилась структура алкогольного потребления.

Школьников: – У нас она тоже меняется, кстати, сейчас.

Вишневский: – Все говорят, что меняется, и я тоже так думаю, но серьезных доказательств нет.

Немцов: – Сейчас уже есть. Появилось несколько превосходных работ, выпущенных Высшей школой экономики, Российской экономической школой, Институтом имени Гайдара. Можно считать доказанным, что по мере омоложения потребителей происходит прогрессивное увеличение в потреблении доли пива и уменьшение доли водки. Последнее особенно отчетливо проявляется после 40 лет.

Школьников: – В РМЭЗ есть хорошие доказательства, есть данные, что структура потребления алкоголя меняется в разрезе поколений. Евгений Михайлович Андреев эти данные анализировал. Есть подтверждение, что в потреблении молодых поколений гораздо выше доля пива. При этом старшие поколения свои предпочтения модифицируют мало и продолжают потреблять водку. А для пива, как известно (хотя кричат по радио и по телевизору, что пиво - это страшная опасность), нет ни одной научной статьи, которая связала бы его потребление со смертностью.

Немцов: – Точнее, нет ни одной смерти, связанной с острым отравлением пивом. В связи с пивом умирают, но редко и обязательно при мощном злоупотреблении. Причиной бывает «пивное» сердце или «пивные» почки. Однако связано это не столько с алкоголем пива или с его сухим остатком, сколько с нагрузкой организма водой, которая составляет более 90% пива. Я всячески поддерживаю переход с крепких напитков на пиво и вино как выбор из двух зол меньшего. Однако вино никогда не будет в России распространенным напитком из-за нашего климата и дороговизны этого напитка. Остается пиво в качестве главного напитка, способного потеснить водку. К сожалению, алкогольная политика нашего государства определяется не рациональными мотивами оздоровления населения, а совсем другими мотивами и более всего клановыми предпочтениями.

Вишневский: – Мы очень давно говорим, что главное направление алкогольной политики - это именно изменения в структуре потребления, а не сухой закон. Но вы знаете позицию нашего главного санитарного врача (до недавнего времени) - если верить ему, да и некоторым другим, нас просто затопило пивом.

«Анализ структуры продажи алкогольной продукции свидетельствует, что впереди всего пиво: 80 процентов. Доля водки и ликероводочных изделий составляет 13 процентов, 6 процентов приходится на вино и 1 процент на коньяк. К сожалению, полностью оправдался прогноз медиков 2000 года, когда они выступали против преступной, ориентированной на молодежную аудиторию пропаганды пива, когда доказывали, что это не приведет к изменению в структуре потребления спиртного. На фоне увеличения производства слабых алкогольных напитков и особенно пива значительно выросло потребление тяжелого алкоголя. Более всего опасны внедряющиеся в жизнь молодых россиян энергетические напитки, сочетающие алкоголь с тонизирующими веществами, которые усиливают вредоносное действие алкоголя на организм».

[Онищенко, 2009].

Понимал ли Г. Онищенко, что он сравнивает потребление водки и пива не в пересчете на чистый алкоголь, а в декалитрах жидкости, которая опасна не сама по себе, а в зависимости от содержания в ней главного и почти единственного токсического агента – этилового спирта? Понимал или не понимал, но получалась страшная картина, когда надо бороться с пивом, больше чем с водкой. Он и боролся.

Немцов: – И боролся не даром. Сейчас есть подозрения, что его активность подогревалась коррупционной составляющей. Давайте, я все-таки скажу про эту ситуацию. Снижение потребления, которое произошло после 2003 г., в значительной степени связано с изменением потребления, главным образом, в молодых возрастах. Важно отметить, что молодые возраста - это не только подростки и молодежь, изменение начинается с нынешних 50-летних, которые родились в 1960-е. Нарастание идет в направлении все большего потребления пива, и чем моложе потребители, тем большая доля пива в их потреблении. Началось это с 1998 г., когда пришли к нам в страну крупные зарубежные компании, появилось мощное производство сравнительно неплохого пива и люди начали переходить с водки на пиво. Этот процесс шел особенно быстро в городах. Так происходило во всем мире, только во всем мире это началось гораздо раньше. Когда в 1982 г. ВОЗ призвала правительства всех стран переориентировать население на слабые алкогольные напитки, вино и пиво, в развитых странах уже шло изменение структуры потребления в этом направлении. Это был процесс, вызванный в Европе и Америке в послевоенную пору изменением стереотипа жизни, нарастанием мобильности, ростом ценности здоровья. Всему этому сильно мешали крепкие напитки, и население этих стран спонтанно стало отдавать предпочтение пиву.

Вишневский: – То есть у нас происходило то же, что у наших соседей, например, в Финляндии и, кстати, в Польше, где тоже резко изменилась структура потребления?

Немцов: – Да, то же, только у нас это началось позже. Это был процесс, связанный, как и на Западе, с изменением социальных условий жизни. Пить крепкий напиток стало неудобно. Гораздо легче бутылка-банка пива, закуска и пошел обратно на работу.

Может быть не странно, что этот сдвиг в сторону пива происходит даже в винодельческих странах. Там тоже начинают потреблять все больше пива. Это общая

тенденция, связанная, возможно, с тем, что в потреблении вина больше символической составляющей, чем в пиве. Кроме того, пиво по алкоголю в целом слабее вина. Мне кажется важным поддержать политически эту тенденцию вслед за населением: выбор из двух зол (водка – пиво) меньшего, то есть пива.

Вишневский: – Мы бы с радостью опубликовали работы, о которых вы упоминаете. Лично я полностью согласен и с тем, что вы сказали, и с тем, что сказал Владимир Михайлович, только у меня нет доказательств. Если они у вас есть, давайте опубликуем.

Школьников: – Есть объективные данные, уже появились сейчас.

Вишневский: – Кроме того, есть вопрос о том, насколько изменения, о которых вы говорите, связаны со смертностью. Очень возможно, что это так, но тоже, наверное, нужны отдельные доказательства, в том числе и по возрастным группам.

Немцов: – В последние годы изменилась возрастная структура смертности: она сдвигается на старшие возраста, по-видимому, и отчасти за счет того, что молодые стали употреблять более легкие напитки.

Вишневский: – Я тоже хотел бы так думать, мне кажется, что так именно и должно быть. Это разумный путь, он уже проделан многими странами. А появление пива как материального вещества, некогда весьма дефицитного, должно было бы этому способствовать. Есть такое стихотворение поэта Бориса Рыжего, воспоминание о его советской молодости, о том, «как хорошо мы плохо жили»:

*В те незабвенные года
Нам пиво воздух заменяло,
Оно внезапно исчезало
И появлялось иногда.*

Сейчас оно никуда не исчезает, есть качественное пиво, поэтому естественно ожидать, что оно немного потеснит водку. Но тут многое зависит от ценовой политики, которая у нас тоже неправильная: поднимают цены на пиво, а опускают - на водку. Должно было бы быть наоборот.

Немцов: – Да, удешевление пива, даже небольшое, было бы одним из способов перевода населения на слабый алкоголь.

Вишневский: – Но давайте теперь, может быть, поставим вопрос более широко: что вообще повинно в российском отставании: условия жизни, образ жизни, отсутствие четкой государственной политики охраны здоровья, плохая работа системы здравоохранения, что-то еще? Ответы на этот вопрос будут, скорее, субъективными, но все-таки: как вам кажется?

НИЗКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Комаров: – Давайте экспертно решим. На первом месте - отсутствие последовательной государственной политики, это без вопросов.

Школьников, Ермаков: – Согласны.

Шишкин: – Нет, не соглашусь, деклараций у нас с избытком хватает.

Комаров: – Это не политика.

Шишкин: – Это часть политики. Если вы скажете, что политика отсутствует, то вам тут же ответят, что мы вот такой документ приняли и вот такой. И что вы их, видимо, не читали.

Андреев: – В 70-е годы известный американский ученый Самуэль Престон придумал кривую, которая устанавливает связь между ожидаемой продолжительностью жизни и ВВП [Preston 1975: 231–248].

Школьников: – Это логарифмическая кривая с насыщением.

Андреев: – Да. Эту кривую формально можно строить по любым данным. Если взять страны, которые реально рассчитывают продолжительностью жизни, и не брать Кувейт, ОАЭ, Китай и т.д., где сомнительная статистика. Таких стран около 30...

Школьников: От 30 до 40.

Андреев: – Так вот, если взять эти страны и построить кривую Престона, то оказывается, что продолжительность жизни в России на восемь лет ниже, чем предсказывает формула Престона.

Ермаков: – Это совершенно верно. Я могу вам показать эту кривую – у меня получается, что мы отстаем от остальных европейских стран на 10 лет по кривой Престона. Посмотрите на график (рисунок 10), здесь по оси *x* - общие затраты на здравоохранение по паритету покупательной способности на душу населения, а по оси *y* – величина ожидаемой продолжительности жизни при рождении. На графике представлены все европейские страны по выделенным подгруппам. Зеленым цветом обозначены бывшие советские республики, синим - бывшие соцстраны, а желтым - все остальные европейские страны. Заметим, что если объединить эти три группы стран, то все они ложатся на общую кривую Престона, что иллюстрирует общую для всех этих стран закономерность. А для России (она обозначена красными кружками) закономерность совсем другая! Если продолжить обе эти кривые, то можно видеть, что даже если мы увеличим общие затраты на здравоохранение в 2-5 раз, то наше отставание от европейских стран по величине ожидаемой продолжительности жизни не сократится, а останется в пределах 10 лет. Из приведенного графика можно сделать предварительный вывод о наличии системных ошибок в руководстве российской системы охраны здоровья населения.

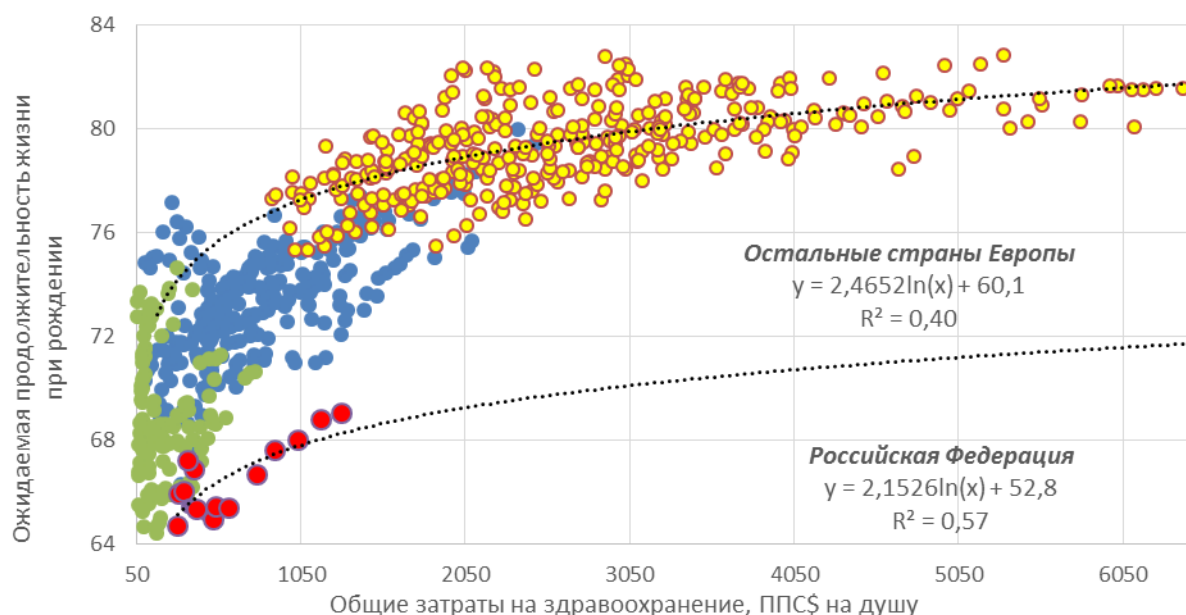

Рисунок 10. Связь между продолжительностью жизни и затратами на здравоохранение

Школьников: – Другими словами, у нас ВВП далеко не такой низкий, но маленькая доля этого ВВП идет на здоровье.

Вишневский: – Но я так понял, что на графике Сергея Петровича представлены как раз затраты на здоровье, и мы им не соответствуем.

Ермаков: – По картинке с кривой Престона видно: в три раза увеличилось финансирование, а все равно ничего не изменилось.

Школьников: – Иными словами, у нас продолжительность жизни ниже, чем можно было бы ожидать, исходя из уровня нашего экономического благосостояния.

Комаров: – Из этого власть, видимо, и делает выводы о том, что мы вполне можем улучшить здоровье населения даже при наших экономических возможностях.

Андреев: – Я не знаю, что думает власть, но, по-моему, из этого следует, что наша политика в сфере здоровья совершенно неэффективна.

Шишкин: – Об этом и надо говорить, о неэффективности, а не об отсутствии политики. О неэффективности политики.

Андреев: – Недавно некий журналист почти довёл меня до сумасшествия, убеждая, что здравоохранение отвечает за 10-15% уровня здоровья. Совершенно неожиданно узнал из лекции Школьников, что он тоже встречался с этим утверждением.

Школьников: – Да-да, есть такая популярная точка зрения. Откуда это идет?

Комаров: – Это из работ 60-х годов.

Шишкин: – Я пытался это выяснить, сидел в западной библиотеке, искал ссылки. Нашел работу 1978 г., на которую все ссылались, там нет никаких эмпирических данных, нет ссылок – просто экспертное мнение. И потом все на него стали ссылаться.

Комаров: – Так вот получается. Не отсутствие четкой государственной политики, а отсутствие эффективной государственной политики – видимо, так надо сформулировать.

Вишневский: – В рейтинге агентства Блумберг, на который сослался Путин, на самом деле приведено 4 рейтинга. Помимо рейтинга по продолжительности жизни, есть еще рейтинги по доле ВВП, расходуемой на здравоохранение, и по абсолютным затратам в долларах по паритету покупательной способности. По этим двум показателям мы не на 51-м месте, а все-таки выше, где-то на 30-35-м. Это как раз и говорит о неэффективности, ведь, казалось бы, мы могли быть хотя бы на 35-м месте и по продолжительности жизни. Это все же лучше, чем на 51-ом.

Школьников: – Именно. Есть много более бедных стран, которые имеют более высокую продолжительность жизни, чем мы.

Вишневский: – Или имеют худшую статистику смертности.

Комаров: – Вы подтвердили то, что сказал Евгений Михайлович. Видимо, надо все-таки говорить не об отсутствии государственной политики, а об ее неэффективности

Вишневский: – Я согласен с тем, что деньги, которыми располагает система здравоохранения, тратятся неэффективно. Но это не значит, что денег у нас достаточно. Самая высокая доля затрат на здравоохранение в ВВП у нас была достигнута в 2009 г., потом она снова стала снижаться. Стоимость медицинских услуг на душу населения в России в 2014 г., по оценке того же Блумберга, меньше 900 долларов в год, в Японии – 4,8 тыс. долларов, а в Норвегии больше 9 тыс.

Когда денег мало, особенно важны приоритеты их использования. Есть такое понятие: гонка медицинских вооружений. Когда говорят о высокотехнологических методах, а люди гибнут, не дойдя до врача.

Комаров: – Потому что это выгодно. Это большие откаты.

Вишневский: – Это просто еще один элемент неэффективности.

Иванова: – Есть очень сильный неудовлетворённый спрос на высокотехнологическую помощь.

Комаров: – Есть, а знаете почему? Потому что плохо работают все остальные звенья. Чем они хуже будут работать, тем больше будут продуцировать хронизацию патологий, более тяжелые случаи заболеваний, и так далее. И чем больше будет всего, тем больше будет потребность в дорогостоящих высоких технологиях.

Школьников: – Это совсем не означает, что высокотехнологические методы не нужны.

Вишневский: – Я думаю, никто здесь не считает, что высокие технологии не нужны. Но все хорошо в меру. Огромное количество людей, молодых мужчин, которые умирают у нас от внешних причин, да и от многих других, - они же умирают не из-за того, что нет медицинских технологий. Кроме того, дорогостоящее высокотехнологичное оборудование поглощает значительную часть затрат, а так как денег мало, то кому-то достаются только крохи с барского стола, у кого-то нет доступа даже к элементарной медицинской помощи. Медицинские технологии нужны для определенных возрастов, для определенных патологий. Но во многих случаях люди умирают от рядовых причин, просто потому, что вовремя не получили помощи врача или врач был недостаточно квалифицированным. Вообще самая высокая медицинская технология – это хороший врач.

СИСТЕМА БЕЗ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ

Немцов: - Я согласен с тезисом Сергея Владимировича о том, что политические декларации - тоже политика в смысле создания иллюзии политической деятельности, маскировки политической бездеятельности. Руководство страны все время старается показать, что оно что-то делает. Дума издает странные законы. Правда, в такой бездеятельности часто просматриваются чьи-то интересы.

Но вот что бы я хотел сказать более серьезно. Как вы относитесь к тому, что в число обстоятельств, повинных в российском отставании, надо записать еще особенности ментальности русского народа, который наплевательски всегда относился к своему здоровью и к своей продолжительности жизни, вследствие чего и сейчас преждевременная смерть человека воспринимается как смерть естественная – ну как же, пил человек или перетрутился на работе?

Школьников: – Многие вам скажут: это пренебрежение человеческой жизнью и т.п., что всегда было характерно для России. Но ведь такое же пренебрежение было и в странах Балтии, которые сейчас от нас оторвались, как известно, например, в Эстонии. Что делается в Эстонии? Надо бы взять, да и сделать все то же самое, и будет успех и у нас, я вас уверяю. Как раз успех последних лет показывает, что Россия - это не черная дыра, где, что ни делай, ничего не получится, а как раз он показывает, если делать то, что нужно, то все получится и даже лучше, потому что у нас запас «дурости», на которой основана высокая смертность, намного больше, чем в других местах. Поэтому начало ликвидации этой дурости обязательно приведет к особенно быстрому сокращению смертности. Она у нас и сейчас сокращается, хотя у нас не хватает доказательной базы в отношении причин улучшения.

Ермаков: – Я маленькую реплику вставлю по поводу того, что вы сейчас говорите. На самом деле, есть устойчивая причина некоторого роста ожидаемой продолжительности жизни. Это начало «сытых годов» с 2003 г. Людям стали больше платить зарплату, они получили возможность более качественно питаться, куда-то поехать.

Школьников: – И лекарства современные стали покупать и использовать.

Ермаков: – Естественно, национальный проект «Здоровье», хоть он не был непосредственно направлен на улучшение показателей здоровья, поэтому и мониторинга по нему не было. Но ведь основные фонды, особенно высокотехнологичное оборудование, скорая помощь - они были в ужасающем состоянии, и если бы в них не вложить достаточно большие деньги, то ничего бы и не произошло. Вот эти две причины - они устойчивы, а все остальное - это потом.

Школьников: – А что касается ментальности, так финский народ тоже много пил, бедная страна была. Тоже страшное прошлое - голод 1867-68 гг., 20% населения тогда вымерло. Еще в 1970-е годы у них смертность такая же, как в России, была.

Ермаков: – Но они с ней эффективно боролись. Приведу только один пример – как они снизили число самоубийств.

Национальная стратегия по предупреждению самоубийств в Финляндии (1986-1996 гг.) была реализована по уровням местного, регионального и национального применения.

Стратегия затрагивала государственную систему образования и была направлена на улучшение доступа к службам охраны психического здоровья, реализацию помощи в кризисных ситуациях, сокращение доступа к средствам самоубийства, повышение информированности медицинских работников о факторах и условиях стремления к самоубийствам, сопутствующей заболеваемости, мониторингу попыток самоубийств. Реализация стратегии привела к созданию более 40 подпрограмм и других инновационных разработок и оценивалась через внутренний оценочный процесс и общенациональный опрос. В результате проведения такой оценки было признано, что программа была успешной.

Примерно в это же время сходные программы стали реализовываться и в других странах мира (рисунок 11)

Рисунок 11. Реализация программ по предупреждению самоубийств в разных странах мира

И вот что получилось! Давайте сравним, на сколько снизились уровни самоубийств в России и в Финляндии (таблица 4). Все понятно?

Таблица 4. Смертность от самоубийств в России и Финляндии, 1990, 1995 и 2010 г.

	Уровень самоубийств (на 100 тыс. населения)			% изменения смертности (по периодам)		
	1990	1995	2010	1995/1990	2010/1995	2010/1990
<i>Все возраста</i>						
Финляндия	29,3	25,87	17,95	-11,7	-30,6	-38,7
Россия	30,84	51,48	27,45	66,9	-46,7	-11,0
<i>15-49 лет</i>						
Финляндия	41,64	37,05	23,9	-11,0	-35,5	-42,6
Россия	37,4	67,34	34,27	80,1	-49,1	-8,4

Немцов: – В Финляндии существенно и быстро перестроилось образование. Почему они смогли организовать так давно и такую замечательную фирму как Nokia? Это же продукт культуры.

Школьников: – На культуру можно воздействовать.

Комаров: – Это зависит от политики.

Шишкин: – Знаете ли, это взаимный процесс. Сформировать привычку ходить к врачу можно массовой пропагандой, но одно дело, если вы пойдете к финскому врачу, где вас с радостью встретят и проведут по чистым кабинетам. Другое дело, вы пойдете записываться на прием в нашу поликлинику. У вас желание лечиться быстро исчезнет.

Немцов: – Ну, это частность. Вы знаете, как образно выразился писатель Федор Абрамов (из так называемых «деревенщиков»): американец пойдет к врачу за пять лет до появления заболевания, а русский обратится к врачу за пять минут до смерти.

Шишкин: – Я не спорю, можно воздействовать и на эти культурные стереотипы, но должна быть благоприятная, как мы говорим, пациенто-ориентированная система здравоохранения. А у нас она на себя работает.

Немцов: Я бы сказал шире – должна быть человеко-ориентированная политика.

Вишневский: – Александр Викентьевич вспомнил Федора Абрамова, мне тоже вспомнилось, как этот писатель, кажется, в каком-то интервью, рассказывал о стиле руководства секретаря Ленинградского обкома Толстикова. К нему приходили писатели, он объяснял им, как им надо писать; приходили врачи - объяснял, как нужно лечить, инженерам - как надо конструировать самолеты и так далее.

Мне кажется, что на основе такого «вертикального» мышления сейчас действует вся наша система здравоохранения. В ней нет главного, что должна иметь всякая система. Совершенно не действуют механизмы самоорганизации, нет внутренних поисков лучших вариантов, их нет на низовом уровне, все регулируется сверху. Насколько я могу судить, на Западе эта система довольно гибкая, она приспосабливается к меняющимся условиям: и население перестраивается, и медицина перестраивается, и врачи, и фармацевтика – все перестраивается, ведя самостоятельный поиск и адаптируясь к меняющимся условиям. А в нашей системе что-то вроде одного невидимого секретаря обкома на всю страну, и он один знает, как должно быть. Но даже и это, возможно, иллюзия. Я, конечно, не знаю работу этой системы изнутри, но, насколько можно судить извне, она очень инерционна. Там и министр ничего не может изменить, потому что такая вертикаль сложилась, она любого министра сжует. А уж тем более врач ничего не может, главврач ничего не может, свободы никакой нет.

Я не идеализирую западное здравоохранение, оно тоже далеко не всегда эффективно. Скажем, американская система очень дорогая, это известно. Они расходуют на здравоохранение огромную долю ВВП, нам такая даже и не снилась, и ВВП на душу населения у них не маленький, как вы понимаете. Но в том же рейтинге агентства Блумберг, о котором уже говорилось, по доле ВВП они занимают первое место, а по продолжительности жизни – только 24-е. Так что эффективность тоже не самая высокая.

Но коль скоро мы говорим о нашем отставании и о том, как его преодолеть, мы должны искать в западных системах здравоохранения не негатив, а позитив. Мы ведь отстаем от них по результатам, а это – самое главное. Я думаю, важно то, что там большую роль играют обратные связи, затраты лучше контролируются результатом. Если пациента не устраивает врач, он ищет другого, а врач ищет, что предложить пациенту, и так далее. Это относится и к клиникам, и к частным врачам.

Немцов: – Так как, по-вашему, называется главная беда нашего здравоохранения, как её назвать?

Вишневский: – Я думаю, что она как раз и заключается в отсутствии механизма обратной связи, в независимости затрат от результата и результата от затрат.

Андреев: – Ну, попросту, я бы сказал, отсутствие конкуренции. Я наблюдал систему здравоохранения в Германии. Там идет постоянная борьба между страховой компанией, которая стремится сэкономить деньги, и врачом, который стремится получить деньги. Страховые компании платят бонус пациентам за то, что они вовремя лечат свои зубы, регулярно ходят к врачу и не доводят дело до экстренной госпитализации.

Комаров: – У нас конкуренции не может быть совсем, мы не Германия. Возьмем одну землю в Германии - Северный Рейн-Вестфалия. Там 498 крупных городов, у нас на всю страну - 164, причем при их сети дорог за 4 часа можно проехать всю Германию из конца в конец. Это совсем другой мир, там можно организовать конкуренцию. А у нас ее негде организовывать, даже в Москве сейчас нельзя организовать конкуренцию, потому что для конкуренции нужно рассредоточение, а мы создали монстров, укрупнили все, что можно было. С кем конкуренция, если нет врача в сельской местности?

Школьников: – Мне кажется, нужно идти от конца, так, по крайней мере, всегда говорит Мартин Макки, один из ведущих в мире специалистов в области общественного здоровья. Модели здравоохранения могут быть разными. Но каждая из них может решать проблемы борьбы со смертностью. Вот Анатолий Григорьевич говорит, что нужна конкуренция, нужно больше свободы экономической в здравоохранении. Экономисты строят модели здравоохранения. Но есть же Куба, есть штат Керала в Индии, - бедные страны и регионы с высокой продолжительностью жизни. Есть американская система, где все частное, но есть и английская система общественного здравоохранения, которая похожа на советскую модель. Есть континентальная европейская система типа французской или немецкой. И все они как-то решают проблемы. Проблемы можно решать по-разному, но надо решать - вот в чем вопрос.

Вишневский: – Вопрос в том, как решать. И как избежать ошибок. Я сейчас говорил о том, что одни и те же деньги можно тратить по-разному, а если нет обратной связи между затратами и результатом, так нет и эффективности. А как она может быть, если не умеют измерять результат, если о нем судят по общему коэффициенту смертности и на этом основании невежественные люди принимают решения?

Ермаков: – Скворцова однажды как-то Путину сказала, в первый раз, когда в России на несколько тысяч человек родилось больше, чем умерло за год: «ура! у нас преодоление депопуляции».

Немцов: – Тогда же она сказала, что потребление алкоголя за пять лет снизилось на 4,4 литра. А такого быть не может: за три года антиалкогольной кампании при массивном прессинге снижение составило всего 3,5 литра.

Вишневский: – Что в итоге мы можем сказать о причинах нашего отставания? Мы ведь не принимаем резолюцию, тут, скорее, важны разные точки зрения. Я не думаю, что ссылки на какой-то особый менталитет русского народа, которые появляются всякий раз, когда надо объяснить что-то трудно объяснимое, что-либо в действительности объясняют. Дело не о народе, а в обществе: как организовано общество, как функционируют его институты, как оно распределяет свои ресурсы. Наше отставание как раз и говорит, что здесь у нас не все в порядке. Но как исправить положение? Способна ли наша система здравоохранения переломить ситуацию, нуждается ли она в реформировании и поддается ли она реформированию?

Что делать?

Комаров: – Мы в рамках Комитета гражданских инициатив Кудрина подготовили стратегию охраны здоровья [Основные положения...]. Как должно быть – и с точки зрения пациентов, и с точки зрения врачей, – чтобы плохо не было ни тем, ни другим. Подготовили такую стратегию, обсудили уже в Государственной Думе, прочитало её в Интернете 160 тыс. человек, никаких возражений нет. Сейчас я надеюсь, честно скажу, рассчитываю на нее, на предстоящие Общероссийский гражданский форум и Пироговский съезд врачей, где будут обсуждаться пути выхода из кризиса. Кстати этот вопрос поднимался и на всех предшествующих Пироговских съездах врачей.

Школьников: – А в чем главные идеи изменений?

Комаров: – Первая идея в том, что, во-первых, нужно отделить у нас в стране систему охраны здоровья от медицинской помощи, как в Конституции. В Конституции это четко записано: охрана здоровья и медицинская помощь (в 41-й статье).

Что такое охрана здоровья? Ее главная цель - улучшение здоровья населения. За охрану здоровья должно отвечать первое лицо государства - это Президент. За все, что влияет на здоровье: это бедность и здоровье, это условие труда и здоровье, питание и здоровье, окружающая среда и здоровье - там все формируется, все патологии, которые к нам поступают в медицину на восстановительные работы. Мы - ремонтно-восстановительная бригада. Мы восстанавливаем утраченное здоровье. За организацию медицинской помощи должна отвечать отрасль. Ее главная цель - это восстановление утраченного здоровья и трудоспособности по медицинским показаниям.

Что надо делать в медицине в части организации медицинской помощи? Первое, нужно сделать акцент на предупреждении, но здесь мы можем идти только медицинскими путями. То, что определяет образ жизни, зависит не от одного Минздрава, все предпосылки того или иного образа жизни всегда создает государство в широком смысле. Возьмем, скажем, простую вещь, допустим соль. Минздрав рекомендует потреблять 8 г соли в сутки, но даже, если мы смотивируем людей, чтобы они не подсаливали пищу, то 17 г добавляет

государство: соль в хлебе, соль в масле, соль в колбасах, соль везде есть как консервант, понимаете. От государственной политики никуда не денешься. Мы можем мотивировать людей на здоровый образ жизни, но условия для ведения здорового образа жизни должно создать государство. Это в рамках первого направления, медицинской профилактики.

Статья 41.

1. Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений.
2. В Российской Федерации финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию.
3. Сокрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, влечет за собой ответственность в соответствии с федеральным законом.

Конституция Российской Федерации

Второе, что нужно сделать, - акцент на первичную медико-санитарную помощь. Первичная медико-санитарная помощь - это более широкое понятие, чем просто еще один врач, ведущий прием. Primary Health Care - это первичная забота о здоровье, что вносит совсем иной смысл в содержание работы и в работу с пациентами. Это не врач общей практики, который, в нашем понимании, сидит и ведет прием, принимает больных. Не нужен такой врач. Во всем мире - это синдромальный врач. Наш Минздрав разрабатывает стандарты для первичной медико-санитарной помощи, например, онкологические стандарты: рак такой-то, 4 степени. Но ведь не придет же больной и не скажет: у меня язвенная болезнь или у меня рак. Он придет и скажет: что я ни поем - у меня боли ночью, у меня голодные ночные боли, пациент приходит с симптомами и синдромами - ему нужен синдромальный врач. Если вы возьмете классификацию Всемирной организации семейных врачей (WONCA), то вы увидите, что там указываются синдромы: боль в спине, например, изжога, головная боль. Нужен синдромальный врач, и он должен заниматься лечением малую долю времени. Потому что, кроме врача этого первичного звена, больше никто не скажет, какая патология у него идет на участке. И только он может сказать органам власти: вы знаете, я смотрю, что у нас что-то неблагополучно с кишечными заболеваниями. Решить это вопрос он не может, но поднять вопрос перед органами власти обязан. Потому что другого нет человека, нет такого органа, который мог бы поставить вопрос перед органами власти. Вот что такое первичная медико-санитарная помощь.

Структура здравоохранения должна быть такая: помощь общего типа максимально приближена к населению, а помощь специализированная может быть на расстоянии. Это вообще принцип градостроительства, потому что все должно быть рядом: магазины рядом, булочная рядом, молочная рядом, школа начальная должна быть рядом, чтобы школьник

не переходил через улицу. А все остальное может быть в отдалении, на расстоянии. Все что касается общего типа должно быть рядом, а специализированная помощь может быть на расстоянии. В нашей программе подробно все расписано, как что должно быть, я просто грубо говорю.

Немцов: – А каковы условия для реализации вашей программы?

Комаров: – Там все расписано, все можно прочитать.

Немцов: – И реальные условия для реализации?

Комаров: – Да, реальные. На первом этапе деньги дополнительные не нужны. Потому что мы сейчас тратим не туда, да еще и ворует, а в действительности их достаточно, если правильно использовать.

Вишневский: – Но все-таки важно понять механизм. Где-нибудь во Франции или Германии я знаю, что вот эта лаборатория, как и магазин, и что угодно, это инициатива того, кто её создал. Он нашел место подходящее, он первый, кто заинтересован в том, чтобы быть ближе к пациенту. У нас решение принимают мэр, муниципальные чиновники...

Комаров: – Это все должно быть по закону.

Вишневский: – Законы есть везде, но работают по-разному.

Комаров: – Про наши законы я сам кое-что могу рассказать. Вот, например, 323-й Федеральный закон об охране здоровья. Раньше я думал, что сроки беременности может установить женщина по последним месячным, или, в крайнем случае, может определить врач. Это я так думал, идиотом был. Да-да, у меня есть сертификат, я был гинекологом. Ни фига подобного, в законе, в одной статье, по-моему, 53-я статья, четко записано, что сроки беременности определяются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти.

Статья 53.

«Медицинские критерии рождения, в том числе сроки беременности, масса тела ребенка при рождении и признаки живорождения, а также порядок выдачи документа о рождении и его форма утверждаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти».

[Федеральный закон ФЗ-323].

Комаров: – Но это смешно, а есть и грустный момент. В 90-е годы я был руководителем группы разработчиков законодательства об охране здоровья граждан. Это был демократический закон, потому что в центре внимания был пациент и его проблемы. Человек был в центре внимания. В 2012 г. Минздрав решил все изменить, и они создали новый, 323-й закон, и там что записано? Раньше у нас было так: изъять органы у умершего можно было только при согласовании с родственниками. Сейчас все сделали иначе, добавили «не»: нельзя изымать органы при несогласии родственников. А родственники и не знают, что они должны в письменном виде написать отказ. И уже во многих местах

возвращают мешок с костями. В общем, я вам должен сказать, что это просто ужас, что творится у нас в здравоохранении.

Статья 47.

«Изъятие органов и тканей для трансплантации (пересадки) у трупа не допускается, если медицинская организация на момент изъятия в установленном законодательством Российской Федерации порядке поставлена в известность о том, что данное лицо при жизни либо иные лица в случаях, указанных в частях 7 и 8 настоящей статьи, заявили о своем несогласии на изъятие его органов и тканей после смерти для трансплантации (пересадки)».

[Федеральный закон ФЗ-323].

Немцов: – Вы хотите сказать, что все это можно быстро перестроить?

Комаров: – Быстро не получится, но я могу сказать, что нужно сделать. Во-первых, мы должны отказаться от рынка в здравоохранении, это нерыночная система, прибыли здесь не должно быть, т.е. не должно быть бизнеса на болезнях. Перед лицом болезни или смерти все равны: богатые, бедные, все. Поэтому надо отказаться от рыночной системы страхования. Страховые компании, которые у нас созданы, - частные и коммерческие, пусть они занимаются добровольным или частным страхованием, пожалуйста, сколько хотите. Фонды переходят в органы управления в виде отделов по финансированию, но это не возврат к старой системе. Не дай Бог! Возвращаться к старой системе нельзя, она была мобилизационной, централизованной, там критерии были идиотские, оплата шла за койко-дни, за количество посещений, по смете. Сейчас должно быть все иначе, должны быть договорные отношения между органами здравоохранения и медицинскими учреждениями, где в договорах должны быть прописаны объемы помощи, уровень помощи, качество и результаты. А сейчас результаты никого не волнуют. И очень легко сейчас бесплатную помощь перевести в платную.

Андреев: – Юрий Михайлович, можно два вопроса. Вопрос первый, согласны ли вы с тем, что у нас нет системы медицинского страхования?

Комаров: – Согласен. Это не страхование. У нас его и не может быть - из-за территориальных и других особенностей. Сейчас самая лучшая система страхования не в Германии, а в Нидерландах. Они над ней работают уже 15 лет со времен реформы Деккера. И сказали, что еще нужно 25 лет.

В чем смысл страхования у них? Есть три уровня: первый - на самом верху пациент, ради которого все это делается, в середине - страховые компании, внизу - медучреждения. С чего начинается? Страховые компании заключают на основе тендера, т.е. на конкурсной основе, договоры с медицинскими учреждениями на оказание определенных услуг. С одним учреждением - на кардиологические услуги, с другим - на онкологические и так далее. Соотношение цена-качество играет роль. Таким образом они формируют набор услуг и затем выставляют его на рынок для пациентов. Пациенты же выбирают не учреждение, не врача, а ту страховую компанию, которая уже заключила или имеет намерение заключить договоры с определенными учреждениями, с определенными врачами и так

далее. А затем, когда пациенты согласились с этим, они выходят на органы финансирования. Вот примерно так строится современная система страхования. Основа - конкуренция.

Второе. В основе страхования лежит все-таки конкуренция медицинских учреждений и прибыль. Вот скажем американская система, там, если больного кто-то вылечит, так все врачи на него окрысятся, скажут, как, а я, почему я его не лечил, почему ты ко мне его не направил? Потому что страховка - это деньги, а не пациенты. Это деньги национальной страховой организации. Я был во многих странах, я проехал весь мир, видел эти системы страхования везде, жил в семьях врачей, в Голландии, например, вел с ними переговоры.

Андреев: – Голландцы же были очень недовольны своей страховой системой еще лет 10 назад.

Комаров: – Да, но вот реформа Деккера, которую они сейчас осуществляют, как раз и направлена на то, чтобы снять это недовольство.

Андреев: – А второй вопрос вот какой: я высоко ценю всякие изобретения. То, что вы придумали, все это хорошо. Но я человек очень серый, я всегда считаю, что надо взять образец и его скопировать. Поэтому я против того, чтобы всегда что-то изобретать.

Комаров: – Нет-нет, это же не изобретение, это взяты лучшие образцы.

Андреев: – Нет, взять один готовый образец, взять, например, эстонские реформы.

Иванова: - И внедрить их в Псковской области. Вы же не предлагаете эстонский проект перенести на Россию?

Комаров: – Я могу рассказать, в чем минусы эстонского образца. Там система страхования. Они построили в Таллинне одну колоссальную современную больницу скорой помощи - одну на все республику. Как она работает? Принцип такой: первый этаж отводится для неотложных больных, там операционные общего типа, специализированные, там реанимация, там интенсивная терапия, там работают стажеры, еще не врачи, которые не имеют лицензии на врачебную деятельность, и там даже койки передвижные. Самой скорой помощи, как таковой, нет; на скорой помощи работают парамедики. Они окончили двухнедельные курсы, где учат навыкам, они ничего не понимают ни в медицине, ни в человеке, хотя знают, как поставить иглу, как сделать укол, как поставить систему. Это они умеют, этому их учат. Их главная задача - как можно быстрее доставить больного до этой больницы. Так работает, в основном, весь мир: как можно скорее тяжелого больного доставить до медицинской помощи.

У нас была другая система здравоохранения, мы таких больниц не строили. Мы, по постановлению ЦК КПСС и Совета Министров, строили тысячекоечники в каждой области, но эти тысячекоечники не предназначены для массового поступления больных. Приемное отделение для этого не приспособлено. Никак. Поэтому сейчас у нас акцент делается на оказании помощи именно врачом скорой помощи, акцент делается на этом. У нас есть такой человек в Питере, Сергей Багненко, сейчас он ректор медицинского университета имени академика И.П. Павлова. Я с ним знаком, посмотрел его работы, вы знаете, он хороший

хирург, хорошо оперирует на печени по неотложным состояниям. Но его сделали главным специалистом по скорой помощи, а это совсем другое, это другая сфера деятельности. И он говорит, как и вы: почему бы не взять готовый образец, давайте скопируем Эстонию, Штаты. Он съездил туда, посмотрел, как это работает, давайте, говорит, посадим на скорую помощь парамедиков, зачем нам нужны дорогостоящие врачи на скорую помощь, зачем нам водители нужны? Ну, парамедиков у нас нет, посадим фельдшеров. Один фельдшер чтобы рулил, а второй помогал носить пациентов. Я полез специально в Интернет, у меня база Росздравнадзора, посмотрел, кто у нас фельдшера. Оказывается, 85% наших фельдшеров - женщины, причем в возрасте 35 лет и старше. Я подумал: как эти тетеньки будут носиться по этажам? Это просто издевательство над людьми. Это первое.

Во-вторых, у нас главная задача – противоположная. У нас врач скорой помощи должен быть наиболее квалифицированным. Багненко считает, что все равно за такой короткий промежуток времени врач не поставит диагноз, но это и не входит в задачи врача скорой помощи - ставить диагноз. В его задачу входит снять проблему пациента в данный момент и решить его судьбу на месте. Так у нас сложилось, и нельзя чужой опыт просто пересадить на нашу почву, которая уже сформирована.

Немцов: – А как же вы новую систему здравоохранения предлагаете, когда для этого почвы нет?

Комаров: – Я предлагаю переформатировать эту систему.

Школьников: – Юрий Михайлович, с одной стороны, все понятно, я уверен, что вы правы. Но, с другой стороны, я, как и Евгений Михайлович, тоже верю в образцы, просто из практически соображений. Если есть образец, то можно посмотреть, как практические проблемы решаются в образцовой стране, можно найти инструкторов, тех, кто поделится конкретным опытом. Можно поехать и посмотреть все на месте.

Комаров: – А что у нас тупее люди?

Школьников: - Дело не в тупости, дело в том, чтобы иметь положительный пример во всех деталях перед глазами.

Комаров: – У нас есть команда, которая стоит всех вместе взятых западников. Это примерно 10 человек, которые прекрасно в этом деле соображают.

Андреев: – На мой взгляд, образец - это гораздо убедительнее.

Комаров: – Нет, там только деньги делаются.

Вишневский: – Мы должны двигаться к завершению нашего Круглого стола. Мы, конечно, не решили и не решим всех поднятых сегодня вопросов. Хорошо это или плохо, но Россия – не Эстония. По сравнению с эстонскими, наши проблемы кажутся неподъемными. Хотя, как я понял, кое у кого все-таки есть оптимизм по поводу возможностей нашей системы здравоохранения, вера в то, что она может что-то сделать.

Комаров: – Она не может, сначала с ней нужно что-то сделать.

Вишневский: – Напомню, с чего мы начали, - с огромного отставания России в деле

снижения смертности от множества стран, не всегда даже самых развитых и богатых. Мне кажется, что среди всех наших запущенных вопросов - это самый запущенный. Пока это отставание не будет преодолено, мы будем по-прежнему преждевременно терять миллионы жизней, очень часто – людей в цветущих возрастах, особенно мужчин, смертность которых особенно высока. Странно, что это никем не воспринимается как первоочередная проблема национальной безопасности. Можно, конечно, охраняя жизнь наших граждан, наводнить метро полицейскими, заодно оптимизировав число врачей в городских больницах. Но может быть, вначале следует лучше посчитать, где будет больше жизней спасено, а где потеряно?

Я не склонен переоценивать вклад нашего сегодняшнего обсуждения в решение столь сложной проблемы. В лучшем случае, мы могли бы сыграть роль эстонских парамедиков, способных быстро довести пациента до настоящего специалиста. Но скажите куда везти.

Большое спасибо всем. Я надеюсь на дальнейшее сотрудничество.

ЛИТЕРАТУРА

- Вишневский А. (1986). Человеческий фактор в демографическом измерении // Коммунист. №17: 71-72.
- Население России 2012: двадцатый ежегодный демографический доклад (2014) / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.
- Онищенко Г. (2009). Выйти из алкогольно-табачного тумана // Российская газета. 14 января 2009 г.
- Основные положения стратегии охраны здоровья населения РФ на период 2013-2020гг. URL: <https://komitetgi.ru/projects/1360>
- Постановление Правительства РФ №1049 от 21 ноября 2013 г. «Об утверждении Правил представления органами записи актов гражданского состояния сведений о государственной регистрации рождения, смерти, заключения и расторжения брака в Федеральную службу государственной статистики».
- Соботка Т., В. Лутц (2011). Коэффициент суммарной рождаемости дает политикам дезориентирующие сигналы: не следует ли отказаться от использования этого показателя (перевод с английского) // Экономический журнал Высшей школы экономики. Том 15. №4: 444-471.
- Сталин И.В. (1952). Политический отчет Центрального Комитета на XIV съезде ВКП(б) 18 декабря 1925 года // И.В. Сталин Сочинения. Т. 7. М.: 340.
- Федеральный закон ФЗ-143 от 15.11.1997 (ред. от 31.12.2014) «Об актах гражданского состояния».
- Федеральный закон ФЗ-323 от 21.11.2011 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».
- Grigoriev P., F. Mesle, V.M. Shkolnikov, E.M. Andreev, A. Fihel, M. Pechholdova, J. Vallin (2014). The recent mortality decline in Russia: beginning of the cardiovascular revolution? // Population and Development Review. 40(1): 107-129.

- Leon D.A., L. Chenet, V.M. Shkolnikov, S.Zakharov, J. Shapiro, G.Rakhmanova, S.Vassin, M. McKee (1997). Huge variations in Russian mortality rates 1984–1994; artefact, alcohol, or what? // *The Lancet*. 350–9075: 383–388.
- McKee M., D.A. Leon (2013). Components and possible determinants of decrease in Russian mortality in 2004–2010 // *Demographic Research*. 28 (32): 917–950.
- McKee M., V. Shkolnikov, D. Leon (2001). Alcohol is implicated in the fluctuations in cardiovascular diseases in Russia since the 1980s // *Ann Epidemiol*. 11: 1–6.
- Preston S.H. (1975). The Changing Relation between Mortality and Level of Economic Development // *Population Studies*. 29 (2): 231–248.
- Terris M. (1976). The Epidemiologic Revolution, National Health Insurance and the Role of Health Departments // *American Journal of Public Health*. 66 (12): 1156.
- Zaridze D., P. Brennan, J. Boreham, A. Boroda, R. Karpov, A. Lazarev, I. Konobeevskaya, V. Igitov, T. Terechova, P. Boffetta, R. Peto (2009). Alcohol and cause-specific mortality in Russia: a retrospective case-control study of 48 557 adult deaths // *Lancet* 373–9682: 2201–2214.
- Zaridze D., S. Lewington, A. Boroda, G. Scélo, R. Karpov, A. Lazarev, I. Konobeevskaya, V. Igitov, T. Terechova (2014). Alcohol and mortality in Russia: prospective observational study of 151 000 adults // *The Lancet*. 383–9927: 1465 – 1473.

HOW TO OVERCOME RUSSIA'S LAG IN LIFE EXPECTANCY?

ROUND TABLE BY THE EDITORIAL OFFICE OF THE "DEMOGRAPHIC REVIEW" TOGETHER WITH THE HSE INSTITUTE OF DEMOGRAPHY

The article presents materials of the Round table organized by the editorial office of the "Demographic Review" together with the HSE Institute of Demography. Roundtable participants conclude that there is a significant gap between Russia and most developed countries in life expectancy, and discuss recent trends in mortality and life expectancy in Russia and the question of their regional differences. They consider that the current state of statistical information on mortality and morbidity of the population of Russia should be critically assessed. Sex-specific mortality and changes in the structure of causes of death in Russia since 1990 are discussed, and the link between mortality trends and alcohol consumption is examined. Roundtable participants pay attention to the low efficiency of the Russian health care system and reflect on ways of improving the system, without which it is impossible to overcome the current Russian backwardness.

The Round table, held on April 17, 2015, was attended by the leading experts in the field of demography and public health:

*Evgeny Andreev, Senior Fellow at the Center of Demographic Research, New Economic School;
Anatoly Vishnevsky, Director of the Institute of Demography, National Research University Higher School of Economics;*

Sergey Ermakov, Professor, Senior Researcher at the Institute of Social and Economic Studies of Population; Chief Researcher at the Research Institute of Health Organization and Informatics, Ministry of Health of Russia;

Alla Ivanov, Professor, Head of the Department of Population Health Statistics at the Research Institute of Health Organization and Informatics, Ministry of Health of Russia;

Ekaterina Kvasha, Senior Research Fellow, Institute of Demography, National Research University Higher School of Economics;

Yury Komarov, Professor, Member of the Committee of Civil Initiatives;

Tatiana Kharkova, Senior Research Fellow, Institute of Demography, National Research University Higher School of Economics;

Sergey Shishkin, Director of the Health Policy Centre, National Research University Higher School of Economics;

Vladimir Shkolnikov, Head of the Laboratory of Demographic Data at Max Planck Institute of Demographic Research (Germany).

Keywords: *life expectancy, mortality, causes of death, health care system, Russia*

REFERENCES

Federal'nyy zakon FZ-143 ot 15.11.1997 (red. ot 31.12.2014) "Ob aktakh grazhdanskogo sostoyaniya" [Federal Law FZ-143 from 11.15.1997 (ed. Of 31.12.2014) "On Acts of Civil Status"].

Federal'nyy zakon FZ-323 ot 21.11.2011 "Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law FZ-323 from 21.11.2011 "On the basis of public health protection in the Russian Federation."].

Grigoriev P., F. Mesle, V.M. Shkolnikov, E.M. Andreev, A. Fihel, M. Pechholdova, J. Vallin (2014). The recent mortality decline in Russia: beginning of the cardiovascular revolution? // Population and Development Review. 40(1): 107-129.

Leon D.A., L. Chenet, V.M. Shkolnikov, S.Zakharov, J. Shapiro, G.Rakhmanova, S.Vassin, M. McKee (1997). Huge variations in Russian mortality rates 1984–1994; artefact, alcohol, or what? // The Lancet. 350–9075: 383-388.

- McKee M., D.A. Leon (2013). Components and possible determinants of decrease in Russian mortality in 2004-2010 // *Demographic Research*. 28 (32): 917-950.
- McKee M., V. Shkolnikov, D. Leon (2001). Alcohol is implicated in the fluctuations in cardiovascular diseases in Russia since the 1980s // *Ann Epidemiol*. 11: 1–6.
- Naseleniye Rossii 2012: dvadtsatyy yezhegodnyy demograficheskiy doklad [Population of Russia 2012: Twentieth annual demographic report] (2014) / Otv. red. A.G. Vishnevskiy. M.: Izdatel'skiy dom NIU VSHE.
- Onishchenko G. (2009). Vyyti iz alkogol'no-tabachnogo tumana [To come out of the alcohol-tobacco fog] // *Rossiyskaya gazeta*. 14 yanvarya 2009 g.
- Osnovnyye polozheniya strategii okhrany zdorov'ya naseleniya RF na period 2013-2020gg. [The main issues of the health population strategy in the Russian Federation for the period 2013-2020] URL: <https://komitetgi.ru/projects/1360>
- Postanovleniye Pravitel'stva RF №1049 ot 21 noyabrya 2013 g. "Ob utverzhdenii pravil predstavleniya organami zapisi aktov grazhdanskogo sostoyaniya svedeniy o gosudarstvennoy registratsii rozhdeniya, smerti, zaklyucheniya i rastorzheniya braka v Federal'nyu sluzhbu gosudarstvennoy statistiki" [RF Government Resolution №1049 from November 21, 2013 "On approval of the rules of presenting the data on state registration of births, deaths, marriages and divorces to the Federal Service of State Statistics by the register offices."].
- Preston S.H. (1975). The Changing Relation between Mortality and Level of Economic Development // *Population Studies*. 29 (2): 231–248.
- Sobotka T., W. Lutz (2009). Misleading Policy Messages from the Period TFR: Should We Stop Using It? // *European Demographic Research Papers* 4. Vienna: Vienna Institute of Demography of the Austrian Academy of Sciences.
- Stalin I.V. (1952). Politicheskiy otchet Tsentral'nogo Komiteta na XIV s"yezde VKP(b) 18 dekabrya 1925 goda [The political report of the Central Committee at the XIV Congress of the CPSU (b) December 18, 1925] // I.V. Stalin. Sochineniya. T. 7. M.: 340.
- Terris M. (1976). The Epidemiologic Revolution, National Health Insurance and the Role of Health Departments // *American Journal of Public Health*. 66 (12): 1156.
- Vishnevsky A. (1986). Chelovecheskiy faktor v demograficheskom izmerenii [The human factor in the demographic dimension] // *Kommunist*. №17: 71-72.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДАЙДЖЕСТ

ДАЙДЖЕСТ ПОДГОТОВИЛ ИЛЬЯ КАШНИЦКИЙ *

- Coleman D., S. Basten, F. C. Billari. Population — The long view
- Billari F. C. Integrating macro- and micro-level approaches in the explanation of population change
- Livi-Bacci M. What we can and cannot learn from the history of World population
- Kreager P. Population theory — A long view
- Sear R. Evolutionary contributions to the study of human fertility
- Reher D. S. Baby booms, busts, and population ageing in the developed world
- Van Bavel J., D. S. Reher. The baby boom and its causes: what we know and what we need to know
- Lutz W., E. Striessnig. Demographic aspects of climate change mitigation and adaptation
- Demeny P. Sub-replacement fertility in national populations: Can it be raised?
- Teitelbaum M. S. Political Demography: Powerful trends under-attended by demographic science
- Basten S., Q. Jiang. Fertility in China: an uncertain future
- Coleman D., S. Basten. The death of the West: An alternative view
- Bongaarts J., C.Z. Guilmoto. How many more missing women? Excess female mortality and prenatal sex selection, 1970-2050
- Shon J.-L. P. K., G. Verdugo. Forty years of immigrant segregation in France, 1968-2007. How different is the new immigration?
- Sobotka T., É. Beaujouan. Two is best? The persistence of a two-child family ideal in Europe
- Esping-Andersen G., F. C. Billari. · Re-theorizing family demographics
- Anderson T., H.-P. Kohler. Low fertility, socioeconomic development, and gender
- Doocy S., E. Lyles, T. D. Delbiso, C. W. Robinson, *The IOCC/GOPA Study Team*. Internal displacement and the Syrian crisis: An analysis of trends from 2011–2014
- Fakihi A., M. Ibrahim. The impact of Syrian refugees on the labor market in neighboring countries: Empirical evidence from Jordan
- Bircan T., U. Sunata. Educational assessment of Syrian refugees in Turkey
- Yaylacı F. G., M. Karakuş. Perceptions and newspaper coverage of Syrian refugees in Turkey

POPULATION — THE LONG VIEW ¹

Вводная статья редакторов специального выпуска журнала “Population Studies” обозначает актуальность переосмысления демографии и представляет вошедшие в номер статьи. Авторы отмечают назревшую необходимость более ясного позиционирования демографии как науки, комплексно объясняющей закономерности развития населения, а не только специфические процессы на протяжении демографического перехода. Демография нуждается в «обобщающем взгляде».

* E-mail: ikashnitsky@hse.ru

¹ Coleman D., S. Basten, F. C. Billari (2015). Population — The long view // Population Studies, 69(sup1):1–9.

INTEGRATING MACRO- AND MICRO-LEVEL APPROACHES IN THE EXPLANATION OF POPULATION CHANGE ²

Франческо Биллари рассуждает о взаимосвязи исследований населения на макро- и микроуровнях. За последние десятилетия вместе с качественным и количественным совершенствованием данных о населении демография претерпела любопытную трансформацию – население как объект изучения уступило в значимости человеку со всей сложной последовательностью демографических событий в его жизни. Этот переход с макроуровня на микроуровень пролил свет на многие до того не исследованные вопросы, однако мы потеряли представление о населении как таковом. Согласно схеме, приведенной в статье (рис. 1), на макроуровне происходят ключевые открытия, объяснить которые помогают исследования на микроуровне.

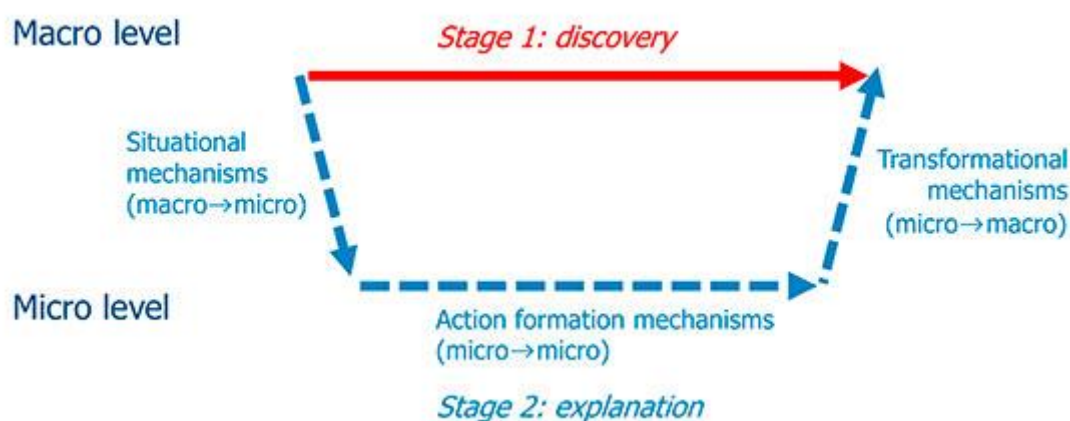

Рисунок 1. Двухстадийная схема демографического исследования

На протяжении десятилетий многие ведущие демографы признавали «ядром науки» только исследования на макроуровне. Признание исследований на микроуровне равноправной частью демографии и интеграция обоих подходов выведут демографию на качественно новый уровень. В этом автор и видит главную задачу демографии на годы вперед: демографам предстоит «собрать мозаику» разрозненных исследований на микроуровне в обобщенное представление о населении и законах, изменяющих его.

Мы живем в стремительно меняющемся мире. Много из того что мы наблюдаем никогда ранее не происходило. Существует множество вопросов о будущем человечества, на которые история не способна дать однозначного ответа. Но также есть и повторяющиеся сюжеты развития населения. О том, как изучение циклов развития населения помогает нам подготовиться к будущему размышляет.

² Billari F. C. (2015). Integrating macro- and micro-level approaches in the explanation of population change // Population Studies, 69(sup1): 11–20.

WHAT WE CAN AND CANNOT LEARN FROM THE HISTORY OF WORLD POPULATION ³

В статье Массимо Ливи-Бачи обсуждается вопрос о возможных изменениях географического распределения населения планеты. История богата примерами таких изменений, вытекавших из различий в демографических циклах населения различных континентов, регионов или стран. Демографический переход оказал мощное воздействие на географическое распределение населения, что связано с различиями во времени начала и скорости протекания демографического перехода в разных частях мира. Например, население Африки, составлявшее всего 9% населения планеты в 1950 году, по прогнозам, в 2050 году составит 25% мирового населения. Принесет ли повсеместное завершение демографического перехода в итоге стабильность географического распределения населения Земли? Скорее всего нет, утверждает автор, опираясь на многочисленные свидетельства цикличности развития демографических систем. Наивно полагать, что в будущем население как демографическая система будет подвержено меньшим внешним воздействиям, и разнообразие режимов и характеристик населения в разных регионах и странах сократится.

POPULATION THEORY — A LONG VIEW ⁴

Статья Филипа Кригера подробно освещает историю формирования теоретических концепций развития населения. Демография, утвердившаяся как самостоятельная научная дисциплина сравнительно поздно, только сейчас проходит фазу активной интеграции в более широкое научное пространство. Концепция демографического перехода, вокруг которой сформировалась классическая демография, определила преимущественно эмпирический характер демографических исследований и отсутствие собственной теоретической базы, на которую бы опирались все разнообразные исследования населения. В современном состоянии демография не может претендовать на комплексное описание законов развития населения, но все усиливающееся сближение ее с биологией позволяет надеяться на появление базовой теории в будущем. Любопытно, что развитие теории населения обращено не только в будущее. Перекрестный обмен накопленным опытом между демографией и биологией обогащает обе дисциплины и способствует формированию общего научного фундамента.

EVOLUTIONARY CONTRIBUTIONS TO THE STUDY OF HUMAN FERTILITY ⁵

Еще один «мостик» между биологией и демографией перекидывает статья Ребекки Сизэр, в которой автор предпринимает попытку обратить внимание демографов на обширный

³ Livi-Bacci M. (2015). What we can and cannot learn from the history of world population // Population Studies, 69(sup1): 21–28.

⁴ Kreager P. (2015). Population theory — A long view // Population Studies, 69(sup1): 29–37.

⁵ Sear R. (2015). Evolutionary contributions to the study of human fertility // Population Studies, 69(sup1): 39–55.

массив работ биологов-эволюционистов, посвященных изучению рождаемости. Сиэр утверждает, что один из ключевых вопросов демографии – почему современный рациональный человек заводит детей несмотря на очевидные сопутствующие издержки – можно осветить только с привлечением эволюционной биологии, поскольку социальные теории не могут дать на него непротиворечивого ответа. В статье приведен обширный систематизированный список работ эволюционистов, которые, по мнению автора, способны значительно обогатить изучение рождаемости демографами. В статье приведены ссылки на 146 научных работ.

BABY BOOMS, BUSTS, AND POPULATION AGEING IN THE DEVELOPED WORLD⁶

Дэвид Реэр демонстрирует в своей статье связь мощности бэби-бума и последующего спада рождаемости в развитых странах с ускоряющимся старением населения. Интенсивность бэби-бума Реэр измеряет с помощью метода, разработанного им ранее в соавторстве с Яном ван Бавелем⁷. Показатель интенсивности бэби-бума рассчитывается на основе общего коэффициента рождаемости (ОКР). Значения ОКР во время бэби-бума сравниваются с минимальным его значением до Второй Мировой войны. Сумма превышений ОКР за все годы бэби-бума над довоенным уровнем и отражает, по мнению авторов, мощность бэби-бума. Среди многочисленных результатов анализа особенно впечатляет иллюстрация положительной связи мощности бэби-бума и прогнозного роста численности пожилого населения (рис. 2).

В завершении статьи Реэр отмечает, что стремительное старение населения, наблюдающееся сегодня в развитых странах, скорее всего, прекратится с уходом поколения бэби-бума. Весьма вероятен даже значительный откат в тех странах, где спад рождаемости после бэби-бума был наиболее значительным.

DEMOGRAPHIC ASPECTS OF CLIMATE CHANGE MITIGATION AND ADAPTATION⁸

Вольфганг Лутц и Эрих Штрессинг привлекают внимание к сравнительно недавнему вкладу демографов в дискуссию об антропогенном изменении климата. Авторы утверждают, что только с учетом численности и структуры населения возможно корректно смоделировать сценарии глобального изменения климата и его последствия. При этом в своих моделях Лутц и Штрессинг учитывают образовательную структуру населения, поскольку есть свидетельства того, что более образованное население быстрее продвигается по пути снижения антропогенного воздействия на климат и адаптации к

⁶ Reher D. S. (2015). Baby booms, busts, and population ageing in the developed world // *Population Studies*, 69(sup1): 57–68.

⁷ Van Bavel J., D. S. Reher (2013). The baby boom and its causes: What we know and what we need to know // *Population and Development Review*, 39(2): 257–288.

⁸ Lutz W., E. Striessnig (2015). Demographic aspects of climate change mitigation and adaptation // *Population Studies*, 69(sup1): 69–76.

последствиям изменения климата. Сколько людей способна «выдержать» Земля зависит не только от численности населения, но и от качественных характеристик и адаптационных способностей населения. В последние годы группа исследователей, в число которой входят и авторы статьи, разработала новый концептуальный подход (Shared Socio-economic Pathways) к моделированию сценариев развития населения в условиях меняющегося климата, в котором учтены изменения характеристик возрастной и образовательной структуры населения. Авторы утверждают, что, в условиях неизбежно грядущего изменения климата, государственное регулирование, направленное на смягчение антропогенного влияния, обязательно должно учитывать возрастные и образовательные характеристики населения.

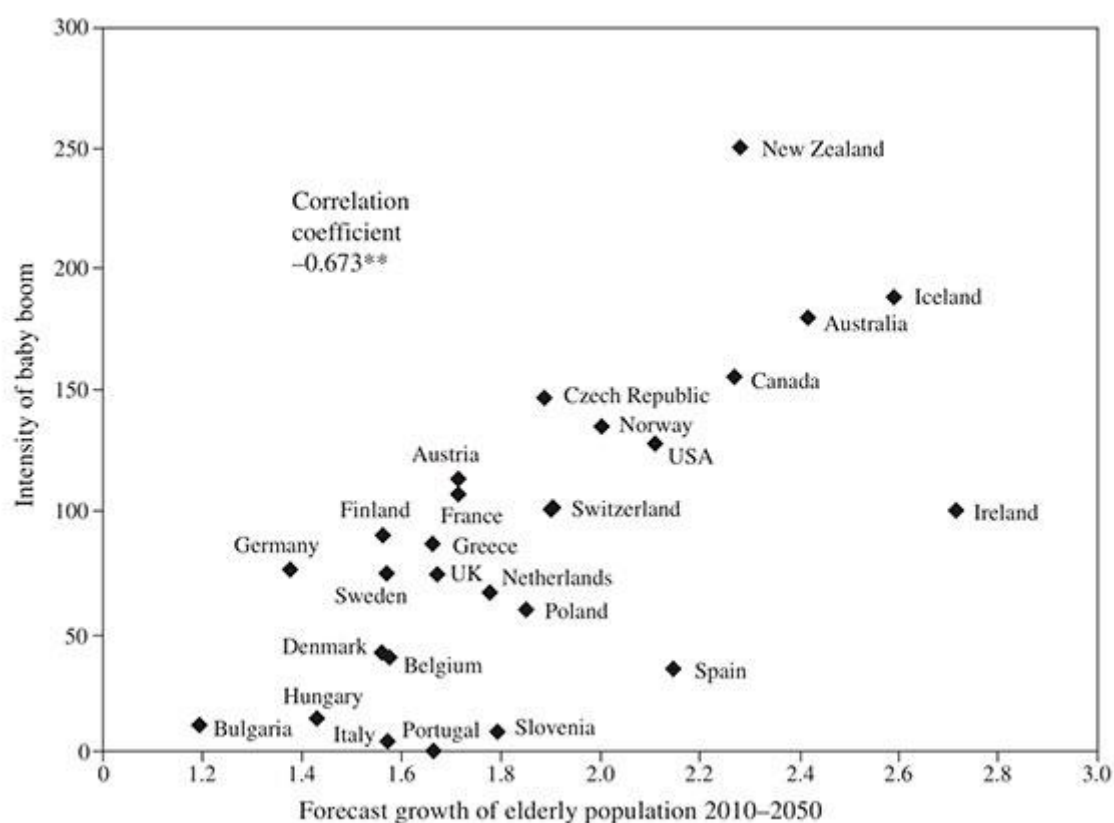

Рисунок 2. Рост численности пожилого населения (65+) за период 2010-2050 и интенсивность бэби-бума в 27 развитых странах.

SUB-REPLACEMENT FERTILITY IN NATIONAL POPULATIONS: CAN IT BE RAISED? ⁹

Пол Демени размышляет о влиянии исследователей на государственное регулирование. Автор утверждает, что есть четыре базовые функции, которые выполняют демографы: сбор данных, анализ, прогноз и разработка рекомендаций по регулированию. Если с первыми

⁹ Demeny P. (2015). Sub-replacement fertility in national populations: Can it be raised? // Population Studies, 69(sup1): 77–85.

двумя проблем, в целом нет, то с прогнозом и прикладными рекомендациями дело обстоит хуже. Дементи обосновывает это утверждение несостоятельностью предлагаемых мер по повышению рождаемости в развитых странах. Он убежден, что необходимо пробовать более радикальные меры вместо доказавших неэффективность программ материальной поддержки. В качестве примера подобных радикальных мер автор предлагает две свои идеи, которые он развивает на протяжении вот уже нескольких десятилетий: 1) дать детям право голоса на выборах, реализуемое их родителями; 2) реформировать пенсионную систему таким образом, чтобы платежи работающих поступали непосредственно их родителям. Таким образом, рожать детей станет политически и экономически привлекательно. Автор с сожалением замечает в конце статьи, что возможно, его предложения оказались слишком радикальными, и до сих пор не привлекли большого количества последователей.

POLITICAL DEMOGRAPHY: POWERFUL TRENDS UNDER-ATTENDED BY DEMOGRAPHIC SCIENCE ¹⁰

Тему взаимодействия науки и власти продолжает Майкл Тайтельбаум. Он обращает внимание на то, что, парадоксальным образом, две научные дисциплины, демография и политология, которые могли бы принести наиболее ценный вклад в принимаемые решения относительно демографического развития, оказались в стороне от реальной политики. Таким образом, формирование представлений о необходимых мерах регулирования и принятие последующих решений оставались в ведении политических активистов, экспертов сомнительной квалификации и журналистов, что зачастую приводило к переоценке несущественных угроз и недооценке реальных проблем. Статья Тайтельбаума призвана сократить разрыв между демографами и людьми, стоящими у руля демографической политики.

FERTILITY IN CHINA: AN UNCERTAIN FUTURE ¹¹

Стюарт Бастен и Куанбао Джанг размышляют о том, чем завершится самый масштабный демографический эксперимент в истории человечества - политика ограничения рождаемости в Китае. Три десятилетия жесткого вмешательства в планирование семьи уже сформировали сильно перекошенную структуру населения. По среднему варианту прогноза ООН (рис. 3), население Китая к концу столетия сократится до 800 млн. человек.

¹⁰ Teitelbaum M. S. (2015). Political demography: Powerful trends under-attended by demographic science // Population Studies, 69(sup1): 87–95.

¹¹ Basten S., Q. Jiang (2015). Fertility in China: An uncertain future // Population Studies, 69(sup1): 97–105.

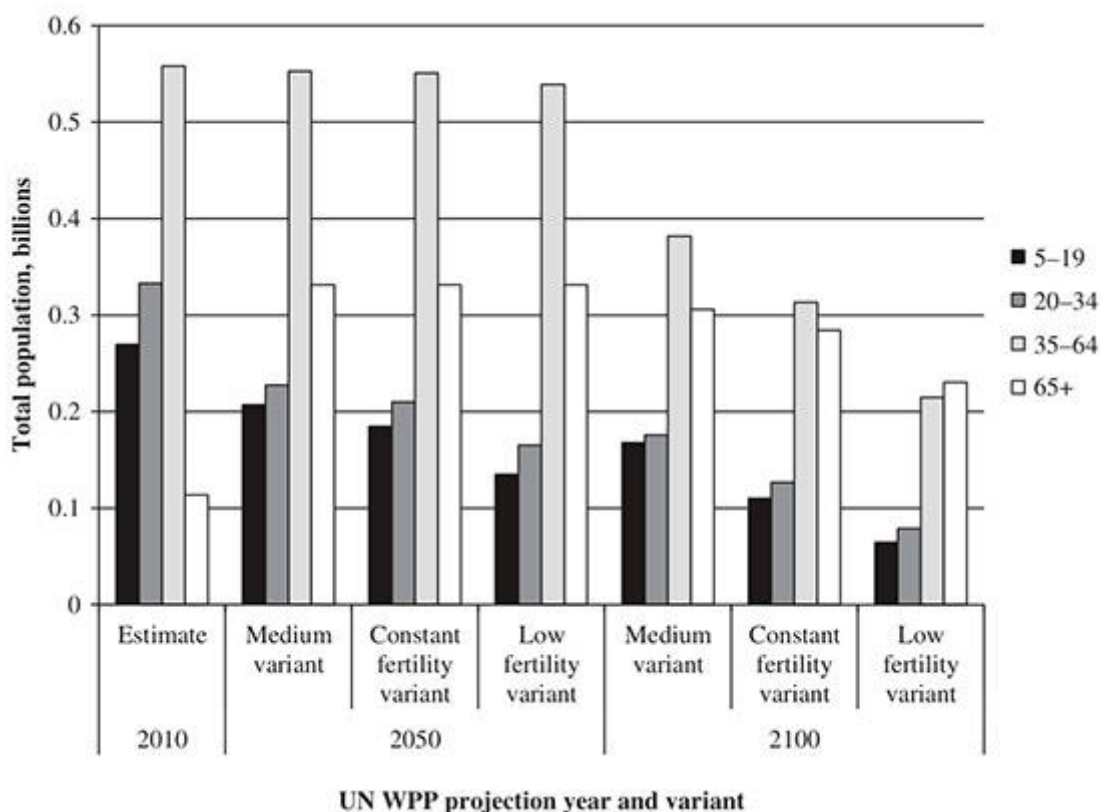

Рисунок 3. Прогнозная численность населения Китая по крупным возрастным группам

Авторы отмечают, что в сложившейся ситуации любое возможное решение в сфере демографического регулирования чревато сложными социальными последствиями. Даже если полностью отменить политику ограничения рождаемости¹², далеко не факт, что семьи немедленно решат рожать больше детей. Возможно, одноплодная норма уже стала частью современной китайской культуры.

THE DEATH OF THE WEST: AN ALTERNATIVE VIEW ¹³

Завершает выпуск статья, в которой Дэвид Коулмэн и Стюарт Бастен предлагают по-новому взглянуть на будущую картину мира, противопоставляя распространенным алармистским мнениям о скором «конце Запада» более взвешенные оценки. Несмотря на то что доля Запада в мировом населении, власти и благосостоянии неизбежно будет сокращаться, в целом, демографические перспективы выглядят вполне приемлемыми и стабильными. Напротив, блестящее будущее, которое часто рисуют развивающимся

¹² 29 октября 2015 года китайское правительство приняло решение позволить всем семьям иметь по двое детей. Предварительное решение еще предстоит утвердить на съезде Коммунистической партии Китая. Источник: China to allow two children for all couples. (2015, October 29). Xinhua. Retrieved from http://news.xinhuanet.com/english/2015-10/29/c_134763645.htm

¹³ Coleman D., S. Basten (2015). The death of the West: An alternative view // Population Studies, 69(sup1):107–118.

странам, отнюдь не обязательно достижимо. Демографический дивиденд, давший могучий импульс экономического роста в развитых странах, совершенно не автоматически сработает в развивающихся странах. Социальные институты могут не поспеть за стремительностью демографического перехода. Среди потенциальных угроз: утечка умов, перенаселение, нехватка ресурсов (в первую очередь, пресной воды), неспособность экономики трудоустроить многочисленную молодежь и, как результат, социальная напряженность. Так что предполагаемое радужное будущее развивающихся стран может оказаться не столь прекрасным. Демографические вызовы, стоящие перед развитыми странами, наоборот, оказываются не столь угрожающими, как казалось десятилетия назад, – многочисленные механизмы адаптации к увеличивающейся продолжительности жизни и старению населения заставляют пересматривать некогда столь мрачные прогнозы о будущем Запада.

HOW MANY MORE MISSING WOMEN? EXCESS FEMALE MORTALITY AND PRENATAL SEX SELECTION, 1970-2050¹⁴

Джон Бонгартс и Кристоф Жильмото опубликовали исследование, вероятно, наиболее шокирующего из всех типов гендерного неравенства – родительского предпочтения в пользу сыновей. Повышенные риски смертности у девочек наблюдались во все времена, что зачастую приводило к перекосам возрастно-половых структур населения, по крайней мере, в молодых репродуктивных возрастах. Но технологические достижения современности вооружили родителей возможностью избирательных аборт, что сильно отразилось на соотношении полов при рождении в некоторых регионах мира. Если на протяжении столетий это соотношение держалось повсеместно на уровне 105-106 мальчиков на 100 девочек, то в последние десятилетия в некоторых странах Азии и Восточной Европы оно превысило 115. Усиление этого гендерного неравенства, по сути, неравенства в праве появиться на свет, привело к проблеме "потерянных женщин" ("missing women"), которая остро ощущается в определенных регионах. Авторы статьи предлагают новый метод оценивания числа "потерянных женщин" с учетом раздельного вклада двух основных факторов: пре-натального (до рождения, селективные аборты) и пост-натального (после рождения, повышенная детская смертность девочек). Иллюстрируют свой метод исследователи с помощью анализа нехватки женщин за последние четыре десятилетия и прогноза на период с 2010 по 2050 годы (рис. 4).

Результаты исследования показывают, что численность "потерянных женщин" в мире неуклонно росла с 1970 года и продолжит расти еще как минимум два десятилетия. Общая численность недостающих женщин, вполне вероятно, достигнет 150 млн, и лишь после этого начнет плавно снижаться. Селективные аборты, ставшие доступными сравнительно недавно, способствовали резкому росту нехватки женщин. Это отчетливо видно при сравнении когорт до и после широкого распространения ультразвукового определения пола будущего ребенка (рис. 5).

¹⁴ Bongaarts J., C.Z. Guilmoto (2015). How many more missing women? Excess female mortality and prenatal sex selection, 1970-2050 // Population and Development Review, 41(2), 241-269.

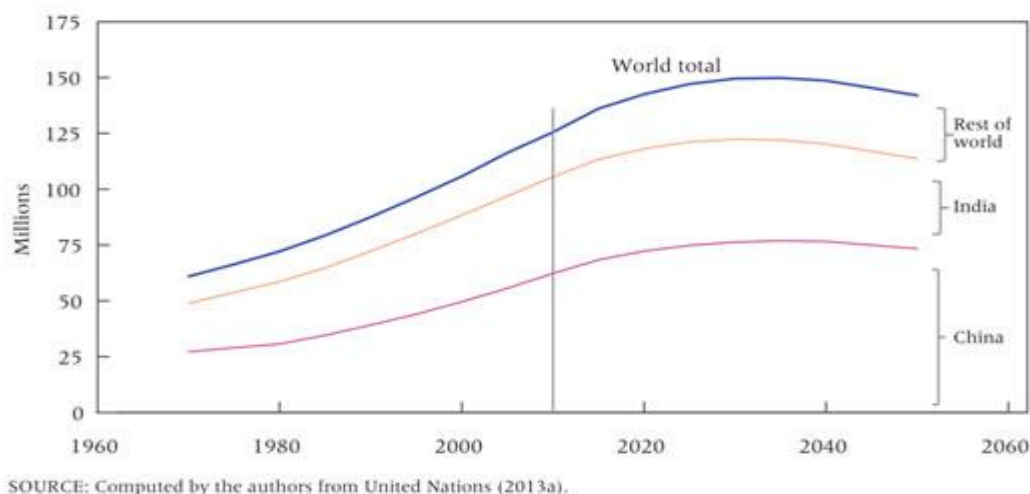

Рисунок 4. Оценочная и прогнозная численность "потерянных женщин", 1970-2050

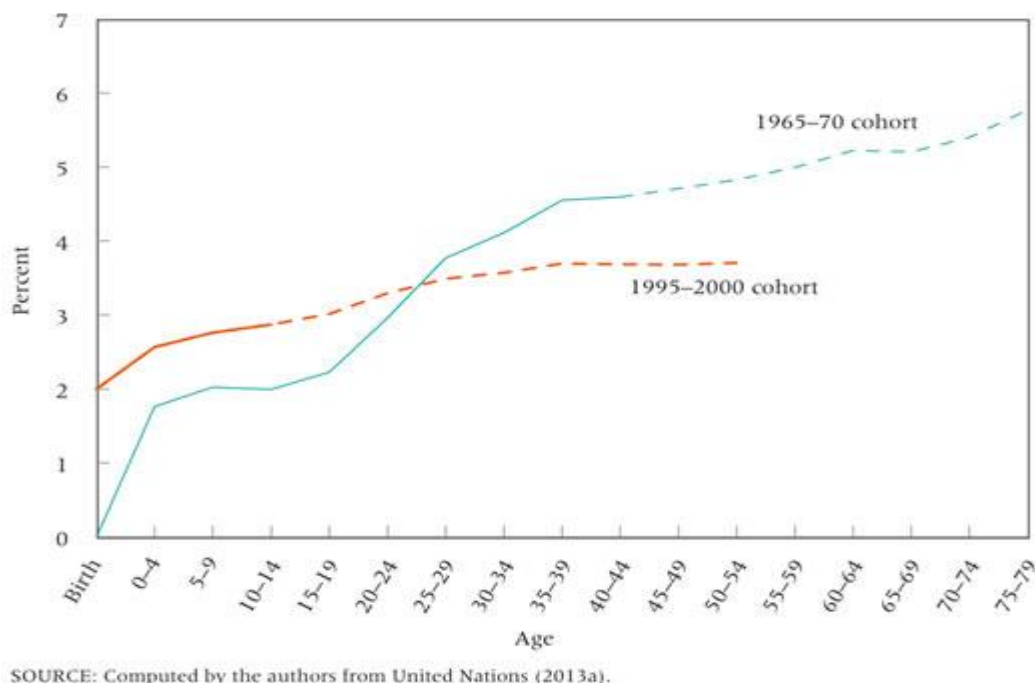

Рисунок 5. Нехватка женщин в процентах в зависимости от возраста для когорт 1965-70 и 1995-2000 годов рождения

Исследователи обращают внимание на то, что проблема селективных абортс давно на слуху, хорошо изучена и понятна людям, принимающим решения. Гораздо важнее привлечь внимание к сохраняющейся проблеме повышенной детской смертности среди девочек.

В обсуждении результатов авторы отмечают, что их оценки сильно зависят от базовых предпосылок, заложенных в прогнозные сценарии ООН. Реальное развитие гендерного баланса может сильно отличаться от представленного прогноза, особенно на уровне конкретных государств. Статья рассматривает проблему обзорно, не вдаваясь в

подробности колоссальных различий внутри стран и между ними. Авторы видят смысл статьи в формировании повестки для будущих демографических исследований.

FORTY YEARS OF IMMIGRANT SEGREGATION IN FRANCE, 1968-2007. HOW DIFFERENT IS THE NEW IMMIGRATION?¹⁵

Жан-Луи Пан Ке Шон и Грегори Вердуго исследуют, как иммиграция во Францию на протяжении 1968-2007 годов изменяла этнический ландшафт страны. Название статьи может показаться избыточно мрачным и ввести потенциального читателя в заблуждение - в действительности, авторы отмечают, что на протяжении сорока лет, изученных ими по закрытым данным переписей населения, уровень этнической сегрегации неуклонно снижался. Вопреки распространённым алармистским заблуждениям, несмотря на усилившийся приток иммиграции и увеличившуюся долю переселенцев не из Европы, общий уровень сегрегации снижается. Нет никаких моноэтнических поселений или гетто, все большее число иммигрантов живет в переписных участках (поскольку авторы используют переписи населения, они оперируют этим понятием) с низкой долей иммигрантов из их стран происхождения. Кроме того, продолжительность проживания во Франции негативно связана с вероятностью проживания в сегрегированном месте, что свидетельствует о сильном адаптационном процессе.

Авторы используют труднодоступные для изучения данные шести переписей населения: 1968, 1975, 1982, 1990, 1999 и 2007 годов. Из каждой переписи они используют для анализа 25%-ную выборку. Сегрегация измеряется индексом разнородности (index of dissimilarity). Авторы с сожалением отмечают, что ограничения данных не позволяют им отдельно изучать второе поколение, детей иммигрантов.

Анализ показывает, что плотность проживания иммигрантов практически из всех стран снижалась на протяжении последних 40 лет (табл. 1).

В результате бурного роста масштабов иммиграции во Францию на протяжении последних десятилетий существенно выросла средняя доля иммигрантов в населении переписного участка. Но при этом роста этнической сегрегации не наблюдалось. То есть, большее число иммигрантов стало распределяться по стране равномернее, свидетельствуя о том, что распространенные представления о поляризованном французском обществе - не более чем миф. У страха глаза велики.

Авторы статьи отмечают, что их результаты не призывают закрыть глаза на наличие этнической сегрегации в стране. Они предлагают более взвешенно смотреть на реальную картину и без сожалений расставаться с устаревшими (или даже никогда не имевшими реальных оснований) предрассудками.

¹⁵ Shon J.-L. P. K., G. Verdugo (2015). Forty years of immigrant segregation in France, 1968-2007. How different is the new immigration? // Urban Studies, 52(5): 823-840.

Таблица 1. Индексы разнородности проживания иммигрантов во Франции: а) по странам исхода; б) по "геокультурной" принадлежности.

Table 1. Indices of dissimilarity (%).

a. By national origin.

Year	Observed indices						Diff. (observed – random indices)					
	1968	1975	1982	1990	1999	2007	1968	1975	1982	1990	1999	2007
Algeria	53	44	41	40	40	40	41	33	31	29	29	31
Morocco	54	47	44	42	43	41	33	29	30	29	30	30
Tunisia	43	41	38	38	40	40	26	24	24	23	24	25
Turkey	52	56	56	55	58	55	25	27	34	35	37	38
Italy	27	25	24	24	27	27	18	14	13	12	12	12
Spain	31	29	26	25	28	28	20	17	13	11	11	10
Portugal	51	37	32	28	30	30	35	26	22	17	18	18

b. By 'geocultural' origin.

Year	Observed indices						Diff. (observed – random indices)					
	1968	1975	1982	1990	1999	2007	1968	1975	1982	1990	1999	2007
Sub. Africa	47	51	46	41	38	37	25	29	31	27	26	28
North Africa	43	38	37	36	38	38	33	29	29	28	30	31
East Asia	60	57	51	44	41	38	20	24	33	30	27	26
Middle East	47	50	45	40	45	42	24	26	28	25	28	28
South Europe	25	24	21	20	22	22	18	16	14	12	13	13
Other European	26	27	27	26	27	27	16	16	16	15	14	16

Source: French censuses.

Note: Reference population = urban units of more than 50,000 inhabitants. The left panel displays the weighted average dissimilarity indexes across urban units. The right panel displays the difference between the observed and a random index weighted average. A break in series occurred in 2007 with the implementation of the redesigned census.

TWO IS BEST? THE PERSISTENCE OF A TWO-CHILD FAMILY IDEAL IN EUROPE¹⁶

Томаш Соботка и Ева Божуа изучили, как изменялись среднестатистические взгляды европейцев на предпочтительный размер семьи на протяжении последних трех десятилетий. В первом приближении, почти никак. Подавляющее большинство европейских семей (55-70%, рис. 6) на протяжении десятилетий озвучивают простой идеал - двое детей. Несмотря на значительные изменения реальных показателей рождаемости, предпочтения остаются практически неизменными.

¹⁶ Sobotka T., É. Beaujouan (2014). Two is best? The persistence of a two-child family ideal in Europe // Population and Development Review, 40(3): 391–419.

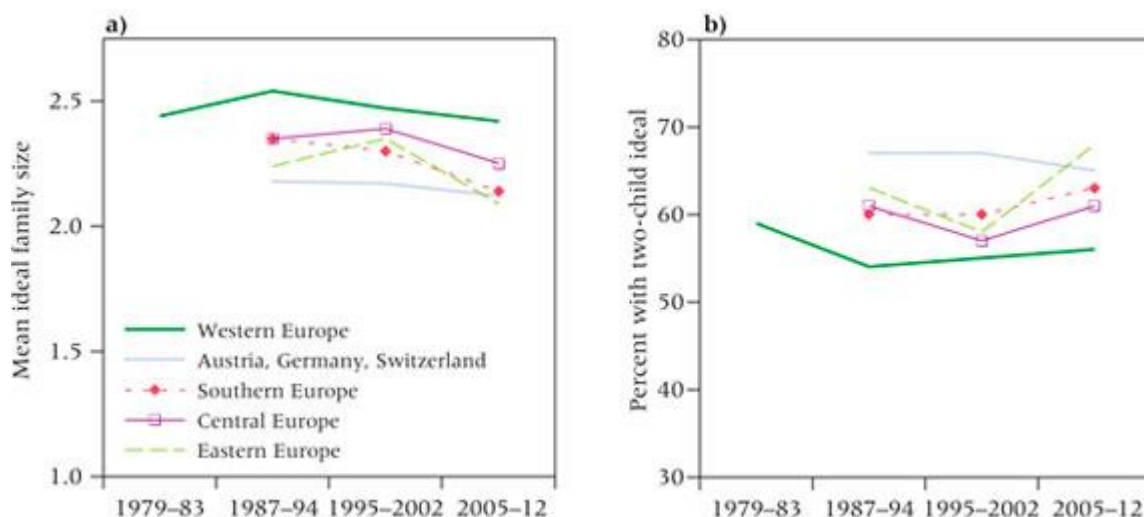

Рисунок 6. Средний идеальный размер семьи (а) и доля респондентов, указавших двоих детей в качестве идеала (b), в Европе; женщины в возрасте 15-49 лет; усредненные значения по всем обследованиям за выбранный временной отрезок.

Примечание: данные на панели (b) скорректированы с учетом пропущенных и нечисловых ответов.

Устойчивость идеала просто поразительна. Авторы исследования собрали воедино все доступные им европейские обследования, включавшие в себя вопросы относительно предпочтительного размера семьи. В общей сложности анализ опирается на данные 168 обследований в 37 странах, проведенные в период с 1979 по 2012 годы. Массив обработанных авторами данных еще больше: некоторые обследования им пришлось исключить из анализа, поскольку доля не ответивших респондентов была чрезмерно высокой. И несмотря на пространственное, временное и даже методологическое разнообразие обследований, результаты очень сходны, а средние значения мало изменяются во времени.

Более пристальное изучение выявляет любопытные тенденции. Наблюдается устойчивая конвергенция предпочтений в сторону еще большего доминирования двухдетной семьи. Иными словами, две соседние панели одно и того же обследования показывают изменение в предпочтениях, зависимое от изначального значения показателя (рис. 7).

Данное наблюдение свидетельствует о том, что двухдетная норма со временем становится все более и более распространенной. Этот вывод противоречит многочисленным ранее опубликованным исследованиям, в которых с некоторой тревогой (и на значительно меньших данных) отмечается смена предпочтения в сторону однодетной семьи или даже бездетности.

Размышляя о полученных результатах, авторы отмечают, что желаемое число детей, которое стабильно держится на уровне чуть выше простого воспроизводства, реализуется в когортной рождаемости значительно ниже уровня простого воспроизводства (1,7 против 2,2 детей на женщину, соответственно). Такова цена многочисленных факторов, препятствующих осуществлению идеальных планов. В завершение статьи, Сobotка и

Божуа приводят некоторые распространенные объяснения, почему же именно двое детей - идеал большинства европейских семей.

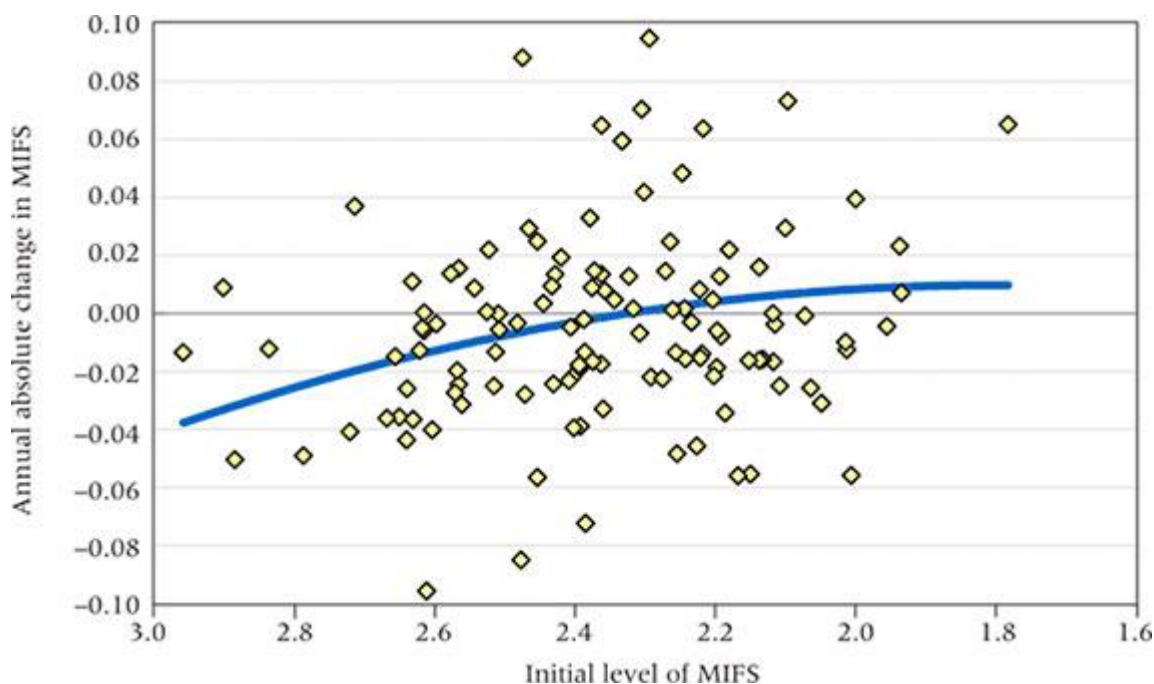

Рисунок 7. Среднегодовое изменения среднего идеального числа детей в семье (MIFS) между двумя соседними панелями обследований в зависимости от изначального значения показателя; 127 пар обследований в Европе; 1979-2011 годы

Примечание: четыре пары обследований с изначальным значением идеального размера семьи более 3.0 были исключены; линия тренда - полином второй степени, рассчитанный в программе MS Excel.

RE-THEORIZING FAMILY DEMOGRAPHICS ¹⁷

Госта Эспинг-Андерсен и Франческо Биллари предлагают пересмотреть представления о взаимосвязи роли семьи, образования и рождаемости. Взглянуть по-новому на будущее рождаемости они предлагают через призму гендерного равенства.

Существующие теории пост-переходного развития рождаемости предсказывают "менее семейное" ("less family") будущее: усиление нестабильности семей (партнерских союзов), снижение брачности и рождаемости. И эти взгляды подтверждались эмпирическими данными на протяжении всей второй половины двадцатого века. Лишь в последние годы эмпирические свидетельства заставили пересмотреть устоявшиеся уже теории. Авторы отмечают три главных момента, которые идут в разрез с базовыми теориями. Во-первых, несмотря на значительное снижение рождаемости, не произошло глобальной корректировки родительских предпочтений в сторону однодетной или бездетной семьи (см. обзор статьи Sobotka, T., & Beaujouan, 2014 в этом выпуске). Во-вторых, буквально в последние года резко изменились многолетние тренды: теперь уровень

¹⁷ Esping-Andersen G., F. C. Billari (2015). Re-theorizing family demographics // Population and Development Review, 41(1): 1–31.

рождаемости положительно взаимосвязан с экономическим развитием, доходом и занятостью женщин. В-третьих, существенные изменения наблюдаются на индивидуальном уровне: вопреки традиционным представлениям и теориям рационального выбора, сегодня более стабильные союзы и высокий уровень рождаемости характерен для людей с более высоким уровнем образования. В статье предлагается новая теоретическая концепция, объясняющая недавние развороты трендов. Предложенная в статье теоретическая конструкция опирается на идею важности гендерного равенства для быстрого и эффективного восстановления рождаемости после закономерного но временного снижения. Таким образом, скорость восстановления рождаемости авторы увязывают со скоростью распространения эгалитарных гендерных норм. В свою очередь, распространение гендерного равноправия моделируется с помощью стандартной эпидемиологической модели диффузии (забавно, что в такой терминологии гендерный эгалитаризм рассматривается как эпидемия).

Эспинг-Андерсен и Биллари иллюстрируют ключевую идею на примере европейских стран, сравнивая взаимосвязь гендерного равенства и прочности союзов в конце 1980-х и конце 2000-х годов (рис. 8). Произошедшее в последние годы изменение зависимости отчетливо видно при данном сравнении.

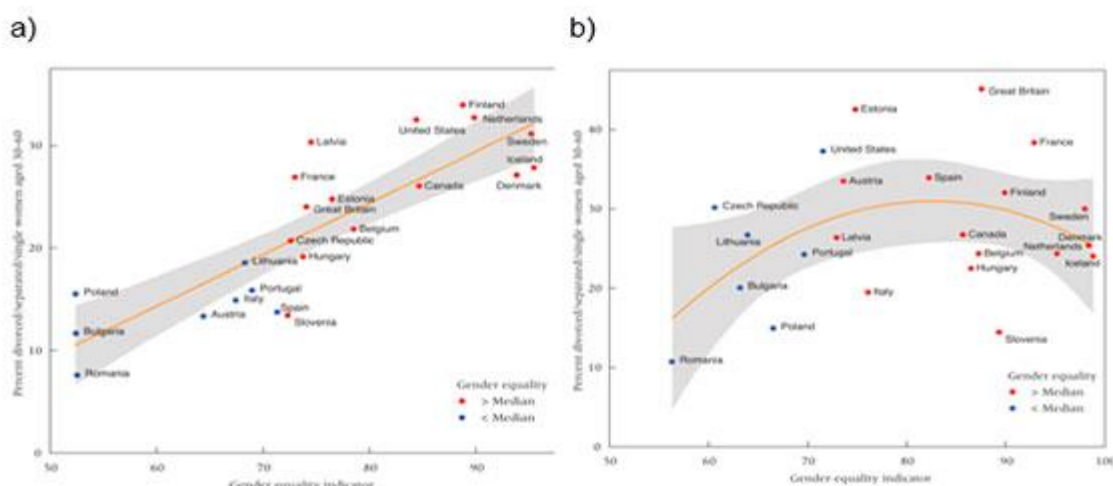

Рисунок 8. Взаимосвязь гендерного эгалитаризма и стабильности партнерских союзов в конце 1980-х (a) и конце 2000-х годов (b)

Основные положения новой теории исследователи формулируют в пяти утверждениях.

1. В отсутствие мощного внешнего воздействия, общество остается в состоянии традиционного равновесия. Вне зависимости от того, был ли исходный импульс экзогенным или эндогенным, рост уровня образования среди женщин запускает процесс трансформации общества, отдаляя его от традиционного.
2. Уход от традиционного общества необратим и развивается независимо от экзогенных факторов, спровоцировавших исходный импульс, до тех пор, пока все население не станет эгалитарным.

3. Менее разнородные и стратифицированные общества склонны к более стремительной и всепроникающей диффузии эгалитаризма, т.е. не возникает закрытых сообществ, не затронутых процессом. И наоборот, чем выше неравенство в обществе (например, этническое), тем медленнее и менее равномерно происходит диффузия.
4. Чем сильнее распространены эгалитарные нормы в обществе, тем выше вероятность совместимости двух конкретных представителей этого общества. Таким образом, в результате гендерного равенства происходит укрепление партнерских союзов и увеличение рождаемости.
5. Окончательное утверждение гендерного эгалитаризма в качестве новой социальной нормы позволит семьям всех социальных страт точнее воплотить свои предпочтения в области планирования семьи. В итоге, по завершении переходного периода, воспроизводство станет Парето-оптимальным.

LOW FERTILITY, SOCIOECONOMIC DEVELOPMENT, AND GENDER EQUITY¹⁸

Томас Андерсон и Ханс-Петер Колер утверждают, что изучения последних десятилетий недостаточно, чтобы объяснить колоссальную вариацию уровней рождаемости среди развитых стран, которые, как принято считать, уже находятся на завершающей стадии социально-экономических преобразований (в частности, демографического перехода). Для того, чтобы объяснить, почему одни страны успешно вернулись почти к уровню простого воспроизводства, а другие как будто застряли в ловушке сверхнизкой рождаемости, необходимо существенно расширить горизонт исследования и рассматривать переходный период комплексно. По мнению авторов, время начала и скорость преобразований определяют итоговый уровень, на котором стабилизируется рождаемость. Страны первой волны демографического перехода (например, Скандинавские страны) испытывали очень плавные, постепенные изменения, поэтому их общества успели адаптироваться к новым условиям, в частности, выработать новые эгалитарные взгляды на гендерные роли. Страны-последователи испытывали гораздо более стремительные преобразования, и их социальные структуры не успели перестроиться. Ключевой параметр отставания догоняющих стран — гендерное равенство. Именно с его развитием и распространением и будет связано, по мнению авторов, неизбежное восстановление рождаемости в странах второй волны демографического перехода.

Отмечая важность гендерного равенства в объяснении динамики рождаемости, авторы предлагают любопытную концепцию *дивиденда гендерного равенства*. Логическая конструкция выглядит следующим образом. Во время демографических преобразований на протяжении нескольких поколений наблюдается суженное воспроизводство. Это означает, что в основных детородных (или, даже важнее, брачных) возрастах молодые поколения

¹⁸ Anderson T., H.-P. Kohler (2015). Low fertility, socioeconomic development, and gender equity // *Population and Development Review*, 41(3): 381–407.

оказываются малочисленнее старших. Учитывая устойчивую разницу в возрасте вступления в брак между мужчинами и женщинами, подобная ситуация приводит к постоянной нехватке молодых женщин (табл. 2). Недостаток женщин, в свою очередь, создает благоприятные условия для развития гендерного равенства. Эгалитаризм во взглядах на гендерные роли, как отмечают многочисленные современные исследования (см. обзор статьи Esping-Andersen, G., & Billari, F. C. 2015 в этом выпуске), сильно способствует восстановлению рождаемости в пост-переходный период.

Таблица 2. Отношение числа мужчин 25-30 лет к числу женщин 20-25 лет и средний возраст вступления в брак в некоторых странах первой волны демографического перехода в 1955 году.

Страна	Мужчины (25-30) / женщины (20-25)	Средний возраст вступления в брак	
		Мужчины	Женщины
Швеция	1,11	26,2	23,2
Франция	1,06	25,3	22,5
США	1,09	23,3	20,6
Бельгия	1,05	24,8	22,0
Норвегия	1,17	25,6	22,2
Великобритания	1,04	24,8	21,8

В странах первой волны демографического перехода было достаточно времени на постепенное выравнивание гендерного дисбаланса, что отразилось на восстановлении рождаемости уже в начале XXI века. Развитые страны последующей волны демографического перехода пока не успели пересмотреть гендерные взаимоотношения, что сдерживает восстановление рождаемости. Однако, по мнению авторов, их путь предопределен логикой демографического развития.

Описанная в статье модель демографического развития на завершающих стадиях демографического перехода видоизменяет классическую схему демографического перехода. Андерсон и Колер предлагают выделять 6 стадий демографического перехода, чтобы корректно отразить колебания рождаемости, сопутствующие росту гендерного равенства (рис. 9).

В завершение статьи авторы отмечают некоторые ограничения их теории. Во-первых, модель не учитывает прочих факторов, способствующих снижению рождаемости помимо гендерного равенства. Предложенная модель описывает развитие общества на очень продолжительном этапе трансформации. Разумеется, в течение демографического перехода в некоторых странах случаются периоды усиленного локального влияния прочих внешних факторов. Так, например, затяжной экономический кризис последнего десятилетия и, как результат, высокий уровень безработицы среди молодежи в странах Южной Европы оказываются крайне негативным фоном для восстановления рождаемости. Во-вторых, модель не способна объяснить феномен бэби-бума 1940-1960-х годов в развитых странах. На протяжении бэби-бума произошел значительный откат в области гендерного равноправия: целые поколения женщин вновь массово приняли традиционные гендерные роли. Наконец, третье проблемное место, отмеченное авторами, — наличие некоторых стран, развитие которых совершенно не укладывается в описанную схему. Наиболее яркие примеры таких стран — Германия и Австрия, которые, несмотря на раннее

начало демографического перехода, не испытали бурного развития прав женщин во время дивиденда гендерного равенства.

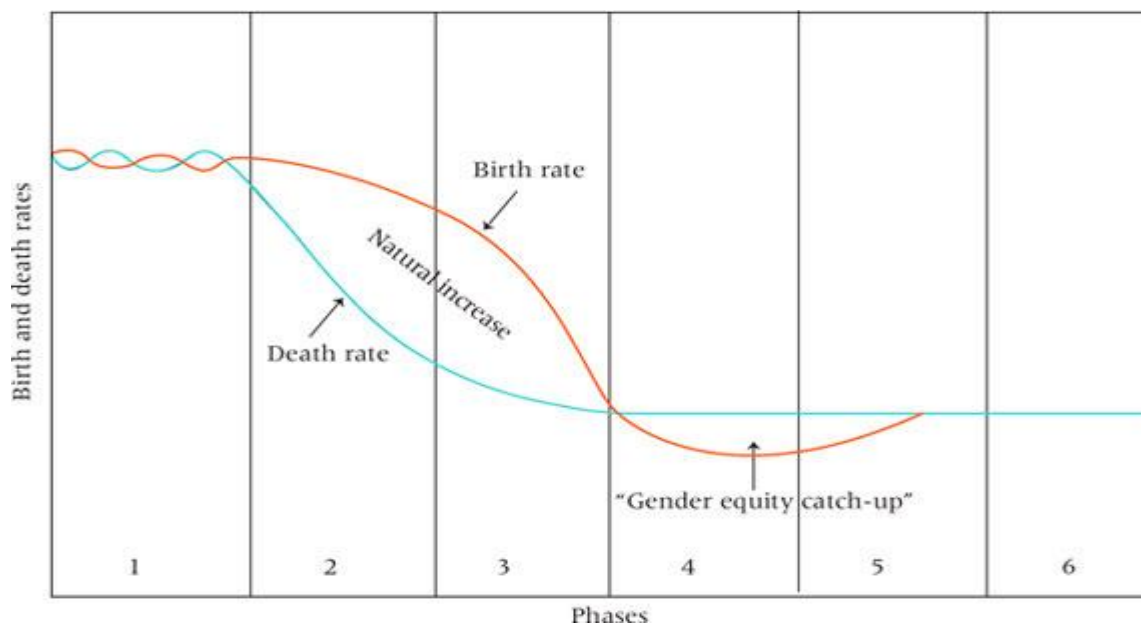

Рисунок 9. Схема демографического перехода, расширенная для отражения догоняющего развития гендерного равенства

INTERNAL DISPLACEMENT AND THE SYRIAN CRISIS: AN ANALYSIS OF TRENDS FROM 2011–2014¹⁹

Внимание мировой общественности приковано, в основном, к проблеме международных беженцев. Существенно меньше обсуждаются вынужденные внутренние миграции населения, страдающего от затяжной гражданской войны. Масштаб бедствия отчетливо предстает в работе Шэннона Дуси и соавторов (рис. 10).

До половины населения некоторых регионов страны были вынуждены покинуть привычные места проживания из-за гражданской войны к концу 2014 года. Всего же с начала вооруженного конфликта в 2011 году к концу 2014 года, по оценкам Проекта Оценки Возможностей (ACAPS), от 6,6 до 7,6 млн сирийцев вынуждены были совершить внутренние миграции. При этом население Сирии до начала войны составляло около 23 млн человек, а к концу 2014 года снизилось до 18 млн; более 4 млн беженцев покинуло территорию страны. Примечательно, что и в абсолютном и в относительном выражении выделяются три крупнейшие городские агломерации: Алеппо, Дамаск и Хомс. Более 60% вынужденно мигрировавших семей были вынуждены впоследствии переселиться еще, как минимум, один раз.

¹⁹ Doocy S., E. Lyles, T. D. Delbiso, C. W. Robinson, The IOCC/GOPA Study Team. (2015). Internal displacement and the Syrian crisis: an analysis of trends from 2011-2014 // Conflict and Health, 9(1): 33.

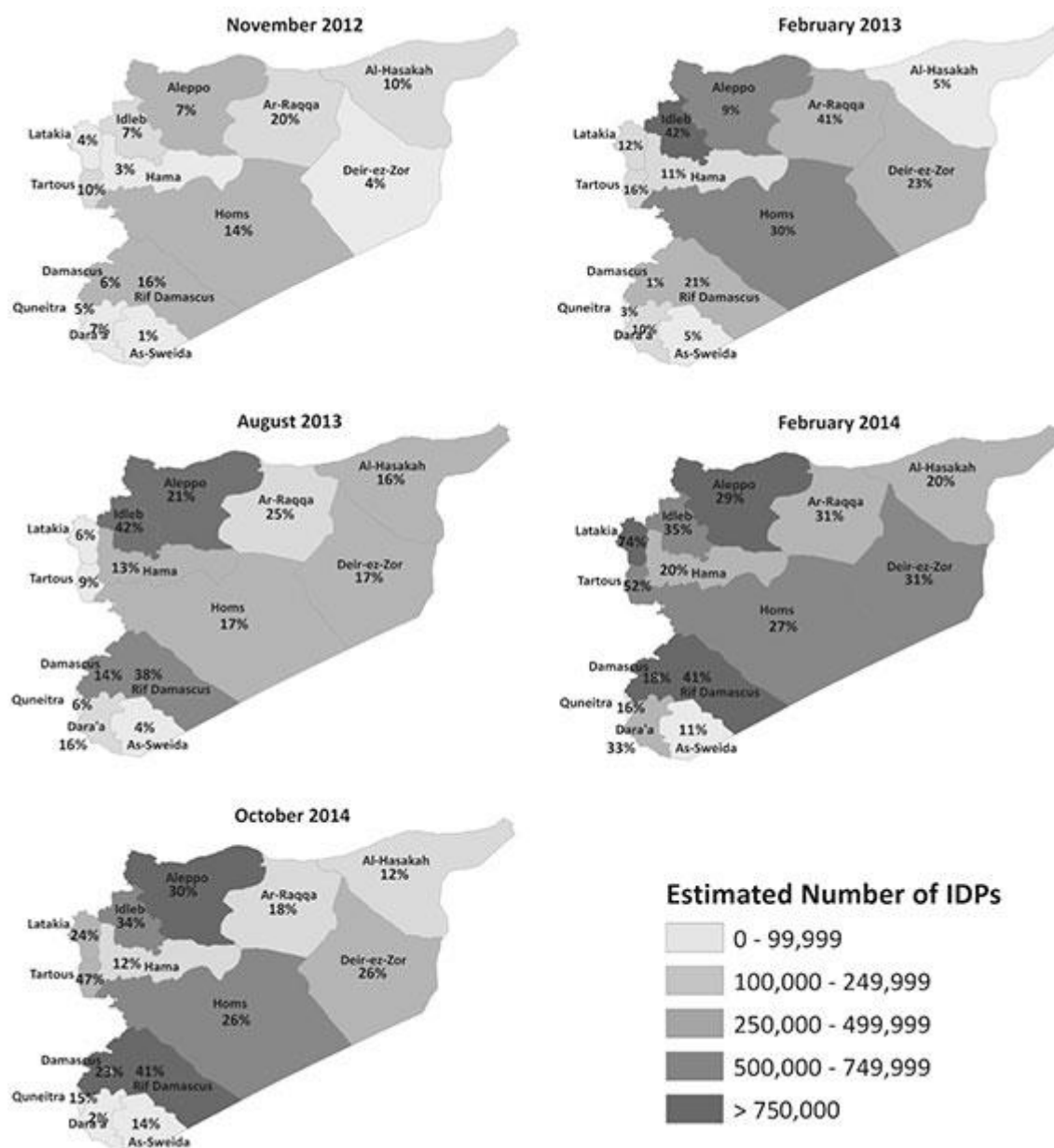

Рисунок 10. Пространственное распределение внутренних вынужденных переселенцев в Сирии на протяжении вооруженного конфликта

Также в статье авторы приводят результаты собственного обследования 3869 сирийских домохозяйств (в 30 домохозяйствах дополнительно проводились глубинные интервью), целью которого было выявить, насколько неудовлетворенными остаются базовые потребности вынужденных внутренних переселенцев в сравнении с неподвижным населением Сирии. Различий между двумя группами домохозяйств в доступе к базовым благам практически нет. Это еще раз показывает, насколько повсеместно распространились тяготы затянувшейся уже более чем на 4 года гражданской войны.

THE IMPACT OF SYRIAN REFUGEES ON THE LABOR MARKET IN NEIGHBORING COUNTRIES: EMPIRICAL EVIDENCE FROM JORDAN ²⁰

Волна сирийских беженцев захлестнула близлежащие страны. И если два миллиона переселенцев – пусть и огромная, но посильная проблема для 75-миллионной Турции, то в 6-миллионной Иордании доля сирийских беженцев уже превысила 10% от общей численности населения, а в 4,5-миллионном Ливане – 20%. Али Факих и Мэй Ибрагим проанализировали влияние сирийских мигрантов на рынок труда в Иордании. Парадоксальным образом, появление новой огромной группы потенциальных работников (табл. 3) никак не отразилось на вероятности трудоустройства местного населения.

Таблица 3. Зарегистрированные сирийские беженцы и оценки активного трудоспособного населения в Иордании

	Местное население	Зарегистрированные беженцы	Плотность беженцев	Активное трудоспособное население	
				Местные	Сирийские беженцы
Амман	2 473 400	164 297	0,067	604 897	41 426
Ирбид	1 137 100	139 716	0,115	292 325	35 690
Зарка	951 800	66 624	0,073	202 843	14 063
Всего (три города)	4 562 300	370 637	–	1 100 065	91 179
Иордания	6 388 000	604 868	0,095	–	–

Авторы статьи предлагают не спешить радоваться подобным выводам. Скорее всего, отсутствие повышенной конкуренции при трудоустройстве вызвано ограниченными возможностями сирийских беженцев. Власти Иордании не торопятся создавать им условия для нормального трудоустройства. Среди прочих потенциальных причин исследователи отмечают следующие: 1) фирмам запрещено принимать на работу беженцев; 2) многие беженцы работают в неформальном секторе; 3) вынужденные переселенцы сконцентрированы в правительственных лагерях и не имеют свободы передвижения; 4) беженцы не обладают навыками, необходимыми для большинства работ. При этом авторы отмечают, что, вне зависимости от сирийско-иорданского контекста, многочисленные предыдущие исследования также не находили сильного давления мигрантов на рынок труда принимающих стран.

EDUCATIONAL ASSESSMENT OF SYRIAN REFUGEES IN TURKEY ²¹

Туба Биркан и Улаш Суната исследовали доступ детей сирийских беженцев в Турции к образованию. По данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (UNHCR), с начала гражданской войны к середине 2015 года в Турцию переселились более 1,8 млн сирийцев (рис. 11).

²⁰ Fakih A., M. Ibrahim (2015). The impact of Syrian refugees on the labor market in neighboring countries: empirical evidence from Jordan // Defence and Peace Economics, 0(0): 1-23.

²¹ Bircan T., U. Sunata (2015). Educational assessment of Syrian refugees in Turkey // Migration Letters, 12(3): 226-237.

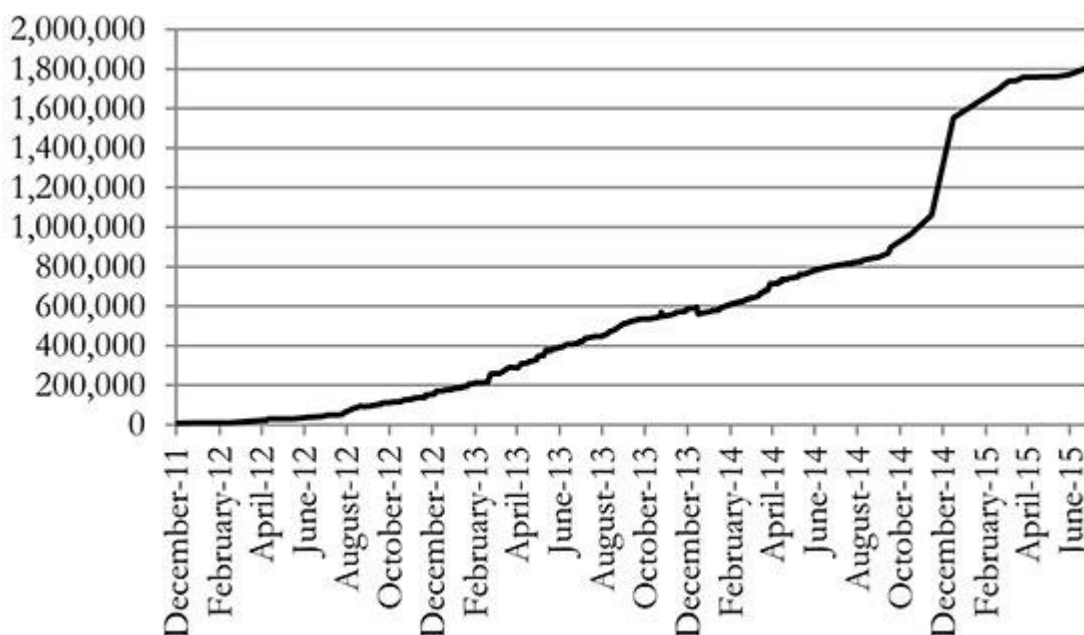

Рисунок 11. Число зарегистрированных сирийских беженцев в Турции

Около половины всех беженцев - несовершеннолетние (до 18 лет). Уже сейчас понятно, что вооруженный конфликт в Сирии приобрел затяжной характер, а значит, турецкий власти не вправе рассчитывать на то, что большинство сирийских беженцев в скором времени покинут страну. Вопрос образования детей беженцев стоит чрезвычайно остро.

В 22 правительственных лагерях, где есть возможность централизованного предоставления образования детям, проживает не более 15% беженцев. Остальные самостоятельно ищут способы заработка и выживания, в основном, в крупнейших городах Турции. По оценкам 2014 года, до 70% детей сирийских беженцев (около 550 тыс. на тот момент) не обучались в школе в Турции. Лишь 76,1 тыс. детей обучались в школах лагерей для беженцев в середине 2015 года. К середине 2016 года, по прогнозу, это число должно увеличиться до 170 тыс. Однако, по мнению авторов, на образование детей беженцев выделяется недостаточное финансирование - не более 4% бюджета лагерей. Если власти Турции и международная общественность не хотят "потерять" целое поколение сирийских детей, ситуация должна быть пересмотрена.

PERCEPTIONS AND NEWSPAPER COVERAGE OF SYRIAN REFUGEES IN TURKEY²²

Филиз Гёктунэ Йайлачи и Мине Каракуш провели системный анализ публикаций и сирийских беженцев в трех ведущих турецких газетах (*Hurriyet*, *Yeni Safak* и *Cumhuriyet*) в 2014 году. Задачей исследователей было выявить различия в тональности публикаций, формирующих общественное мнение и отношение к беженцам. В отличие от

²² Yaylacı F. G., M. Karakuş (2015). Perceptions and newspaper coverage of Syrian refugees in Turkey // *Migration Letters*, 12(3): 238–250.

предшественников, авторы статьи проследили яркую зависимость между тональностью высказываний о мигрантах в прессе и политической направленностью изданий: газеты освещают события исключительно в свете интересов аффилированных с ними политических сил.

Всего было отобрано более 4000 публикаций по ключевым словам; далее проводился контекстный анализ содержания статей. Авторы отдельно анализировали новостные заметки и развернутые статьи. Также отдельный анализ проводился для новостей о трех основных группах беженцев: сирийцах, езидах и курдах (рис. 12).

Yeni Safak, проправительственная газета, крайне неохотно освещала проблемы беженцев-езидов, в чем авторы статьи усматривают целенаправленную дискриминацию данной неисламской группы беженцев. В противовес ей *Hurriyet* и *Cumhuriyet* подробно освещали злодеяния боевиков «Исламского государства» (организация признана террористической и запрещена в РФ) в отношении езидов. Кроме того, эти две оппозиционные газеты активно критиковали власти за дискриминацию беженцев-езидов.

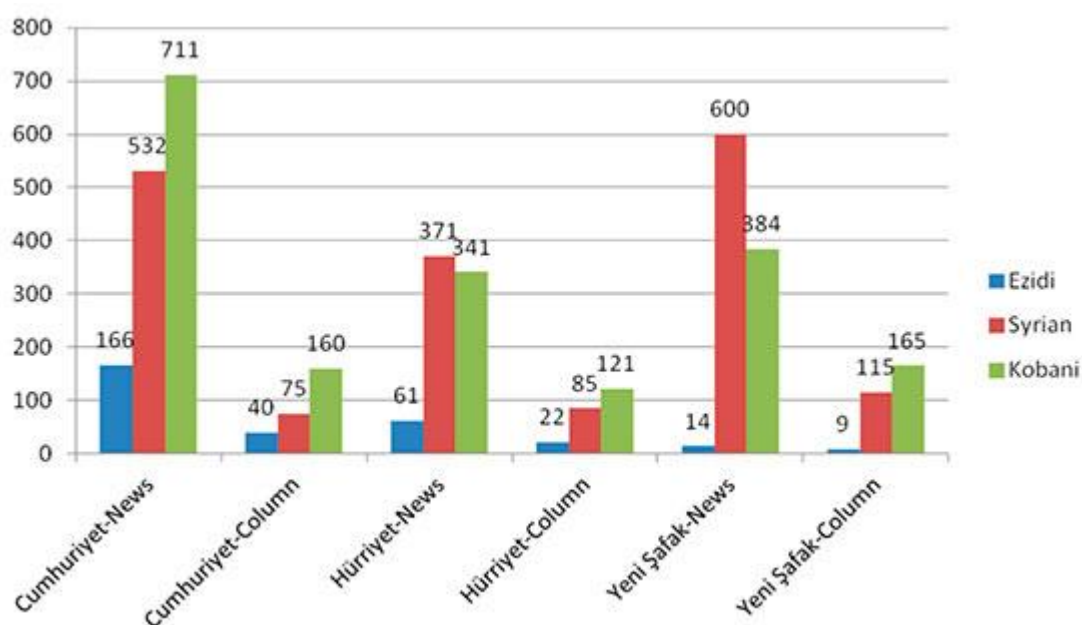

Рисунок 12. Количество новостных заметок и статей о беженцах из Сирии в трех крупнейших турецких газетах в 2014 году.

Основное же внимание проправительственной *Yeni Safak* уделяется сирийским беженцам. При этом активно подчеркивается щедрость Турции (правлящего режима) в отношении сирийских беженцев. *Cumhuriyet*, наоборот, активно критикует правительство за предоставление всех возможностей сирийцам и игнорирование интересов прочих групп беженцев. *Hurriyet* занимает по данной теме взвешенную позицию, примерно в равной степени освещая и правительственную и оппозиционную точки зрения, но при этом не забывая активно критиковать действия США.

Существенное внимание беженцам-курдам объясняется исключительно тесной связью темы с вопросами внутренней политики. Все три газеты упоминают о беженцах-

курдах исключительно в контексте национальных интересов. *Yeni Safak* и *Cumhuriyet* выражают диаметрально противоположные взгляды на связь курдских беженцев с внутренним курдским вопросом, *Hurriyet* вновь занимает выжидательно-взвешенную позицию, предоставляя косвенно чуть больше простора для развития своих взглядов проправительственным источникам.

Авторы заключают, что критическое сравнение подачи информации тремя крупнейшими изданиями позволяет составить чуть более объемную картину происходящего.

DEMOGRAPHIC DIGEST

DIGEST IS COMPOSED BY ILYA KASHNITSKY

E-MAIL: ikashnitsky@hse.ru

- Coleman D., S. Basten, F. C. Billari. Population — The long view
- Billari F. C. Integrating macro- and micro-level approaches in the explanation of population change
- Livi-Bacci M. What we can and cannot learn from the history of World population
- Kreager P. Population theory — A long view
- Sear R. Evolutionary contributions to the study of human fertility
- Reher D. S. Baby booms, busts, and population ageing in the developed world
- Van Bavel J., D. S. Reher. The baby boom and its causes: what we know and what we need to know
- Lutz W., E. Striessnig. Demographic aspects of climate change mitigation and adaptation
- Demeny P. Sub-replacement fertility in national populations: Can it be raised?
- Teitelbaum M. S. Political Demography: Powerful trends under-attended by demographic science
- Basten S., Q. Jiang. Fertility in China: an uncertain future
- Coleman D., S. Basten. The death of the West: An alternative view
- Bongaarts J., C.Z. Guilmoto. How many more missing women? Excess female mortality and prenatal sex selection, 1970-2050
- Shon J.-L. P. K., G. Verdugo. Forty years of immigrant segregation in France, 1968-2007. How different is the new immigration?
- Sobotka T., É. Beaujouan. Two is best? The persistence of a two-child family ideal in Europe
- Esping-Andersen G., F. C. Billari. · Re-theorizing family demographics
- Anderson T., H.-P. Kohler. Low fertility, socioeconomic development, and gender
- Doocy S., E. Lyles, T. D. Delbiso, C. W. Robinson, The IOCC/GOPA Study Team. Internal displacement and the Syrian crisis: An analysis of trends from 2011–2014
- Fakihi A., M. Ibrahim. The impact of Syrian refugees on the labor market in neighboring countries: Empirical evidence from Jordan
- Bircan T., U. Sunata. Educational assessment of Syrian refugees in Turkey
- Yaylacı F. G., M. Karakuş. Perceptions and newspaper coverage of Syrian refugees in Turkey